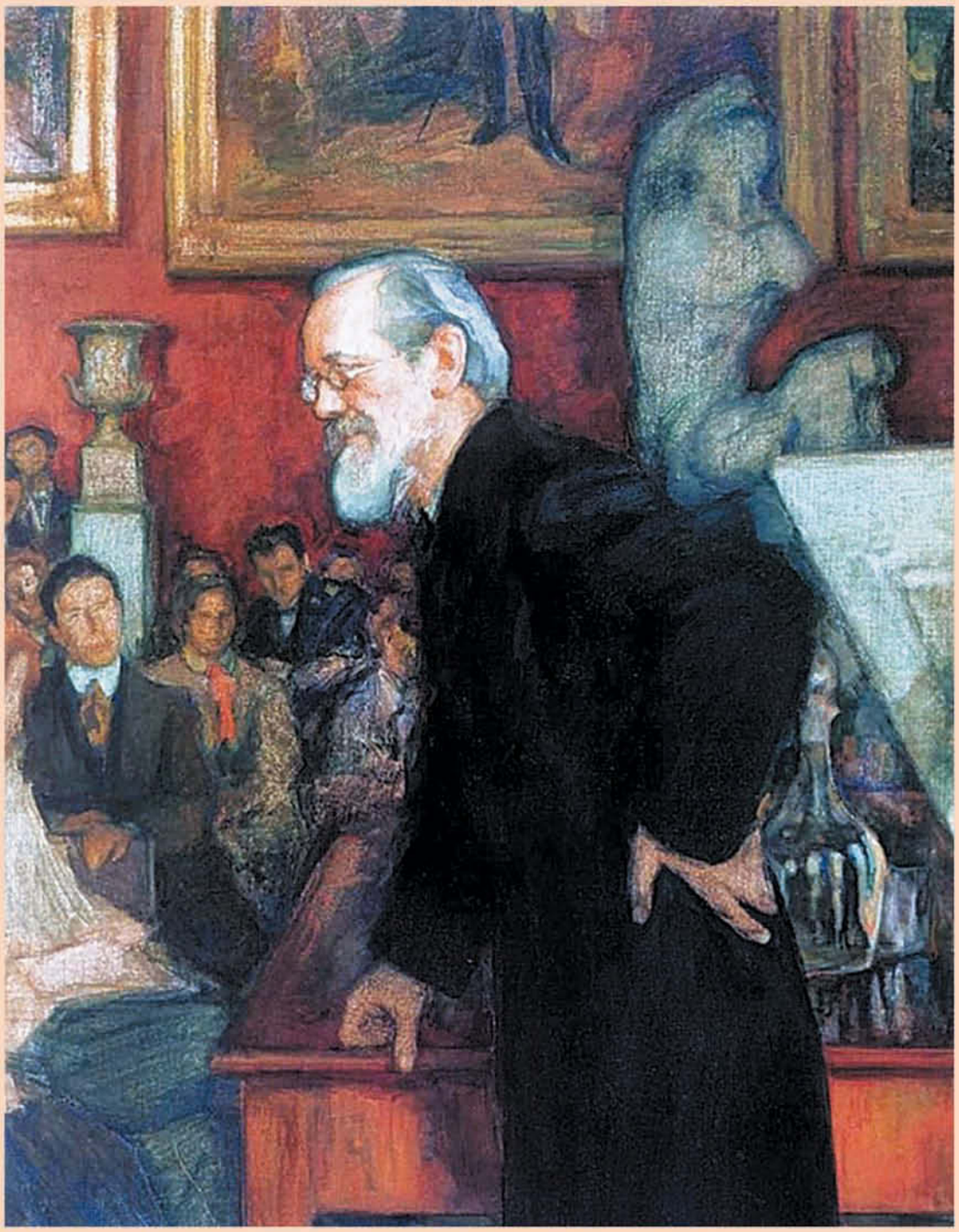
В.О. Ключевский

Русская история



В.О. Ключевский

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2013

ББК 63.3(2) (Рос-Рус)
К 52

Ключевский В. О.
К 52 Русская история. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. — 448 с.: ил.
ISBN 978-5-373-04801-9

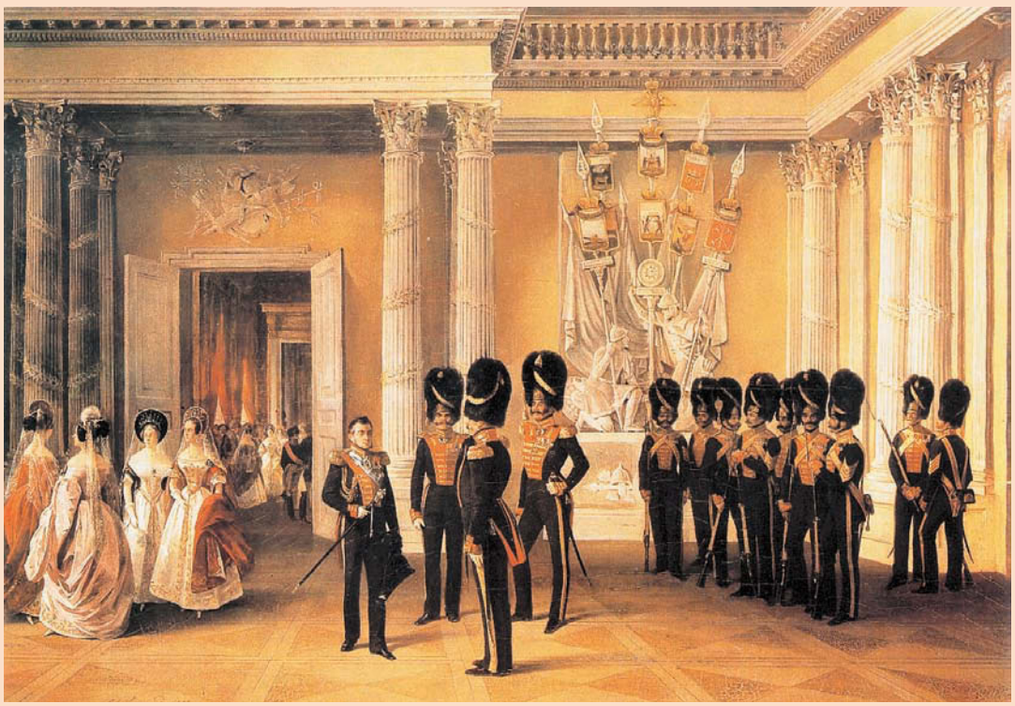
Предлагаемое читателю издание подготовлено на основе курса лекций выдающегося русского историка В. О. Ключевского (1841–1911). Исследование ученого охватывает обширный период отечественной истории — от языческих времен до периода Великих реформ, проведенных в царствование Александра II (вторая половина XIX в.).

Издание богато иллюстрировано, что поможет читателю нагляднее и ярче представить себе описываемые события, и рассчитано на всех, кому не безразлична история нашей страны.

ББК 63.3(2) (Рос-Рус)

ISBN 978-5-373-04801-9

© ОЛМА Медиа Групп, 2013



Гербовый зал Зимнего дворца. 1838. Художник А. И. Ладюрнер

Научная задача изучения местной истории. Понятен практический интерес, побуждающий нас изучать историю России особо, выделяя ее из состава всеобщей истории: ведь это история нашего Отечества. Но этот воспитательный, т. е. практический, интерес не исключает научного, напротив, должен только придавать ему более дидактической силы. Итак, начиная особый курс русской истории, можно поставить такой общий вопрос: какую научную цель может иметь специальное изучение истории одной какой-либо страны, какого-либо отдельного народа? Эта цель должна быть выведена из общих задач исторического изучения, т. е. из задач изучения общей истории человечества.

Два предмета исторического изучения. Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приемы и характер, однако, отлагается нечто более твердое и устойчивое: это — известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств,

Государственный Исторический музей в Москве.
Архитектор В. Шервуд. 1875–1883 гг.

нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим.

Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках. Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, — словом, выработка человека и человеческого общежития — таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его *культурой,* или цивилизацией; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, *истории культуры,* или цивилизации.

Другой предмет исторического наблюдения — это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, с помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов — словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием *исторической социологии*.

Заключение. При сравнительной простоте строя наше общество строилось по-своему под действием местного подбора и соотношения условий народной жизни. Рассматривая эти условия в самую раннюю пору сравнительно с действовавшими в Западной Европе, найдем и первоначальный источник обеих особенностей нашей истории, так облегчающих изучение ее общественных явлений. С первобытным культурным запасом, принадлежавшим всем арийским племенам и едва ли значительно умноженным в эпоху переселения народов,

Вестготская фибула

Украшения готов. V–VI вв.

восточные славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем не похожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи, германские племена, начавшие новую историю Западной Европы. Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизованных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротив, увидели себя на бесконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на новоселье, среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечем было позаимствоваться и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а только одни бесчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия. Этими первичными условиями жизни русских славян определилась и сравнительная медленность их развития, и сравнительная простота их общественного состава, а равно и значительная своеобразность и этого развития, и этого состава.

Практическая цель изучения общественной истории. Из общей задачи исторического изучения мы вывели научную цель изучения местной истории, а эта цель дала нам основание для плана курса, указала порядок и приемы изучения русской истории. В связи с той же задачей решается еще один вопрос: сверх чисто научного какой еще практический результат можно получить от изучения местной

Древние славяне.
Художник С. В. Иванов. 1909 г.

Памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.
Скульптор М. О. Микешин. 1859–1862 гг.

истории? Этот вопрос тем важнее, что местная история, изучение которой мы предпринимаем, есть история нашего Отечества. Научные наблюдения и выводы, какие мы сделаем при этой работе, должны ли остаться в области чистого знания, или они могут выйти из нее и оказать влияние на наши стремления и поступки? Может ли научная история отечества иметь свою прикладную часть для детей его? Я думаю, что может и должна иметь, потому что цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками...

Государство и народность — главные предметы курса. Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в первом ряду среди других европейских народов. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением. Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать: их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений.

Летописное дело в Древней Руси. Летописание было любимым занятием наших древних книжников. Начав послушным подражанием внешним приемам византийской хронографии, они скоро усвоили ее дух и понятия, с течением времени выработали некоторые особенности летописного изложения, свой стиль, твердое и цельное историческое миросозерцание с однообразной оценкой исторических событий и иногда достигали замечательного искусства в своем деле.

Путем переписывания, сокращений, дополнений и вставок накопилось труднообозримое количество списков, доселе еще не вполне приведенных в известность и содержащих в себе летописи в разных составах и редакциях, с разнообразными вариантами в тексте родственных по составу летописей.

Страница Лаврентьевской летописи. 1377 г.

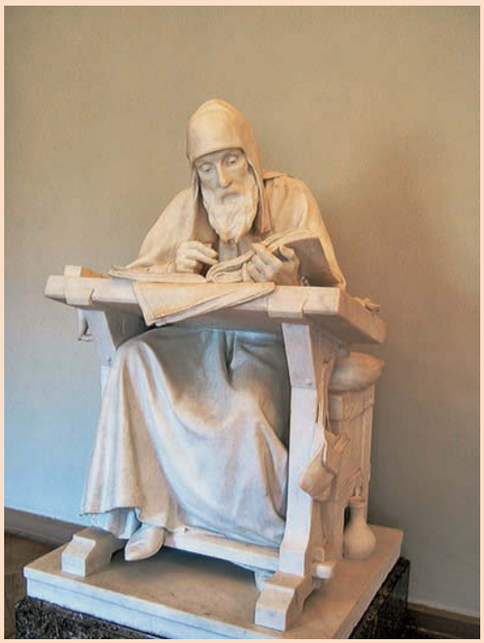
Первичные записи, веденные в разных местах нашего Отечества, почти все погибли, но уцелели составленные из них летописные своды. Эти своды составлялись также в разные времена и в разных местах.

Древнейшие списки начальной летописи. В таком же составном, сводном изложении дошло до нас и древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII в. по 1110 г. включительно. Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть *Летописью Нестора*, а теперь чаще называют *Начальной летописью*.

Если хотите читать Начальную летопись в наиболее древнем ее составе, возьмите Лаврентьевский или Ипатьевский ее список.

Рассказ с половины IX столетия до 1110 г. включительно по этим двум спискам и есть древнейший вид, в каком дошла до нас Начальная летопись. Прежде, до половины прошлого столетия, критика этого капитального памятника исходила из предположения, что весь он — цельное произведение одного писателя, и потому сосредоточивала свое внимание на личности летописца и на восстановлении подлинного текста его труда. Но всматриваясь в памятник ближе, заметили, что он не есть подлинная древняя киевская летопись, а представляет такой же л етописный свод, каковы и другие позднейшие, а древняя киевская летопись есть только одна из составных частей этого свода.

Следы древнего летописца. До половины XI в. в Начальной летописи не встречаем следов этого древнего киевского летописца; но во второй половине века он несколько раз выдает себя. Так, под 1065 годом, рассказывая о ребенке-уроде, вытащенном рыбаками из речки Сетомли близ Киева, летописец говорит: «...его же позоровахом до вечера». Был ли он тогда уже иноком Печерского монастыря или бегал мальчиком смотреть на диковину, сказать трудно. Но в конце XI в. он жил в Печерском монастыре: рассказывая под 1096 годом о набеге половцев на Печерский монастырь, он говорит: «...и придоша на монастырь Печерский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени». Далее узнаем, что летописец был еще жив в 1106 г.: в этом году, пишет он, скончался старец добрый Ян, живший 90 лет, в старости маститой, жил он по закону Божию, не хуже был первых праведников, «от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем».



Нестор-летописец.
Скульптор М. М. Антокольский. 1890 г.

Икона Феодосий Печерский с житием

Кто он был? Уже в начале XIII столетия существовало предание в Киево-Печерском монастыре, что это был инок того же монастыря Нестор. Об этом Несторе, «иже написа летописец», упоминает в своем послании к архимандриту Акиндину (1224–1231) монах того же монастыря Поликарп, писавший в начале XIII столетия. Историограф Татищев откуда-то знал, что Нестор родился на Белоозере.

Нестор известен в нашей древней письменности как автор двух повествований: жития преподобного Феодосия и сказания о святых князьях Борисе и Глебе. Сличая эти памятники с соответствующими местами известной нам Начальной летописи, нашли непримиримые противоречия. Например, в летописи есть сказание об основании Печерского монастыря, где повествователь говорит о себе, что его принял в монастырь сам преподобный, а в житии Феодосия биограф замечает, что он, «грешный Нестор», был принят в монастырь уже преемником Феодосия, игуменом Стефаном.

Эти противоречия между летописью и названными памятниками объясняются тем, что читаемые в летописи сказания о Борисе и Глебе, о Печерском монастыре и преподобном Феодосии не принадлежат летописцу, вставлены в летопись составителем свода и писаны другими авторами: первое монахом XI в. Иаковом, а два последние, помещенные в летописи под 1051 и 1074 гг., вместе с третьим рассказом под 1091 г. о перенесении мощей преподобного Феодосия представляют разорванные части одной цельной повести, написанной постриженником и учеником Феодосиевым, который, как очевидец, знал о Феодосии и о монастыре его времени больше Нестора, писавшего по рассказам старших братий обители. Однако эти разноречия подали повод некоторым ученым сомневаться в принадлежности Начальной летописи Нестору, тем более что за рассказом о событиях 1110 г. в Лаврентьевском списке следует такая неожиданная приписка: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книгы си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624».

Разбирая состав Начальной летописи, мы, кажется, можем угадать отношение к ней этого Сильвестра. Эта летопись есть сборник очень разнообразного исторического материала, нечто вроде исторической хрестоматии. В ней соединены и отдельные

краткие погодные записи, и пространные рассказы об отдельных событиях, писанные разными авторами, и дипломатические документы, например договоры Руси с греками X в. или послание Мономаха к Олегу черниговскому 1098 г., спутанное с его же *Поучением* к детям (под 1096 г.), и даже произведения духовных пастырей, например поучение Феодосия Печерского. В основание свода легли как главные его составные части три особые цельные повествования. I. *Повесть временных лет*. II. *Сказание о Крещении Руси при Владимире*. III. *Киево-Печерская летопись*.

Первый период русской истории. Около половины XI в. территория, на которой сосредоточивалась главная масса русского населения, тянулась длинной и довольно узкой полосой по среднему и верхнему Днепру с его притоками и далее на север через водораздел до устьев Волхова. Эта территория политически раздроблена на области, «волости», в каждой из которых политическим средоточением служил большой торговый город, первый устроитель и руководитель политического быта своей области. Эти города мы будем называть *волостными,* а руководимые ими области *городовыми*.

Два взгляда на ее начало. В нашей исторической литературе преобладают два различных взгляда на начало нашей истории. Один из них изложен в критическом исследовании о древнерусских летописях, составленном членом русской Академии наук XVIII в., знаменитым ученым немцем Шлецером на немецком языке и изданном в начале прошлого века. Вот основные черты Шлецерова взгляда, которого держались Карамзин, Погодин, Соловьев. До половины IX в.,

Август Людвиг Шлецер

Николай Михайлович Карамзин

И. Е. Забелин.
Художник В. А. Серов. 1892 г.

т. е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины, от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево, все было дико и пусто, покрыто мраком: жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса. В эту обширную пустыню, заселенную бедными, разбросанно жившими дикарями, славянами и финнами, начатки гражданственности впервые были занесены пришельцами из Скандинавии — варягами около половины IX в. Известная картина нравов восточных славян, как ее нарисовал составитель Повести о начале Русской земли, по-видимому, оправдывала этот взгляд. Здесь читаем, что восточные славяне до принятия христианства жили «звериным образом, скотски», в лесах, как все звери, убивали друг друга, ели все нечистое, жили уединенными, разбросанными и враждебными один другому родами: «...живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Итак, нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из первобытного дикого состояния.

Другой взгляд на начало нашей истории прямо противоположен первому. Он начал распространяться в нашей литературе несколько позднее первого, писателями XIX в. Наиболее полное выражение его можно найти в сочинениях профессора Московского университета Беляева и г. Забелина, в I томе его «Истории русской жизни с древнейших времен». Вот основные черты их взгляда. Восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах русской равнины, поселились, может быть, еще за несколько веков до Р. Х. Обозначив так свою исходную точку, ученые этого направления изображают долгий и сложный исторический процесс, которым из первобытных мелких родовых союзов вырастали у восточных славян целые племена, среди племен возникали города, из среды этих городов поднимались главные, или старшие, города, составлявшие с младшими городами или пригородами племенные политические союзы полян, древлян, северян и других племен,

Римляне разоряют селения даков.
Барельеф с колонны Траяна в Риме. 113 г.

и, наконец, главные города разных племен приблизительно около эпохи призвания князей начали соединяться в один общерусский союз. При схематической ясности и последовательности эта теория несколько затрудняет изучающего тем, что такой сложный исторический процесс развивается ею вне времени и исторических условий: не видно, к какому хронологическому пункту можно было бы приурочить начало и дальнейшие моменты этого процесса и как, в какой исторической обстановке он развивался. Следуя этому взгляду, мы должны начинать нашу историю задолго до Р. Х., едва ли не со времен Геродота, во всяком случае, за много веков до призвания князей, ибо уже до их прихода у восточных славян успел установиться довольно сложный и выработанный общественный строй, отлившийся в твердые политические формы.

Скульптурный портрет императора Траяна. Нач. II в. н. э.

Расселение славян с Дуная. Начальная летопись не помнит времени прихода славян из Азии в Европу. В ученом этнографическом очерке, поставленном во главе Повести временных лет, она застает славян уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую она называет землею Венгерской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны. Оттуда же вышли и те славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу. Летопись рассказывает, что когда *волхи* напали на славян дунайских, сели среди них и начали их угнетать, одни славяне ушли и сели по Висле, прозвавшись ляхами, другие пришли на Днепр и прозвались полянами, а поселившиеся в лесах — древлянами и т. д. Волхи, или волохи — это, по мнению исследователей, римляне. Речь идет о разрушении императором Траяном царства даков, которым его предшественник Домициан принужден был платить дань. Это указание на присутствие славян в составе Дакийского царства и о передвижении части их с Дуная на северо-восток от римского нашествия в начале II в. по Р. Х. — одно из самых ранних исторических воспоминаний славянства и отмечено, если не ошибаюсь, только нашей летописью; трудно лишь догадаться, из какого источника оно заимствовано. Но его нельзя принять за начало нашей истории: оно касалось не одних восточных славян и притом говорит о разброде славянства, а не о сформировании среди него какого-либо союза.

Расселение по Русской равнине. Отсюда, с этих склонов (Карпаты. — *Ред.*) восточные славяне постепенно расселялись по равнине. Это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории. И этот факт

оставил некоторые следы в нашей Повести, также значительно проясняющиеся при сопоставлении их с иноземными известиями.

О судьбе восточных славян в этот длинный промежуток VII–IX вв. находим у византийцев мало надежных известий. Прекращение славянских набегов на империю было следствием отлива славян с Карпат, начавшегося или усилившегося со второй четверти VII в. Этот отлив совпадает по времени с аварским нашествием на восточных славян, в котором можно видеть его причину.

Обособление славян восточных. Изучая начало нашей истории, мы сейчас видели, как выделялись славяне из этнографической массы с неопределенными племенными обликами, некогда населявшей восточную припонтийскую Европу. В VII в., когда уже было известно собственное родовое имя славян, мы замечаем признаки их внутреннего видового разделения, местного и племенного. Трудно обозначить с точностью время, к которому можно было бы приурочить обособление их западной и восточной ветви; но до VII в. видим, что их судьбы складываются в тесной взаимной связи, в зависимости от одинаковых или сходных обстоятельств и влияний. С этого века, когда в жизни восточных славян обозначились явления, которые можно признать начальными фактами нашей истории, эти славяне, расселяясь с Карпат, вступают под действие особых местных условий, сопровождающих и направляющих их жизнь на протяжении многих дальнейших столетий. Наблюдая, как они устроялись на новых местах жительства, мы будем следить за происхождением и действием этих новых условий.

Следы родового быта. На Карпатах эти славяне, по-видимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькают в неясных и скудных византийских известиях о славянах VI и начала VII в. По этим известиям, славяне управлялись многочисленными царьками и филархами, т. е. племенными князьками и родовыми старейшинами, и имели обычай собираться на совещания об общих делах. По-видимому, речь идет о родовых сходах и племенных вечах. В то же время византийские известия указывают на недостаток согласия, на частые усобицы между славянами — обычный признак жизни мелкими разобщенными родами. Если что можно извлечь из этих указаний,

Городище Воронич — форпост Пскова

то разве одно предположение, что уже в VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена, хотя родовая обособленность еще преобладала.

Влияние расселения на родовой быт. По-видимому, в эпоху расселения родовой союз оставался господствующей формой быта у восточных славян. По крайней мере, Повесть временных лет только эту форму изображает с некоторой отчетливостью: «живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Это значит, что родственники жили особыми поселками, не вперемежку с чужеродцами. Но это едва ли были первобытные цельные родовые союзы: ход расселения должен был разбивать такое общежитие.

В пределах древней Киевской Руси до сих пор уцелели остатки старинных укрепленных селений, так называемые *городища*. Это обыкновенно округлые, реже угловатые пространства, очерченные иногда чуть заметным валом. Такие городища рассеяны всюду по Приднепровью на расстоянии 4–8 верст друг от друга. Их происхождение еще в языческую пору доказывается соседством курганов, древних могильных насыпей. Раскопка этих насыпей показала, что лежащих в них покойников хоронили еще по-язычески. Не думайте, что эти городища — остатки настоящих значительных городов: пространство, очерченное кольцеобразным валом, обыкновенно едва достаточно, чтобы вместить в себе добрый крестьянский двор.

Как возникли и что такое были эти городища? Я думаю, что это — остатки одиноких укрепленных дворов, какими расселялись некогда восточные славяне и на которые указывает византийский писатель Прокопий, говоря, что задунайские славяне его времени жили в плохих, разбросанных поодиночке хижинах. Такие одинокие дворы, или, говоря иначе, однодворные деревни, ставили славянские поселенцы, селясь по Днепру и по его притокам. Такими однодворными деревнями и впоследствии колонизовалось верхнее Поволжье. Дворы окапывались земляными валами, вероятно с частоколом для защиты от врагов, а особенно для обороны скота от диких зверей.

Из таких одиноких дворов вырос и самый город Киев. Повесть временных лет помнит об основании этого города — знак, что он возник в сравнительно близкое к ней время. Предание рассказывает, что на горном берегу Днепра, на трех соседних холмах, поселились три брата, занимавшиеся звероловством в окрестных лесах. Они построили здесь городок, который назвали по имени Кия, старшего брата, Киевом. Так Киев возник из трех однодворных деревень с общим укрепленным убежищем, которые поставлены были тремя звероловами, когда-то поселившимися на берегу Днепра. Как старший брат, Кий был князем

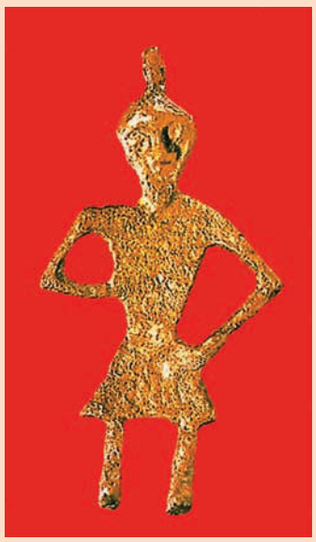
Идолы. Эскиз.
Художник Н. К. Рерих. 1901 г.

Белес (Велес, Волос) на гербе города Волосово (Ленинградская область)

в первоначальном смысле родового старейшины; местное предание или предположение ученого редактора летописи превратило его в знатного родоначальника владетельного рода в племени полян, в князя, как понимали это слово в XI в.

Культ природы. В сохраненных древними и позднейшими памятниками скудных чертах мифологии восточных славян можно различить два порядка верований. Одни из них можно признать остатками почитания видимой природы. В русских памятниках уцелели следы поклонения небу под именем *Сварога,* солнцу под именами *Дажбога, Хорса, Велеса,* грому и молнии под именем *Перуна,* богу ветров *Стрибогу,* огню и другим силам и явлениям природы. Дажбог и божество огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Таким образом, на русском Олимпе различались поколения богов — знак, что в народной памяти сохранялись еще моменты мифологического процесса; но теперь трудно поставить эти моменты в какие-либо хронологические пределы. Уже в VI в., по свидетельству Прокопия, славяне признавали повелителем вселенной одного бога-громовержца, т. е. Перуна. По нашей Начальной летописи, Перун — главное божество русских славян рядом с Белесом, который характеризуется названием «скотьего бога» в смысле покровителя стад, а может быть, и в значении бога богатства: на языке этой летописи слово *скот* сохраняло еще старинное значение денег.

Почитание предков. По-видимому, большее развитие получил и крепче держался другой ряд верований, культ предков. В старинных русских памятниках средоточием этого культа является со значением охранителя родичей *род* со своими *рожаницами,*



Перун. Привеска XII в.

т. е. дед с бабушками, — намек на господствовавшее некогда между славянами многоженство. Тот же обоготворенный предок чествовался под именем *чура,* в церковнославянской форме *щура;* эта форма доселе уцелела в сложном слове *пращур*. Значение этого деда-родоначальника как охранителя родичей доселе сохранилось в заклинании от нечистой силы или нежданной опасности: *чур меня!* т. е. храни меня, дед. Охраняя родичей от всякого лиха, чур оберегал и их родовое достояние. Предание, оставившее следы в языке, придает чуру значение, одинаковое с римским Термом, значение сберегателя родовых полей и границ. Нарушение межи, надлежащей границы, законной меры мы и теперь выражаем словом *чересчур;* значит, чур — мера, граница. Этим значением чура можно, кажется, объяснить одну черту погребального обряда у русских славян, как его описывает Начальная летопись. Покойника, совершив над ним тризну, сжигали, кости его собирали в малую посудину и ставили на столбу на распутиях, где скрещиваются пути, т. е. сходятся межи разных владений. Придорожные столбы, на которых стояли сосуды с прахом предков, — это межевые знаки, охранявшие границы родового поля или дедовской усадьбы. Отсюда суеверный страх, овладевавший русским человеком на перекрестках: здесь на нейтральной почве родич чувствовал себя на чужбине, не дома, за пределами родного поля, вне сферы мощи своих охранительных чуров.

Формы языческого брака. Это юридическое разложение родового союза делало возможным взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Начальная летопись отметила, хотя и не совсем полно и отчетливо, моменты этого сближения, отразившиеся на формах брака и имевшие некоторую связь с ходом того же расселения. Первоначальные однодворки, сложные семьи ближайших родственников, которыми размещались восточные славяне, с течением времени разрастались в родственные селения, помнившие о своем общем происхождении, память о котором сохранялась в отческих названиях таких сел: Жидчичи, Мирятичи, Дедичи, Дедогостичи. Для таких сел, состоявших из одних родственников, важным делом было добывание невест. При господстве многоженства своих недоставало, а чужих не уступала их родня добровольно и даром. Отсюда необходимость похищений. Они соверша-

Мокошь (Макошь) — в восточнославянской мифологии покровительница женского начала, плодородия, прядения и ткачества

Апостол Андрей Первозванный устанавливает крест на месте, где будет построен Киев — будущая столица полян

лись, по летописи, «на игрищах межю селы», на религиозных праздниках в честь общих неродовых богов «уводы», у священных источников или на берегах рек и озер, куда собирались обыватели и обывательницы разных сел.

Начальная летопись изображает различные формы брака как разные степени людскости, культурности русско-славянских племен. В этом отношении она ставит все племена на низшую ступень сравнительно с полянами. Описывая языческие обычаи радимичей, вятичей, северян, кривичей, она замечает, что на тех «бесовских игрищах умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся». Умычка и была в глазах древнего бытописателя низшей формой брака, даже его отрицанием: «браци не бываху в них», а только умычки. Известная игра сельской молодежи обоего пола в горелки — поздний остаток этих дохристианских брачных умычек. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкою чужеродных невест, устранялась веном, отступным, выкупом похищенной невесты у ее родственников. С течением времени вено превратилось в прямую продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению родни обеих сторон: акт насилия заменялся сделкой с обрядом мирного хождения зятя (жениха) по невесту, которое тоже, как видно, сопровождалось уплатой вена. Дальнейший момент сближения родов летопись отметила у полян, уже вышедших, по ее изображению, из дикого состояния, в каком оставались другие племена. Она замечает, что у полян «не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер (приводили ее к жениху вечером), а заутра приношаху по ней, что вдадуче», т. е. на другой день приносили вслед за ней, что давали: в этих словах видят указание на приданое. Так читается это место в Лаврентьевском списке летописи. В Ипатьевском другое чтение: «завтра приношаху, что на ней (за нее) вдадуче». Это выражение скорее говорит о вене. Значит, оба чтения отметили две новые фазы в эволюции брака. Итак, хождение жениха за невестой, заменившее умычку, в свою очередь сменилось приводом невесты к жениху с получением вена или с выдачей приданого, почему законная жена в языческой Руси называлась водимою. От этих двух форм брака, хождения жениха и привода невесты, идут, повидимому, выражения брать замуж и выдавать замуж: язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памяти.

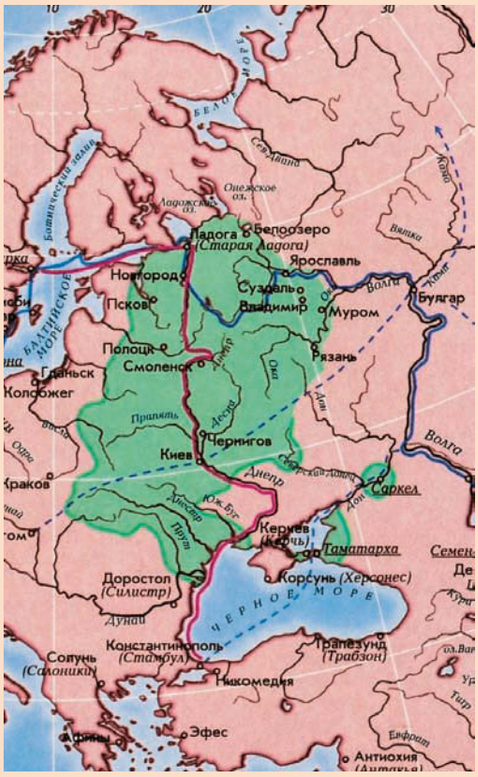
Умычка, вено, в смысле откупа за умычку, вено как продажа невесты, хождение за невестой, привод невесты с уплатой вена и потом с выдачей приданого — все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами разрушения родовых

связей, подготовлявшими взаимное сближение родов. Брак размыкал род, так сказать, с обоих концов, облегчая не только выход из рода, но и приобщение к нему. Родственники жениха и невесты становились своими людьми друг для друга, свояками; свойство сделалось видом родства. Значит, брак уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды. В первичном, нетронутом своем составе род представляет замкнутый союз, недоступный для чужаков: невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но, став женой, не роднила их с родней своего мужа. Родственные села, о которых говорит летопись, не были такими первичными союзами: они образовались из обломков рода, разрослись из отдельных дворов, на которые распадался род в эпоху расселения.

Черты семейного права. Приданое служило основой отдельного имущества жены; появлением приданого началось юридическое определение положения дочери или сестры в семье, ее правового отношения к семейному имуществу. По Русской Правде сестра при братьях не наследница; но братья обязаны устроить ее судьбу, выдать замуж, «како си могут», с посильным приданым. Как накладная обязанность, которая ложится на наследство, приданое не могло быть приятным для наследников институтом. Это сказалось в одной пословице,

Озеро Ильмень (Ильменское озеро)

выразительно изображающей различные чувства, возбуждаемые в членах семьи появлением зятя: «Тесть любит честь, зять любит взять, теща любит дать, а шурин глаза щурит, дать не хочет». При отсутствии братьев дочь — полноправная наследница отцовского имущества в землевладельческой служилой семье и сохраняет право на часть крестьянского имущества, если осталась после отца незамужней. Все отношения по наследованию заключены в тесные пределы простой семьи; наследники из боковых не предусматриваются как случайные участники в наследстве. Строя такую семью и заботливо очищая ее от остатков языческого родового союза, христианская церковь имела для того бытовой материал, заготовленный еще в языческую пору, между прочим, в браке с приданым.



Торговый путь «из Варяг в Греки»

Торговое движение по Днепру. Еще важнее ряд экономических последствий, которыми сопровождалось расселение восточных славян. Припомнив, как Повесть о начале Русской земли размещает славянские племена по нашей равнине, легко заметить, что масса славянского населения занимала западную ее половину. Хозяйственная жизнь населения в этом краю направлялась одним могучим потоком, Днепром, который прорезывает его с севера на юг. При тогдашнем значении рек как удобнейших путей сообщения Днепр был главной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины: верховьями своими он близко подходит к Западной Двине и бассейну Ильменьозера, т. е. к двум важнейшим дорогам в Балтийское море, а устьем соединяет центральную Алаунскую возвышенность с северным берегом Черного моря; притоки Днепра, издалека идущие справа и слева, как подъездные пути магистральной дороги, приближают Поднепровье. с одной стороны, к карпатским бассейнам Днестра и Вислы, с другой — к бассейнам Волги и Дона, т. е. к морям Каспийскому и Азовскому. Таким образом область Днепра охватывает всю западную и частью восточную половину русской равнины. Благодаря тому по Днепру с незапамятных времен шло оживленное торговое движение, толчок которому был дан греками.

Греческие колонии. Наша древняя Повесть о начале Руси... помнит старинное торговое значение Днепра.

Как только разместила она восточных славян по равнине, прежде чем приступить к изложению древнейших преданий о Русской земле, она спешит описать эту дорогу по Днепру: шел «путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Ильмень-озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в неже втечеть Днепр река».

Сев по Днепру, восточные славяне очутились на самой этой круговой водной дороге, опоясывавшей всю Европу. Этот Днепр с притоками и сделался для восточных славян могучей питательной артерией народного хозяйства, втянув их в сложное торговое движение, которое шло тогда в юго-восточном углу Европы.

Посредничество хазар. Одно внешнее обстоятельство особенно содействовало успехам этой торговли. Случилось так, что около того времени, когда восточные славяне с запада вступили в пределы нашей равнины, расселяясь по ее лесам, с противоположной восточной стороны, из-за Волги и Дона, по южнорусским степям распространялась новая азиатская орда, *хазары,* давно блуждавшие между Черным и Каспийским морями. В VIII в. хазары покорили племена восточных славян, жившие близко к степям, полян, северян, вятичей.

С тех пор для днепровцев, послушных данников хазар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар по этим рекам и пошла бойкая торговля из Днепровья.

Хазарский воин

В области Днепра найдено множество кладов с древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть их относится к IX и X вв., ко времени наибольшего развития восточной торговли Руси. Но есть клады, в которых самые поздние монеты не позже начала IX в., а ранние восходят к началу VIII в., изредка попадаются монеты VII в. и то лишь самых последних его лет. Эта нумизматическая летопись наглядно показывает, что именно в VIII в. возникла и упрочилась торговля славян днепровских с хазарским и арабским Востоком. Но этот век был временем утверждения хазар в южнорусских степях: ясно, что хазары и были торговыми посредниками между этим Востоком и русскими славянами.

Новгород в XIV в. Вид с севера. Реконструкция

Древнейшие города. Следствием успехов восточной торговли славян, завязавшейся в VIII в., было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города: Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк. В ту минуту, с которой она начинает свой рассказ о Руси, большинство этих городов, если не все они, по-видимому, были уже значительными поселениями. Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути «из Варяг в Греки», по линии Днепра — Волхова; только некоторые, Переяславль на Трубеже, Чернигов на Десне, Ростов в области Верхней Волги, выдвинулись к востоку с этого, как бы сказать, операционного базиса русской торговли как ее восточные форпосты, указывая фланговое ее направление к Азовскому и Каспийскому морям.

Печенеги. ...С начала IX в. ...хазарское владычество, казавшееся столь прочным дотоле, начало, видимо, колебаться. Причиной этого было то, что

Новгород. Вид на Детинец с запада. XIV в. Реконструкция

Крещение Руси.
Художник В. М. Васнецов. 1885–1896 гг.

с востока, в тылу у хазар, появились новые орды печенегов и следовавших за ними узов-торков. В первой половине IX в. варвары, очевидно, прорвались сквозь хазарские поселения на запад за Дон и засорили дотоле чистые степные дороги днепровских славян.

Варяги. В X и XI вв. варяги постоянно приходили на Русь или с торговыми целями, или по зову наших князей, набиравших из них свои военные дружины Но присутствие варягов на Руси становится заметно гораздо раньше X в.: Повесть временных лет знает этих варягов по русским городам уже около половины IX в.

Их происхождение. Эти балтийские варяги, как и черноморская Русь, по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южнобалтийского побережья или нынешней Южной России, как думают некоторые ученые. Наша Повесть временных лет признает варягов общим названием разных германских народов, обитавших в Северной Европе, преимущественно по *Варяжскому* (Балтийскому) морю, каковы шведы, норвежцы, готы, англы.

Варяг. IX–X вв.

Печенег

Образование военно-промышленного класса в городах. Эти варяги-скандинавы и вошли в состав военно-промышленного класса, который стал складываться в IX в. по большим торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей. Варяги являлись к нам с иными целями и с иной физиономией, не с той, какую носили даны на Западе: там дан — пират, береговой разбойник; у нас варяг — преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию.

Образование городовых областей. Как бы то ни было, в неясных известиях нашей Повести обозначается первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX в., это — *городовая область,* т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным средоточием для этого округа. Эти области и звались по именам городов. Когда образовалось княжество Киевское, вобравшее в себя племена восточных славян, эти древние городовые области — Киевская, Черниговская, Смоленская и другие, прежде независимые, вошли в его состав как его административные округа, послужили готовыми единицами областного деления, установившегося на Руси при первых киевских князьях к половине XI в.

Варяжские княжества. Образование этой первой политической формы на Руси сопровождалось в иных местах появлением другой, вторичной и тоже местной формы, *варяжского княжества*. В тех промышленных пунктах,

Заморские гости. Художник Н. К. Рерих. 1899 г.

куда с особенной силой приливали вооруженные пришельцы из-за моря, они легко покидали значение торговых товарищей или наемных охранителей торговых путей и превращались во властителей. Во главе этих заморских пришельцев, составлявших военно-промышленные компании, становились вожди, получавшие при таком перевороте значение военных начальников охраняемых ими городов. Такие вожди в скандинавских сагах называются *конингами* или *викингами*. Оба этих термина перешли и в наш язык, получив славяно-русские формы *князя* и *витязя*. Эти слова есть и у других славян, которые заимствовали их у германских племен Средней Европы; в наш язык они перешли от более близких к нам в древности скандинавов, северных германцев.

Образование великого княжества Киевского. Из соединения варяжских княжеств и сохранившихся самостоятельных городовых областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Киевское*. Киев был сборным пунктом русской торговли; к нему стягивались торговые лодки отовсюду: с Волхова, Западной Двины, Верхнего Днепра и его притоков.

Покорение восточного славянства. Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств: он имел общерусское зна-

Златник (золотник) — золотая монета Киевского княжества. Кон. X в.

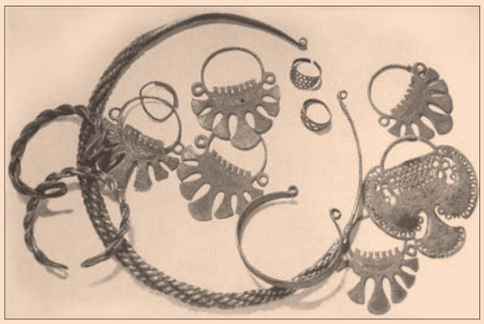
чение как узловой пункт торгово-промышленного движения и потому стал центром политического объединения всей земли.

Деятельность Аскольда, по-видимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из окольных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся порабощением окрестных племен, как будто намекают на это. Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собирание восточного славянства под своею властью. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 г.; в 883 г. были покорены древляне, в 884 г. северяне, в 885 г. радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний, или соображений, а не самих событий. К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными по именам главных городов.

Население и пределы Русской земли в XI в. Своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев. Население этой территории было довольно пестрое; в состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по нижней Оке.

Характер государства. ...К половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность. Все эти разноплеменные элементы пока были соединены чисто механически; связь нравственная, христианство, распространялось медленно и не успело еще захватить даже всех славянских племен Русской земли: так, вятичи не были христианами еще в начале XII в.

Вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка.



Гривна, браслеты, перстни и височные кольца вятичей. Серебро. Литьё, гравировка. XII—XIII вв.

Слово «Русь». Княжеская дружина, служа орудием администрации в руках киевского князя, торгуя вместе с купечеством больших городов, носила вместе с ним специальное название *руси*. До сих пор не объяснено удовлетворительно ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова. По предположению автора древней Повести о Русской земле, первоначальное значение его было племенное: так называлось то варяжское племя, из которого вышли первые наши князья. Потом это слово получило сословное значение: русью в X в., по Константину Багрянородному и арабским писателям, назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов. Позднее Русь, или *Русская земля,* — выражение, впервые появляющееся в Игоревом договоре 945 г., — получило географическое значение: так называлась преимущественно Киевская область, где гуще осаживались пришлые варяги («поляне, яже ныне зовомая русь», по выражению Начальной летописи). Наконец, в XI—XII вв., когда Русь как племя слилась с туземными славянами, оба эти термина *Русь* и *Русская земля,* не теряя географического значения, являются со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением.

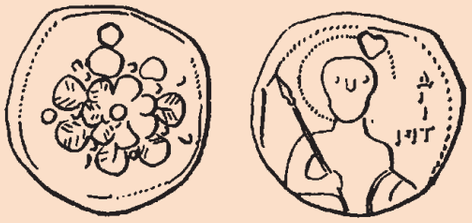
Княжеское владение до Ярослава. Довольно трудно сказать, какой порядок княжеского владения существовал на Руси при предшественниках Ярослава, и даже существовал ли какой-либо определенный порядок. Иногда власть как будто переходила от одного князя к другому по старшинству; так, преемником Рюрика был не малолетний сын

Наставление Ярослава сыновьям. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

его Игорь, а родственник Олег, по преданию, его племянник. Иногда всею землею правил, по-видимому, один князь; но можно заметить, что это бывало тогда, когда не оставалось налицо русских взрослых князей.

Следовательно, единовластие до половины XI в. было политическою случайностью, а не политическим порядком. Как скоро у князя подрастало несколько сыновей, каждый из них, несмотря на возраст, обыкновенно еще при жизни отца получал известную область в управление. Святослав, оставшийся после отца малолетним, однако еще при его жизни княжил в Новгороде. Тот же Святослав потом, собираясь во второй поход на Дунай против болгар, роздал волости на Руси трем своим сыновьям; точно так же поступил со своими сыновьями и Владимир. При отце сыновья правили областями в качестве его посадников (наместников) и платили, как посадники, дань со своих областей

великому князю-отцу. Так, о Ярославе летопись замечает, что он, правя при отце Новгородом, давал Владимиру ежегодную урочную дань по 2 тысячи гривен: «...так, — прибавляет летописец, — и все *посадники* новгородские платили». Но когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями: политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, садившегося после отца в Киеве, незаметно. Между отцом и детьми действовало семейное право; но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права, чем и можно объяснить усобицы между сыновьями Святослава и Владимира. Впрочем, мелькает неясная мысль о праве старшинства. Мысль эту высказал один из сыновей Владимира, князь Борис.



Печать Изяслава Ярославича — великого князя киевского в 1054–1077 гг.

Печать Всеволода Ярославича — великого князя Киевского в 1078–1093 гг.

Когда ему по смерти отца дружина советовала занять киевский стол помимо старшего брата Святополка, Борис отвечал: «Не буди мне възняти рукы на брата своего старейшего; аще и отець ми умре, то сь ми буди в отца место».

Раздел после Ярослава. По смерти Ярослава власть над Русской землей не сосредоточивается более в одном лице: единовластие, случавшееся иногда до Ярослава, не повторяется; никто из потомков Ярослава не принимает, по выражению летописи, «власть русскую всю», не становится «самовластцем Русстей земли». Это происходит оттого, что род Ярослава с каждым поколением размножается все более и земля Русская делится и переделяется между подраставшими князьями.

Посмотрим, прежде всего, как разделилась Русская земля между Ярославичами тотчас по смерти Ярослава. Их было тогда налицо шестеро: пять сыновей Ярослава и один внук Ростислав от старшего Ярославова сына Владимира, умершего еще при жизни отца. Мы не считаем раньше выделившихся и не принимавших участия в общем владении Ярославичей князей полоцких, потомков старшего Ярославова брата Изяслава, Владимирова сына от Рогнеды. Братья поделились, конечно, по завету отца, и летопись приписывает Ярославу предсмертное изустное завещание, в котором он распределяет Русскую землю между сыновьями в том самом порядке, как они владели ею после отца. Старший Ярославич, Изяслав, сел в Киеве, присоединив к нему и Новгородскую волость: значит, в его руках сосредоточились оба конца речного пути «из Варяг в Греки». Второму сыну Ярослава, Святославу, досталась область днепровского притока Десны, земля Черниговская с примыкавшей к ней по Оке Муромо-Рязанской окраи-

Варяжская сага — путь из варяг в греки. Художник Айвазовский И. К. 1876 г.

ной и с отдаленной азовской колонией Руси Тмутороканью, возникшей на месте старинной византийской колонии Таматарха (Тамань). Третий Ярославич, Всеволод, сел в Переяславле Русском (ныне уездный город Полтавской губернии) и получил в прибавок к этой сравнительно небольшой и окраинной волости оторванный от нее географически край Суздальский и Белозерский по Верхнему Поволжью. Четвертый, Вячеслав, сел в Смоленске, пятый, Игорь, — на Волыни, где правительственным центром стал построенный при Владимире Святом город Владимир (на реке Луге, притоке Западного Буга). Сирота-племянник получил от дядей отдаленный Ростовский край среди владений Всеволода переяславского, хотя его отец княжил в Новгороде. Очевидно, между братьями распределялись городовые области, старые и новые.

Очередь старшинства. Достаточно перечисленных случаев, чтобы видеть, какой порядок владения устанавливался у Ярославичей. Князья-родичи не являются постоянными, неподвижными владельцами областей, доставшихся им по разделу: с каждой переменой в наличном составе княжеской семьи идет передвижка, младшие родичи, следовавшие за умершим, передвигались из волости в волость, с младшего стола на старший. Это передвижение следовало известной очереди, совершалось в таком же порядке старшинства князей, как был произведен первый раздел. В этой очереди выражалась мысль о нераздельности княжеского владения Русской землей: Ярославичи владели ею, не разделяясь, а переделяясь, чередуясь по старшинству.

Схема очередного порядка. Такой своеобразный порядок княжеского владения устанавливался на Руси по смерти Ярослава. Изложим его в возможно простейшей схеме. Князь русский имел уже династическое значение: это звание усвоено было только потомками Владимира Святого. Не было ни единоличной верховной власти, ни личного преемства ее по завещанию. Ярославичи не делили достояния отцов и дедов на постоянные доли и не передавали доставшейся каждому доли своим сыновьям по завещанию. Они были подвижными владельцами, которые передвигались из волости в волость по известной очереди. Очередь эта определялась старшинством лиц и устанавливала постоянно колебавшееся, изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лествицу. Точно так же вся Русская земля представляла лествицу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обеих этих лествиц, генеалогической и территориальной, лествицы лиц и лествицы областей. На верху лествицы лиц стоял старший из наличных князей, великий князь киевский. Это старшинство давало ему,

Русские князья заключают мир в Уветичах. Художник С. В. Иванов

кроме обладания лучшей волостью, известные права и преимущества над младшими родичами, которые «ходили в его послушании». Он носил звание *великого,* т. е. старшего князя, названого отца своей братии. *Быть в отца место* — эта юридическая фикция поддерживала политическое единство княжеского рода при его естественном распадении, восполняя или исправляя естественный ход дел. Великий князь распределял владения между младшими родичами, «наделял» их, разбирал их споры и судил их, заботился об их осиротелых семьях, был высший попечитель Русской земли, «думал, гадал о Русской земле», о чести своей и своих родичей. Так, великому князю принадлежали распорядок владений, суд над родичами, родственная опека и всеземское попечительство. Но, руководя Русью и родичами, великий князь в более важных случаях действовал не один, а собирал князей на общий *совет, снем* или *поряд,* заботился об исполнении постановлений этого родственного совета, вообще действовал как представитель и исполнитель воли всего державного княжеского рода. Так можно формулировать междукняжеские отношения, какие признавались правильными.

Его происхождение. Существовало два основания порядка: 1) верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду, 2) отдельные князья временно владели теми или другими частями земли. Следовательно, в рассматриваемом складе княжеского владения надобно различать право владения, принадлежавшее целому владетельному роду, и порядок владения по известной очереди как средство осуществления этого права.

Происхождение родового порядка княжеского владения объясняют влиянием частного туземного быта на политический строй земли: пришлые варяжские князья усвоили господствовавшие среди восточных славян родовые понятия и отношения и по ним устроили свой порядок управления страной. Можно принять такое объяснение происхождения права коллективного владения только с некоторой оговоркой: родовые понятия и отношения у туземцев находились уже в состоянии разрушения, когда князья начали усвоять их. Впрочем, в этой части вопроса мало что требует объяснения. Присутствие норм частного семейного права в государствен-

Долобский съезд князей — свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком. Художник А. Д. Кившенко

ном порядке — довольно обычное явление: таково, например, в монархиях преемство верховной власти в порядке старшинства нисходящих или наследственность сословных прав и т. п. Это объясняется свойством самих учреждений независимо от быта населения. Исключительное положение династий, естественно, замыкает каждую в обособленный родственный круг. Идеи чистой монархии еще не было у русских князей XI в.; совместное владение со старшим во главе казалось проще и было доступнее пониманию. Но родовыми отношениями не объясняется самый порядок княжеского владения по очереди старшинства с владельческой передвижкой князей: подобного подвижного порядка не видим в тогдашнем частном быту русских славян. Родовое право могло выражаться в различных порядках владения. Мог владеть землей один старший в княжеском роде, держа младших родичей в положении своих сотрудников или исполнителей своих поручений по общему управлению и не делая их постоянными территориальными владетелями: так поступал Владимир со своими сыновьями, посылая их управлять областями как своих наместников и переводя их из одной области в другую. Можно было раз навсегда поделить общее родовое достояние на постоянные наследственные доли, как было у Меровингов при преемниках Хлодвига или как у нас владели отчиной потомки Всеволода III. Откуда и как возникла мысль о подвижном порядке владения по очереди старшинства и о том, что соответствие порядка старшинства князей политико-экономическому значению областей должно поддерживаться постоянно и восстановляться при каждой перемене в наличном составе владетельного княжья, производя постоянную пере-

Великий князь Всеволод

движку владельцев? Вот что требует объяснения.

Чтобы понять это явление, надобно войти в политическое сознание русских князей того времени. Вся совокупность их составляла династию, власть которой над Русской землей всеми признавалась. Но понятия о князе как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владеемой территорией, еще не заметно. Ярославичи в значительной мере оставались еще тем же, чем были их предки IX в., речными викингами, которых шедшие из степи опасности едва заставили пересесть с лодки на коня. Они еще не успели вполне отрешиться от старого варяжского взгляда на себя, видели в себе не столько владетелей и правителей Русской земли, сколько наемных, кормовых охранителей страны, обязанных «блюсти Русскую

землю и иметь рать с погаными». Корм был их политическим правом, оборона земли — их политической обязанностью, служившей источником этого права, и этими двумя идеями, кажется, исчерпывалось все политическое сознание тогдашнего князя, будничное, ходячее сознание, не торжественное, какое заимствовалось из книг или внушалось духовенством. Распри князей и вмешательство волостных городов в их дела давали им все живее чувствовать всю непрочность политической почвы под своими ногами. Ближайшего преемника Ярославова, великого князя Изяслава, два раза выгоняли из Киева, сперва киевляне, потом собственные братья Святослав и Всеволод. Оба раза он возвращался с польской помощью. Выразительна его беседа с братом Всеволодом, когда тот, в свою очередь изгнанный из Чернигова племянниками, в горе прибежал к Изяславу в Киев. Человек добрый и простой, а потому лучше других понимавший положение дел, Изяслав говорил: «Не тужи, брат! припомни, что со мной бывало: выгоняли меня киевляне, разграбив мое имение; потом выгнали меня вы, мои братья; не блуждал ли я, всего лишенный, по чужим землям, никакого не сделав зла? И теперь не будем тужить, брат! будет нам «причастье в Русской земле» — так обоим; потеряем ее — так оба же, а я сложу за тебя свою голову». Так мог говорить не самовластец Русской земли, а наемный служащий, не нынче-завтра ждущий себе неожиданной отставки. И Ярославичи, подобно своим предкам, вождям варяжских военно-промышленных компаний, тягались друг с другом за богатые города и волости; только теперь, составляя тесный родственный круг, а не толпу случайно встретившихся искателей торгового барыша и сытого корма, они старались заменить случайное и беспорядочное действие личной удали или личной удачи обязательным правом старшинства как постоянным правилом и считали себя блюстителями земли не по найму, уговору, а по праву или по наследственному долгу, падавшему на каждого из них по степени боевой, оборонительной годности. Эта годность детей определялась волей отца, годность братьев — степенью старшинства среди родичей. По степени старшинства князь был вправе получить более или менее доходную волость; по той же степени старшинства он обязан был охранять более или менее угрожаемую извне область, ибо тогда степенью старшинства измерялись и владельческое право, и правительственный авторитет, и оборонительная способность князя. Но в то время степень доходности областей соответствовала степени их нужды во внешней обороне, потому что то и другое зависело от их близости к степи, к степным врагам Руси и к лежавшим за степью торговым ее рынкам. Доходность областей была обратно пропорциональна их безопасности: чем ближе лежала область к степи, т. е. к морю, тем она была доходнее и, следовательно, чем доходнее, тем открытее для внешних нападений. По тому, как скоро князь поднимался на одну ступень по лествице старшинства, должны были подняться на соответственную высоту и его владетельные права, а вместе с тем увеличиться и его правительственные, оборонительные обязанности, т. е. он переходил из менее доходной и менее угрожаемой волости в более доходную и более угрожаемую. Можно думать, что очередной порядок владения был указан князьям этим своеобразным сочетанием стратегического положения и экономического значе-

ния областей при содействии некоторых других условий.

Его действие. Указав начало, схему очередного порядка, как она проявлялась в практике первых поколений Ярославичей, изучим его историческое действие, точнее, его развитие в практике дальнейших поколений. Что такое был этот порядок? Была ли это только идеальная схема, носившаяся в умах князей, направлявшая их политические понятия, или *это* была историческая действительность, политическое правило, устанавливавшее самые отношения князей? Чтобы ответить на этот вопрос, надобно строго отличать начала, основания порядка и его казуальное развитие, т. е. приложение к отдельным случаям в ходе княжеских отношений, — словом, различать право и политику, разумея под политикой совокупность практических средств для осуществления права.

Причины расстройства порядка. Мы видели, что юридическими основаниями этого порядка были: 1) совместная власть княжеского рода над всей Русской землей и 2) как практическое средство осуществления этой власти, право каждого родича на временное владение известной частью земли по очереди старшинства владельцев-родичей. Порядок владения, построенный на таких основаниях, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильным и возможным: они хотели править землей как родовым своим достоянием. Но первым поколениям Ярославичей представлялись ясными и бесспорными только эти общие основания порядка, которыми определялись простейшие отношения, возможные в тесном кругу близких родичей. По мере того как этот круг расширялся и вместе с

Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды» Художник А. Д. Кившенко

тем отношения родства усложнялись и запутывались, возникали вопросы, решение которых нелегко было извлечь из этих общих оснований. Тогда началась казуальная разработка этих оснований в подробностях. Применение оснований к отдельным случаям вызывало споры между князьями. Главным источником этих споров был вопрос о способе определения относительного старшинства князей, на котором основывалась очередь владения. По смерти Ярослава, когда начал действовать очередной порядок, этот способ, вероятно, не был еще достаточно уяснен его детьми. Им не было и нужды в этом: они не могли предвидеть всех возможных случаев, а если б и предвидели, не стали бы предрешать. Отношения старшинства еще представлялись им в простейшей схеме, какую можно снять с тесного семейного круга отца с детьми: отец должен идти впереди сыновей, старший брат — впереди младших. Но эту простую схему стало трудно прилагать к дальнейшим поколениям Ярославова рода, когда он размножился и распался на несколько параллельных ветвей, когда в княжеской среде появилось много сверстников и трудно

Князь Юрий Владимирович Долгорукий. Портрет из Царского титулярника. 1672 г.

стало распознать, кто кого старше и на сколько, кто кому как доводится.

Во второй половине XII в. трудно даже сосчитать по летописи всех наличных князей, и эти князья уже не близкие родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные и Бог знает какие братья и племянники. Отсюда чуть не при каждой перемене в наличном составе княжеского рода рождались споры: 1) о порядке старшинства и 2) об очереди владения. Укажу на один спорный случай, особенно часто возникавший и ссоривший князей. Старшинство определялось двумя условиями: 1) порядком поколений, т. е. расстоянием от родоначальника (старшинство генеалогическое), 2) порядком рождений, *или* сравнительным возрастом лиц в каждом поколении (старшинство физическое). Первоначально, в пределах простой семьи, то и другое старшинство, генеалогическое и физическое, совпадают: старший по одному порядку старше и по другому. Но с расширением простой семьи, т. е. с появлением при отцах и детях третьего поколения — внуков, это совпадение обыкновенно прекращается. Старшинство физическое расходится с генеалогическим, сравнительный возраст лиц не всегда отвечает расстоянию от родоначальника. Обыкновенно бывало и бывает, что дядя старше племянника, раньше его родился; потому дядя в силу самого генеалогического своего звания выше племянника и считался названным отцом для него. Но при тогдашней привычке князей жениться рано и умирать поздно иной племянник выходил летами старше иного дяди. У Мономаха было восемь сыновей; пятый из них, Вячеслав, раз сказал шестому, Юрию Долгорукому: «Я был уже бородат, когда ты родился». Старший сын этого пятого бородатого брата, а тем более первого — Мстислава, мог родиться прежде своего дяди Юрия Долгорукого. Отсюда возникал вопрос: кто выше на лествице старшинства, младший ли летами дядя или младший по поколению, но старший возрастом племянник? Большая часть княжеских усобиц XI и XII вв. выходила именно из столкновения старших племянников с младшими дядьями, т. е. из столкновения первоначально совпадавших старшинства физического с генеалогическим. Князья не умели выработать способа точно определять старшинство, который разрешал бы все спорные случаи в их генеалогических отношениях. Это неумение и вызвало к действию ряд условий, мешавших мирному применению очередного порядка владения. Этими условиями были или последствия, естественно вытекавшие из самого этого порядка, либо препятствия, приходившие

со стороны, но которые не имели бы силы, если б князья умели всегда мирно разрешать свои владельческие недоразумения. Перечислим главные из тех и других условий.

Ряды и усобицы. Ряды и усобицы князей. Возникавшие между князьями споры о старшинстве и порядке владения разрешались или рядами, договорами князей на съездах, или, если соглашение не удавалось, оружием, т. е. усобицами. Княжеские усобицы принадлежали к одному порядку явлений с рядами, имели юридическое происхождение, были точно таким же способом решения политических споров между князьями, каким служило тогда поле, судебный поединок в уголовных и гражданских тяжбах между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство, как и поле, называлась «судом Божиим». Бог промеж и нами будет или нас Бог рассудит — таковы были обычные формулы объявления междоусобной войны. Значит, княжеская усобица, как и ряд, была не отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания. Таково значение княжеских рядов и усобиц в истории очередного порядка: целью тех и других было восстановить действие этого порядка, а не поставить на его место какой-либо новый. Но оба этих средства вносили в порядок элементы, противные его природе, колебавшие его, именно, с одной стороны, условность соглашения вопреки естественности отношений кровного родства, с другой — случайность перевеса материальной силы вопреки нравственному авторитету старшинства. Известный князь приобретал старшинство не потому, что становился на самом деле старшим по порядку нарождения и вымирания князей, а потому, что его соглашались признавать старшим, или потому, что он сам заставлял признать себя таковым. Отсюда при старшинстве физическом и генеалогическом возникало еще третье — юридическое, условное или договорное, т. е. чисто фиктивное.

Мысль об отчизне. Верховная власть принадлежала роду, а не лицам. Порядок лиц в очереди владения основывался на том, что дальнейшие поколения должны были повторять отношения предков, сыновья должны были подниматься по родовой лествице и чередоваться во владении волостями в том самом порядке, в каком шли друг за другом их отцы. Итак, дети должны идти в порядке отцов; место в этой цепи родичей, унаследованное детьми от отца, и было их отчиной. Так отчина имела первоначально генеалогическое значение: под этим словом разумелось место среди родичей на лествице старшинства, доставшееся отцу по его рождению и им переданное детям. Но такое место — понятие чисто математическое. Несоответствие порядка рождений порядку смертей, личные свойства людей и другие случайности мешали детям повторять порядок отцов. Потому с каждым поколением отношения, первоначально установившиеся, путались, сыновья должны были пересаживаться, заводить порядок, не похожий на отцовский. Благодаря этому затруднению отчина постепенно получила другое значение — территориальное, которое облегчало распорядок владений между князьями: отчиною для сыновей стали считать область, которою владел их отец. Это значение развилось из прежнего по связи генеалогических мест с территориальными: когда сыновьям становилось трудно высчитывать свое взаимное генеалогическое отношение

по отцам, они старались разместиться по волостям, в которых сидели отцы. Такое значение отчины находило опору в постановлении одного княжеского съезда. Ярославичи Изяслав и Всеволод обездолили несколько осиротелых племянников, не дали им отцовских владений. По смерти последнего Ярославова сына Всеволода, когда Русью стали править внуки Ярослава, они хотели мирно покончить распри, поднятые обиженными сиротами, и

Мозаика с изображением Св. Дмитрия, установленная Святополком в Михайловском соборе в Киеве в честь покровителя своего отца

на съезде в Любече 1097 г. решили: «... кождо да держит отчину свою», т. е. сыновья каждого Ярославича должны владеть тем, чем владел их отец по Ярославову разделу, Святополк Изяславич — Киевом, Святославичи Олег с братьями — Черниговской землей, Мономах Всеволодович — Переяславской и т. д. Как видно из последующих событий, съезд не давал постоянного правила, не заменял раз навсегда очередного владения раздельным, рассчитан был только на наличных князей и их отношения, а так как это были все дети отцов, между которыми разделена была Русская земля по воле Ярослава, то легко было восстановить этот раздел и в новом поколении князей так, что территориальные их отчины совпадали с генеалогическими. Точно так еще до съезда поступил Мономах, когда Олег Святославич, добиваясь своей отцовской волости, подступил в 1094 г. к Чернигову, где тот посажен был своим отцом не по отчине. Мономах добровольно уступил Олегу «отца его место», а сам пошел «на отца своего место» в Переяславль.

Но потом, когда генеалогические отношения стали запутываться, князья все крепче держались территориального распорядка отцов, даже когда он не совпадал с генеалогическими отношениями. Благодаря тому по мере распадения Ярославова рода на ветви каждая из них все более замыкалась в одной из первоначальных крупных областей, которыми владели сыновья Ярослава. Эти области и стали считаться отчинами отдельных княжеских линий. Всеволод Ольгович черниговский, заняв в 1139 г. Киев, хотел перевести одного Мономаховича из его отческого Переяславля в Курск, но тот не послушался, ответив Всеволоду: «Лучше мне смерть на своей отчине и дедине, чем Курское княжение; отец

мой в Курске не сидел, а в Переяславле: хочу умереть на своей отчине». Была даже попытка распространить это значение и на старшую Киевскую область. С 1113 по 1139 г. на киевском столе сидели один за другим Мономах и его сыновья Мстислав и Ярополк, оттесняя от него старшие линии Изяславичей и Святославичей: этот стол становился отчиной и дединой Мономаховичей. По смерти Ярополка киевляне посадили на своем столе третьего Мономаховича, Вячеслава. Но когда представитель долго оттесняемой от Киева линии Святославичей Всеволод черниговский потребовал, чтобы Вячеслав добром уходил из Киева, тот отвечал: «Я пришел сюда по завету наших отцов на место братьев; но если ты захотел этого стола, покинув свою отчину, то, пожалуй, я буду меньше тебя, уступлю тебе Киев». Когда в Киеве сел (1154 г.) другой Святославич, Изяслав Давидович, отец которого в Киеве не сидел, Мономахович Юрий Долгорукий потребовал его удаления, послав сказать ему: «Мне отчина Киев, а не тебе». Значит, Мономаховичи пытались превратить Киевскую землю в такую же вотчину своей линии, какою становилась Черниговская земля для линии Святославовой.

Легко заметить, что территориальное значение отчины облегчало распорядок владений между князьями, запутавшимися в счетах о старшинстве. Притом, таким значением предупреждалась одна политическая опасность. По мере обособления линий княжеского рода их споры и столкновения получали характер борьбы возможных династий за обладание Русской землей. Смелому представителю какой-либо линии могла при благоприятных обстоятельствах прийти мысль «самому всю землю держати» со своею ближайшею братиею, как это и случилось с упомянутым Всеволодом черниговским, и, став великим князем, он мог бы с этой целью перетасовывать родичей по волостям; но родичи ответили бы ему словами Мономаховича: «...отец наш в Курске не сидел». Но очевидно также, что территориальное значение отчины разрушало коренное основание очередного порядка, нераздельность родового владения: под его действием Русская земля распадалась на несколько генеалогических территорий, которыми князья владели уже по отчинному наследству, а не по очереди старшинства.

Князья-изгои. Выделение князей-изгоев. По обычному порядку человеческого общежития в каждую минуту действуют два поколения, отцы и дети. Во владельческом порядке Ярославичей дети вступали в передовую цепь по мере выбывания отцов и занимали места в этой цепи в порядке своих отцов; внуки вступали на места своих отцов по мере того как те переставали быть детьми, т. е. по мере выбывания дедов. Значит, политическая карьера князя определялась движением его отца в ряду поколений. Но порядок рождений не соответствует порядку смертей; поэтому, когда у князя отец умирал раньше деда, у внука не оставалось в передовой цепи отецкого места, ибо в ней не стоял его отец. Он становился князем-сиротой, изгоем, бездольным вечным внуком, генеалогическим недорослем. Не имея генеалогической отчины, он лишался права и на территориальную, т. е. терял участие в очередном владельческом порядке как не попавший в очередь. Таких князей, преждевременно сиротевших, которые лишались отцов еще при жизни дедов, старшие родичи выделяли из своей среды, давали им известные волости в постоянное вла-

Владимир и Рогнеда.
Художник А. П. Лосенко. 1770 г.

дение и лишали их участия в общем родовом распорядке, выкидывали из очереди. Эти князья-сироты становились отрезанными ломтями в княжеском роде. Такими князьями-изгоями еще в XI в. стали дети Ярославова внука Ростислава Володарь и Василько, отнявшие у Польши города Червонной Руси и основавшие из них особое княжество. В XII столетии из общего очередного порядка владения выделяются княжества: Муромо-Рязанское, доставшееся младшему из черниговских князей Ярославу Святославичу, княжество Турово-Пинское на Припяти, отошедшее в осиротелую линию Ярославова внука Святополка Изяславича, наконец, княжество Городенское (Гродненское), ставшее постоянным владением потомства Игоря Ярославича, которого мы видели сперва на Волыни, а потом в Смоленске. Еще раньше всех этих изгоев в положении выделенных князей очутились не по преждевременному сиротству, а в силу особенных обстоятельств князья полоцкие, потомки старшего сына Владимира Святого от Рогнеды.

Выделение князей-изгоев из владельческой очереди было естественным следствием основанного на ней порядка, постоянно нарушаемого общественной физикой, и было необходимо для поддержания самой этой очереди; но оно, очевидно, суживало круг лиц и областей, которые захватывал очередной порядок, и вводило в него склад отношений, ему чуждый и враждебный. Исключения поддерживают правило, когда являются случайностью, но разрушают его, когда становятся необходимостью. Обратите внимание на географическое положение этих выделенных княжеств, постепенно стеснявших пространство действия очередного порядка: все они окрайные. Очередной порядок княжеского владения, подогреваемый родственным чувством князей, основан был на соответствии ступеней двух лестниц, генеалогической и территориальной. Теперь это соответствие, на котором он держался, повторяется и в процессе его разрушения. Князья, становившиеся, если допустимо такое сравнение, генеалогическими оконечностями, задержанные преждевременным сиротством на самом низу родовой лествицы, всех дальше от названного отца, великого князя киевского, очутились владельцами оконечностей территориальных окраин Русской земли, наиболее отдаленных от «матери русских городов»: как будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся с некоторой силою около сердца земли, Киева, охладевало и застывало на ее оконечностях, вдали от этого сердца.

Перечисленные условия, расстраивавшие очередной порядок владения, вытекали из его же оснований и были

средствами, к которым прибегали князья для его поддержания. В том и состояло внутреннее противоречие этого порядка, что следствия, вытекавшие из его же оснований и служившие средствами его поддержания, вместе с тем разрушали самые эти основания. Это значит, что очередной порядок разрушал сам себя, не выдерживал действия собственных последствий. Кроме того, эти условия разрушения, вытекавшие из самого порядка, вызывали к действию сторонние силы, также его расстраивавшие.

Сторонние препятствия. I. Личные доблести, которыми отличались некоторые князья, создавали им большую популярность на Руси, при помощи которой эти князья сосредоточивали в своих руках области помимо родовой очереди. В XII столетии большая часть Русской земли является во владении одной княжеской линии — Мономаховичей, самой обильной талантами. Один из этих Мономаховичей, отважный внук Мономаха Изяслав Мстиславич волынскии, во время усобиц с дядьями брал столы с бою, «головою добывал» их не по очереди старшинства и смотрел на них как на личное приобретение, военную добычу. Этот князь первый и высказал взгляд на порядок княжеского владения, шедший совершенно вразрез с установившимся преданием. Он сказал раз: «Не место идет к голове, а голова к месту», т. е. не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места. Таким образом, личное значение князя он поставил выше прав старшинства.

II. Наконец, еще одна сторонняя сила вмешивалась во взаимные счеты князей и путала их очередь во владении. То были главные города областей. Княжеские счеты и сопровождавшие их усобицы больно задевали интересы этих городов. Среди постоянных княжеских споров у городов завязывались свои династические симпатии, привязывавшие их к некоторым князьям. Так, Мономаховичи пользовались популярностью даже в городах, принадлежавших черниговским Святославичам. Увлекаемые этими сочувствиями и отстаивая свои местные интересы, волостные города иногда шли наперекор княжеским счетам, призывая на свои столы любимых князей помимо очередных. Это вмешательство городов, путавшее княжескую очередь старшинства, началось вскоре после смерти Ярослава. В 1068 г. киевляне выгоняют великого князя Изяслава и сажают на его место изгоя Всеслава полоцкого, посаженного Ярославичами в киевскую тюрьму. Позднее, в 1154 г., киевляне же, признав самовольно Ростислава смоленского соправителем его дяди, номинального великого князя Вячеслава, сказали ему: «...до твоего живота Киев твой», т. е. признали его своим пожизненным князем, невзирая на права старших князей. Новгород особенно больно чувствовал последствия княжеских счетов и споров. Новгородом обыкно-

Князь Изяслав Мстиславич предлагает мир и дружбу дяде своему Вячеславу. Рисунок К. Лебедева

Николо-Дворищенский собор на Ярославовом дворище в Великом Новгороде, заложенный Мстиславом

венно правил старший сын или другой ближайший родственник великого князя киевского. При частых сменах князей в Киеве князья часто менялись и в Новгороде. Эти смены сопровождались большими административными неудобствами для города. Менее чем в 50 лет со смерти Ярослава в Новгороде сменилось шесть князей, и Новгород стал думать, как бы завести своего постоянного князя. В 1102 г. там сидел посаженный еще в детстве и «вскормленный» Новгородом сын Мономаха Мстислав. Великий князь Святополк и Мономах решили вывести Мстислава из Новгорода и по заведенному обычаю посадить на его место великокняжеского сына. Узнавши об этом, новгородцы послали в Киев послов, которые на княжем дворе сказали великому князю: «Послал нас Новгород и вот что велел сказать тебе: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, пошли его в Новгород; Мстислава дал нам Всеволод (дед), мы для себя его вскормили». Великий князь много препирался с послами, но те стали на своем, взяли Мстислава и уехали с ним в Новгород. Князья не всегда послушно подчинялись вмешательству городов, но поневоле должны были сообразоваться с его возможностью и вероятными последствиями.

Значение очередного порядка. Все изложенные условия позволяют нам ответить на поставленный вопрос о действии очередного порядка, т. е. о его значении: считать ли его только политическою теорией князей, их идеалом, или он был действительным политическим порядком, и если был таковым, то в какой силе и долго ли действовал? Он был и тем и другим: в продолжение более чем полутора веков со смерти Ярослава он действовал всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполне. До конца этого периода он не терял своей силы, насколько его основания были применимы к запутывавшимся княжеским отношениям; но он никогда не получал такого развития, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутывать эти отношения, устранять всякие столкновения между князьями. Эти столкновения, не разрешаясь им, заставляли отступать от него или искажать его, во всяком случае расстраивали его. Потому действие очередного порядка было процессом его саморазрушения, состояло в его борьбе с собственными последствиями, его расстраивавшими.

Это — нередкое явление в истории обществ: люди мысленно живут житейским строем, который признается единственно правильным и нарушается на каждом шагу. Но при описанном ходе дел спрашивается, какой порядок мог установиться в Русской земле и мог ли держаться какой-либо порядок? Отвечая на этот вопрос, надобно строго различать порядок княжеских отношений и земский порядок на Руси. Последний поддерживался не одними князьями, даже не ими преимущественно, имел свои основы и опоры. Князья не установили на Руси своего государственного порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме Земля жила своими местными порядками, впрочем довольно однообразными. Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счеты — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу. Давность службы могла

внушать им идею власти, они могли воображать себя владетелями, государями земли.

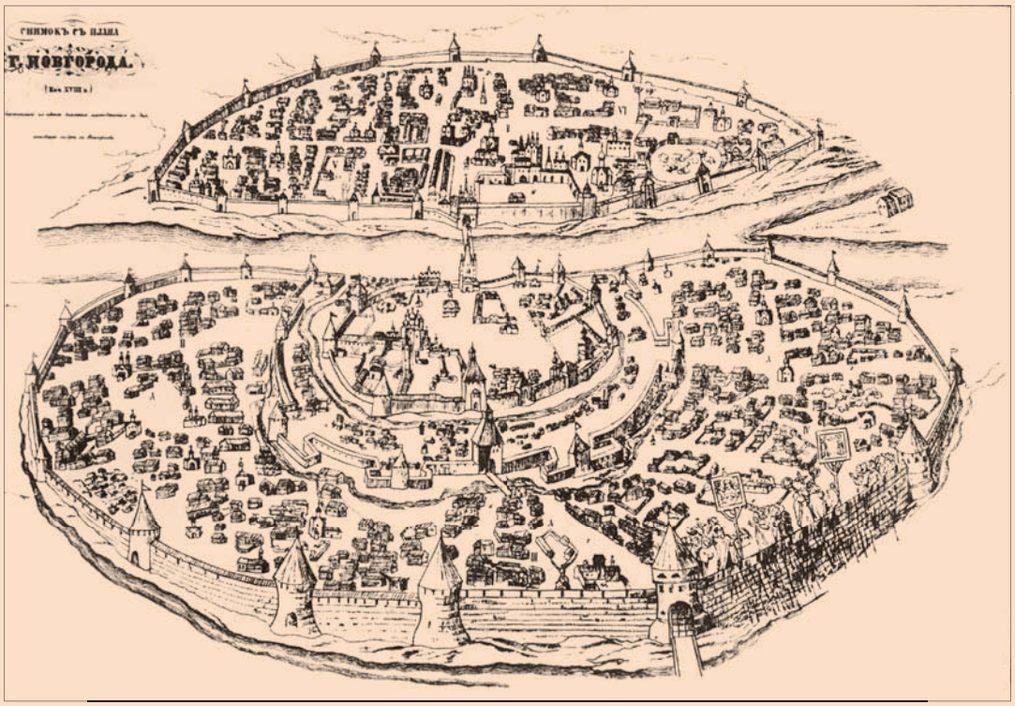
Политическое раздробление. Отсюда вышли два ряда следствий, которыми завершился политической склад Руси к концу I периода. Одним из них было двойное политическое раздробление Руси, династическое и земское. По мере размножения князей отдельные линии княжеского рода все далее расходились друг с другом, отчуждались одна от другой. Сначала племя Ярославичей распадается на две враждебные ветви: Мономаховичей и Святославичей; потом линия Мономаховичей, в свою очередь, разделилась на Изяславичей Волынских, Ростиславичей смоленских, Юрьевичей суздальских, а линия Святославичей — на Давидовичей черниговских и Ольговичей новгород-северских. Каждая из этих ветвей, враждуя с другими из-за владельческой очереди, все плотнее усаживалась на постоянное владение в известной области. Потому, с другой стороны, одновременно с распадением княжеского рода на местные линии и Русская земля распадалась на обособленные друг от друга области, земли. Как мы знаем, первые князья киевские установили политическую зависимость областей от Киева. Эта зависимость поддерживалась княжескими посадниками и выражалась в дани, какую области платили великому князю киевскому. По смерти Ярослава этой зависимости незаметно. Посадники князя киевского в главных городах областей исчезают, уступая место все размножавшимся князьям. Областные или местные князья перестают платить дань Киеву, несовместную с отношениями младших родичей к названному отцу, великому князю киевскому. Вместо постоянной дани младшие князья давали старшему от времени до времени добровольные дары. С владельческим разъединением правящего рода разрывалась и политическая связь областей. Но, делаясь менее зависимыми сверху, областные князья становились все более стеснены снизу. Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождавшие его споры роняли земский авторитет князя. Князь не прикреплялся к месту владения, к тому или другому столу ни династическими, ни даже личными связями. Он приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой. Областное население, естественно, искало усидчивой местной силы, около которой могло бы сосредоточиться, которая постоянно оставалась на месте, не приходила и не уходила, подобно князю. Такая сила давно была уже создана ходом нашей истории. Это были главные города областей.

Князь Изяслав в собрании новгородцев и псковитян предлагает им защиту против оскорблений суздальского князя (1148 г.). Гравюра П. Иванова. XIX в.

Волостные города. Некогда, еще до прихода князей, они одни правили своими областями. Но потом в них произошла большая перемена. В IX в. управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины, военных начальников главного города, тысяцких, сотских и т. д., выходивших из среды торговой городской знати. С появлением князей эта городская аристократия постепенно переходила в состав княжеской дружины, в класс княжих мужей, или оставалась на месте без правительственного дела. Военное управление городов, по личному составу прежде бывшее, может быть, выборным, во всяком случае, туземным по происхождению своего личного состава, теперь стало приказно-служилым, перешло в руки княжих мужей по назначению князя. По мере упадка авторитета князей вследствие усобиц стало опять подниматься значение главных областных городов; вместе с тем политической силой в этих городах явилась вместо исчезнувшей правительственной знати вся городская масса, собиравшаяся на вече. Таким образом, всенародное вече главных областных городов было преемником древней городской торгово-промышленной аристократии. Эти веча волостных городов, в Киеве и Новгороде, появляющиеся по летописи еще в начале XI в., со времени борьбы Ярослава со Святополком в 1015 г., все громче начинают шуметь с конца этого века, делаясь повсеместным явлением, вмешиваясь в княжеские отношения. Князья должны были считаться с этою силой, входить с ней в сделки, заключать «ряды» с городами, политические договоры. Эти договоры определяли порядок, которого должны были держаться местные князья в своей правительственной деятельности. Так власть местных князей является ограниченной вечами волостных городов. Случаи такого договора мы встречаем в самом Киеве. В 1146 г., по смерти великого князя Всеволода из линии черниговских князей, на великокняжеском столе по уговору с киевлянами должен был сесть его брат Игорь. Но киевляне, много терпевшие при Всеволоде от княжеских городских судей, тиунов, восстали и потребовали от Игоря, чтоб впредь он сам судил горожан, не поручая суда своим приказчикам. Князь Игорь должен был дать киевлянам обязательство в том, что впредь городской судья будет назначаться по соглашению с городом, т. е. с его вечем.

Ряды с городами. Эти ряды князей с волостными городами были новым явлением Руси XI и XII вв. и внесли важную перемену в ее политическую жизнь или, точнее, были выражением такой перемены, подготовленной ходом дел на Руси. Весь княжеский род оставался носителем верховной власти в Русской земле; отдельные князья считались только временными владельцами княжеств, доставшихся им по очереди старшинства. При сыновьях и внуках Ярослава эта владельческая очередь простиралась на всю Русскую землю. В дальнейших поколениях Ярославова рода, когда он распался на отдельные ветви, каждая ветвь заводила свою местную очередь владения в той части Русской земли, где она утверждалась. Эти части, земли, как их называет летопись XII в., почти все были те же самые городовые области, которые образовались вокруг древних торговых городов еще до призвания князей: Киевская, Переяславская. Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская. К этим древним областям присоеди-

нились образовавшиеся позднее области: Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская. Из этих земель Киевская, Переяславская и Новгородская оставались в общем владении княжеского рода, или, точнее, служили предметом спора для князей; в остальных основались отдельные линии княжеского рода: в Полоцкой — потомство Владимирова сына Изяслава, в Черниговской — линия Ярославова сына Святослава, в Волынской, Смоленской и Ростовской — ветви Мономахова потомства и т. д. Первоначальными устроителями этих областей были древние торговые города Руси, по именам которых они и назывались. С образованием Киевского княжества на этих городовых областях основались административное деление страны, а потом династический распорядок владений между первыми Ярославичами. Но в том и другом князья руководились своими собственными правительственными или генеалогическими видами. Теперь все отношения князей не только между собою, но и к главным городам областей стали договорными. Волостной город со своим вечем вошел властным участником в политические соображения князей. Князь, садясь в Киеве, должен был упрочивать старший стол под собою уговором с киевским вечем; иначе бояре напоминали ему: «...ты ся еси еще с людьми Киеве не укрепил». Не посягая на верховные права всего княжеского рода, вечевые города считали себя вправе рядиться с отдельными князьями-родичами.



Изображение Новгорода Великого

Усиление городов. Ограждая свои местные политические интересы договорами с князем, эти города постепенно приобретали в своих областях значение руководящей политической силы, которая соперничала с князьями, а к концу XII в. взяла над ними решительный перевес. В это время областные общества больше смотрели на вечевые сходки своих главных городов, чем на местных князей, являвшихся в них на короткое время. К тому же волостной город в каждой земле был один, а князей обыкновенно бывало много. Управление целой землей редко сосредоточивалось в руках одного князя: обыкновенно она делилась на несколько княжеств по числу наличных взрослых князей известной линии и во владении этими княжествами соблюдалась та же очередь старшинства, сопровождавшаяся обычными спорами и раздорами. Эти изменчивые владения назывались волостями, или наделками, князей: например, в Черниговской земле были княжества Черниговское, Северское (область Новгорода Северского), Курское, Трубчевское. Так в каждой области стали друг против друга две соперничавшие власти — вече и князь, и по мере того как городское вече, представлявшее силу центробежную, брало верх над князем, который, как член владетельного рода, владевшего совместно всей землей, поддерживал связь управляемой области с другими, городовые области все более обособлялись политически. Благодаря этому Русская земля в XII в. распалась на несколько местных, плохо связанных друг с другом областных миров. Такой политический порядок изображается в русской летописи второй половины XII в. По одному случаю она замечает, что новгородцы изначала и смольняне и киевляне и все «власти» (волостные, главные города) на веча, как на думу, сходятся, «на что же старейший (старшие города) сдумают, на том пригороди (города младшие) станут». Значит, вечевые постановления старшего, волостного города имели обязательную силу для его пригородов, как приговоры верховной законодательной власти в области. Изображая политический порядок, установившийся в старых областях, публицист-летописец отметил вече старших городов, но позабыл или не счел нужным упомянуть о князе. Так пал политический авторитет князя перед значением веча. Итак, очередной порядок княжеского владения при содействии условий, его расстраивавших, привел к двойному политическому раздроблению Руси: 1) к постепенному распадению владетельного княжеского рода на линии, все более удалявшиеся одна от другой генеалогически и 2) к распадению Русской земли на городовые области, все более обособлявшиеся друг от друга политически.

Церковь Петра и Павла на Городянке в Смоленске. 1146 г.

Элементы единства. Но тот же порядок с противодействовавшими ему условиями создавал или вызывал к действию ряд связей, сцеплявших части Русской земли в одно если не по-

литическое, то бытовое земское целое. Это второй ряд следствий очередного порядка. Перечислим эти связи.

Князья. Первою из этих бытовых связей являются главные виновники политического раздробления Руси, сами князья, точнее говоря, то впечатление, какое производили они на Русскую землю своими владельческими отношениями. Очередной порядок владения, захватывая прямо или косвенно все части Русской земли, устанавливал между ними невольное общение, всюду пробуждал известные одинаковые думы, помыслы, вносил или затрагивал одинаковые чувства и заботы. Несмотря на повсеместный упадок княжеского авторитета, с князем в каждой области связаны были многие существенные местные интересы. Областные миры тяготились княжескими спорами, были равнодушны к княжеским счетам о старшинстве; но они не могли оставаться равнодушны к последствиям этих споров, которые иногда тяжело отзывались на областном населении. Таким образом, благодаря передвижению князей из волости в волость все части земли невольно и незаметно для себя и князей смыкались в одну цепь, отдельные звенья которой были тесно связаны друг с другом. Смена князя в одной волости чувствительно отзывалась на положении других, даже отдаленных. Сядет в Киеве великий князь из Мономаховичеи — он пошлет править Новгородом своего сына. Тот придет со своими боярами, своею дружиною, которая займет все важные правительственные должности в области. С этими боярами князь станет, выражаясь языком древнерусских памятников, «суды судить, ряды рядить, всякие грамоты записывать». Но сгонит великого князя с киевского стола родич из Чернигова или с Волыни, и сын согнанного должен будет уйти из Новгорода вместе со своей дружиной. На место ушедшего явится новый князь, обыкновенно враждебный предшествовавшему. Для новгородцев возникал важный вопрос, знает ли новый князь порядки новгородские, местную старину-пошлину, даже захочет ли знать ее. Пожалуй, из вражды к предшественнику станет он суды судить и ряды рядить не по-старому, старые грамоты пересуживать.

Древнерусская княжеская печать. XI–XII вв.

Таким образом, княжеский круговорот втягивал в себя местную жизнь, местные интересы областей, не давая им слишком обособляться. Области эти поневоле вовлекались в общую сутолоку жизни, какую производили князья. Они еще далеко не были проникнуты одним национальным духом, сознанием общих интересов, общей земской думой, но, по крайней мере, приучались все более думать друг о друге, внимательно следить за тем, что происходило в соседних или отдаленных областях. Так, благодаря очередному порядку княжеского владения создавалось общее настроение, в котором первоначально отчетливо сказывалось, может быть, только чувство общих затруднений, но которое со временем должно было переработаться в сознание взаимных связей между всеми частями Русской земли.

Их дружины. Одинаковое с князьями общеземское значение имели и их дружины. Чем больше размножался княжеский род и чем сильнее разгоралась борьба со степью, тем больше увеличивался численно служилый дружинный класс. У нас нет достаточно сведений о количестве дружины у отдельных князей. Можно только заметить, что старшие и богатые младшие князья имели довольно многочисленные дворы. Святополк, великий князь киевский, хвалился, что у него до 700 одних отроков, т. е. младших придворных слуг. В Галиче, богатом княжестве XII–XIII вв., во время одной усобицы (1208 г.) перебито было 500 одних бояр; но много их еще разбежалось. Старшие и богатые младшие князья выводили в поле по две и по три тысячи человек дружины. О многочисленности этого класса можно судить еще и по тому, что каждый взрослый князь имел особую, хотя иногда и небольшую, дружину, а во второй половине XII в. таких князей действовало несколько десятков, если не целая сотня. Дружина по-прежнему имела смешанный племенной состав. В X–XI вв., как мы знаем, в ней преобладали еще пришлые варяги. В XII в. в ее состав входят и другие сторонние элементы: рядом с туземцами и обрусевшими потомками варягов видим в ней людей из инородцев восточных и западных, которые окружали Русь, торков, берендеев, половцев, хазар, даже евреев, угров, ляхов, литву и чудь. Очередной порядок княжеского владения, заставляя князей постоянно передвигаться с места на место, делал столь же подвижною и княжескую дружину. Когда князь по очереди переходил с худшего стола на лучший, его боярам и слугам выгодно было следовать за ним, покидая прежнюю волость. Когда князь вопреки очереди покидал лучший

Отдых великого князя Владимира Мономаха после охоты. Художник В. Васнецов. 1848 г.

стол для худшего вследствие усобицы, дружине его выгоднее было покинуть князя и остаться в прежней волости.

Единство княжеского рода позволяло дружиннику переходить от князя к князю, а единство земли — из области в область, ни в том, ни в другом случае не делаясь изменником. Так очередной порядок княжеского владения приучал дружину менять волости, как их меняли князья, менять и князей, как они меняли волости. Притом благодаря этой подвижности старшие дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и через это приобретать прочное местное политическое значение в известной области, тем не менее могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше. Сосчитали всех упоминаемых в летописи дружинников со смерти Ярослава до 1228 г. и насчитали до 150 имен. Из всего этого количества нашли не более шести случаев, когда дружинник по смерти князя-отца, которому он служил, оставался на службе у его

сына, и не более шести же случаев, когда дружинник при княжеской смене оставался в прежней волости; только в двух случаях на важной должности тысяцкого, военного начальника главного областного города, являлись преемственно члены одного и того же боярского рода. Главным образом благодаря этой подвижности у бояр туго развивалась и самая крепкая привязь к месту — землевладение. В XI и XII вв. находим указания на земли бояр и младших дружинников. Но легко заметить, что боярское землевладение развивалось слабо, не составляло главного экономического интереса для служилых людей. Дружинники предпочитали другие источники дохода, продолжали принимать деятельное участие в торговых оборотах и получали от своих князей денежное жалованье. Мы даже знаем наиболее обычный размер этого жалованья. Летописец XIII в., вспоминая, как живали в старину, замечает, что прежде бояре не говорили князю: «Мало мне, князь, 200 гривен». Эти 200 гривен кун (не менее 50 фунтов серебра), очевидно, были в XII в. наиболее обычным окладом боярского жалованья.

Значит, большинство бояр, не приобретая в областях прочного правительственного положения, не имело и влиятельного местного значения экономического. Так служилый человек не привязывался крепко ни к месту службы, ни к лицу или семье князя, которому служил. Не привязанный крепко ни к какому князю, ни к какому княжеству, боярин привыкал сознавать себя слугою всего княжеского рода, «передним мужем» всей Русской земли. У него не могли установиться ни прочные местные интересы в той или другой области, ни прочные династические связи с той или другой княжеской линией. Вместе с другим высшим классом общества, духовенством, и, может быть, еще в большей степени, чем это сословие, многочисленный дружинный класс был подвижным носителем мысли о нераздельности Русской земли, о земском единстве.

Печать Ратибора, боярина князей Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха

Киев. Очередной порядок княжеского владения поддерживал и усиливал общеземское значение политического средоточия Руси, города Киева. Киев был центральным узлом княжеских отношений: туда направлялся княжеский круговорот: оттуда он нормировался. Удобства жизни в Киеве, фамильные предания, честь старшинства, названного отчества, церковное значение этого города делали его заветной мечтой для каждого князя. Молодой княжич, кружась по отдаленным областям, не спускал с него глаз, спал и видел его. Превосходное поэтическое выражение этой тоски по Киеву, одолевавшей молодого князя, находим в Слове о полку Игореве. В 1068 г. киевляне восстали на великого князя Изяслава и прогнали его, а на великокняжеский стол возвели посаженного старшими князьями в тюрьму Всеслава полоцкого. Только семь месяцев посидел Всеслав

Киев рубежа XII–XIII вв. Вид от Печерского монастыря. Реконструкция

на киевском столе, лишь дотронулся копьем до него и должен был бежать в Полоцк. Но он уже всю жизнь не мог забыть Киева. Бывало, рано утром зазвонят к заутрени у св. Софии в Полоцке, а князю все еще слышится знакомый звон у св. Софии киевской. Доля этих княжеских чувств к Киеву сообщалась и населению русских областей, даже самых отдаленных. Оно также все более и все чаще приучалось думать о Киеве, где сидел старший князь Русской земли, откуда выходили все добрые княжеские походы в степь на поганых, где жил высший пастырь русской церкви, митрополит всея Руси, и сосредоточивались наиболее чтимые святыни Русской земли. Выражение этого народного отношения к Киеву мы встречаем в известном духовном стихе о Голубиной книге. Отвечая на вопрос, какой город всем городам мать, он иногда, забывая про Иерусалим, поет: «А Киев град всем городам мати».

Культурное влияние княжеских отношений. Усиливая земское значение главного города Русской земли, очередной порядок княжеского владения содействовал успехам общежития и гражданственности в самых отдаленных углах Руси. Чем больше становилось князей, тем мельче дробилась Русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получал от старших родичей особую волость. Благодаря этому отдаленные захолустья постепенно превращались в особые княжества. В каждом из этих княжеств являлся свой стольный город, куда наезжал князь со своей дружиной, своими боярами. Город обстраивался, князья украшали его храмами, мона-

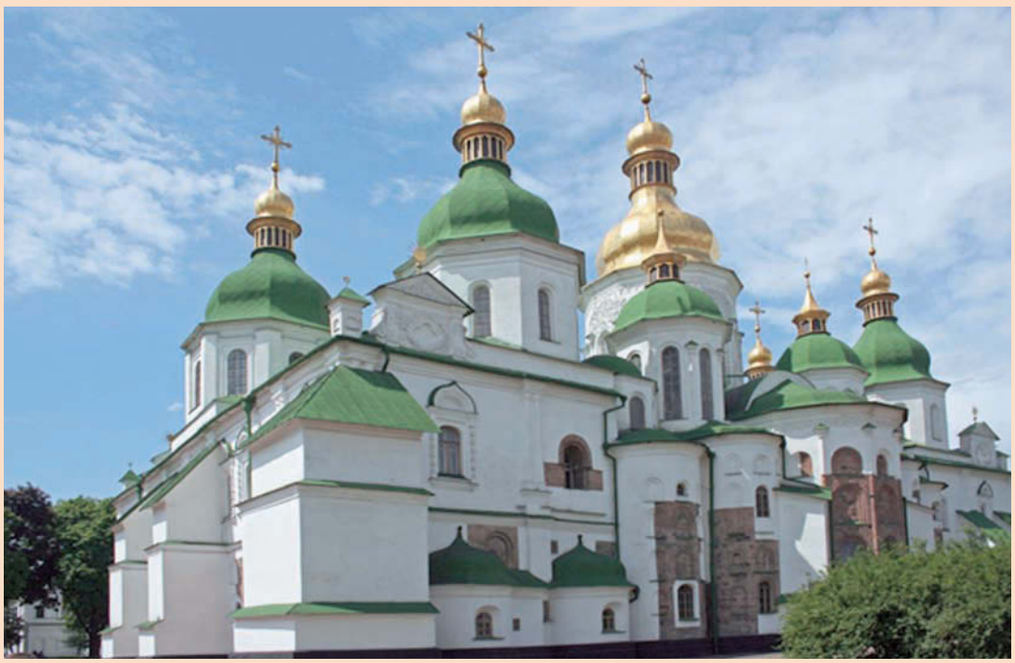
Строительство моста через Днепр в Киеве в 1125 г. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

стырями; среди простеньких обывательских домов появлялись большие хоромы и дворы княжеские и боярские, и все устроялось по-киевски. Таким образом в разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, снятые с одного образца. Таким образом и руководителем местной жизни служил Киев, источник права, богатства, знания и искусства для всей тогдашней Руси. Благодаря распространению князей по Русской земле совершалось известное обобщение житейских отношений, нивелировка местной жизни: во всех частях земли устанавливались одинаковые бытовые формы, одинаковые общественные вкусы и понятия. Перелетные птицы Русской земли, князья со своими дружинами, всюду разносили семена культуры, какая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве.

Князья и земля. Изученные нами два противоположных ряда последствий, вышедших из борьбы очередного порядка с условиями, его разрушавшими, дают нам возможность определить политический строй тогдашней Русской земли, обозначить форму ее политического быта привычной нам терминологией. Что такое была Русская земля в XII в. как политический состав? Было ли это единое, цельное государство с единой верховной властью, носительницей политического единства страны?

На Руси была тогда единая верховная власть, только не единоличная. Она имела довольно условное, стесненное значение. Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейские ее правители. Их признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок; только в этих пределах они и могли законодательствовать. Но не их дело было созидать новый земский порядок: такого полномочия верховной власти еще не было ни в действовавшем праве, ни в правовом сознании земли. Князья внесли немало нового в земские отношения Руси, но не в силу своей власти, а по естественному ходу дел: эти новости рождались не только из действия княжеского порядка владения, но и из противодействия ему, например, из вмешательства волостных городов. К числу этих новостей относится и то, что княжеский род стал элементом единства Русской земли. Естественное преемство поколений сообщило потомству Владимира Святого вид династии, платным сторожам Руси дало монополию наследственного правления землей. Это был простой факт, никогда не закрепленный признанием земли, у которой не было

и органа для такого признания: при замещении столов волостные города договаривались с отдельными князьями, а не с целым княжеским родом. Порядок совместного княжеского владения и стал одним из средств объединения земли; но он был не актом их учредительной власти, а следствием их неуменья разделиться, как разделились потом суздальские потомки Всеволода III. Так две общественные силы стали друг против друга, князья со своим родовым единством и земля, разделенная на области. При первом взгляде Русская земля представляется земской федерацией, союзом самостоятельных областей, земель. Однако их объединял политически только княжеский род, помимо которого между ними не было другой политической связи. Но и единство княжеского рода было не государственным установлением, а бытовым обычаем, к которому была равнодушна земля и которому подчас противодействовала. В этом заключались существенные отличия Руси XII в. как земского союза от федерации в привычном смысле этого слова. Основание федерации — постоянный политический договор, момент юридический; в основе княжеского совместного владения лежал факт происхождения, момент генеалогический, из которого выходили постоянно изменявшиеся личные соглашения. Этот факт навязывал князьям солидарность действий, не давая им постоянных норм, не указывая определенного порядка отношений. Далее, в федерации должны быть союзные учреждения, простирающие свое действие на всю союзную терри-



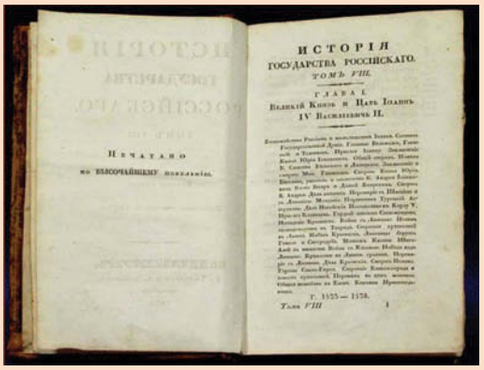
Николо-Дворищенский собор на Ярославовом дворище в Великом Новгороде, заложенный Мстиславом

торию. Правда, и на Руси XII в. было два таких учреждения: власть великого князя киевского и княжеские съезды. Но власть великого князя киевского, вытекая из генеалогического факта, а не из постоянного договора, не была точно определена и прочно обеспечена, не имела достаточных средств для действия и постепенно превратилась в почетное отличие, получила очень условное значение. Какие сколько-нибудь определенные, обязательные политические отношения могли выйти из такого неполитического источника, как звание названого отца? Это генеалогическая фикция, а не реальная политическая власть. Каждый младший родич, областной князь, считал себя вправе противиться великому князю киевскому, если находил его действия неправильными, неотеческими. С другой стороны, по призыву великого князя нередко устраивались княжеские съезды для обсуждения общих дел. Такими общими делами были обыкновенно вопросы законодательства, чаще вопросы о взаимных отношениях князей и о средствах защиты Русской земли от внешних врагов. Но эти съезды никогда не соединяли всех наличных князей и никогда не было точно определено значение их постановлений. Князья, не присутствовавшие на съезде, едва ли считали для себя обязательными их решения; даже князья, участвовавшие в съезде, считали себя вправе действовать вопреки его решению, по личному усмотрению. На съезде в Витичеве в 1100 г. старшие двоюродные братья Святополк, Мономах, Давид и Олег (Святославичи), приговоривши наказать Давида Игоревича Волынского за ослепление Василька, постановили отнять и у этого последнего его Теребовльскую волость как у неспособного править ею. Но Ростиславичи Володарь и Василько не признали этого решения. Старшие князья хотели принудить их к тому силой; но самый видный из членов съезда Мономах, участвовавший в этом решении, отказался идти в поход, признав за Ростиславичами право ослушаться съезда на основании постановления прежнего съезда в Любече (1097 г.), где за Васильком был утвержден Теребовль.

Так ни власть великого князя, ни княжеские съезды не сообщали Русской земле характера политической федерации, союзного государства в точном смысле слова. Русская земля представляла собою не союз князей или областей, а союз областей через князей. Это была федерация не политическая, а генеалогическая, если можно соединять в одном определении понятия столь различных порядков, федерация, построенная на факте родства правителей, союз невольный по происхождению и ни к чему не обязывавший по своему действию — один из тех средневековых общественных составов, в которых из частноправовой основы возникали политические отношения. Русская земля не делилась на части, совершенно обособленные друг от друга, не представляла кучи областей, соединенных только соседством. В ней действовали связи, соединявшие эти части в одно целое; только эти связи были не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные. Не было единства государственного, но завязывалось единство земское, народное. Нитями, из которых сплеталось это единство, были не законы и учреждения, а интересы, нравы и отношения, еще не успевшие облечься в твердые законы и учреждения. Перечислим еще раз эти связи: 1) взаимное невольное общение областей, вынужденное действием очередного

порядка княжеского владения, 2) общеземский характер, усвоенный высшими правящими классами общества, духовенством и княжеской дружиной, 3) общеземское значение Киева как средоточия Руси не только торгово-промышленного, но и церковно-нравственного и 4) одинаковые формы и обстановка жизни гражданского порядка, устанавливавшиеся во всех частях Руси при помощи очередного порядка княжеского владения.

Двоякое действие очередного порядка. Двоякое действие очередного порядка и условий, его расстраивавших, привело к двойственному результату: оно 1) разрушило политическую цельность, государственное единство Русской земли, над которым, по-видимому, с таким успехом трудились первые киевские князья, и 2) содействовало пробуждению в русском обществе чувства земского единства, зарождению русской народности. В этом втором результате, кажется, надобно искать разгадки своеобразного отношения к старой Киевской Руси со стороны нашего народа и нашей историографии. И народ, и историки до сих пор относятся к этой Руси с особенным сочувствием, которое кажется неожиданным при том хаотическом впечатлении, какое выносим из изучения этого периода. В современной русской жизни осталось очень мало следов от старой Киевской Руси, от ее быта. Казалось бы, от нее не могло остаться каких-либо следов и в народной памяти, а всего менее благодарных воспоминаний. Чем могла заслужить благодарное воспоминание в народе Киевская Русь со своей неурядицей, вечной усобицей князей и нападениями степных поганых? Между тем для него старый Киев Владимира Святого — только предмет


ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ VIII.
ГЛАВА I.
Великій Князь и Царь Іоаннъ
IV Васильевичъ II.
Печатано
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

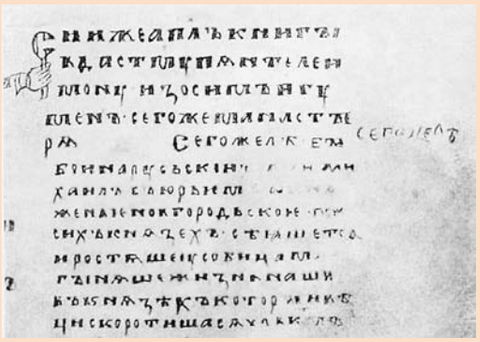
Н. М. Карамзин.
«История Государства Российского»

поэтических и религиозных воспоминаний. Язык до Киева доведет: эта народная поговорка значит не то, что неведома дорога к Киеву, а то, что везде всякий укажет вам туда дорогу, потому что по всем дорогам идут люди в Киев; она говорит то же, что средневековая западная поговорка: все дороги ведут в Рим. Народ доселе помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой, непритворно любит и чтит его, как не любил и не чтил он ни одной из столиц, его сменивших, ни Владимира на Клязьме, ни Москвы, ни Петербурга. О Владимире он забыл, да и в свое время мало знал его; Москва была тяжела народу, он ее немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится. Столь же сочувственно относится к Киевской Руси и наша историография. Эта Русь не выработала прочного политического порядка, способного выдержать внешние удары; однако исследователи самых различных направлений вообще наклонны рисовать жизнь Киевской Руси светлыми красками. Где причина такого отношения? В старой киевской жизни было много неурядиц, много

бестолковой толкотни; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием. Зато в князьях того времени так живо было родственное, точнее, генеалогическое чувство, так много удали, стремления «любо налезти собе славу, а любо голову свою сложить за землю Русскую», на поверхности общества так много движения, а люди вообще неравнодушны к временам, исполненным чувства и движения. Но это мы, поздние наблюдатели, находим эстетическое удовольствие в оживленном движении, изображаемом летописью XI–XII вв. Сами участники движения, наверное, выносили несколько иное впечатление из шума, какой они производили и переживали. Они видели себя среди все осложнявшихся затруднений и опасностей, внутренних и внешних, и все сильнее чувствовали, что с этими делами им не справиться разобщенными местными силами, а необходимо дружное действие всей земли. Необходимость эта особенно живо должна была чувствоваться после Ярослава и Мономаха. Эти сильные князья умели забирать в свои руки силы всей земли и направлять их в ту или другую сторону. Без них, по мере того как их слабые родичи и потомки запутывались в своих интересах и отношениях, общество все яснее видело, что ему самому приходится искать выхода из затруднений, обороняться от опасностей. В размышлениях о средствах для этого киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе о Русской земле, об общем земском деле.

Пробуждение во всем обществе мысли о Русской земле, как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого, — это и было коренным, самым глубоким фактом времени, к которому привели разнообразные, несоглашенные и нескладные, часто противодействовавшие друг другу стремления князей, бояр, духовенства, волостных городов, всех общественных сил того времени. Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народной памяти. Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились и которые легли во главу угла их сознания и настроения, обыкновенно отливаются в ходячие стереотипные выражения, повторяемые при всяком случае. В XI–XII вв. у нас таким стереотипом была Русская земля, о которой так часто говорят и князья и летописцы. В этом и можно видеть коренной факт нашей истории, совершившийся в те века: Русская земля, механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала чувствовать себя цельным народным или земским составом. Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси как о колыбели русской народности.

Общеземское чувство. Этого факта, конечно, не докажешь какой-либо цитатой, тем или другим местом исторического памятника, но он сквозит всюду, в каждом проявлении духа и настроения времени. Прочитайте или припомните рассказ Даниила Паломника из Черниговской земли о том, как он в начале XII в. ставил русскую лампаду на Гробе Господнем в Иерусалиме. Пришел он к королю Балдуину с просьбой разрешить ему это дело. Король знал русского игумена и



Страница из Псковского Апостола 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве»

встретил его ласково, потому что был он человек добрый и смиренный. Что тебе надо, игумене русский? — спросил он Даниила. Князь и господин, — отвечал ему Даниил, — хотел бы я на Гробе Господнем поставить лампаду от всей Русской земли, за всех князей и за всех христиан Русской земли. По ходу политических дел на Руси Черниговская область рано стала обособляться от других русских областей, и земские русские чувства по характеру и отношениям черниговских Святославичей могли находить себе пищи менее, чем где-либо при тамошних княжеских столах. Ничего этого не сказалось в Слове о полку Игореве, певец которого принадлежал к черниговской княжеской дружине. Поэма вся проникнута живым общеземским чувством и чужда местных сочувствий и пристрастий. Когда ее северские и курские полки вступили в степь, он восклицает: «О Русская земля! уже ты за холмами». Эти полки зовутся в ней русичами, русскими полками; разбитые, они ложатся за землю Русскую; тоска разливается по всей Русской земле, когда распространилась весть об этом поражении. Не своих черниговских Святославичей, а Мономаховичей, Всеволода из Суздальской земли, Рюрика и Давида из Смоленской, Романа с Волыни зовет северский певец вступиться за обиду своего времени, за землю Русскую.

Его пределы. Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ. Пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа. Народ — понятие слишком сложное, заключающее в себе духовно-нравственные признаки, еще не дававшиеся тогдашнему сознанию или даже еще не успевшие достаточно обнаружиться в самом русском населении. Притом не успели еще сгладиться остатки старинного племенного деления, и в пределах Русской земли было много нетронутых ассимиляций иноплеменников, которых еще нельзя было ввести в понятие русского общества. Из всех элементов, входящих в состав государства, территория наиболее доступна пониманию; она и служила определением народности. Потому чувство народного единства пока выражалось еще только в идее общего отечества, а не в сознании национального характера и исторического назначения и не в мысли о долге служения народному благу, хотя и пробуждалось уже помышление о нравственной ответственности перед отечеством наравне со святыней. На Любецком съезде князья, поцеловав крест на том, чтобы всем дружно вставать на нарушителя договора, скрепили свое решение заклятием против зачинщика: «...да будет на него крест честной и вся земля Русская».

Два взгляда на Русскую Правду. В нашей литературе по истории русского права господствуют два взгляда

на происхождение Русской Правды. Одни видят в ней не официальный документ, не подлинный памятник законодательства, как он вышел из рук законодателя, а приватный юридический сборник, составленный каким-то древнерусским законоведом или несколькими законоведами для своих частных надобностей. Другие считают Русскую Правду официальным документом, подлинным произведением русской законодательной власти, только испорченным переписчиками, вследствие чего явилось множество разных списков Правды, различающихся количеством, порядком и даже текстом статей. Разберем Русскую Правду, чтобы проверить и оценить оба этих взгляда.

Читая Русскую Правду, вы прежде всего узнаете по заглавию над первой статьей памятника в древнейших списках, что это «суд» или «устав» Ярослава. В самом памятнике не раз встречается замечание, что так «судил» или «уставил» Ярослав. Первое заключение, к которому приводят эти указания, то, что Русская Правда есть кодекс, составленный Ярославом и служивший руководством для княжеских судей XI в. И в нашей древней письменности сохранилась память о Ярославе как установителе правды, закона: ему давалось иногда прозвание *Правосуда*. Всматриваясь ближе в памятник, мы соберем значительный запас наблюдений, разрушающих это первое заключение.

Ярослав-законодатель. Гравюра Б. А. Чорикова. XIX в.

Выводы. Мы замечаем, что Русская Правда — закон не одного Ярослава, еще составлялась и в XII в., долго после Ярославовой смерти, что она представляет не везде подлинный текст закона, а часто только его повествовательное изложение, что Русская Правда игнорирует судебные поединки, несомненно практиковавшиеся в русском судопроизводстве XI и XII вв., но противные церкви, что Русская Правда является не как особый самостоятельный судебник, а только как одна из дополнительных статей к Кормчей, и что эта Правда составлялась не без влияния памятников церковно-византийского права, среди которых она вращалась.

К чему приводит совокупность этих наблюдений? Думаю, к тому, что читаемый нами текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе. Церковный кодификатор воспроизводил действовавшее на Руси право, имея в виду потребности и основы церковной юрисдикции, и воспроизводил только в меру этих потребностей и в духе этих основ. Вот почему Правда не хочет знать поля. Потому же она молчит о преступле-

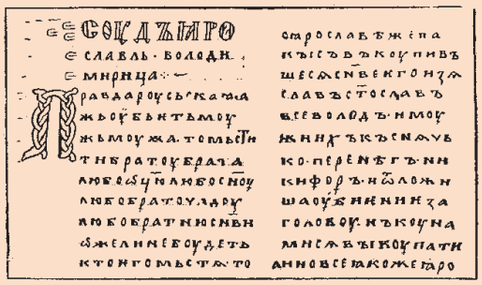
ниях политических, не входивших в компетенцию церковного суда, также об умычке, об оскорблении женщин и детей, об обидах словом: эти дела судились церковным судом, но на основании не Русской Правды, а особых церковных законоположений, как увидим.

Судьба памятника. До половины XI в. еще крепкий древний обычай давал княжеским судам возможность обходиться без письменного свода законов. Но различные обстоятельства, успехи гражданственности, особенно появление христианской церкви с чуждым для Руси церковным и византийским правом, с новыми для нее юридическими понятиями и отношениями — все это должно было поколебать древний туземный юридический обычай и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждом шагу задавала судье вопросы, на которые он не находил ответа в древнем туземном обычае или ответ на которые можно было извлечь из этого обычая лишь путем его напряженного толкования. Это должно было вызвать и среди княжеских судей потребность в письменном изложении действовавшего судебного порядка, приноровленном к изменившемуся положению дел. Русская Правда устраняла часть этих судебных затруднений: она давала ответы на многие из этих новых вопросов, старалась примениться к новым понятиям и отношениям. Я думаю, что с течением времени Русская Правда, имевшая обязательное действие только в сфере церковной юрисдикции, стала служить руководством и для княжеских судей, но едва ли обязательным, скорее, имевшим значение юридического пособия, как бы сказать, справочного толкования действовавшего права.

Ярослав Мудрый.
Реконструкция М. М. Герасимова

Время составления. В древней новгородской летописи читаем, что в 1016 г. Ярослав, отпуская домой помогавших ему в борьбе со Святополком новгородцев, будто бы дал им «правду и устав списал», сказав им: «... по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите». Вслед за этими словами приведена краткая редакция Русской Правды с дополнительными постановлениями сыновей Ярослава. Это известие или предание возникло, очевидно, вследствие желания объяснить, почему в летописи под 1016 г. помещался этот памятник. Мы уже знаем, что в пространную редакцию Правды внесено постановление великого князя Владимира Мономаха; следовательно, она продолжала составляться и в первой половине XII в. В краткой редакции еще нет этого постановления: можно думать, что она составилась раньше великокняжения Мономаха, не позднее самого начала XII в. Но окончательный состав, в каком является Правда по простран-

ной редакции, она получила позднее половины XII в. Указание на это находим в денежном счете, какого держится Правда.



Правда Ярослава Владимировича Мудрого. Из Новгородской первой летописи. 1282 г.

Собирательный характер списков. Итак, Русская Правда есть свод разновременных частичных сводов и отдельных статей, сохранившийся притом в нескольких редакциях, тоже разновременных. Что можно в ней назвать Правдой Ярослава — это небольшое количество древнейших статей свода, воспроизводящих юридический порядок времен этого князя.

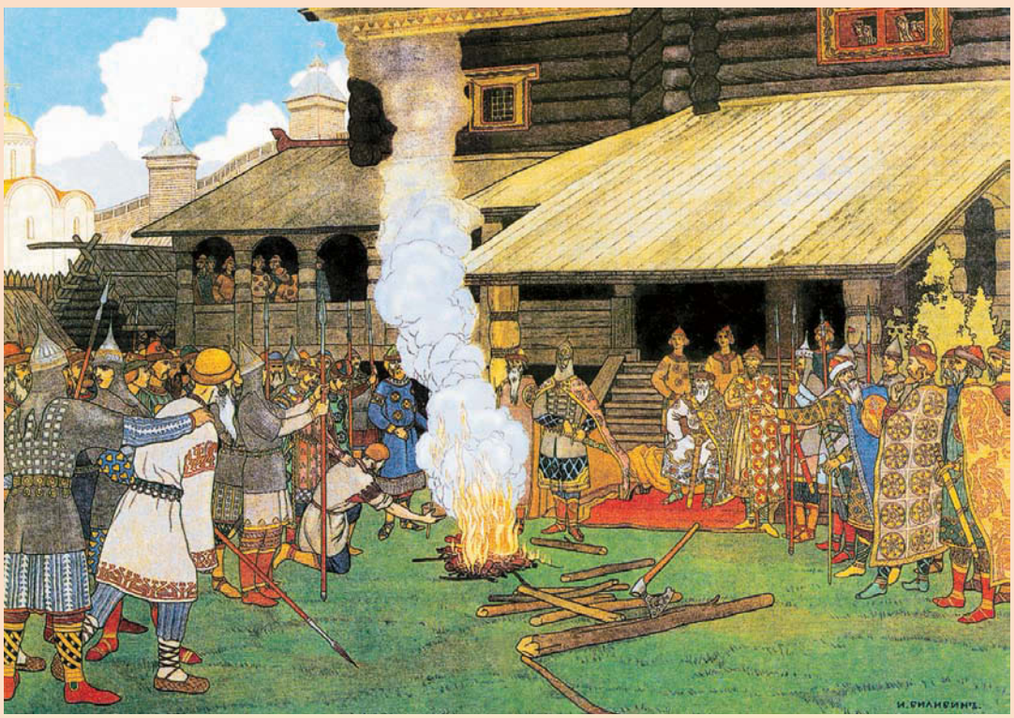
Система наказаний по Русской Правде. Чертой, какую Русская Правда проводит между уголовным преступлением и гражданским правонарушением, служит денежное взыскание в пользу князя за первое. Значит, если Русская Правда и понимала ответственность за преступление и даже не только перед потерпевшим, но и перед обществом в лице князя, то ответственность только внешнюю, материальную, без участия нравственного мотива.

Правде, впрочем, не чужды и нравственные мотивы: она отличает убийство неумышленное, «в сваде» или «в обиду», от совершенного с заранее обдуманным намерением, «в разбое», преступление, обличающее злую волю, от правонарушения, совершенного по неведению, действие, причиняющее физический вред или угрожающее жизни, например отсечение пальца, удар мечом, не сопровождавшийся смертью, хотя и причинивший рану, отличает от действия менее опасного, но оскорбительного для чести: от удара палкой, жердью, ладонью или если вырвут усы или бороду, и за последние действия наказывает пеней вчетверо дороже, чем за первые; она, наконец, совсем не вменяет действий, опасных для жизни, но совершенных в случае необходимой обороны или в раздражении оскорбленной чести, например удара мечом, нанесенного в ответ на удар палкой, «не терпя противу тому». Здесь прежде всего закон дает понять, что оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т. е. военнослужилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых.

Сделки и обязательства. Столь же важное значение капитала открывается в постановлениях Правды, относящихся к области гражданского права, в ее статьях об имущественных сделках и обязательствах. Правда, т. е. право, ею воспроизводимое, смутно понимает преступления против нравственного порядка; в ней едва мерцает мысль о нравственной несправедливости; зато она тонко различает и точно определяет имущественные отношения.

Она строго отличает отдачу имущества на хранение (*поклажа*, кажется, перевод с греческого) от займа, простой заем, бескорыстную ссуду, одолжение по дружбе от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного и, наконец,

заем от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Далее, в Правде находим точно определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, т. е. порядок торгового конкурса с различением несостоятельности злостной и несчастной. Замечаем следы значительного развития торговых операций в кредит. Русская Правда довольно отчетливо различает несколько видов кредитного оборота. *Гости,* иногородние или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, продавали им в долг. Купец давал своему гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию, для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша. Обе последние операции Правда рассматривает как сделки товарищей по доверию; юридическая их особенность та, что при передаче денег доверителем доверенному, комиссионеру или товарищу, не требовалось присутствия свидетелей, «послухов», как при займе из условленного процента: в случае спора, иска со стороны доверителя, дело решается присягой доверенного. При конкурсе предпочтение отдается гостям, кредиторам иногородним и иноземным, или казне, если за несостоятельным купцом окажутся «княжи куны»: они получают деньги из конкурсной массы полным рублем, а остаток делится между «домашними» кредиторами. Встречи



Суд во времена Русской Правды. Художник И. Я. Билибин. Начало XX в.

гостей с казной в конкурсе Правда, кажется, не предусматривает, и потому не видно, дает ли она предпочтение казне пред иноземцами, как это было установлено в позднейшем законодательстве, или, наоборот, как в подобном случае постановил смоленский договор с немцами 1229 г.

Можно отметить при этом некоторую внутреннюю несоразмерность в Русской Правде: воспроизводя правовое положение личности, она довольствуется простейшими случаями, элементарными обеспечениями безопасности; зато, формулируя имущественные отношения, ограждая интересы капитала, она обнаруживает замечательную для ее юридического возраста отчетливость и предусмотрительность, обилие выработанных норм и определений. Видно, что житейская и судебная практика доставляла кодификаторам неодинаково ценный материал в той и в другой области.

Влияние церкви на политический порядок. По рассмотренным церковным уставам при пособии других современных им памятников можно составить общее суждение о том действии, какое оказала Церковь на быт и нравы русского общества в первые века его христианской жизни. Русский митрополит-грек XI в. Иоанн II в своих церковных правилах дал наставление духовному лицу, спрашивавшему его о разных предметах церковной практики: «...прилежи паче закону, неже обычаю земли». Ни русская церковно-судебная практика, ни русская кодификация, насколько та и другая проявились в Русской Правде и уставе Ярослава, не оправдали этого наставления, оказав слишком много внимания обычаю земли.

Наперсный крест. Византия, XI в.

Нательные кресты. XIII в. Из раскопок на территории Московского Кремля.

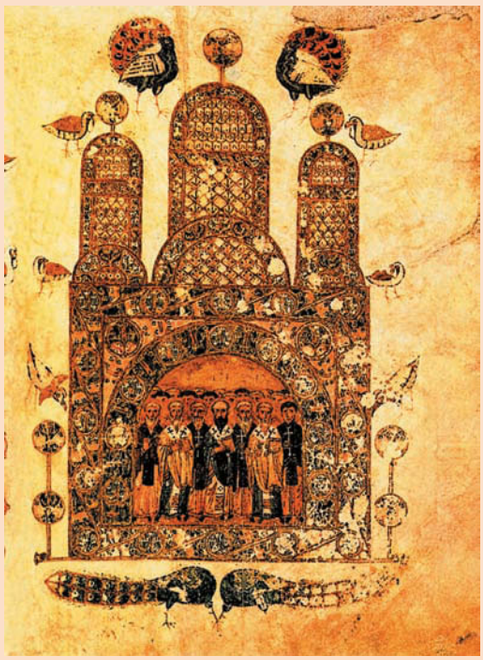
Церковь не пыталась перестроить ни форм, ни оснований государственного порядка, какой она застала на Руси, хотя пришлой церковной иерархии, привыкшей к строгой монархической власти и политической централизации, русский государственный порядок, лишенный того и другого, не мог внушать сочувствия. Церковная иерархия старалась только устранить или ослабить некоторые тяжелые следствия туземного порядка, например, княжеские усобицы, и внушить лучшие политические понятия, разъясняя князьям истинные задачи их деятельности и указывая наиболее пригодные и чистые средства действия. Церковное управление и поучение, несомненно, вносило и в княжескую правительственную и законодательную практику, а может быть, и в поли-

тическое сознание князей некоторые технические и нравственные усовершенствования, понятия о законе, о правителе, начатки следственного судебного процесса, письменное делопроизводство.

Второй период. Обращаюсь к изучению второго периода нашей истории, продолжавшегося с XIII до половины XV в. Наперед отмечу главные явления этого времени, которые составят предмет нашего изучения. Это были коренные перемены русской жизни, если сопоставить их с главными явлениями первого периода. В первом периоде главная масса русского населения сосредоточивалась в области Днепра; во втором она является в области Верхней Волги. В первом периоде устроителем и руководителем политического и хозяйственного порядка был большой торговый город; во втором таким устроителем и руководителем становится князь — наследственный вотчинник своего удела.

Культурные успехи. Пользуясь приливом туземных и заморских богатств в Киев и в другие торговые и административные центры, господствующий класс создал себе привольную жизнь, нарядно оделся и просторно обстроился в городах. Целые века помнили на Руси о воскресных пирах киевского князя, и доселе память о них звучит в богатырской былине, какую поет олонецкий или архангельский крестьянин.

Материальное довольство выражалось в успехах искусств, книжного образования. Богатства привлекали заморского художника и заморские украшения жизни. За столом киевского князя XI в. гостей забавляли музыкой. До сих пор в старинных могилах и кладах южной Руси находят относящиеся к тем векам вещи золотые и серебряные часто весьма художественной работы. Уцелевшие остатки построек XI и XII вв. в старинных городах Киевской Руси, храмов с их фресками и мозаиками поражают своим мастерством того, чей художественный глаз воспитался на архитектуре и живописи Московского Кремля. Вместе с богатствами и искусствами из Византии притекали на Русь также гражданские и нравственные понятия; оттуда в X в. принесено христианство с его книгами, законами, с его духовенством и богослужением, с иконописью, вокальной музыкой и церковною проповедью. Артерией, по которой текли на Русь к Киеву эти материальные и нравственные богатства, был Днепр, тот «батюшка Днепр Словутич», о ко-



«Изборник» Святослава — сборник статей богословского и дидактического характера. Фронтиспис. 1073 г.

тором поет русская песня, донесшаяся от тех веков. Известия XI и XII вв. говорят о знакомстве тогдашних русских князей с иностранными языками, об их любви собирать и читать книги, о ревности к распространению просвещения, о заведении ими училищ даже с греческим и латинским языком, о внимании, какое они оказывали ученым людям, приходившим из Греции и Западной Европы. Эти известия говорят не о редких, единичных случаях или исключительных явлениях, не оказавших никакого действия на общий уровень просвещения; сохранились очевидные плоды этих просветительных забот и усилий. С помощью переводной письменности выработался книжный русский язык, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская летопись XII в. по мастерству изложения не уступает лучшим анналам тогдашнего Запада.

Княжеские усобицы. В постоянных своих усобицах князья мало думали о земельных приобретениях, о территориальном расширении своих областей, в которых они являлись временными владельцами; но, тяготясь малонаселенностью своих частных имений, они старались заселить их искусственно. Лучшим средством для этого был *полон*. Поэтому их общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать как можно больше пленных.

Превратившись в хищническую борьбу за рабочие руки, сопровождавшуюся уменьшением свободного населения, княжеские усобицы еще более увеличивали тяжесть положения низших классов, и без того приниженных аристократическим законодательством XI–XII вв.

Половецкие нападения. Внешние отношения Киевской Руси прибавляли к указанным условиям еще новое, наиболее гибельно действовавшее на ее общественный порядок и благосостояние. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы, за которым простиралось безбрежное море степей, служивших преддверием Азии. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичом для Древней Руси. После поражения, нанесенного Ярославом печенегам в 1036 г., русская степь на некоторое время очистилась; но вслед за смертью Ярослава с 1061 г. начались непрерывные нападения на Русь новых степных ее соседей половцев (куман). С этими половцами Русь боролась упорно в XI и XII столетиях. Эта борьба — главный предмет летописного рассказа и богатырской былины. Половецкие нападения оставляли по себе страшные следы на Руси. Читая летопись того времени, мы найдем в ней сколько угодно ярких красок для изображения бедствий, какие испытывала Русь со степной стороны. Нивы забрасывались, зарастали травою и лесом; где паслись стада, там водворялись звери. Половцы умели подкрадываться к самому Киеву: в 1096 г. хан Боняк «шелудивый» чуть не въехал в самый город, ворвался в Печерский монастырь, когда монахи спали после заутрени, ограбил и зажег его. Города, даже целые области пустели.

До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще с успехом отбивала половцев от границ своих и даже иногда удачно проникала в самую глубь половецких степей; но со смертью этого деятельного Мономаховича ей, очевидно, становилось не под силу сдерживать напор кочевников, и

она начинала отступать перед ними. От этих нападений, разумеется, всего более страдало сельское пограничное население, не прикрытое от врагов городскими стенами. На княжеском съезде в 1103 г. Владимир Мономах живо изобразил великому князю Святополку тревожную жизнь крестьян в пограничных со степью областях. «Весною, — говорил князь, — выедет смерд в поле пахать на лошади и приедет половчин, ударит смерда стрелою и возьмет его лошадь, потом приедет в село, заберет его жену, детей и все имущество, да и гумно его зажжет».

Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа Крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления.

Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни.

Запустение Киевской Руси. Под давлением этих трех неблагоприятных условий, юридического и экономического принижения низших классов, княжеских усобиц и половецких нападений с половины XII в. становятся заметны признаки запустения Киевской Руси, Поднепровья. Речная полоса по среднему Днепру с притоками, издавна так хорошо заселенная, с этого времени пустеет, население ее исчезает куда-то.

Отлив населения на запад. Отлив населения из Поднепровья шел в двух направлениях, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на запад, на Западный Буг, в область верхнего Днестра и верхней Вислы, в глубь Галиции и Польши. Так южно-русское население из Приднепровья возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками еще в VII в.

Малороссийское племя. В связи с этим отливом населения на запад объясняется одно важное явление в русской этнографии, именно образование малороссийского племени. Запустение днепровской Руси, начавшееся в XII в., было завершено в XIII в. (татарским погромом 1229–1240 гг. С той поры старинные области этой Руси, некогда столь густо заселенные, надолго превратились в пустыню со скудным остатком прежнего населения. Еще важнее было то, что разрушился политический и народнохозяйственный строй всего края.

С XV в. становится заметно вторичное заселение среднего Приднепровья, облегченное двумя обстоятельствами: 1) южная степная окраина Руси стала безопаснее вследствие распадения Орды и усиления Московской Руси, 2) в пределах Польского государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство в XV в. стало заменяться барщиной, и крепостное право получило ускоренное развитие, усилив в порабощаемом сельском населении стремление уходить от панского ярма на более привольные места. Совместным действием этих двух обстоятельств и был вызван усиленный отлив крестьянского населения из Галиции и из внутренних областей Польши на юго-восточную приднепровскую окраину Польского государства.

Когда таким образом стала заселяться днепровская Украина, то оказалось, что масса пришедшего сюда

После побоища Игоря Святославича с половцами. Художник В. М. Васнецов. 1880 г.

Пахота. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XIV в.

населения чисто русского происхождения. Отсюда можно заключить, что большинство колонистов, приходивших сюда из глубины Польши, из Галиции и Литвы, были потомки той Руси, которая ушла с Днепра на запад в XII и XIII вв. и в продолжение двух-трех столетий, живя среди литвы и поляков, сохранила свою народность.

Образование великорусского племени. Нам предстоит изучить этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья, Ростовско-Суздальского края. Эти следствия сводятся к одному важному факту в нашей истории, к образованию другой ветви в составе русской народности — *великорусского племени*. Чтобы оценить важность этого разветвления в нашей истории, достаточно припомнить численное соотношение трех основных ветвей русского народа: великороссов приблизительно втрое больше, чем малороссов (в пределах России), а малороссов почти втрое больше, чем белорусов. Значит, великорусское племя составляет девять тринадцатых, или несколько более двух третей, в общей сумме русского населения России.

Приметы. Здесь схвачены все характерные, часто трудноуловимые явления годового оборота великорусской природы, отмечены ее разнообразные случайности, климатические и хозяйственные, очерчен весь годовой обиход крестьянского хозяйства. Все времена года, каждый месяц, чуть не каждое число месяца выступают здесь с особыми метко очерченными климатическими и хозяйственными физиономиями, и в этих наблюдениях, часто доставшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель. Здесь он и наблюдает окружающее, и размышляет о себе, и все свои наблюдения старается привязать к святцам, к именам святых и к праздникам. Церковный календарь — это памятная книжка его наблюдений над природой и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьем-бытьем.

Январь — году начало, зиме — середка. Вот с января уже великоросс, натерпевшийся зимней стужи, начинает подшучивать над нею. Крещенские морозы — он говорит им: «Трещи, трещи — минули водокрещи; дуй не дуй — не к Рождеству пошло, а к Великодню (Пасхе)». Однако 18 января еще день Афанасия и Кирилла; афанасьевские морозы дают себя знать, и великоросс уныло сознается в преждевременной радости: Афанасий да Кирилло забирают за рыло. 24 января — память преподобной Ксении — Аксиньи — полухлебницы-полузимницы: ползимы прошло, половина старого хлеба съедена. Примета: какова Аксинья, такова и весна. Февраль-бокогрей, с боку солнце припекает; 2 февраля Сретение, сретенские оттепели: зима с летом встретились. Примета: на Сретенье снежок — весной дождок. Март теплый, да не всегда: и март на нос садится. 25 марта Благовещенье. В этот день весна зиму поборола. На Благовещенье медведь встает. Примета: каково Благовещенье, такова и

святая. Апрель — в апреле земля преет, ветрено и теплом веет. Крестьянин настораживает внимание: близится страдная пора хлебопашца. Поговорка: апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что-то будет. А зимние запасы капусты на исходе. 1 апреля — Марии Египетской. Прозвище ее: Марья-пустые щи. Захотел в апреле кислых щей! 5 апреля — мученика Федула. Федул-ветреник. Пришел Федул, теплый ветер подул. Федул губы надул (ненастье). 15 апреля — апостола Пуда. Правило: выставлять пчел из зимнего омшаника на пчельник — цветы появились. На св. Пуда доставай пчел из-под спуда. 23 апреля — св. Георгия Победоносца. Замечено хозяйственно-климатическое соотношение этого дня с 9 мая: Егорий с росой, Никола с травой; Егорий с теплом, Никола с кормом. Вот и май. Зимние запасы приедены. Ай май, месяц май, не холоден, да голоден. А холодки навертываются, да и настоящего дела еще нет в поле. Поговорка: май — коню сена дай, а сам на печь полезай. Примета: коли в мае дож — будет и рожь; май холодный — год хлебородный. 5 мая — великомученицы Ирины. Арина-рассадница: рассаду (капусту) сажают и выжигают прошлогоднюю траву, чтобы новой не мешала. Поговорка: на Арину худая трава из поля вон. 21 мая — св. царя Константина и матери его Елены. С Аленой по созвучию связался лен: на Алену сей лен и сажай огурцы; Алене льны, Константину огурцы.

Точно так же среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и «сердца горестных замет» бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовется *июнь — ау!* потом июль — страдник, работник; август, когда серпы греют на горячей работе, а вода уже холодит, когда на Преображенье — второй Спас, бери рукавицы про запас; за ним сентябрь — холоден сентябрь, да сыт — после уборки урожая; далее октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит, ни на санях, ни на телеге не проедешь; ноябрь — курятник, потому что 1 числа, в день Козьмы и Дамиана, бабы кур режут, оттого и зовется этот день — курячьи именины, куриная смерть. Наконец, вот и декабрь-студень, развал зимы: год кончается — зима начинается. На дворе холодно: время в избе сидеть да учиться. 1 декабря — пророка Наума-грамотника: начинают ребят грамоте учить. Поговорка: «Батюшка Наум, наведи на ум». А стужа крепнет, насту-

Зима. Аллегорическое изображение из зодиакального календаря XVII в.

Весна. Аллегорическое изображение из зодиакального календаря XVII в.

Лето. Аллегорическое изображение из зодиакального календаря XVII в.

Осень. Аллегорическое изображение из зодиакального календаря XVII в.

Андрей Боголюбский.
Реконструкция М. М. Герасимова

пают трескучие морозы, 4 декабря — св. великомученицы Варвары. Поговорка: «Трещит Варюха — береги нос да ухо».

Так со святцами в руках или, точнее, в цепкой памяти великоросс прошел, наблюдая и изучая, весь годовой круговорот своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями в этом наблюдении и изучении. Он вспоминал их не в церкви только: он уносил их из храма с собой в свою избу, в поле и лес, навешивая на имена их свои приметы в виде бесцеремонных прозвищ, какие дают закадычным друзьям: Афанасий-*ломонос*, Самсон-*сеногной*, что в июле дождем сено гноит, Федул-*ветреник*, Акулины-*гречишницы*, мартовская Авдотья-*подмочи порог,* апрельская Марья-*зажги снега, заиграй овражки* и т. д. без конца. В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями.

Андрей Боголюбский. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1149 г. Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удальство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем.

Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом. Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нем эту черту характера, говоря: «Не величав был Андрей на ратный чин, т. е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от Бога». Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к матери городов русских и ко всей южной Руси. Когда в 1151 г. Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было

Владимирская икона Божией Матери

к осени. Андрей сказал отцу: «Нам теперь, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдем-ка отсюда затепло (пока тепло)». По смерти Изяслава в 1154 г. Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 г. Самого надежного из своих сыновей Андрея он посадил у себя под рукою в Вышгороде близ Киева, но Андрею не жилось на юге.

Не спросившись отца, он тихонько ушел на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесенную из Греции чудотворную икону Божией Матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под именем Владимирской.

По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей и, наконец, уселся сын Юрьева соперника, Андреев двоюродный племянник Мстислав Изяславич волынский. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев «копьем» и «на щит», приступом, и разграбили его (в 1169 г.). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жен, ни детей: «Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слезы непрестанные». Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда: Киев был отдан младшему Андрееву брату Глебу. Андреевич, посадивши дядю в Киеве, с полками своими ушел домой к отцу на север с честью и славою великою, замечает северный летописец, и с проклятием, добавляет летописец южный.

Церковь Покрова Богородицы на Нерли, построенная в 1165 г. по велению Андрея Боголюбского. Реконструкция первоначального вида

По смерти брата Глеба Андрей отдал Киевскую землю своим смоленским племянникам Ростиславичам. Старший из них, Роман, сел в Киеве, младшие его братья, Давид и Мстислав, поместились в ближайших городах. Сам Андрей носил звание великого князя, живя на своем суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: «Не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там как знаете». В первый раз великий князь, названый отец для младшей братии, обращался так не по-отечески и не по-братски со своими родичами.

Обособление Суздальского великокняжения. До сих пор звание старшего Великого князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный

старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей: таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда.

Так взглянули на ход дел и древние летописцы, отражая в своем взгляде впечатление современников Андрея Боголюбского: по их взгляду, со времени этого князя великое княжение, дотоле единое киевское, разделилось на две части: князь Андрей со своей северной Русью отделился от Руси южной, образовал другое великое княжение, Суздальское, и сделал город Владимир великокняжеским столом для всех князей.

Усобица после его смерти. По смерти Андрея в Суздальской земле разыгралась усобица, по происхождению своему очень похожая на княжеские усобицы в старой Киевской Руси. Случилось то, что часто бывало там: младшие дяди заспорили со старшими племянниками. Младшие братья Андрея Михаил и Всеволод поссорились со своими племянниками, детьми их старшего брата, давно умершего, с Мстиславом и Ярополком Ростиславичами. Таким образом, местному населению открылась возможность выбора между князьями. Старшие города Ростов и Суздаль с боярами Ростовской земли позвали Андреевых племянников, но город Владимир, недавно ставший великокняжеским стольным городом, позвал к себе братьев Андрея, Михаила и Всеволода: из этого и вышла усобица. В борьбе сначала одержали верх племянники

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский (икона)

и сели — старший в старшем городе области Ростове, младший во Владимире, но потом Владимир поднялся на племянников и на старшие города и опять призвал к себе дядей, которые на этот раз восторжествовали над соперниками и разделили между собой Суздальскую землю, бросив старшие города и рассевшись по младшим, во Владимире и Переяславле. По смерти старшего дяди, Михаила, усобица возобновилась между младшим Всеволодом, которому присягнули владимирцы и переяславцы, и старшим племянником Мстиславом, за которого опять стали ростовцы с боярами. Мстислав проиграл дело, разбитый в двух битвах, под Юрьевом и на реке Колокше. После того Всеволод остался один хозяином в Суздальской земле. Таков был ход суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176).

Заключение мира и раздача волостей великим князем Всеволодом Юрьевичем рязанским князьям. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XVI в.

Преобладание Верхневолжской Руси. Ступим еще шаг вперед и опять встретим новый факт — решительное преобладание Суздальской области над остальными областями Русской земли. Восторжествовав над племянником в 1176 г., Всеволод III княжил в Суздальской земле до 1212 г. Княжение его во многом было продолжением внешней и внутренней деятельности Андрея Боголюбского. Подобно старшему брату, Всеволод заставил признать себя великим князем всей Русской земли и подобно ему же не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Он правил южной Русью с берегов далекой Клязьмы; в Киеве великие князья садились из его руки. Великий князь киевский чувствовал себя непрочно на этом столе, если не ходил в воле Всеволода, не был его подручником. Являлось два великих князя, киевский и владимиро-клязьминский, старший и старейший, номинальный и действительный. Таким подручным великим князем, севшим в Киеве по воле Всеволода, был его смоленский племянник Рюрик Ростиславович.

Охлаждение к Киеву. Вместе с этим вскрывается другое любопытное явление: в суздальском обществе и в местных князьях обнаруживается равнодушие к Киеву, заветной мечте прежних князей, устанавливается отношение к Киевской Руси, проникнутое сострадательным пренебрежением. Это заметно было уже во Всеволоде, стало еще заметнее в его детях.

По смерти Всеволода в Суздальской земле произошла новая усобица между его сыновьями, причиной которой было необычное распоряжение отца: Всеволод, рассердившись на старшего сына Константина, перенес старшинство на второго сына Юрия. Князь торопецкий Мстислав Удалой, сын Андреева противника Мстислава Ростиславича Храброго, стал за обиженного старшего брата и с полками новгородскими и смоленскими вторгнулся в самую Суздальскую землю. Против него выступили младшие Всеволодовичи Юрий, Ярослав и Свя-

Липицкая битва. Вступление Мстислава Удалого в бой. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

тослав. В 1216 г. усобица разрешилась битвой на реке Липице близ Юрьева Польского. Перед битвой младшие Всеволодовичи, пируя с боярами, начали заранее делить между собою Русскую землю как несомненную свою добычу. Старший Юрий по праву старшинства брал себе лучшую волость Ростово-Владимирскую, второй брат Ярослав — волость Новгородскую, третий, Святослав — волость Смоленскую, а Киевская земля — ну, эта земля пускай пойдет кому-нибудь из черниговских.

Как видно, старшими и лучшими областями считались теперь северные земли Ростовская и Новгородская, которые полтора века назад по Ярославову разделу служили только прибавками к старшим южным областям.

Распад Киевской Руси. Политические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья, нами только что изученные, закладывали в том краю новый строй общественных отношений. В дальнейшей истории Верхневолжской Руси нам предстоит следить за развитием основ, положенных во времена Юрия Долгорукого и его сыновей.

Обращаясь к изучению этого развития, будем помнить, что в XIII и XIV вв., когда этот новый строй устанавливался, уже не оставалось и следов той исторической обстановки, при которой действовал, на которую опирался прежний очередной порядок. Единой Русской земли Ярослава и Мономаха не существовало: она была разорвана Литвой и татарами. Род св. Владимира, соединявший эту землю в нечто похожее на политическое целое, распался. Старшие линии его угасли или захирели и с остатками своих прадедовских владений вошли в состав Литовского государства, где

Нашествие хана Батыя на Русь. Миниатюра из «Жития Евфросинии Суздальской»

на них легли новые чуждые политические отношения и культурные влияния. Общего дела, общих интересов между ними не стало, прекратились даже прежние фамильные счеты и споры о старшинстве и очереди владения. Киев, основной узел княжеских и народных отношений, политических, экономических и церковных интересов Русской земли, поднимаясь после татарского разгрома, увидел себя пограничным степным городком чуждого государства, ежеминутно готовым разбежаться от насилия завоевателей. Чужой житейский строй готовился водвориться в старинных опустелых или

Взятие Батыем города Суздаля. Миниатюра из «Жития Евфросинии Суздальской»

полуразоренных гнездах русской жизни, а русские силы, которым предстояло восстановить и продолжить разбитое национальное дело Киевской Руси, искали убежища среди финских лесов Оки и Верхней Волги.

Руководить устроившимся здесь новым русским обществом пришлось трем младшим отраслям русского княжеского рода с померкавшими родовыми преданиями, с порывавшимися родственными связями. Это были Ярославичи рязанские из племени Ярослава черниговского, Всеволодовичи ростово-суздальские и Федоровичи ярославские из смоленской ветви Мономахова племени. Вот все, что досталось на долю новой Верхневолжской Руси от нескудного потомства св. Владимира, которое стяжало старую днепровскую Русскую землю «трудом своим великим». Значит, у прежнего порядка и в Верхнем Поволжье не было почвы ни генеалогической, ни географической, и если здесь было из чего возникнуть новому общественному строю, ему не предстояло борьбы с живучими остатками старого порядка.

Удельный порядок владения в Верхневолжской Руси. Порядок княжеского владения в старой Киевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряжения Всеволода, перенесшего старшинство со старшего сына на младшего, показывает, что старшинство здесь, утратив свой настоящий генеалогический смысл, получило условное значение, стало не преимуществом по рождению, а простым званием по жалованию или по присвоению, захвату. Всматриваясь во владельческие отношения потомков Всеволода, мы замечаем, что в Суздальской земле утверждается новый порядок княжеского владения, непохожий на прежний.

Изучая историю возникновения этого порядка, забудем на некоторое время, что прежде чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами, северная в 1237–38 гг., южная в 1239–40 гг. Явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно, без перерыва, развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома, в XII в. Киев, уже к концу этого века утративший значение общеземского центра, окончательно падает после татарского нашествия. Владимир на Клязьме для потомков Всеволода заступает

место Киева в значении старшего великокняжеского стола и политического центра Верхневолжской Руси; за Киевом остается, и то лишь на короткое время, только значение центра церковно-административного.

Его главные признаки. Удельный порядок владения — основной и исходный факт, из которого или под действием которого развиваются все дальнейшие явления в истории Суздальской Руси, на котором стал политический быт, складывающийся здесь к половине XV в.

Двумя признаками прежде всего обозначилось утверждение этого порядка. Во-первых, прекращается владельческая передвижка князей: они становятся оседлыми владельцами, постоянно живут и умирают в своих удельных городах, которых не покидают даже тогда, когда по очереди старшинства занимают великокняжеский стол. Во-вторых, изменяется порядок княжеского наследования, способ передачи волостей преемникам. В старой Киевской Руси князь не мог передавать своей волости по личному распоряжению даже своему сыну, если она не следовала ему по очереди старшинства; северный князь XIII—XIV вв., постоянный владетель своей волости, передавал ее по личному распоряжению своим сыновьям и за отсутствием сыновей мог отказать ее жене или даже отдаленному родичу не в очередь.

Дробление уделов. Прежде всего этот порядок сопровождался все усиливавшимся удельным дроблением Северной Руси, постепенным измельчанием уделов. Старая Киевская Русь делилась на княжеские владения по числу наличных взрослых князей, иногда даже с участием малолетних; таким

Княжеская печать. XIV в.

образом, в каждом поколении Русская земля переделялась между князьями. Теперь с исчезновением очередного порядка стали прекращаться и эти переделы. Члены княжеской линии, слишком размножавшейся, не имели возможности занимать свободные столы в других княжествах и должны были все более дробить свою наследственную вотчину. Благодаря этому в некоторых местах княжеские уделы распадались между наследниками на микроскопические доли. Я сделаю краткий обзор этого удельного дробления, ограничиваясь лишь двумя первыми поколениями Всеволодовичей.

По смерти Всеволода его верхневолжская вотчина по числу его сыновей распалась на 5 частей. При старшем *Владимирском* княжестве, которое считалось общим достоянием Всеволодова племени, явилось 4 удела: *Ростовский, Переяславский, Юрьевский* (со стольным городом Юрьевом Польским) и *Стародубский* на Клязьме. Когда внуки Всеволода стали на место отцов, Суздальская земля разделилась на более мелкие части. Владимирское княжество продолжало наследоваться по очереди старшинства, но из него выделились 3 новых удела: *Суздальский, Костромской* и *Московский*. Ростовское княжество также распалось на части: из него выделились младшие уделы *Ярославский* и *Углицкий*. Переяславский удел также распался

на несколько частей: рядом со старшим уделом Переяславским возникли два младших, из него выделившихся, *Тверской* и *Дмитрово-Галицкий*. Только княжества Юрьевское и Стародубское остались нераздельны, ибо первые их князья оставили лишь по одному сыну. Итак, Суздальская земля, распадавшаяся при детях Всеволода на 5 частей, при внуках его раздробилась на 12.

В подобной прогрессии шло удельное дробление и в дальнейших поколениях Всеволодова племени.

Удельный князь. При отсутствии общего, объединяющего интереса князь, переставая быть государем, оставался только землевладельцем, простым хозяином, а население удела превращалось в отдельных, временных его обывателей, ничем, кроме соседства, друг с другом не связанных, как бы долго они ни сидели, хотя бы даже наследственно сидели на своих местах. К территории удельного княжества привязаны были только холопы князя; свободные обыватели имели лишь временные личные связи с местным князем. Они распадались на два класса: на *служилых* и *черных* людей.

Служилые люди. Служилыми людьми были *бояре* и *слуги вольные,* состоявшие на личной службе у князя по уговору с ним. Они признавали власть его над собой, пока ему служили; но каждый из них мог покинуть князя и перейти на службу к другому. Покинув

Двор удельного князя. Художник А. М. Васнецов. Начало XX в.

князя, вольные слуги его сохраняли даже свои права на земли, приобретенные ими в покинутом княжестве.

Черные люди. Таковы же были отношения и черных т. е. податных людей к удельному князю. Черный человек, городской или сельский, признавал власть князя, платил ему дань, подчинялся его юрисдикции, только пока пользовался его землей, но и он мог перейти в другое княжество, когда находил местные условия пользования землей неудобными, и тогда разрывались все его связи с прежним князем. Значит, как служилый человек был военно-наемным слугой князя, так черный человек был тяглым съемщиком его земли.

Одичание князей. Удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. Из пошехонского или ухтомского миросозерцания разве легко было подняться до мысли о Русской земле Владимира Святого и Ярослава Старого! Самое это слово *Русская земля* довольно редко появляется на страницах летописи удельных веков. Политическое дробление неизбежно вело к измельчанию политического сознания, к охлаждению земского чувства.

Княжеская печать. XIV–XV вв.

Москва собирает удельную Русь. Нам предстоит изучить второй процесс, совершавшийся на Верхневолжской Руси в удельные века. Первый процесс, нами уже рассмотренный, дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III. Одной ветви этого потомства пришлось начать обратное дело — собирать эти дробившиеся части в нечто целое. Москва стала центром образовавшегося этим путем государства.

Первые известия о городе Москве. Летопись выводит Москву в числе новых городков Ростовской земли, возникших в княжение Юрия Долгорукого. Любопытно, что городок этот впервые является в летописном рассказе со значением пограничного пункта между северным Суздальским и южным Чернигово-Северским краем. Сюда в 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил на свидание своего союзника князя новгород-северского Святослава Ольговича, послав сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москову». Это — первое известие о Москве, сохранившееся в летописях. По-видимому, поселок был тогда сельской княжеской усадьбой или, точнее, станционным двором, где суздальский князь останавливался при своих поездках на киевский юг и обратно.

Город возник на перепутье между днепровским югом и верхневолжским севером. С тем же значением пограничного городка Суздальской земли является Москва и в дальнейших летописных известиях.

Со временем возникновения и с географическим положением Москвы тесно связана и ее дальнейшая политическая судьба. Как городок новый и далекий от суздальских центров — Ростова и Владимира, Москва позднее других суздальских городов могла

Первое упоминание о Москве. Встреча Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

стать стольным городом особого княжества и притом должна была достаться младшему князю.

Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям севернорусского общества. Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром Северо-Восточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой. Но уцелели некоторые косвенные указания, в которых вскрываются таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования. Действие этих сил выражалось прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекали из географического положения его края в связи с ходом русской колонизации волжско-окского междуречья.

Москва — узловой пункт. В этом отношении географическое положение города Москвы было особенно выгодно. Верхним притоком своим Истрой река Москва подходит близко к Ламе, притоку Шоши, впадающей в Волгу. Таким образом река Москва Ламским волоком соединяла Верхнюю Волгу со средней Окой. С другой стороны, город Москва возник на самом изломе реки, при ее повороте на юго-восток, где она притоком своим Яузой почти вплоть подходит к Клязьме, по которой шел через Москву поперечный путь с запада на восток. Этим путем в 1155 г. шел с чудотворной иконой Божией Матери Андрей Боголюбский, направляясь через Рогожские поля на Клязьме во Владимир с р. Вазузы, куда он поднялся Днепром из Вышгорода под Киевом. В конце XIV в. от Москвы шла, пролегая Кучковым полем, «великая дорога володимерьская», о которой упоминает одна старая летопись по случаю сретения москвичами чудотворной иконы Божией Матери в 1395 г. Наконец, с третьей стороны через Москву пролегала из Лопасни дорога с киевского и черниговского юга на Переяславль-Залесский и Ростов. Так город Москва возник в пункте пересечения трех больших дорог. Из такого географического положения проистекли важные экономические выгоды для города и его края.

Москва — этнографический центр Великороссии. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества — Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское — и очень редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для окрайного русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений. После татарского погрома более столетия, до первого Ольгердова нападения в 1368 г., Московская страна была, может быть, единственным краем Северной Руси, не страдавшим или так мало страдавшим от вражеских опустошений; по крайней мере за все это время здесь, за исключением захватившего и Москву татарского нашествия 1293 г., не слышно по летописям о таких бедствиях.

Москва — младший удел. Значение этого для ее князей. Как город новый и окрайный, Москва досталась одной из младших линий Всеволодова

Москва. Одно из первоначальных изображений герба на государственной печати

Князь Даниил Александрович. Изображение из «Титулярника» 1672 г.

племени. Поэтому московский князь не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол. Чувствуя себя бесправным, точнее, обездоленным среди родичей и не имея опоры в обычаях и преданиях старины, он должен был обеспечивать свое положение иными средствами, независимо от родословных отношений, от очереди старшинства.

Первые московские князья выступают смелыми хищниками. Недаром один из них, Михаил Ярославич, перешел в потомство с прозванием *Хоробрита,* т. е. забияки: он в 1248 г. врасплох напал на своего дядю великого князя Святослава и вопреки всякому праву согнал его с владимирского стола. Первый московский князь Александрова племени, Даниил, по рассказу летописца, точно так же врасплох напал на своего рязанского соседа князя Константина, победил его «некоей хитростью», т. е. обманом, взял его в плен и отнял у него Коломну. Сын

этого Даниила Юрий в 1303 г., напав на другого соседа, князя Можайского, также взял его в плен и захватил Можайский удел в самых верховьях р. Москвы, потом убил отцова пленника Константина и удержал за собой Коломну: теперь вся Москва-река до самого устья стала московской.

Расширение территории. В самом начале XIV в. на севере Руси, может быть, не было удела незначительнее московского.

Даже после того как третий московский князь из племени Александра Невского, Иван Калита, стал великим князем, московский удел оставался очень незначительным. В первой духовной этого князя, написанной в 1327 г., перечислены все его вотчинные владения. Они состояли из пяти или семи городов с уездами. То были: Москва, Коломна, Можайск, Звенигород, Серпухов, Руза и Радонеж, если только эти две последние волости были тогда городами (Переяславль не упомянут в грамоте). В этих уездах находились 51 сельская волость и до 40 дворцовых сел. Вот весь удел Калиты, когда он стал великим князем.

Великий князь Иван Данилович Калита. Роспись Грановитой палаты. XIX в.

Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами — Белозерск, Галич и Углич, оставив, впрочем, эти уделы до времени за прежними князьями и на каких-либо условиях зависимости. Преемники его продолжали это мозаическое собирание земель.

С конца XIV в. в видимо беспорядочном, случайном расширении московской территории становится заметен некоторый план, может быть сам собою сложившийся. Захватом Можайска и Коломны московский князь приобрел все течение Москвы.

Наконец, с приобретением княжеств Белозерского и Галицкого открылся широкий простор для московских земельных примыслов в верхнем Заволжье.

Следствия этого успеха. Приобретение великокняжеского стола московским князем сопровождалось двумя важными последствиями для Руси, из коих одно можно назвать нравственным, и другое — политическим. Нравственное состояло в том, что московский удельный владелец, став великим князем, первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения, в какое повергли его внешние несчастия.

Приостановка татарских нашествий. Летописец отмечает, что с тех пор как московский князь получил от хана великокняжеское звание, Северная Русь начала отдыхать от постоянных татарских погромов, какие она терпела. Рассказывая о возвращении Калиты от хана в 1328 г. с пожалованием, летописец прибавляет: «...бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и преста татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, заметка наблюдателя, жившего во второй половине XIV в. Оглянувшись назад на сорок лет, этот наблюдатель отметил, как почувствовалось в эти десятилетия господство Москвы в Северной России: время с 1328 по 1368 г., когда впервые напал на Северо-Восточную Русь Ольгерд литовский, считалось порою отдыха для населения этой Руси, которое за то благодарило Москву. В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле.

Московский союз князей. Политическое следствие приобретения московским князем великого княжения состояло в том, что московский князь, став великим, первый начал выводить Северную Русь из состояния политического раздробления, в какое привел ее удельный порядок.

Вокруг Москвы со времени великокняжения Калиты образуется княжеский союз на более прочных основаниях, руководимый самим московским князем. Сначала этот союз был финансовый и подневольный. Татары по завоевании Руси на первых порах сами собирали наложенную ими на Русь дань — ордынский *выход,* для чего в первые 35 лет ига три раза производили через присылаемых из Орды *численников* поголовную, за исключением духовенства, перепись народа, *число;* но потом ханы стали поручать сбор выхода великому князю владимирскому. Такое поручение собирать ордынскую дань со многих, если только не со всех князей, получил и Иван Данилович, когда стал великим князем владимирским. Это полномочие послужило в руках великого князя могучим орудием политического объединения удельной Руси. Не охотник и не мастер бить свою братию мечом, московский князь получил возможность бить ее рублем.

Иван Калита и митрополит Петр. Икона XVI в.

В княжение Иванова сына Димитрия этот княжеский союз с Москвою во главе, готовый превратиться в гегемонию Москвы над русскими князьями, еще более расширился и укрепился, получив национальное значение.

Перенесение митрополичьей кафедры в Москву. Самым важным успехом московского князя было то, что он приобрел своему стольному городу значение церковной столицы Руси.

Так, странствуя по Руси, проходя места и города, по выражению жития, часто бывал и подолгу живал в Москве преемник Максима митрополит Петр. Благодаря тому у него завязалась тесная дружба с князем Иваном Калитой, который правил Москвой еще при жизни старшего брата Юрия во время его частых отлучек. Оба они вместе заложили каменный соборный храм Успения в Москве. Может быть, святитель и не думал о перенесении митрополичьей кафедры с Клязьмы на берега Москвы. Город Москва принадлежал ко владимирской епархии, архиереем которой был тот же митрополит со времени переселения на Клязьму. Бывая в Москве, митрополит Петр гостил у местного князя, жил в своем епархиальном городе, на старинном дворе князя Юрия Долгорукого, откуда потом перешел на то место, где вскоре был заложен Успенский собор. Случилось так, что в этом городе владыку и застигла смерть (в 1326 г.). Но эта случайность стала заветом для дальнейших митрополитов. Преемник Петра Феогност уже не хотел жить во Владимире, поселился на новом митрополичьем подворье в Москве, у чудотворцева гроба в новопостроенном Успенском соборе. Так Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической.

Московские князья и Великороссия. В деятельной поддержке, оказанной обществом во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось самое важное условие, упрочившее политические и национальные успехи Московского княжества.

Великий князь Димитрий Иванович Донской. Изображение из «Титулярника» 1672 г.

Характер московских князей. Часто дают преобладающее значение в ходе возвышения Московского княжества личным качествам его князей.

Прежде всего московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия.

В шести поколениях один Димитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников.

Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был «крепок и мужествен и взором дивен зело».

Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмещали в себе много менее дорогих, но более доходных качеств, отличались обилием дарований, какими обыкновенно наделяются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живут друг с другом. Они крепко держатся завета отцов: «жити за один». В продолжение четырех поколений, со смерти Даниила до смерти Василия Димитриевича, Московское княжество было, может быть, единственным в Северной Руси, не страдавшим от усобиц собственных князей.

Местоположение Новгорода Великого. Политический строй Новгорода *Великого,* т. е. старшего города в своей земле, был тесно связан с местоположением города. Он расположен по обеим сторонам реки Волхова, недалеко от истока ее из озера Ильменя. Новгород составился из нескольких слобод или поселков, которые сначала были самостоятельными обществами, а потом соединились в одну большую городскую общину.

Развитие Новгородской вольности. **Гарантии вольности.** В X и XI вв. князья еще очень мало дорожили Новгородской землей: их интересы были привязаны к Южной Руси. Когда Святослав, собираясь во второй болгарский поход, стал делить Русскую землю между своими сыновьями, к нему пришли и новгородцы просить князя. Святослав, по летописи, сказал им: «Да пойдет ли кто к вам?» Это пренебрежение к отдаленному от Киева городу было одною из причин, почему Новгород не сделался достоянием ни одной ветви Ярославова племени.

Княжеские усобицы сопровождались частыми сменами князей на новгородском столе. Пользуясь этими усобицами и сменами, новгородцы внесли в свой политический строй два важных начала, ставшие гарантиями их вольности: избирательность высшей администрации и *ряд,* т. е. договор, с князьями.

Так самым ходом дел завелся в Новгороде обычай выбирать посадника. Этот обычай начинает действовать тотчас после смерти Мономаха, когда, по рассказу летописи, в 1126 г. новгородцы «дали посадничество» одному из своих сограждан.

Новгород — державная союзная община. У Новгорода не было *своих* постоянных князей. По идее общее достояние княжеского рода, владеемое по очереди старшими его представителями, великими князьями, он стал ничьим на деле. Выбирая князей по произволу на условиях найма и корма, он был всем чужой, и все князья

Печать новгородского посадника Завида

были ему чужие. По мере того как устанавливались у него договорные отношения к князьям, новгородский князь постепенно выступал из состава местного общества, теряя органические связи с ним. Он со своей дружиной входил в это общество лишь механически, как сторонняя временная сила. Он и жил вне города, на *Городище,* как называлось его подворье. Благодаря тому политический центр тяжести в Новгороде должен был с княжеского двора переместиться в среду местного общества, на вечевую площадь. Вот почему, несмотря на присутствие князя, Новгород в удельные века был собственно державной общиной.

Вече и его отношение к князю. По происхождению своему новгородское вече было городским собранием, совершенно однородным со сходами других старших городов Руси. Вече созывали иногда князь, чаще который-нибудь из главных городских сановников, посадник или тысяцкий. Никогда не было установлено постоянного срока для его созыва. Вече собиралось по звону вечевого колокола. Звук этого колокола новгородское ухо хорошо отличало от звона церковных колоколов.

Увоз вечевого колокола из Новгорода. Иллюстрация из рукописи XVI в.

Вече собиралось обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовым двором. Обычным вечевым местом для выбора новгородского владыки была площадь у Софийского собора, на престоле которого клали избирательные жеребьи. Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопрос о войне и мире и т. п.

Анархический характер веча. На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать, на слух, скорее, по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством. Это была своеобразная форма *поля,* суда Божия, как сбрасывание с волховского моста осужденных вечевым приговором было пережиточной формой древнего испытания водой. Иногда весь город «раздирался» между боровшимися партиями, и тогда собирались одновременно два веча, одно на обычном месте, на Торговой стороне, другое — на Софийской; но это были уже мятежные междоусобные сборища, а не нормальные веча. Случалось не раз, раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на большом волховском мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успевало разнять противников.

Состав общества. В составе новгородского общества надобно различать классы городские и сельские. Население Новгорода Великого состояло из *бояр, житых людей, купцов* и *черных людей*.

Происхождение боярства. ...В Новгороде боярство вышло из того же политического источника, из какого оно выходило в других областях Русской земли: этим источником была служба князю, занятие высших правительственных должностей по назначению князя. Усвоив себе звание бояр на княжеской службе, местная правительственная знать удержала его и после, когда стала получать свои правительственные полномочия не от князя, а от местного веча.

Новгородское посольство у великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского; уход Юрия Андреевича с новгородцами на новгородское княжение. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XVI в.

Вече. Художник А. М. Васнецов

Житьи люди. *Житьи* были, по-видимому, люди среднего состояния, *середние жилецкие* по московской социальной терминологии — стоявшие между боярством и молодчими, или черными людьми. Личное землевладение сближало их с новгородским боярством; но они не принадлежали к тому рано замкнувшемуся кругу знатных фамилий, из которого вече привыкло выбирать высших сановников города, хотя вместе с боярами они исполняли, как представители концов, судебные, дипломатические и другие правительственные поручения.

Купцы. Класс настоящих торговцев назывался *купцами*. Они уже стояли ближе к городскому простонародью, слабо отделялись от массы городских черных людей. Они работали с помощью боярских капиталов, либо кредитуясь у бояр, либо служа им комиссионерами в торговых оборотах. Впрочем, и в их сословной организации не было равенства.

Черные люди. *Черные* люди были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов — бояр и житьих людей. Таков состав общества в главном городе. Те же самые классы встречаем мы и в пригородах, по крайней мере важнейших.

Новгородская торговля. Литография. Конец XIX — начало XX в.

Холопы и крестьяне. В глубине сельского, как и городского, общества в Новгородской земле видим *холопов*. Этот класс был там очень многочислен. Развитию его способствовало особенно боярское и житье землевладение. Крупные вотчины заселялись и эксплуатировались преимущественно холопами.

Земцы. Другою особенностью новгородского землевладения был класс крестьян-собственников. Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях. В областях вольных городов, напротив, встречаем сельский класс населения, очень похожий на крестьян, но владевший землей на праве собственности. Он назывался *земцами* или *своеземцами*. Этот класс в Новгородской земле, по-видимому, был довольно многочислен.

Основание сословного деления. Значение каждого класса в новгородской политической жизни зависело от его экономического положения; политический авторитет каждого состояния на деле определялся его торговым весом. На верху общества лежал класс бояр, крупных капиталистов, к которым примыкали капиталисты средней руки, житьи люди: оба этих класса и были политическими руководителями местного общества. Ниже их стояли купцы, настоящие торговцы: они работали чужим капиталом. Еще ниже лежал слой черных людей, ремесленников и рабочих, экономически за-

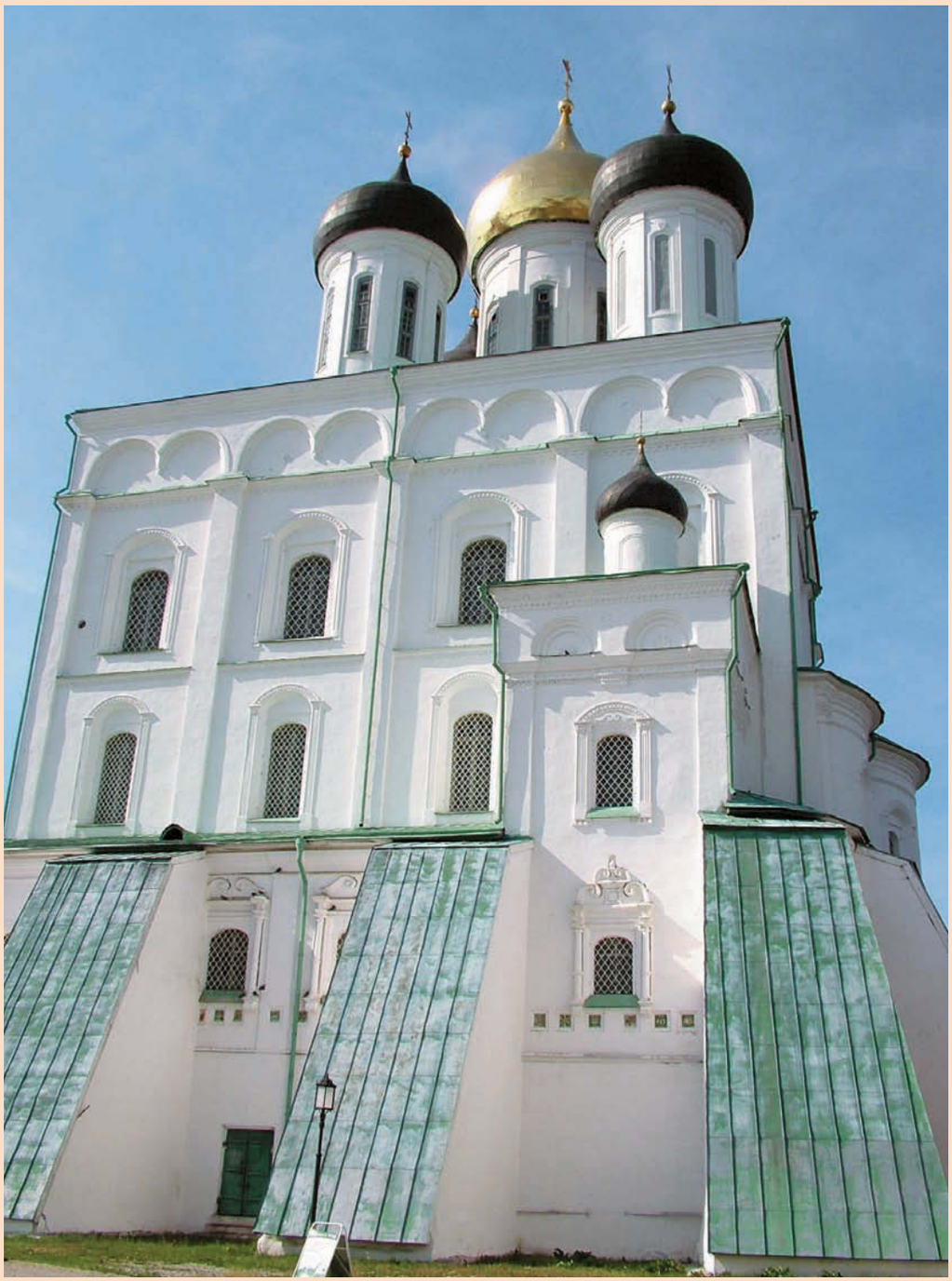
висевших также от высших классов. Еще менее последних значили в политической жизни земли сельские классы, дальше городских стоявшие от главного источника власти и богатства, от торгового капитала, кроме разве земцев, которые по своему происхождению больше принадлежали к городскому обществу.

Политический быт. Внешние и внутренние условия, в каких жил вольный город, укоренили в его политическом быту два противоречия, сообщившие своеобразный характер его политической жизни и не оставшиеся безучастными в решении судьбы его вольности. Я только что указал одно из этих противоречий, состоявшее в несогласии политического строя Новгорода с социальным. Раньше начало обнаруживаться другое противоречие, заключавшееся в отношениях Новгорода к князьям. Город нуждался в князе для внешней обороны и поддержания внутреннего порядка, искал его, иногда готов был силою удержать его у себя и в то же время относился к нему с крайним недоверием, старался стеснить его права, оставить ему возможно меньше места в правительственном своем обиходе, гнал его от себя, когда был им недоволен. Эти противоречия и вызывали необыкновенный шум и движение в политической жизни города.

Псков. Псковские летописцы описывают преимущественно явления мирного характера, поиски князя, строение церквей, городских стен и башен, знамения от икон, пожары и поветрия, изредка недоразумения с новгородским владыкой, епархиальным архиереем Пскова, из-за церковного суда и сборов с духовенства. Особенно часты известия о храмосоздательстве: в 19 лет (1370–1388) псковичи построили 14 каменных церквей. В Пскове не заметно ни бурных сцен и побоищ на вечевой площади перед Троицким собором, ни новгородского задора в отношениях к князьям, ни социального антагонизма и партийной борьбы.

Но при довольно мирном течении внутренней жизни этому городу во внешних делах досталась тяжелая боевая участь. С тех пор как в соседстве с Псковской землей объединилась Литва и основался Ливонский орден, Псков, стоя на рубеже Русской земли, в продолжение трех веков ведет с ними упорную двустороннюю борьбу, располагая средствами своей небольшой области, простиравшейся верст на 300 неширокой полосой с юга на север, от верховьев р. Великой до р. Наровы.

Русская земля в половине XV в. Весь почти север нашей равнины с северо-западным ее углом к Финскому заливу составлял область вольного Новгорода Великого, к которой на юго-западе, со стороны Ливонии, примыкала маленькая область другого вольного города, Пскова. Вся Западная Русь, т. е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских губерний — Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской, входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой и Рязанской землей начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся в Крыму и на нижней Волге. На востоке, за средней и верхней Волгой, господствовали татары Казанского царства, отделившиеся от Золотой Орды в



Троицкий собор. Псков

первой половине XV в., затем вятчане, мало слушавшиеся московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу больших и малых княжеств, среди которых находилось и княжество Московское.

Перемена в московском собирании Руси. Иван III продолжал старое дело территориального собирания Руси, но уже не по-старому. В удельное время территориальные приобретения московских князей носили характер или захватов, или частных хозяйственных сделок с соседними князьями. Местные общества еще не принимали заметного деятельного участия в этом территориальном объединении Руси, хотя по временам и проявлялось их нравственное тяготение к Москве.

Православные князья Западной Руси, еще не утратившие прежней самостоятельности в своих владениях под легкою властью великого князя литовского, начали один за другим приставать к Москве как к своему религиозному центру. Те из них, которые могли присоединиться к Москве со своими владениями по их близости к московским границам, принимали условия зависимости, выработавшиеся в Москве для добровольно поддавшихся удельных князей: они делались постоянными и подчиненными союзниками московского государя, обязывались служить ему, но сохраняли при себе дворы, дружины и не только оставались или становились вотчинниками своих владений, но и пользовались в них административными правами, держали свое особое управление.

Так московский союз князей, расширяясь, превращался в военную гегемонию Москвы над союзными князьями.

Великий князь Иван III Васильевич. Изображение из «Титулярника» 1672 г.

Приобретения Ивана III и Василия III. Таковы новые явления, которые замечаются в территориальном собирании Руси Москвой с половины XV в. Сами местные общества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собирание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением. Достаточно короткого перечня территориальных приобретений, сделанных Москвой при Иване III и его сыне Василии, чтобы видеть, как ускорилось это политическое объединение Руси.

Идея национального государства. Сознание или, скорее, чувство народного единства Русской земли — не новый факт XV—XVI вв.: это дело Ки-

евской Руси XI—XII вв., и, заканчивая изучение политического строя Русской земли в те века, я указывал на это чувство, даже пытался отметить некоторые его особенности.

Внешние дела Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народном государстве. Эта мысль должна была положить свой отпечаток и на общественное сознание московских князей. Они вели свои дела во имя своего фамильного интереса. Но равнодушие или молчаливое сочувствие, с каким местные общества относились к московской уборке их удельных князей, открытое содействие высшего духовенства, усилия Москвы в борьбе с поработителями народа — все это придавало эгоистической работе московских собирателей земли характер народного дела, патриотического подвига, а совпадение их земельных стяжений с пределами Великороссии волей-неволей заставляло их слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность. Вобрав в состав своей удельной вотчины всю Великороссию и принужденный действовать во имя народного интереса, московский государь стал заявлять требование, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины. Объединявшаяся Великороссия рождала идею народного государства, но не ставила ему пределов, которые в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа.

Василий III и герб Москвы. Гравюра из записок С. Герберштейна. XVI в.

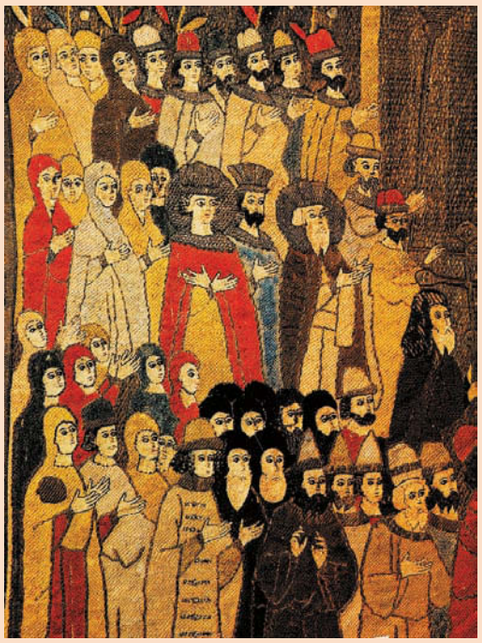
Войны с Польшей. Благодаря новым территориальным приобретениям московских князей 1) изменилось внешнее положение Московского княжества; 2) усложнились задачи внешней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое целое, поставила на очередь вопрос о политическом объединении всей Русской земли; из этого вопроса вышла вековая борьба двух соседних славянских государств — Руси и Польши. Простой перечень войн Москвы с Польшей — Литвой при Иване III и его двух ближайших преемниках показывает, сколько тяжелого исторического предвидения было в его крымском заявлении: две войны при нем самом, две при его сыне Василии, одна война в правление Васильевой вдовы Елены, при Иване IV война с Ливонией, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнее говоря, двумя войнами с Польшей, поглотившими около 20 лет его царствования. Из 90 лет (1492–1582) не менее 40 ушло на борьбу с Литвой — Польшей.

Софья Палеолог. Иван III был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя тверского, Марья Борисовна. По смерти ее (1467 г.) Иван стал искать другой жены, подальше и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота, племянница последнего византийского императора Софья Фоминична Палеолог. Несмотря на то что греки со времени флорентийской унии сильно уронили себя в русских православных глазах, несмотря на то что Софья жила так близко к ненавистному папе, в таком подозрительном церковном обществе, Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г.

Эта царевна, известная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма важное значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго.

Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку и закулисную жизнь московского двора, на придворные интриги и личные отношения; но на политические дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана. Особенно понятливо могла быть воспринята мысль, что она, царевна, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за императоров.

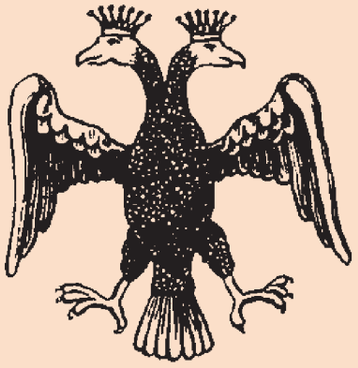
Таким образом, брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царевна, как наследница



Изображение Ивана III с семьей на шитой пелене Елены Волошанки. Конец XV в.

павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

Новые титулы. Вслед за царевной из Италии выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В то же время в Кремле при дворе стал заводиться тот сложный и строгий церемониал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни. Точно так же как у себя дома, в Кремле, среди придворных слуг своих, Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех



Изображение орла на троне, привезенном в Москву Софьей Палеолог. 1472 г.

пор, как само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготевшее над Северо-Восточной Русью $2^1/_2$ столетия (1238–1480).

Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул *государя всея Руси,* прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, в актах внутреннего управления, и в договоре 1494 г. даже заставил литовское правительство формально признать этот титул.

После того как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями, например с ливонским магистром, Иван III титулует себя *царем* всея Руси. Этот термин, как известно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова *цесарь,* или по старинному написанию *цьсарь,* как от того же слова, по другому произношению, *кесарь* произошло немецкое Kaiser.

Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III, иногда при Иване IV, обыкновенно соединялся со сходным по значению титулом *самодержца* — это славянский перевод византийского императорского титула.

Сказание о Владимире Мономахе. Хотели осветить историей и идею византийского наследства. Владимир Мономах был сын дочери византийского императора Константина Мономаха, умершего за 50 лет с лишком до вступления своего внука на киевский стол. В московской же летописи, составленной при Грозном, повествуется, что Владимир Мономах, вокняжившись в Киеве, послал воевод своих на Царьград воевать этого самого царя греческого Константина Мономаха, который с целью прекратить войну отправил в Киев с греческим митрополитом крест из животворящего древа и царский венец со своей головы, т. е. мономахову шапку, с сердоликовой чашей, из которой Август, царь римский, веселился, и с золотою цепью. Митрополит именем своего царя просил у князя киевского мира и любви, чтобы все Православие в покое пребывало «под общею властью нашего царства и твоего великого самодержавства Великие Руси». Владимир был венчан этим венцом и стал зваться Мономахом, Боговенчанным царем Великой Руси. «Оттоле, — так заканчивается рассказ, — тем царским венцом венчаются все великие князи владимирские».

Сказание было вызвано венчанием Ивана IV на царство в 1547 г., когда были торжественно приняты и введены как во внешние сношения, так и во внутреннее управление титулы царя и самодержца, появлявшиеся при Иване III как бы в виде пробы лишь в некоторых, преимущественно дипломатических актах. Основная мысль сказания: значение московских государей как

церковно-политических преемников византийских царей основано на установленном при Владимире Мономахе совместном властительстве греческих и русских царей-самодержцев над всем православным миром. Вот почему Иван IV нашел необходимым укрепить принятие царского титула соборным письменным благословением греческих святителей со вселенским патриархом константинопольским во главе: московскому акту 1547 г. в Кремле придавали значение вселенского церковного деяния. Любопытно, что и в этот акт восточных иерархов внесено московское сказание о царском венчании Владимира Мономаха. Есть византийское известие XIV в., что русский великий князь носил чин стольника при дворе греческого царя, владыки вселенной, как учила о нем византийская иерархия, а Василий Темный в одном послании к византийскому императору называет себя «сватом святого царства его». Теперь по московской теории XV—XVI вв. этот стольник и сват вселенского царя превратился в его товарища, а потом преемника.

Венчание на царство князя Владимира Мономаха. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

Эти идеи, на которых в продолжение трех поколений пробовала свои силы московская политическая мысль, проникали и в мыслящее русское общество. Инок одного из псковских монастырей Филофей едва ли высказывал только свои личные мысли, когда писал отцу Грозного, что все христианские царства сошлись в одном его царстве, что во всей поднебесной один он Православный государь, что Москва — третий и последний Рим.

Идея божественного происхождения. Идея божественного происхождения верховной власти была не чужда и предкам Ивана III; но никто из них не выражал этой идеи так твердо, как он, когда представлялся к тому случай. В 1486 г. некий немецкий рыцарь Поппель, странствуя по малоизвестным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву. Вид столицы неведомого Московского государства поразил его как политическое и географическое открытие. На католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многие даже не подозревали существования Руси Московской. Воротясь домой, Поппель рассказывал германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, не зависимая ни от Польши, ни от татар, государь которой будет, пожалуй, посильнее и побогаче самого короля польского. Удивленный таким неожиданным известием, император послал Поппеля в Москву просить у Ивана руки одной из его дочерей для своего племянника и в вознаграждение за это предложить московскому князю королевский ти-

тул. Иван благодарил за любезное предложение, но в ответ на него велел сказать послу: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы».

Престолонаследие. У Ивана III получились две нисходящие и равносильные линии: представитель старшей (внук) на одно колено был ниже представителя младшей (сын). Бояре по нелюбви к Софье были за внука. Софья с сыном завела темную придворную интригу, которая открылась, и рассерженный Иван решил назначить соправителем и наследником внука. Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь-дед возложил на великого князя-внука *шапку,* венец и *бармы,* оплечье, широкий отложной воротник. Во время венчания митрополит, обращаясь к деду, называл его «преславным царем самодержцем».

Венчание на великое княжение Димитрия Внука в Успенском соборе в 1498 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Но Иван сам же нарушил свое столь торжественное установление. Софья успела поправить свои дела: венчанный внук был разжалован и заключен под стражу, а сын пожалован и посажен на великое княжение «самодержцем». Та же мысль о произвольном выборе преемника между нисходящими выражена и в договоре, заключенном между Василием и Юрием, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его воле: отец благословляет великим княжеством сына, которого хочет, невзирая на старшинство.

Преемником Ивана III дан был пример, которому они следовали с печальным постоянством, — одной рукой созидать, а другой разрушать свое создание, пока не разрушили созданного ими государства.

Нерешительность московских государей. Но восприимчивые к идее самодержавия, московские государи очень туго усвоили себе мысль о единодержавии. Мы скоро увидим, как Иван IV, торжественно принявший постоянный титул царя и самодержца, в полемике с князем Курбским принялся за напряженную разработку нового взгляда на самодержавие, незнакомого Древней Руси; но и он не мог отрешиться от удельных привычек. В духовной 1572 г., назначив своим преемником старшего сына, Ивана, он отказал ему все царство Русское, но при этом выделил и второму сыну, Федору, удел, набранный из городов, в разных частях государства (Суздаль, Кострома, Волоколамск, Козельск, Мценск и др.).

Смерть царевича Димитрия в 1591 г.

Но дело было в самом звании удельного князя, а не в степени его подчинения государю по завещательным отеческим наставлениям, не имевшим никакого практического значения. Когда старший сын Грозного погиб, второй заступил его место наследника, а родившемуся незадолго до смерти отца царевичу Димитрию назначен был маленький удел — Углич. Но отец не успел еще закрыть глаз, а у колыбели этого удельного князя уже завязалась смута, которая, долго тлея, наконец разгорелась в такую беду, едва не разрушившую всех плодов 300-летней терпеливой работы московских Даниловичей.

Так до конца династии в Кремле не могли оторваться от мысли, что каждый член владетельного рода должен иметь удел, хоть маленький и хоть с призрачной властью, но все же свой удел, и такой смелый мыслитель и преобразователь, как Иван Грозный, остался верен фамильной московской логике и политике — логике полумыслей и политике полумер.

Отношение бояр к великому князю в удельные века. Эта перемена отношений была неизбежным последствием того же самого процесса, которым созданы были власть московского государя и его новое боярство. В удельные века боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государю в его внешних делах и усердно радели ему во внутреннем управлении. Тесная связь, задушевность отношений между обеими сторонами яркой чертой проходят по московским памятникам того века. Великий князь Семен Гордый пишет, обращаясь в духовной к своим младшим братьям с предсмертными наставлениями: «Слушали бы вы во всем отца нашего владыки Алексея да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам».

Перемена отношений. Эти добрые отношения и стали расстраиваться с конца XV в. Новые, титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство к Москве, и оно не могло любить этого нового места своего служения. Разошедшись в интересах, обе стороны еще более разошлись в политических чувствах, хотя эти чувства выходили из одного источника.

Столкновения разрешались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхождение которых иногда трудно разобрать.

Заседание Боярской думы в Грановитой палате. 1541 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Это скорее придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чем открытая политическая борьба, скорее пантомима, чем драма.

Боярское правление. По смерти Василия в малолетство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала в руки бояр. Теперь они могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Но они не пытались строить никакого нового государственного порядка. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок. В продолжение десяти лет со смерти правительницы Елены (1538 г.) они вели эти усобицы, и это десятилетие прошло не только бесплодно для политического положения боярства, но и уронило его политический авторитет в глазах русского общества. Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой; но причина его разлада с государем и на этот раз не выяснилась.

Обстоятельства, подготовившие опричину. Едва вышедши из малолетства, еще не имея 20 лет, царь Иван (IV. — *Ред.*) с необычайной для его возраста энергией принялся за дела правления. Тогда по указаниям умных руководителей царя, митрополита

Иван IV принимает решение о проведении земской реформы. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Макария и священника Сильвестра, из боярства, разбившегося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола несколько дельных, благомыслящих и даровитых советников — «избранная рада», как называет князь Курбский этот совет, очевидно получивший фактическое господство в Боярской думе, вообще в центральном управлении. С этими доверенными людьми царь и начал править государством.

В 1550 г. был созван первый Земский собор, на котором обсуждали, как устроить местное управление, и решили пересмотреть и исправить старый Судебник Ивана III и выработать новый, лучший порядок судопроизводства. В 1551 г. созван был большой Церковный собор, которому царь предложил обширный проект церковных реформ, имевший целью привести в порядок религиозно-нравственную жизнь народа. В 1552 г. было завоевано царство Казанское, и тотчас после того начали вырабатывать сложный план местных земских учреждений, которыми предназначено было заменить коронных областных управителей — «кормленщиков»: вводилось земское самоуправление. В 1558 г. начата была Ливонская война с целью пробиться к Балтийскому морю и завязать непосредственные сношения с Западной Европой, попользоваться ее богатой культурой.

Разные причины — частью домашние недоразумения, частью несогласие в политических взглядах — охладили царя к его избранным советникам. Наконец, бегство князя Курбского, ближайшего и даровитейшего сотрудника, произвело окончательный разрыв. Нервный и одинокий Иван потерял нравственное равновесие, всегда шаткое у нервных людей, когда они остаются одинокими.

Отъезд царя из Москвы и его послания. При таком настроении царя в Московском Кремле случилось странное, небывалое событие. Раз в конце 1564 г. там появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и с некоторыми придворными куда-то в дальний путь, захватил с собой утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выехал из столицы. Видно было, что это не обычная богомольная, не увеселительная поездка царя, а целое переселение.

Побывав у Троицы, царь со всем багажом остановился в Александровской слободе (ныне это Александров — уездный город Владимирской губернии). Отсюда через месяц по отъезде царь прислал в Москву две грамоты. И вот царь, гласила грамота, «от великой жалости сердца», не стерпев всех этих измен, покинул свое царство и пошел поселиться где-нибудь, где ему Бог укажет. Это как будто отречение от престола с целью испытать

Троицкий собор в Александровской слободе. 1513 г.

силу своей власти в народе. Московскому простонародью, купцам и всем тяглым людям столицы царь прислал другую грамоту, которую им прочитали всенародно на площади. Здесь царь писал, чтобы они сомнения не держали, что царской опалы и гнева на них нет. Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли. В смятении и ужасе город завопил, прося митрополита, епископов и бояр ехать в слободу, бить челом государю, чтобы он не покидал государства.

Возвращение царя. В слободу отправилась депутация из высшего духовенства, бояр и приказных людей с архиепископом новгородским Пименом во главе. Через несколько времени, в феврале 1565 г. царь торжественно воротился в столицу и созвал государственный совет из бояр и высшего духовенства. Его здесь не узнали: небольшие серые проницательные глаза погасли, всегда оживленное и приветливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки. Очевидно, два месяца отсутствия царь провел в страшном душевном состоянии, не зная, чем кончится его затея. В совете он предложил условия, на которых принимал обратно брошенную им власть. Условия эти состояли в том, чтобы ему на изменников своих и ослушников опалы класть, а иных и казнить, имущество их брать на себя в казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государевой воле, ему в том не мешали. Царь как будто выпросил себе у государственного совета полицейскую диктатуру — своеобразная форма договора государя с народом!

«Шапка Казанская». Середина XVI в.

Указ об опричине. Для расправы с изменниками и ослушниками царь предложил учредить *опричнину*. Это был особый двор, какой образовал себе царь, с особыми боярами, с особыми дворецкими, казначеями и прочими управителями.

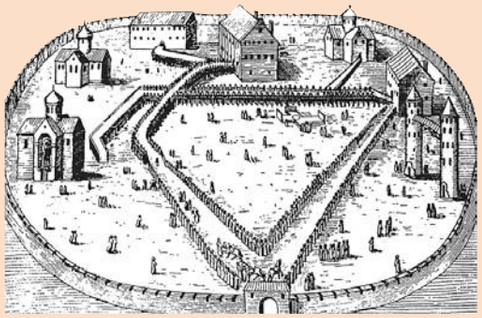
«Государство же свое Московское», т. е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, с ее воинством, судом и управой царь приказал ведать и всякие дела земские делать боярам, которым велел быть «в земских», и эта половина государства получила название *земщины*. Все центральные правительственные учреждения, оставшиеся в земщине, *приказы,* должны были действовать по-прежнему, «управу чинить по старине», обращаясь по всяким важным земским делам в думу земских бояр, которая правила земщиной, доклады-

вая государю только о военных и важнейших земских делах.

Так все государство разделилось на две части — на земщину и опричнину; во главе первой осталась Боярская дума, во главе второй непосредственно стал сам царь, не отказываясь и от верховного руководительства думой земских бояр. «За подъем же свой», т. е. на покрытие издержек по выезду из столицы, царь взыскал с земщины как бы за служебную командировку по ее делам подъемные деньги — 100 тысяч рублей.

Жизнь в слободе. Началось устроение опричнины. Прежде всего сам царь, как первый опричник, поторопился выйти из церемонного, чинного порядка государевой жизни, установленного его отцом и дедом, покинул свой наследственный кремлевский дворец, перевезся на новое укрепленное подворье, которое велел построить себе где-то среди своей опричнины, между Арбатом и Никитской, в то же время приказал своим опричным боярам и дворянам ставить себе в Александровской слободе дворы, где им предстояло жить, а также здания правительственных мест, предназначенных для управления опричниной. Скоро он и сам поселился там же, а в Москву стал приезжать «не на великое время». Так возникла среди глухих лесов новая резиденция — опричная столица с дворцом, окруженным рвом и валом, со сторожевыми заставами по дорогам.

Назначение опричнины. Но, спрашивается, зачем понадобилась эта реставрация или эта пародия удела? Учреждению с такой обветшалой формой и с таким архаичным названием царь указал небывалую дотоле задачу: опричнина получила значение



Александровская слобода. Рисунок XVI в.

политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства. Мысль, что он должен бежать от своих бояр, постепенно овладела его умом, стала его безотвязной думой. В духовной своей, написанной около 1572 г., царь пресерьезно изображает себя изгнанником, скитальцем. Здесь он пишет: «По множеству беззаконий моих распростерся на меня гнев Божий, изгнан я боярами ради их самовольства из своего достояния и скитаюсь по странам». Ему приписывали серьезное намерение бежать в Англию.

Итак, опричнина явилась учреждением, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цель, для которой не было особого учреждения в существовавшем московском государственном устройстве. Цель эта состояла в том, чтобы истребить крамолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде. Опричнина получила назначение высшей полиции по делам государственной измены. Отряд в тысячу человек, зачисленный в опричнину и потом увеличенный до 6 тысяч, становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы. Малюта Скуратов, т. е. Гри-

Царевич Иван на прогулке с опричниками. Художник М. Авилов

горий Яковлевич Плещеев-Бельский, родич св. митрополита Алексия, был как бы шефом этого корпуса, а царь выпросил себе у духовенства, бояр и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы с этой крамолой.

Противоречие в строе государства. Опричнина не отвечала на политический вопрос, стоявший тогда на очереди, не устраняла затруднения, которым была вызвана. Затруднение создавалось столкновениями, какие возникали между государем и боярством. Источником этих столкновений были не противоречивые политические стремления обеих государственных сил, а одно противоречие в самом политическом строе Московского государства.

Мысль о смене боярства дворянством. Выйти из затруднения можно было двумя путями: надобно было или *устранить* боярство как правительственный класс и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями управления, или *разъединить* его, привлечь к престолу наиболее надежных людей из боярства и с ними править, как и правил Иван в начале своего царствования. Первого он не мог сделать скоро, второго не сумел или не захотел сделать. В беседах с приближенными иноземцами царь неосторожно признавался в намерении изменить все управление страной и даже истребить вельмож. Но мысль преобразовать управление ограничилась разделением государства на земщину и опричнину, а по-

головное истребление боярства осталось нелепой мечтой возбужденного воображения: мудрено было выделить из общества и истребить целый класс, переплетавшийся разнообразными бытовыми нитями со слоями, под ним лежавшими.

Точно так же царь не мог скоро создать другой правительственный класс взамен боярства. Такие перемены требуют времени, навыка: надобно, чтобы правящий класс привык к власти и чтобы общество привыкло к правящему классу.

Так, по мысли царя Ивана, дворянство должно было сменить боярство как правящий класс в виде опричника. В конце XVII в. эта смена, как увидим, и совершилась, только в иной форме, не столь ненавистной.

Иконописный портрет Ивана IV. XVI в.

Суждения о ней современников. Глубоко пониженным, сдержанно негодующим тоном повествуют современники о смуте, какую внесла опричнина в умы, непривычные к таким внутренним потрясениям. Они изображают опричнину как социальную усобицу. Воздвигнул царь, пишут они, крамолу междоусобную, в одном и том же городе одних людей на других напустил, одних опричными назвал, своими собственными учинил, а прочих земщиною наименовал и заповедал своей части другую часть людей насиловать, смерти предавать и домы их грабить. И была туга и ненависть на царя в миру, и кровопролитие, и казни учинились многие. Один наблюдательный современник изображает опричнину какой-то непонятной политической игрой царя: всю державу свою, как топором, пополам рассек и этим всех смутил, так, божиими людьми играя, став заговорщиком против самого себя. Царь захотел в земщине быть государем, а в опричнине остаться вотчинником, удельным князем. Современники не могли уяснить себе этого политического двуличия, но они поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства.

Детство. Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел — на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с летами превратилась в глубокое недоверие к людям.

Влияние боярского правления. Безобразные сцены боярского своеволия и насилия, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с летами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную наклонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон.

Ранняя развитость и возбуждаемость. ...Ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению про себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость. Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, уменье направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства.

Иван — один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинени-

Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г. Художник И. Е. Репин. 1885 г.

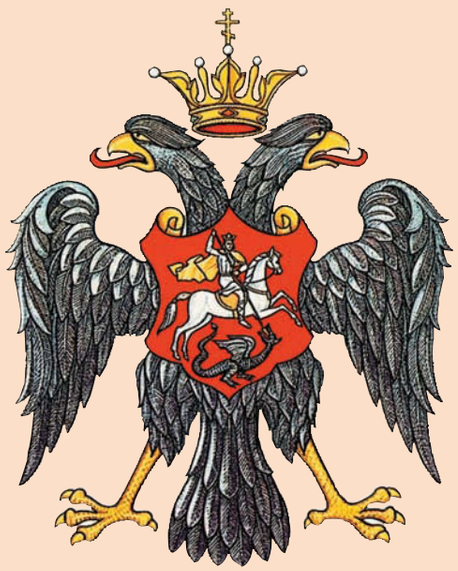
ях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли, но это фосфорический блеск, лишенный теплоты, это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения.

Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений.

Нравственная неуравновешенность. Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра, скажут иные: ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимобольных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение, гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская: Иван был *царь*. Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное, влияние на его политический образ действий, испортил его.

Идея власти. Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул *царя* и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер. Впрочем, по его сочинениям можно с некоторой точностью восстановить ход его политического самовоспитания. Его письма к князю Курбскому — наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний.

Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное и сделалось для него предметом набожного поклонения.



Государственный герб Руси в XVI в.

Недостаток практической ее разработки. Однако из всех этих усилий ума и воображения царь вынес только простую, голую идею царской власти без практических выводов, каких требует всякая идея. Теория осталась не разработанной в государственный порядок, в политическую программу. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, он упустил из виду практические задачи и потребности государственной жизни и не умел приладить своей отвлеченной теории к местной исторический действительности. Без этой практической разработки его возвышенная теория верховной власти превратилась в каприз личного самовластия, исказилась в орудие личной злости, безотчетного произвола.

«Мономахов трон» — моленное место Ивана Грозного в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.

Потому стоявшие на очереди практические вопросы государственного порядка остались неразрешенными.

Значение царя Ивана. Таким образом, положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования. Царь Иван был замечательный писатель, пожалуй даже бойкий политический мыслитель, но он не был государственный делец. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка.

Внешнее положение государства. Новые границы государства поставили его в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси — шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое

Золотой крест, сделанный по велению царя Ивана IV в память о победе Руси в Ливонии. 1560 г.

делало его похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами. Ему приходилось бороться на два растянутых и изогнутых фронта, северо-западный европейский и юго-восточный, обращенный к Азии. На северо-западе борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту. Такое состояние непрерывной борьбы стало уже нормальным для государства в XVI в.

Войны на северо-западе. На европейском фронте шла борьба со Швецией и Ливонией за восточные берега Балтийского моря, с Литвой — Польшей — за Западную Русь. В 1492–1595 гг. было три войны со Швецией и семь войн с Литвой — Польшей совместно с Ливонией. Эти войны поглотили не менее 50 лет, следовательно, на западе в эти 103 года мы круглым счетом год воевали и год отдыхали.

На юго-востоке. Зато на азиатской стороне шла изнурительная непрерывная борьба. Здесь не было ни миров, ни перемирий, ни правильных войн, а шло вечное обоюдостороннее подсиживание. Золотая Орда в XV в. уже распадалась и окончательно разрушилась в начале XVI в. Из ее развалин образовались новые татарские гнезда, царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды Ногайские за Волгой и по берегам морей Азовского и Черного, между Кубанью и Днепром.

По завоевании Казани и Астрахани наиболее беспокойств причинял Москве Крым по своей связи с турками, которые завоевали его в 1475 г. и положили здесь конец господству генуэзцев, владевших Кафой-Феодосией, Судаком-Сурожем и другими берегами Крыма. В 1571 и 1572 гг. хан крымский дважды нападал на Москву с полчищами в 120 тысяч человек. Крымское ханство представляло огромную шайку разбойников, хорошо приспособленную для набегов на Польшу, Литву и Московию.

Татары, кое-как вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, редко пиками, на своих малорослых, но сильных и выносливых степных лошадях, без обоза, питаясь небольшим запасом сушеного пшена или сыра да кобылиной, легко переносились через эту необъятную степь, пробегая чуть не тысячу верст пустынного пути.

Полон — главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и девочки. Для этого они брали с собой ременные веревки, чтобы связывать пленников, и даже большие корзины, в которые сажали забранных детей. Пленники продавались в Турцию и другие страны.

В продолжение XVI в. из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах.

Искусственное развитие частного землевладения. Во второй половине XVII в. уже завершался давно начавшийся двусторонний процесс превращения поместий в вотчины и слияния поместий с вотчинами. Во-первых, поместное владение постепенно прямо превращалось в вотчинное посредством выслуги. Важные государственные заслуги, оказанные служилым лицом, награждались тем, что известная доля его поместного оклада, обыкновенно 20 %, жаловалась ему в вотчину. Кроме того, разрешалось помещикам покупать у казны поместные земли в вотчину. Рядом с этими отдельными переходами одного вида

Покорение Казани

землевладения в другой шло постепенное общее слияние обоих видов. Если начала поместного владения проникали в вотчинное, то и поместье воспринимало особенности вотчины. Землю, недвижимость, заставляли исполнять роль денег, заменять денежное жалованье за службу. Потому поместье вопреки своей юридической природе личного и временного владения стремилось стать фактически наследственным. По устанавливавшемуся уже в XVI в. порядку верстания и испомещения поместье либо делилось между всеми сыновьями помещика, либо справлялось только за младшими, в службу поспевавшими, либо переходило к малолетним детям в виде прожитка. Еще от 1532 г. сохранилась духовная, в которой завещатель просит душеприказчиков ходатайствовать о передаче его поместья его жене и сыну, а в одной духовной 1547 г. братья-наследники наравне с вотчиной отца поделили между собой и его поместье. Закон 1550 г., испомещая под Москвой известную тысячу служилых людей, установил, как правило, переход подмосковного поместья от отца к сыну, годному к службе. Бывали случаи и менее прямого наследования: одно поместье перешло от отца к сыну, после которого оно было справлено за его матерью, а после нее досталось ее внуку. С начала XVII в. поместья иногда прямо завещаются женам и детям, как вотчины, а при царе Михаиле был узаконен переход поместья в род в случае бездетной смерти помещика. Отсюда уже при Михаиле появляется в указах совсем не поместное выражение — *родовые поместья*. Кроме завещания, постепенно входила в обычай и облегчалась законом *мена* поместий. Потом разрешена была *сдача* поместий зятьям в виде приданого или родичам и даже сторонним людям с обязательством кормить сдатчика или сдатчицу, а в 1674 г. отставные помещики получили право сдавать поместья и за деньги, т. е. продавать их. Так к праву пользования, которым первоначально ограничивалось поместное владение, присоединились и права распоряжения, и если к концу XVII в. закон тесно приблизил поместье к вотчине, то в понятиях и практике поместных владельцев между обоими видами землевладения исчезло всякое различие.

Иван III раздает поместья. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Наконец, в XVIII в. по законам Петра Великого и императрицы Анны поместья стали собственностью владельцев, окончательно слились с вотчинами и самое слово *помещик* получило значение земельного собственника из дворян, заменив собою слово *вотчинник;* это также показыва-

Дворянское поместье Зобнино. Фрагмент. Неизвестный художник. XVIII в.

ет, что поместье было преобладающим видом земельного владения в Московском государстве. Значит, без поместной системы, путем естественного народно-хозяйственного оборота у нас не образовалось бы столько частных земельных собственников, сколько их оказалось в XVIII в. В этом отношении поместная система имела для русского дворянства то же значение, какое получило для крестьян Положение 19 февраля 1861 г.: этим Положением искусственно, при содействии государства, создано крестьянское землевладение, т. е. огромное количество земли на правах собственности передано крестьянским обществам.

Уездные дворянские общества. Развитие поместного землевладения создало уездные дворянские общества — местные землевладельческие

корпорации. Напрасно образование таких обществ считают делом законодательства XVIII в., императрицы Екатерины II преимущественно. Местные дворянские общества были уже готовы в XVI в.

Со временем уездные дворянские общества приобрели и некоторое политическое значение: уездные дворяне всем городом обращались к государю с челобитьями о своих нуждах; дворянские окладчики являлись депутатами на земских соборах и ходатайствовали перед центральным правительством о нуждах своих обществ. Таким образом, служба и соединенное с нею служилое землевладение были связями, которыми скреплялись уездные дворянские общества.

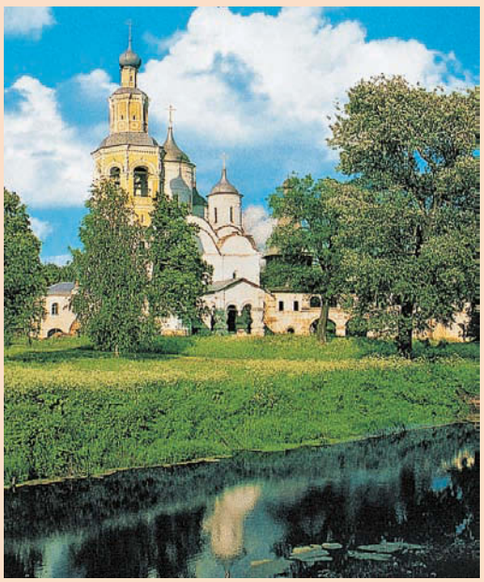
Распространение монастырей. Монашество появилось на Руси вместе с христианством. Письменные известия об отдельных монастырях появляются с княжения Ярослава I. Следя за распространением монастырей, приведенных в известность, замечаем, что первоначально они идут вслед за русско-христианской жизнью, а не ведут ее за собою, не вносят ее в пределы, дотоле ей чуждые. Всего усерднее обзаводятся монастырями старейшие общественные центры, господствовавшие над концами древнего речного «пути из варяг в греки», — Киев и Новгород: до конца XII в. в первом известно 15 монастырей, во втором — до 20; остальные рассеяны по второстепенным областным средоточиям Южной и Северной Руси, какими были Галич, Чернигов, Переяславль Русский, Смоленск, Полоцк, Ростов, Владимир на Клязьме и др. Почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь.

Числом монастырей Новгород, видели мы, перебил первенство у самого Киева, но почти все монастыри, которыми он наполнялся и опоясывался, относятся уже к XII в. Вместе с русско-христианской жизнью быстро расширяется круг монастырей и в других краях Северной Руси: они появля-

Выдубецкий Михайловский монастырь в Киеве. XI в. Реконструкция

ются в Смоленске, Пскове, Старой Руссе, Ладоге, Переславле-Залесском, Суздале, Владимире на Клязьме.

Пустынные монастыри. Но с XIV в. замечаем важную перемену в способе распространения монастырей, и именно на севере. Доселе почти все монастыри как в Южной, так и в Северной России, говорил я, строились в городах или в их ближайших окрестностях. Редко появлялась *пустынь* — монастырек, возникавший вдали от городов, в пустынной, незаселенной местности, обыкновенно среди глухого леса. Зато с XIV в. движение в лесную пустыню развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV в. превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI в. в $1^1/_2$ раза (51 и 35). Таким образом, в эти три века построено было в пределах Московской Руси, сколько известно, 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастыря.



Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой. Основан в 1350 г.

Монастыри-колонии. Городские и пустынные монастыри различались между собой не одной только внешней обстановкой, но и общественным значением, духом складывавшегося в тех и других быта, даже в большинстве случаев самим происхождением. Городские и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожным усердием высших церковных иерархов, также князей, бояр, богатых горожан — людей, которые оставались в стороне от основанных ими обителей, не входили в состав созванного ими монастырского братства. Ктиторы обстраивали монастырь, созывали братию и давали ей средства содержания. Живя среди мира, в ежедневном с ним общении и для его религиозных нужд, такие монастыри и назывались «мирскими». Другие имели более самобытное происхождение, основывались людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ним изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Иные основатели таких пустынных монастырей становились отшельниками прямо из мира, еще до пострижения, подобно преподобному Сергию Радонежскому, но большинство проходило иноческий искус в каком-либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходило для лесного уединения и создавало новые пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей XIV и XV вв. были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большею частью пустынных же.

Вид Троице-Сергиевой лавры. Художник М. Старченков

Троицкий Сергиев монастырь. Некоторые монастыри явились особенно деятельными метрополиями. Первое место между ними занимал монастырь Троицкий Сергиев, возникший в 40-х годах XIV в. Преп. Сергий был великим устроителем монастырей: своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергии подвижничества. Его призывали строить монастыри и в Москву, и в Серпухов, и в Коломну. Он пользовался всяким случаем завести обитель, где находил то нужным. В 1365 г. великий князь Димитрий Донской послал его в Нижний Новгород мирить ссорившихся князей — братьев Константиновичей, и на пути, мимоходом, он нашел время в глуши Гороховского уезда, на болоте при реке Клязьме, устроить пустынку, воздвигнуть в ней храм св. Троицы и поселить «старцев пустынных отшельников, а питались они лыками и сено по болоту косили».

Обитель Сергия и развила широкую колонизаторскую деятельность. В XIV в. из нее вышло 13 пустынных монастырей-колоний и 2 — в XV в. Потом ее ослабевшую деятельность в этом отношении продолжали ее колонии и колонии колоний, преимущественно монастырь преп. Кирилла Белозерского, вышедшего из осно-

Общий вид Кирилло-Белозерского монастыря

ванного преп. Сергием подмосковного Симонова монастыря (в конце XIV в.). Вообще в продолжение XIV и XV вв. из Сергиева монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей, не говоря о 8 городских.

Этими колониями и намечены были главные направления монастырской колонизации в те два века и частью даже в XVI в. Если вы проведете от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по реке Костроме на реку Вычегду, другую по Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV в. усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки — Волги и их колоний.

Во второй половине XV в. монастырская колонизация перешла из Белозерского края в бассейн реки Онеги; постриженник Кириллова монастыря преп. Александр Ошевнев поставил Ошевенский монастырь к северу от Каргополя, на притоке Онеги, получив пособие от радетелей из Новгорода, а между тем еще в 1429 г. более ранний постриженник того же монастыря — Савватий поставил первую келью на Соловецком острове, где вскоре после его смерти выходец из Новгорода Зосима устроил знаменитый беломорский монастырь.

Древнерусский месяцеслов. В разное время русская Церковь *канонизовала* свято поживших отечественных подвижников, т. е. причисляла их к лику святых, устанавливая церковное празднование их памяти. В царствование Грозного митрополит Макарий созывал в 1547 и 1549 гг. нарочитые церковные соборы, которые установили церковное празднование 39 русским святым, сопричислив их к отечественным святым, прежде того канонизованным, число которых русская церковная историография полагает до 22. Не будет лишним отметить общественное положение всех этих подвижников, имена коих образовали раннюю основу месяцеслова русских святых. Здесь встречаем 16 князей и княгинь, 1 боярина и 3 литовских мучеников, состоявших на службе у князя Ольгерда, 14 высших иерархов, митрополитов и епископов, 4 юродивых и 23 основателей и подвижников

монастырей. Имена святых этого последнего класса, канонизованных после макарьевских соборов до учреждения св. Синода, занимают в русском месяцеслове еще более видное место: из 146 — таких имен более половины, именно 74.

Древнерусское житие. Основатели пустынных монастырей. Осуществление идей настоящего иночества надобно искать в пустынных монастырях. Основатели их выходили на свой подвиг по внутреннему призванию и обыкновенно еще в молодости. Древнерусские жития изображают разнообразные и часто характерные условия прохождения пустынного подвижничества в Древней Руси, но самый путь, которым шли подвижники, был довольно однообразен.

Святой равноапостольный князь Владимир. Псков, 1-я половина XV в.

Будущий основатель пустынного монастыря готовился к своему делу продолжительным искусом обыкновенно в пустынном же монастыре под руководством опытного старца, часто самого основателя этого монастыря. Он проходил разные монастырские службы, начиная с самых черных работ, при строгом посте, «изнуряя плоть свою по вся дни, бодрствуя и молясь по вся нощи». Так усвоялось первое и основное качество инока — отречение от своей воли, послушание без рассуждения. Проходя эту школу физического труда и нравственного самоотвержения, подвижник, часто еще юный, вызывал среди братии удивленные толки, опасную для смирения «молву», а пустынная молва, по замечанию одного жития, ничем не отличается от мятежной городской славы. Искушаемому подвижнику приходилось бежать из воспитавшей его обители, искать безмолвия в настоящей глухой пустыне, и настоятель охотно благословлял его на это. Основатели пустынных монастырей даже поощряли своих учеников, в которых замечали духовную силу, по окончании искуса уходить в пустыню, чтобы основывать там новые монастыри.

Пустынный общежительный монастырь. В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: *общежитие,* житие *особное* и *отходное*. Общежительный монастырь — это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией; ничего не считать своим, но все иметь общее — главное правило общежития. Отходному житию посвя-

щали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, пощении и молчании; оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства в школе общего жития. Особное житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было очень распространено в Древней Руси как простейший вид иночества и принимало различные формы.

Нил Сорский. Постриженник Кириллова монастыря Нил долго жил на Афоне, наблюдал тамошние и цареградские скиты и, вернувшись в отечество, на реке Соре в Белозерском краю основал первый скит в России. *Скитское* жительство — средняя форма подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит похож и на особняк своим тесным составом из двух-трех келий, редко больше, и на общежитие тем, что у братии пища, одежда, работы — все общее. Но существенная особенность скитского жития — в его духе и направлении. Нил был строгий пустынножитель; но он понимал пустынное житие глубже, чем понимали его в древнерусских монастырях.

Преподобный Нил Сорский

Скитский подвиг — это *умное*, или *мысленное, делание,* сосредоточенная внутренняя работа духа над самим собой, состоящая в том, чтобы «умом блюсти сердце» от помыслов и страстей, извне навеваемых или возникающих из неупорядоченной природы человеческой.

Истинное соблюдение заповедей, по уставу Нила, не в том только, чтобы делом не нарушать их, но в том, чтобы и в уме не помышлять о возможности их нарушения. Так достигается высшее духовное состояние, та, по выражению устава, «неизреченная радость», когда умолкает язык, даже молитва отлетает от уст и ум, кормчий чувств, теряет власть над собой, направляемый «силою иною», как пленник; тогда «не молитвой молится ум, но превыше молитвы бывает»; это состояние — предчувствие вечного блаженства, и когда ум сподобится почувствовать это, он забывает и себя, и всех, здесь, на земле, сущих. Таково скитское «умное делание» по уставу Нила.

Перед смертью (1508 г.) Нил завещал ученикам бросить труп его в ров и похоронить «со всяким бесчестием», прибавив, что он изо всех сил старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни по смерти. Древнерусская агиография исполнила его завет, не составила ни жития его, ни церковной ему службы, хотя Церковь причислила его к лику преподобных.

Иосиф Волоцкий. Зато вполне туземная, родная почва была под ногами его противника преп. Иосифа.

Проходя суровую школу иночества в монастыре Пафнутия Боровского, Иосиф возвышался над всеми его учениками, совмещая в себе, как никто в обители, разнообразные качества духовные и телесные, остроту и гибкость ума соединяя с основательностью, имел плавный и чистый выговор, приятный голос, пел и читал в церкви, как голосистый соловей, так что приводил слушателей в умиление: никто нигде не читал и не пел, как он.

Он мог покорять себе людей, выправлять и вразумлять их, обращаясь к их здравому смыслу. В одном из житий его, написанных современниками, читаем, что силой его слова смягчались одичалые нравы у многих сановников, часто с ним беседовавших, и они начинали жить лучше: «Все же тогда Волоцкая страна к доброй жизни прелагашеся». Там же рассказано, как Иосиф убеждал господ в выгоде снисходительного отношения к своим крестьянам.

Если ко всему этому прибавим непреклонную волю и физическую неутомимость, получим довольно полный образ игумена — хозяина и администратора — тип, под который подходило с большей или меньшей удачей большинство основателей древнерусских общежительных монастырей.

Собор 1503 г. На церковном соборе 1503 г. оба борца встретились и столкнулись. Скитское миросозерцание Нила все сполна было против монастырского землевладения. Его возмущали, как он писал, эти монахи, кружащиеся ради стяжаний; по их вине жизнь монашеская, некогда превожделенная, стала «мерзостной». Нил и стал умолять великого князя, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились бы своим рукоделием. Великий князь

Страница из «Просветителя» Иосифа Волоцкого. XVI в.

поставил этот вопрос на соборе. Нил и стоявшие за него белозерские пустынники говорили об истинном смысле и назначении иночества; Иосиф ссылался на примеры из истории восточной и русской Церкви и при этом высказал такой ряд практических соображений: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет доброродных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Этот силлогизм впервые высказывался при обсуждении церковно-практического вопроса. Церковные авторитеты не ставили монастырям задачи быть пи-

томниками и рассадниками высших церковных иерархов и не признавали непременным оплотом веры иерархию родовитого происхождения, как это было в Польше.

Собор согласился с Иосифом и свое заключение представил Ивану III в нескольких докладах, очень учено составленных, с каноническими и историческими справками. Но вот что в этих докладах возбуждает недоумение: на соборе оспаривали только монастырское землевладение, а великому князю отцы собора заявили, что они не благоволят отдавать и архиерейские земли, против которых на соборе никто не говорил. Дело объясняется молчаливой тактикой стороны, восторжествовавшей на соборе. Иосиф знал, что за Нилом и его нестяжателями стоит сам Иван III, которому были нужны монастырские земли. Эти земли трудно было отстоять: собор и связал с ними вотчины архиерейские, которых не оспаривали, обобщил вопрос, распространив его на все церковные земли, чтобы затруднить его решение и относительно монастырских вотчин. Иван III молча отступил перед собором. Итак, дело о секуляризации монастырских вотчин, поднятое кружком заволжских пустынников по религиозно-нравственным побуждениям, встретило молчаливое оправдание в экономических нуждах государства и разбилось о противодействие высшей церковной иерархии, превратившей его в одиозный вопрос об отнятии у Церкви всех ее недвижимых имуществ.

Иван III раздает поместья. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Землевладельцы. Земли, на которых жили крестьяне, по роду землевладельцев делились на 3 разряда: на земли *церковные,* принадлежавшие церковным учреждениям, *служилые,* или *боярские,* находившиеся во владении служилых людей, и *государевы.* Последние подразделялись на 2 разряда: на государевы *дворцовые,* приписанные ко дворцу и как бы составлявшие его частную собственность, и государевы *черные,* т. е. государственные, не находившиеся ни в чьем частном владении. Различие между землями дворцовыми и черными было больше хозяйственное, чем юридическое: доходы с них специально назначались на содержание государева дворца и поступали больше натурой, чем деньгами. Поэтому земли одного разряда часто переходили в другой, и в XVII в. те и другие смешались, соединившись под одним дворцовым управлением. Таким образом, в Московском государстве XVI в. существовало 3 разряда землевладельцев: государь, церковные учреждения и служилые люди.

На всем пространстве Московского государства мы не встречаем других частных землевладельцев, т. е. не существовало крестьян-собственников. Крестьяне всюду жили на чужих землях: церковных, служилых либо государственных; даже сидя на черных землях, не составлявших ничьей частной собственности, крестьяне не считали эти земли своими. Про такие земли крестьянин XVI в. говорил: «Та земля великого князя, а моего владения»; «Та земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши». Итак, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю от права пользования ею. Значит, по своему поземельному положению, т. е. по юридическому и хозяйственному отношению к земле, крестьянин XVI в. был безземельным хлебопашцем, работавшим на чужой земле. Из такого положения развились своеобразные отношения: юридические, хозяйственные и государственные.

Вопрос о сельской общине. Вопрос о происхождении русской сельской общины некогда вызвал в нашей литературе оживленный спор, и на этот предмет установились два взгляда, которые держатся доселе. Одни вслед за Чичериным, поднявшим этот вопрос в пятидесятых годах XIX в., думают, что наша великорусская сельская община — учреждение довольно позднего времени и получила свое окончательное образование только в последней четверти XVIII в. под действием поземельного укрепления крестьян и подушной подати. Другие последуют другому профессору нашего университета, Беляеву, который, возражая Чичерину, утверждал, что сельская община — исконное явление русской жизни, что начала, на которых основаны общинные учреждения наше-

Сельскохозяйственные работы. Миниатюра. 1648 г.

Строительство водяной мельницы. Миниатюра. XVII в.

го времени, действовали уже с самых ранних пор исторической жизни Руси, задолго до прибытия Рюрика.

...В сельских обществах XVI в. нельзя найти общинного владения землей с обязательным порядком ее распределения, а им было предоставлено лишь распоряжение крестьянской землей, насколько то требовалось для облегчения им исправного платежа податей. Но это распоряжение воспитывало понятия и привычки, которые потом при других условиях легли в основу общинного владения землей.

Земские соборы. Этому органу в нашей литературе усвоено название *Земского собора,* а в памятниках XVII в. он называется иногда «советом всея земли». До конца XVI в. Земский собор созывали четыре раза: в 1550, 1566, 1584 и 1598 гг. Надобно рассказать, при каких обстоятельствах и в каком составе созывались эти собрания, чтобы понять их характер и значение.

Сказание о соборе 1550 г. Первый собор был созван Иваном IV в пору крайнего правительственного возбуждения царя. Венчание на царство с принятием царского титула, женитьба и вслед за тем страшные московские пожары, народный мятеж, казанские и крымские набеги — все эти треволнения с самого начала 1547 г. поочередно то поднимали, то повергали в уныние его неустойчивый дух. Он долго не мог оправиться от впечатления московских пожаров и через три с лишком года на Стоглавом соборе описывал свой тогдашний испуг с живостью только что пережитой минуты:

Иван Грозный и Владимир Мономах.
Фрагмент иконы «Церковь воинствующая». 2-я половина XVI в.

тогда «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилихся и познах своя согрешения». Тогда он решился покончить и с боярским правлением, и со своей легкомысленной юностью и хлопотливо принялся за государственные дела. Он начал искать вокруг себя людей и средства, которые помогли бы ему поправить положение дел.

При таком настроении царя созван был собор 1550 г. До нас не дошло деяния или протокола этого собора, и мы не знаем ни его состава, ни подробностей его деятельности. Но о нем сохранился такой рассказ. На двадцатом году своего возраста царь Иван, видя государство в великой туге и печали от насилия сильных, умыслил всех привести в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы и утолить вражду, царь «повелел собрать свое государство из городов всякого чина». В воскресный день царь вышел с крестами на московскую Красную площадь и после молебна с лобного места сказал митрополиту: «Молю тебя, святый владыко, будь мне помощник и любви поборник. Знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Сам ты знаешь, что я после отца своего остался четырех лет, а после матери осьми лет». Изобразив затем яркими чертами беспорядки боярского правления в продолжение своего несовершеннолетия, царь вдруг бросил в глаза присутствовавшим на площади боярам запальчивые слова: «О, неправедные лихоимцы и хищники, неправедный суд по себе творящие! Какой теперь ответ дадите нам — вы, многие слезы на себя воздвигшие? Я чист от этой крови; ждите своего воздаяния». Потом царь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь; ныне нам ваших

Царь Борис Годунов

обид и разорений и налогов исправить невозможно... молю вас, оставьте друг другу вражды и тяготы свои... я сам буду вам судия и оборона, буду неправды разорять и хищения возвращать».

Соборы 1566 и 1598 гг. Первый был созван во время войны с Польшей за Ливонию, когда правительство хотело знать мнение чинов по вопросу, мириться ли на предложенных польским королем условиях. Второму собору предстояло избрать царя, когда пресеклась царствовавшая дотоле династия Калиты.

Сохранились акты или протоколы обоих соборов — *приговорный список* 1566 г. и *утвержденная грамота* 1598 г. об избрании Бориса Годунова на царство. В обоих актах помещены поименные перечни членов этих соборов. На первом соборе присутствовало 374 члена, на втором — 512. Во главе обоих соборов становились два высших

правительственных учреждения, церковное и государственное — Освященный собор и Боярская дума; призывались начальники и подчиненных центральных учреждений, московских приказов с их дьяками, а также местные органы центрального управления, городовые воеводы. Все это были правительственные люди, а не представители общества, не земские люди.

Земский собор и земля. ...Земский собор XVI в. был в точном смысле *совещанием правительства с собственными агентами*. Таков первичный тип земского представительства на Руси. Тогда иначе и не понимали народного представительства, как в смысле собрания разностепенных носителей власти, органов управления, а не уполномоченных общества или народа. Но по понятиям того времени такое собрание было все-таки народное представительное собрание, имеющее власть решать судьбы народа.

В Москве XVI в. думали, что не народу подобает назначать выразителей своей воли, что для того есть готовые, волею Божией установленные извечные власти — правительство с его подчиненными слугами, которое и есть настоящее государство; говоря проще, народ не может иметь своей воли, а обязан хотеть волею власти, его представляющей. ...Предполагалось, что всенародное множество духовно присутствует на соборе и говорит устами своих невыборных, прирожденных столичных представителей. Юридические фикции занимали гораздо больше места в общественном сознании тогдашнего русского человека, чем теперь. Фикция представительства рядовой народной массы высшими столичными чинами складывалась не без участия русских церковных законоведов, как и самый Земский собор строился отчасти по подобию Освященного собора, у которого заимствовал и свое название *собора*.

Заседание Боярской думы

Происхождение соборов. Земский собор XVI в. был не народным представительством, а расширением центрального правительства. Это расширение достигалось тем, что в состав Боярской думы, т. е. государственного совета, в особо важных случаях вводился элемент, по происхождению не правительственный, а общественный, но с правительственным назначением: это были верхи местных обществ, служилых и промышленных, стянутые в столицу. На соборе они не составляли особого собрания или совещания, становившегося или действовавшего отдельно от центрального правительства, а входили прямо в его состав и лишь при подаче мнений образовали несколько групп, параллельных правительственным, подававших голоса наряду с Освященным собором, боярами и приказными людьми. Земский собор XVI в. — это Боярская дума, т. е. правительство с участием людей из высших классов земли или общества. Такое пополнение правительства было потребностью времени.

Царь Иван вынес из боярской опеки до боли удрученное чувство негодности системы правительственных

кормлений: в ней он видел источник всех внешних и внутренних бедствий народа, и ему уже грезилась гибель государства. Тогда он стал думать не о замене родовитых кормленщиков новым правительственным классом, а только о постановке всего управления на новые основания и об освежении правительства новыми силами, взятыми снизу, из управляемого общества. В 1550 г. он говорил А. Адашеву, назначая его начальником Челобитного приказа: «Взял я тебя из самых малых людей, слыша о твоих добрых делах, и приблизил к себе, и не тебя одного, но и других таких же, кто бы печаль мою утолил и на людей, врученных мне Богом, призрел; приноси к нам истину, избери судий правдивых из *бояр и вельмож*». В послании к Стоглавому собору он также умолял духовенство и «любимых своих князей и вельмож», воинов и все православное христианство: «Помогайте мне и пособствуйте все единодушно». Мы уже знаем, как это воззвание было осуществлено в реформе местного управления: дела, отнесенные в ведомство местных учреждений, должны были вести правительственные органы из среды местных же обществ по их выбору и под двойной ответственностью, личной — самих выборных и круговой — всех избирателей.

Итак, *Земские соборы возникли у нас в одно время и в связи с местными реформами царя Ивана и являются совместными совещаниями Боярской думы, т. е. центрального правительства, с людьми столичных классов, служивших ему ближайшими ответственными органами; такие совещания устроялись для выработки общего постановления по особо важным вопросам государственной жизни и для принятия членами собора ответственного кругового ручательства в исполнении соборного приговора*.

Царь Иван IV Васильевич. Неизвестный художник. XVI в.

Ход устроения государства. Московское государство зарождалось в XIV в. под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке. Эта внешняя борьба и сдерживала внутренние вражды. Внутренние, домашние соперники мирились ввиду общих внешних врагов, политические и социальные несогласия умолкали при встрече с национальными и религиозными опасностями.

Особенности его склада. Так складывалось Московское государство. Оно складывалось медленно и тяжело. Мы теперь едва ли можем понять и еще меньше можем почувствовать, каких жертв стоил его склад народному благу, как он давил частное суще-

Московские служилые люди. Миниатюра из рукописной книги начала XVIII в.

ствование. Можно отметить три его главные особенности. Это, во-первых, *боевой строй государства*. Московское государство — это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта: на западе — за национальное единство, на юго-востоке — за христианскую цивилизацию, там и здесь — за свое существование. Вторую особенность составлял *тягловой,* неправовой характер внутреннего управления и общественного состава с резко обособлявшимися сословиями. Управление вели обязанные органы, наверху — служилые люди, внизу — ответственные сословные выборные. Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, т. е. кормить тех, кто его обороняет. Были командиры, солдаты и работники, не было граждан, т. е. гражданин превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать. Было сословие, которое по своему назначению могло бы просвещать и солдат, и работников, и на Стоглавом соборе царь заставил его дать обещание, что оно устроит народное образование; но мы не знаем, была ли устроена после этого собора хоть одна церковноприходская школа.

Третьей особенностью московского государственного порядка была *верховная власть с неопределенным, т. е. неограниченным, пространством действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам,* именно к главному из них, к боярской аристократии. Ход дел указывал старой династии демократический образ действий, непосредственное отношение к народу; но она строила государство вместе с боярством, привыкла действовать с помощью родословной знати. Из образа действий Грозного видно, что у нее и явились было демократические стремления, но остались аристократические привычки. Она не могла примирить этих противоположностей и погибла в борьбе с этим противоречием.

Его положение в Европе. Теперь посмотрим, какое место заняло Московское государство среди других государств Европы. Тогдашняя Западная Европа не дала бы ответа на этот вопрос, потому что слабо замечала самое существование этого государства. Это, впрочем, не мешало ему быть очень полезным для Европы. У каждого народа своя судьба и свое назначение.

Голландская карта Московии. 1593 г.

Судьба народа слагается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности. Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество.

Между тем Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутые богатства. Повернувшись лицом на запад, к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайского востока, ей ничто не угрожает, и плохо замечала, что там идет упорная борьба, что, переменив две главные боевые квартиры — на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы и что здесь в XVI в. образовался центр государства, которое наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя. Таково было европейское положение Московского государства в конце XVI в.

Аллегория «Открытие Нового Света». Художник Дж. Дзукки. Ок. 1585 г.

Четвертый период. Мы остановились перед IV периодом нашей истории, последним периодом, доступным изучению на всем своем протяжении. Под этим периодом я разумею время с начала XVII в. до начала царствования императора Александра II (1613—1855 гг.). Моментом отправления в этом периоде можно принять год вступления на престол первого царя новой династии. Смутная эпоха самозванцев является переходным временем на рубеже двух смежных периодов, будучи связана с предшествующим своими причинами, с последующим — своими следствиями.

Главные факты. Со второго десятилетия XVII в. в нашей истории последовательно выступает ряд новых фактов, которые заметно отличают дальнейшее время от предшествую-

щего. Во-первых, на московском престоле садится новая династия. Далее, эта династия действует на поприще, все более расширяющемся. Государственная территория, дотоле заключенная в пределах первоначального расселения великорусского племени, теперь переходит далеко за эти пределы и постепенно вбирает в себя всю русскую равнину, распространяясь как до географических ее границ, так почти везде до пределов русского народонаселения. В состав Русского государства постепенно входят Русь Малая, Белая и, наконец, Новороссия, новый русский край, образовавшийся путем колонизации в южнорусских степях. Раскинувшись от берегов морей Белого и Балтийского до Черного и Каспийского, до Уральского и Кавказского хребтов, территория государства переваливает далеко за Кавказский хребет на юге, за Урал и Каспий на востоке.

Вместе с тем происходит важная перемена и во внутреннем строе государства: об руку с новой династией становится и идет новый правительственный класс. Старое боярство постепенно рассыпается, худея генеалогически и скудея экономически, а с его исчезновением падают и те политические отношения, какие прежде в силу обычая сдерживали верховную власть. На его место во главе общества становится новый класс, *дворянство,* составившееся из прежних столичных и провинциальных служилых людей, и в его пестрой, разнородной массе растворяется редеющее боярство.

Общий ход дел. Едва ли в истории какой-либо другой страны влияние международного положения государства на его внутренний строй было более могущественно, и ни в какой период нашей истории оно не обна-

Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 г. Художник Г. Угрюмов. Конец XVIII в.

руживалось так явственно, как в тот, к которому мы теперь обращаемся. Припомним главные задачи внешней политики Московского государства в XV—XVI вв. и их происхождение, их связь с прошлыми судьбами нашей страны. В I период нашей истории под напором внешних врагов разноплеменные и рассеянные элементы населения кое-как сжались в нечто цельное; завязывалась русская народность. Во II период среди усиленных внешних ударов с татарской и литовской стороны эта народность разбилась на две ветви, великорусскую и малорусскую, и с тех пор каждая из них имела свою особую судьбу. Великорусская ветвь в лесах Верхнего Поволжья сохранила свои силы и развила их в тер-

пеливой борьбе с суровой природой и внешними врагами. Благодаря тому она смогла сомкнуться в довольно устойчивое боевое государство. В III период это государство, объединившее Великороссию, поставило себе задачей восстановить политическое и национальное единство всей Русской земли. Постановка этой задачи и приступ к ее разрешению — только приступ — были главным делом старой династии московских государей. Нам уже известны народные усилия, потраченные на это дело, и успехи, достигнутые в этом направлении к концу XVI в. В стремлении к этой цели общество в Московском государстве усвоило ту тяжелую политическую организацию, которую мы изучали в предшествующем периоде.

Михаил Федорович Романов

В XVII в., после территориальных потерь Смутного времени, внешняя борьба стала еще тяжелее; в том же направлении изменился и общественный строй. Под тягостями войн с Польшей и Швецией прежние дробные экономические состояния, чины, еще сохранявшие признаки свободы труда и передвижения, в интересах казны и службы были сбиты в крупные сословия, а большая часть сельского населения попала в крепостную неволю. При Петре I основная пружина государственного порядка достигла высшей степени напряжения: сословная разверстка специальных повинностей стала еще тяжелее, чем была в XVII в. К прежним сословным тягостям он прибавил новые, а тягчайшие прежние, рекрутскую и податную, распространил на классы, дотоле свободные от государственных тягостей, на «вольных людей» и холопов. Так зарождается в законодательстве смутная идея общих *повинностей,* если не всесословных, то многосословных, которая в своей дальнейшей разработке обещала значительную перемену в общественном строе. В то же время произошел перелом и во внешней политике государства. Доселе его войны на Западе были в сущности оборонительные, имели целью возвратить земли, недавно от него отторгнутые или считавшиеся его исконным достоянием. С Полтавы они получают наступательный характер, направляются к укреплению завоеванного Петром преобладания России в Восточной Европе или к поддержанию европейского равновесия, как элегантно вы-

Петр I. Мозаика. XVIII в.

ражались русские дипломаты. С поворота на этот притязательный путь государство стало обходиться народу в несколько раз дороже прежнего, и без могучего подъема производительных сил России, совершенного Петром, народ не оплатил бы роли, какую ему пришлось играть в Европе.

После Петра во внутреннюю жизнь государства входит еще новое важное условие. Под недостойными преемниками и преемницами преобразователя престол заколебался и искал опоры в обществе, прежде всего в дворянстве. В оплату за поддержку законодательство взамен мелькнувшей при Петре идеи всесословных повинностей стало настойчиво проводить мысли о *специальных сословных правах*. Дворянство эмансипируется, снимает с себя тягчайшую повинность обязательной службы и не только удерживает старые свои права, но и приобретает широкие новые. Крупицы этих даров падают и на долю высшего купечества. Так всеми льготами и выгодами, какими могла поступиться власть, осыпаны были верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишения. Если бы народ терпеливо вынес такой порядок, Россия выбыла бы из числа европейских стран. Но с половины XVIII в. в народной массе пробуждается тревожное брожение особого характера. Мятежами обилен был и XVII в., и тогда они направлялись против правительства, бояр, воевод и приказных людей. Теперь они принимают социальную окраску, идут против *господ*. Сама пугачевщина выступала под легальным знаменем, несла с собой идею законной власти против екатерининской узурпации с ее пособниками — дворянами. Когда почва затряслась под ногами, в правящих сферах по почину Екатерины II всплывает мысль об уравнении общества, о смягчении крепостного права.

Хмурясь и робея, пережевывая одни и те же планы и из царствования в царствование отсрочивая вопрос, малодушными попытками улучшения, не оправдывавшими громкого титула власти, довели дело к половине XIX в. до того, что его разрешение стало требованием стихийной необходимости, особенно когда Севастополь ударил по застоявшимся умам. Итак, ход дел в IV периоде можно изобразить в таком виде: *по мере того как усиливалось напряжение внешней оборонительной борьбы, усложнялись специальные государственные повинности, падавшие на разные классы общества, и по мере того как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменяясь специальными сословными правами, и скучивались на низших классах; но по мере того как росло чувство народного недовольства таким неравенством, правительство начинало подумывать о более справедливом устройстве общества.* Постараемся запомнить сейчас

Царь Федор Иванович.
Изображение из «Титулярника» 1672 г.

изложенную схему: в ней заключается существенное значение изучаемого периода, ключ к объяснению его важнейших явлений; эта схема послужит нам формулой, раскрытием которой будет занято наше изучение IV периода.

Начало Смуты. Но прежде чем совершилось это воцарение, Московское государство испытало страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы. Оно и дало первый и очень болезненный толчок движению новых понятий, недостававших государственному порядку, построенному угасшею династией. Это потрясение совершилось в первые годы XVII в. и известно в нашей историографии под именем *Смуты*, или *Смутных времен,* по выражению Котошихина. Русские люди, пережившие это тяжелое время, называли его и именно последние его годы «великой разрухой Московского государства». Признаки Смуты стали обнаруживаться тотчас после смерти последнего царя старой династии, Федора Ивановича; Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшиеся в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила. Значит, Смутным временем в нашей истории можно назвать 14–15 лет с 1598 по 1613 г.; 14 лет в этой эпохе «смятения» Русской земли считает и современник, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, автор сказания об осаде поляками Троицкого Сергиева монастыря. Прежде чем перейти к изучению IV периода, мы должны остановиться на происхождении и значении этого потрясения. Откуда пошла эта Смута или эта «московская трагедия» (tragoedia moscovitica), как выражались о ней современники-иностранцы. Вот фабула этой трагедии.

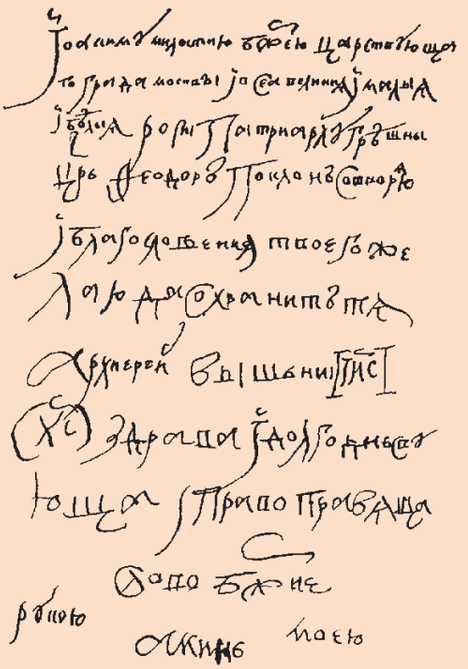
Авраамий Палицын

Конец династии. Грозный царь Иван Васильевич года за два с чем-нибудь до своей смерти, в 1581 г., в одну из дурных минут, какие тогда часто на него находили, прибил свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входе свекра в ее комнату оказалась слишком запросто одетой, simplici veste induta, как объясняет дело иезуит Антоний Поссевин, приехавший в Москву три месяца спустя после события и знавший его по горячим следам. Муж побитой, наследник отцова престола царевич Иван, вступился за обиженную жену, а вспыливший отец печально удачным ударом железного костыля в голову положил сына на месте. Царь Иван едва не помешался с горя по сыну, с неистовым воплем вскакивал по ночам с постели, хотел отречься от престола и постричься; однако, как бы то ни было, вследствие этого несчастного случая преемником Грозного стал второй его сын царевич Федор.

Царь Федор. Польский посол Сапега так описывает Федора: царь мал ростом, довольно худощав, с тихим, даже подобострастным голосом, с простодушным лицом, ум имеет скудный или, как я слышал от других и заметил сам, не имеет никакого, ибо, сидя на престоле во время посольского приема, он не переставал улыбаться, любуясь то на свой скипетр, то на державу.

Набожная и почтительная к престолу мысль русских современников пыталась сделать из царя Федора знакомый ей и любимый ею образ подвижничества особого рода. Нам известно, какое значение имело и каким почетом пользовалось в Древней Руси *юродство* Христа ради.

Эта духовная нищета в лице юродивого являлась ходячей мирской совестью, «лицевым» в живом образе обличением людских страстей и пороков



Письмо царя Федора Ивановича

и пользовалась в обществе большими правами, полной свободой слова: сильные мира сего, вельможи и цари, сам Грозный, терпеливо выслушивали смелые, насмешливые или бранчивые речи блаженного уличного бродяги, не смея дотронуться до него пальцем. И царю Федору придан был русскими современниками этот привычный и любимый облик: это был в их глазах блаженный на престоле, один из тех нищих духом, которым подобает Царство Небесное, а не земное, которых церковь так любила заносить в свои святцы, в укор грязным помыслам и греховным поползновениям русского человека.

Царевич Федор вырос в Александровской слободе, среди безобразия и ужасов опричнины. Рано по утрам отец, игумен шутовского слободского

Царевич Димитрий.
Икона XVII – начала XVIII в.

монастыря, посылал его на колокольню звонить к заутрене. Родившись слабосильным от начавшей прихварывать матери Анастасии Романовны, он рос безматерним сиротой в отвратительной опричной обстановке и вырос малорослым и бледнолицым недорослем, расположенным к водянке, с неровной, старчески медленной походкой от преждевременной слабости в ногах. Так описывает царя, когда ему шел 32-й год, видевший его в 1588–1589 гг. английский посол Флетчер. В лице царя Федора династия вымирала воочию. Он вечно улыбался, но безжизненной улыбкой. Этой грустной улыбкой, как бы молившей о жалости и пощаде, царевич оборонялся от капризного отцовского гнева. Рассчитанное жалостное выражение лица со временем, особенно после страшной смерти старшего брата, в силу привычки превратилось в невольную автоматическую гримасу, с которой Федор и вступил на престол. Под гнетом отца он потерял свою волю, но сохранил навсегда заученное выражение забитой покорности. На престоле он искал человека, который стал бы хозяином его воли: умный шурин Годунов осторожно встал на место бешеного отца.

Борис Годунов. Умирая, царь Иван торжественно признал своего «смирением обложенного» преемника неспособным к управлению государством и назначил ему в помощь правительственную комиссию, как бы сказать, регентство из нескольких наиболее приближенных вельмож. В первое время по смерти Грозного наибольшей силой среди регентов пользовался родной дядя царя по матери Никита Романович Юрьев; но вскоре болезнь и смерть его расчистили дорогу к власти другому опекуну, шурину царя Борису Годунову. Пользуясь характером царя и поддержкой сестры-царицы, он постепенно оттеснил от дел других регентов и сам стал править государством именем зятя. Его мало назвать премьер-министром; это был своего рода диктатор или, как бы сказать, соправитель. Он окружался царственным почетом, принимал иноземных послов в своих палатах с величавостью и блеском настоящего потентата, «не меньшею честию пред царем от людей почтен бысть». Он правил умно и осторожно, и четырнадцатилетнее царствование Федора было для государства временем отдыха от погромов и страхов опричнины.

Но в Москве начали ходить самые тревожные слухи. После царя Ивана остался младший сын Димитрий, которому отец по старинному обычаю московских государей дал маленький удел, город Углич с уездом. В самом начале царствования Федора для предупреждения придворных интриг и волнений этот царевич со своими

родственниками по матери Нагими был удален из Москвы. В Москве рассказывали, что этот семилетний Димитрий, сын пятой венчанной жены царя Ивана (не считая невенчанных), следовательно, царевич сомнительной законности с канонической точки зрения, выйдет весь в батюшку времен опричнины и что этому царевичу грозит большая опасность со стороны тех близких к престолу людей, которые сами метят на престол в очень вероятном случае бездетной смерти царя Федора. И вот как бы в оправдание этих толков в 1591 г. по Москве разнеслась весть, что удельный князь Димитрий среди бела дня зарезан в Угличе и что убийцы были тут же перебиты поднявшимися горожанами, так что не с кого стало снять показаний при следствии. Следственная комиссия, посланная в Углич во главе с князем В. И. Шуйским, тайным врагом и соперником Годунова, вела дело бестолково или недобросовестно, тщательно расспрашивала о побочных мелочах и позабыла разведать важнейшие обстоятельства, не выяснила противоречий в показаниях, вообще страшно запутала дело. Она постаралась прежде всего уверить себя и других, что царевич не зарезан, а зарезался сам в припадке падучей болезни, попавши на нож, которым играл с детьми. Поэтому угличане были строго наказаны за самовольную расправу с мнимыми убийцами. Получив такое донесение комиссии, патриарх Иов, приятель Годунова, при его содействии и возведенный два года назад в патриарший сан, объявил соборне, что смерть царевича приключилась судом Божиим. Тем дело пока и кончилось.

В январе 1598 г. умер царь Федор. После него не осталось никого из Калитиной династии, кто бы мог занять опустевший престол. Присягнули

Патриарх Иов.
Изображение из «Титулярника» 1672 г.

было вдове покойного, царице Ирине; но она постриглась. Итак, династия вымерла не чисто, не своею смертью. Земский собор под председательством того же патриарха Иова избрал на царство правителя Бориса Годунова.

Борис на престоле. Борис начал царствование с большим успехом, даже с блеском, и первыми действиями на престоле вызвал всеобщее одобрение. Современные витии кудревато писали о нем, что он своей политикой внутренней и внешней «зело прорассудительное к народам мудроправство показа». В нем находили «велемудрый и многорассудный разум», называли его мужем зело чудным и сладкоречивым и строительным вельми, о державе своей многозаботливым. С восторгом отзывались о наружности и личных качествах царя, писали, что «никто бе

Царь Борис Федорович Годунов. Изображение из «Титулярника» 1672 г.

ему от царских синклит подобен в благолепии лица его и в рассуждении ума его», хотя и замечали с удивлением, что это был первый в России бесписьменный государь, «грамотичного учения не сведый до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе». Но признавая, что он наружностью и умом всех людей превосходил и много похвального учинил в государстве, был светлодушен, милостив и нищелюбив, хотя и неискусен в военном деле, находили в нем и некоторые недостатки: он цвел добродетелями и мог бы древним царям уподобиться, если бы зависть и злоба не омрачили этих добродетелей. Его упрекали в ненасытном властолюбии и в наклонности доверчиво слушать наушников и преследовать без разбора оболганных людей, за что и восприял он возмездие.

Толки и слухи про Бориса. Б. Годунов стал излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы. Кому же, как не ему, убить и царевича Димитрия? Так решила молва, и на этот раз неспроста. Незримые уста понесли по миру эту роковую для Бориса молву. Говорили, что он не без греха в этом темном деле, что это он подослал убийц к царевичу, чтобы проложить себе дорогу к престолу. Современные летописцы рассказывали об участии Бориса в деле, конечно, по слухам и догадкам. Прямых улик у них, понятно, не было и быть не могло: властные люди в подобных случаях могут и умеют прятать концы в воду. Но в летописных рассказах нет путаницы и противоречий, какими полно донесение углицкой следственной комиссии. Летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым. Ведь Нагие не пощадили бы Годуновых, если бы воцарился углицкий царевич. Борис отлично знал по самому себе, что люди, которые ползут к ступенькам престола, не любят и не умеют быть великодушными.

Прошло семь лет — семь безмятежных лет правления Бориса. Время начинало стирать углицкое пятно с Борисова лица. Но со смертью царя Федора подозрительная народная молва оживилась. Пошли слухи, что и избрание Бориса на царство было нечисто, что, отравив царя Федора, Годунов достиг престола полицейскими уловками, которые молва возводила в целую организацию. По всем частям Москвы и по всем городам разосланы были агенты, даже монахи из разных монастырей, подбивавшие народ просить Бориса на царство «всем миром»; даже царица-вдова усердно помогала брату, тайно деньгами и льстивыми обещаниями

соблазняя стрелецких офицеров действовать в пользу Бориса. Под угрозой тяжелого штрафа за сопротивление полиция в Москве сгоняла народ к Новодевичьему монастырю челом бить и просить у постригшейся царицы ее брата на царство. Многочисленные пристава наблюдали, чтобы это народное челобитье приносилось с великим воплем и слезами, и многие, не имея слез наготове, мазали себе глаза слюнями, чтобы отклонить от себя палки приставов. Когда царица подходила к окну кельи, чтобы удостовериться во всенародном молении и плаче, по данному из кельи знаку весь народ должен был падать ниц на землю; не успевших или не хотевших это сделать пристава пинками в шею сзади заставляли кланяться в землю, и все, поднимаясь, завывали, точно волки. От неистового вопля расседались утробы кричавших, лица багровели от натуги, приходилось

Трон Бориса Годунова — посольский дар персидского шаха Аббаса I. Конец XVI в.

Борис Годунов и царица Марфа, вызванная в Москву для допроса о царевиче Дмитрии при известии о появлении самозванца. Художник Николай Ге. 1784 г.

затыкать уши от общего крика. Так повторялось много раз. Умиленная зрелищем такой преданности народа, царица, наконец, благословила брата на царство. Горечь этих рассказов, может быть преувеличенных, резко выражает степень ожесточения, какое Годунов и его сторонники постарались поселить к себе в обществе.

Наконец в 1604 г. пошел самый страшный слух. Года три уже в Москве шептали про неведомого человека, называвшего себя царевичем Димитрием. Теперь разнеслась громкая весть, что агенты Годунова промахнулись в Угличе, зарезали подставного ребенка, а настоящий царевич жив и идет из Литвы добывать прародительский престол. Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута. Царь Борис умер весной 1605 г., потрясенный успехами самозванца, который, воцарившись в Москве, вскоре был убит.

Самозванство. Так подготовлялась и началась Смута. Как вы видите, она была вызвана двумя поводами: на-

Лжедимитрий I.
Гравюра Ф. Снядецкого. XVII в.

сильственным и таинственным пресечением старой династии и потом искусственным ее воскрешением в лице первого самозванца. Насильственное и таинственное пресечение династии было первым толчком к Смуте. Пресечение династии есть, конечно, несчастье в истории монархического государства; нигде, однако, оно не сопровождалось такими разрушительными последствиями, как у нас. Погаснет династия, выберут другую, и порядок восстанавливается; при этом обыкновенно не появляются самозванцы, или на появившихся не обращают внимания, и они исчезают сами собою. А у нас с легкой руки первого Лжедимитрия самозванство стало хронической болезнью государства: с тех пор чуть не до конца XVIII в. редкое царствование проходило без самозванца, а при Петре за недостатком такового народная молва настоящего царя превратила в самозванца. Итак, ни пресечение династии, ни появление самозванца не могли бы сами по себе послужить достаточными причинами Смуты; были какие-либо другие условия, которые сообщили этим событиям такую разрушительную силу. Этих настоящих причин Смуты надобно искать под внешними поводами, ее вызвавшими.

Лжедимитрий I. В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве. Недаром Борис, как только услыхал о появлении Лжедимитрия, прямо сказал боярам, что это их дело, что они подставили самозванца. Этот *неведомый кто-то,* воссевший на московский престол после Бориса, возбуждает большой анекдотический интерес. Его личность доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее. Долго господствовало мнение, идущее от самого Бориса, что это был сын галицкого мелкого дворянина Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий. Не буду рассказывать о похождениях этого человека, вам достаточно известных. Упомяну только, что в Москве он служил

Подпись Лжедимитрия I

холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского, потом принял монашество, за книжность и составление похвалы московским чудотворцам взят был к патриарху в книгописцы и здесь вдруг с чего-то начал говорить, что он, пожалуй, будет и царем на Москве. Ему предстояло за это заглохнуть в дальнем монастыре; но какие-то сильные люди прикрыли его, и он бежал в Литву в то самое время, когда обрушились опалы на романовский кружок.

Трудно сказать, был ли первым самозванцем этот Григорий или кто другой, что, впрочем, менее вероятно. Но для нас важна не личность самозванца, а его личина, роль, им сыгранная. На престоле московских государей он был небывалым явлением. Молодой человек, роста ниже среднего, некрасивый, рыжеватый, неловкий, с грустно-задумчивым выражением лица, он в своей наружности вовсе не отражал своей духовной природы: богато одаренный, с бойким умом, легко разрешавшим в Боярской думе самые трудные вопросы, с живым, даже пылким темпераментом.

Он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом. Он был убежден, что и вся земля смотрит на него точно так же. Дело о князьях Шуйских, распространявших слухи о его самозванстве, свое личное дело, он отдал на суд всей земли и для того созвал Земский собор, первый собор, приблизившийся к типу народно-представительского, с выборными от всех чинов или сословий. Смертный

Бегство Гришки Отрепьева из корчмы на литовской границе. Художник Г. Мясоедов

приговор, произнесенный этим собором, Лжедимитрий заменил ссылкой. Своими привычками и выходками, особенно легким отношением ко всяким обрядам, отдельными поступками и распоряжениями, заграничными сношениями Лжедимитрий возбуждал против себя в различных слоях московского общества множество нареканий и неудовольствий, хотя вне столицы, в народных массах, популярность его не ослабевала заметно. Однако главная причина его падения была другая. Ее высказал коновод боярского заговора, составившегося против самозванца, кн. В. И. Шуйский. На собрании заговорщиков накануне восстания он откровенно заявил, что признал Лжедимитрия только для того, чтобы избавиться от Годунова. Большим боярам нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потом низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу к престолу одному из своей среды. Они так и сделали, только при этом разделили работу между собою: романовский кружок сделал первое дело, а титулованный кружок с кн. В. И. Шуйским во главе исполнил второй акт. Те и другие бояре видели в самозванце свою ряженую куклу, которую, подержав до времени на престоле, потом выбросили на задворки. Однако заговорщики не надеялись на успех восстания без обмана. Всего больше роптали на самозванца из-за поляков; но бояре не решались поднять народ на Лжедимитрия и на поляков вместе, а разделили обе стороны и 17 мая 1606 г. вели народ в Кремль с криком: «Поляки бьют бояр и государя». Их цель была окружить Лжедимитрия будто для защиты и убить его.

В. Шуйский. После царя-самозванца на престол вступил кн. В. И. Шуйский, царь-заговорщик. Это был пожилой, 54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изынтриганившийся, прошедший огонь и воду, видавший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов.

Тем не менее воцарение кн. Василия составило эпоху в нашей политической истории. Вступая на престол, он ограничил свою власть и условия этого ограничения официально изложил в разосланной по областям записи, на которой он целовал крест при воцарении.

Подкрестная запись В. Шуйского. Запись слишком сжата, неотчетлива, производит впечатление спешного чернового наброска. В конце ее царь дает всем православным христианам одно общее клятвенное обязательство судить их «истинным, праведным судом», по закону, а не по усмотрению. Запись оканчивается условием особого рода: царь обязуется «без вины опалы своей не класти». Опала, немилость государя, падала на служилых людей, которые чем-либо вызывали его недовольство. Она сопровождалась соответственными неисправности опального или государеву недовольству служебными лишениями, временным удалением от двора, от «пресветлых очей» государя, понижением чина или должности, даже имущественной карой, отобранием поместья или городского подворья. Здесь государь действовал уже не судебной, а дисциплинарной властью, охраняющей интересы и порядок службы.

Ее политическое значение. При всей неполноте своей подкрестная запись царя Василия есть новый, дотоле небывалый акт в московском государственном праве: это — первый опыт построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти. В состав этой власти вводился элемент, или, точнее, акт, совершенно изменявший ее характер и постановку. Мало того, что царь Василий ограничивал свою власть: крестной клятвой он еще скреплял ее ограничение и являлся не только выборным, но и присяжным царем. Присяга отрицала в самом существе личную власть царя прежней династии, сложившуюся из удельных отношений государя-хозяина: разве домохозяева присягают своим слугам и постояльцам?

Вместе с тем царь Василий отказывался от трех прерогатив, в которых наиболее явственно выражалась эта личная власть царя. То были: 1) «опала без вины», царская немилость без достаточного повода, по личному усмотрению; 2) конфискация имущества у непричастной к преступлению семьи и родни преступника — отказом от этого права упразднялся старинный институт политической ответственности рода за родичей; наконец, 3) чрезвычайный следственно-полицейский суд по доносам с пытками и оговорами, но без очных ставок, свидетельских показаний и других средств нормального процесса. Эти прерогативы составляли существенное содержание власти московского государя, выраженное изречениями деда и внука, словами Ивана III: *кому хочу, тому и дам княжение,* и словами Ивана IV: *жаловать своих холопей вольны мы и казнить их вольны же.* Клятвенно стряхивая с себя эти прерогативы, Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам.

Царь Василий Иванович Шуйский. Изображение из «Титулярника» 1672 г.

Второй слой правящего класса вступает в Смуту. Но боярство, как правительственный класс, в продолжение Смуты не действовало единодушно, раскололось на два слоя: от первостепенной знати заметно отделяется среднее боярство, к которому примыкают столичное дворянство и приказные дельцы, дьяки. Этот второй слой правящего класса деятельно вмешивается в Смуту с воцарением Василия. Среди него и выработался другой план государственного устройства, тоже основанный на ограничении верховной власти, но гораздо шире захватывавший политические отношения

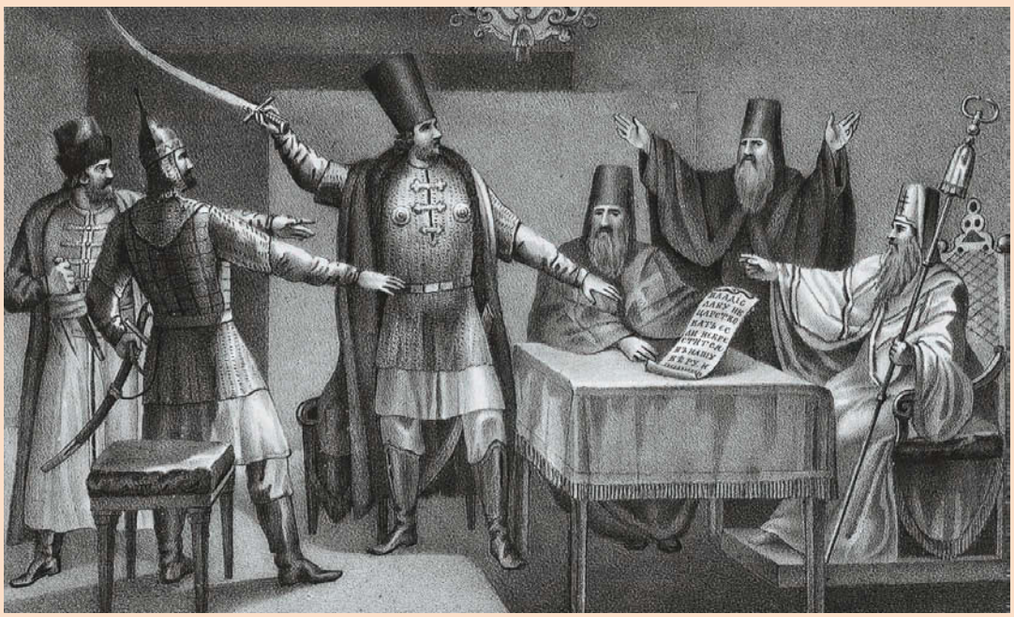
сравнительно с подкрестной записью царя Василия.

Провинциальное дворянство и земский приговор 30 июня 1611 г. Вслед за средним и высшим столичным дворянством вовлекается в Смуту и дворянство рядовое, провинциальное. Его участие в Смуте становится заметным также с начала царствования Василия Шуйского.

Участие низших классов в Смуте. Наконец, вслед за провинциальными служилыми людьми и за них цепляясь, в Смуту вмешиваются люди «жилецкие», простонародье тяглое и нетяглое. Выступив об руку с провинциальными дворянами, эти классы потом отделяются от них и действуют одинаково враждебно как против боярства, так и против дворянства.

Ход Смуты. В ходе Смуты вскрываются ее причины. Смута была вызвана событием случайным — пресечением династии. Вымирание семьи, фамилии, насильственное или естественное, — явление, чуть не ежедневно нами наблюдаемое, но в частной жизни оно мало заметно. Другое дело, когда кончается целая династия.

Смута началась аристократическими происками большого боярства, восставшего против неограниченной власти новых царей. Продолжали ее политические стремления столичного гвардейского дворянства, вооружившегося против олигархических замыслов первостатейной знати, во имя офицерской политической свободы. За столичными дворянами поднялось рядовое провинциальное дворянство, пожелавшее быть властителем страны; оно увлекло за собою неслужилые земские классы, поднявшиеся против



Начальники народного восстания. 1610 г. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

всякого государственного порядка, во имя личных льгот, т. е. во имя анархии. Каждому из этих моментов Смуты сопутствовало вмешательство казацких и польских шаек, донских, днепровских и вислинских отбросов московского и польского государственного общества, обрадовавшихся легкости грабежа в замутившейся стране.

Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи национальные и религиозные: они и спасли общество. Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили, наконец, враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи. Таким образом, Смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекратилась борьбой всего земского общества со вмешавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чуженародной.

Государство-вотчина. Видим, что в ходе Смуты особенно явственно выступают два условия, ее поддерживавшие: это — самозванство и социальный разлад. Они и указывают, где надо искать главных причин Смуты. Московское государство все еще понималось в первоначальном удельном смысле как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрепляло в продолжение трех веков. На деле оно было уже союзом великорусского народа и даже завязывало в умах представление о всей Русской земле как о чем-то целом; но мысль еще не поднялась до идеи народа как государственного союза.

Осада Троице-Сергиевой лавры поляками. 1608 г. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

Выборный царь. Пришлось выбирать царя Земским собором. Но соборное избрание по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием новой государственной власти, вызывало сомнения, тревогу. В продолжение всей Смуты не могли освоиться с мыслью о выборном царе; думали, что выборный царь — не царь, что настоящим, законным царем может быть только прирожденный, наследственный государь из потомства Калиты, и выборного царя старались пристроить к этому племени всякими способами: юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением. Бориса Годунова по его избрании духовенство и народ торжественно приветствовали как наследственного царя, «здравствоваша ему на его государеве *вотчине*», а Василий Шуйский, формально ограничивший свою власть, в официальных актах писался «самодержцем», как титуловались природные московские государи.

Царевич Дмитрий Иоаннович. Художник М. Нестеров, 1899 г.

Самозванство. Вопрос, как могла возникнуть самая идея самозванства, не заключает в себе какого-либо народно-психологического затруднения. Таинственность, какою окружена была смерть царевича Димитрия, порождала противоречивые толки, из которых воображение выбирало наиболее желательные, а всего более желали благополучного исхода, чтобы царевич оказался в живых и устранил тягостную неизвестность, которой заволакивалось будущее. Расположены были, как всегда в подобных случаях, безотчетно верить, что злодейство не удалось, что провидение и на этот раз постояло на страже мировой правды и приготовило возмездие злодеям. Ужасная судьба царя Бориса и его семьи была в глазах встревоженного народа поразительным откровением этой вечной правды Божией и всего более помогла успеху самозванства. Нравственное чувство нашло поддержку в чутье политическом, столько же безотчетном, сколько доступном по своей безотчетности народным массам.

Выводы. Так можно объяснить происхождение Смуты. Почвой для нее послужило тягостное настроение народа, общее чувство недовольства, вынесенное народом из царствования Грозного и усиленное правлением Б. Годунова. Повод к Смуте дан был пресечением династии со следовавшими затем попытками искусственного ее восстановления в лице самозванцев.

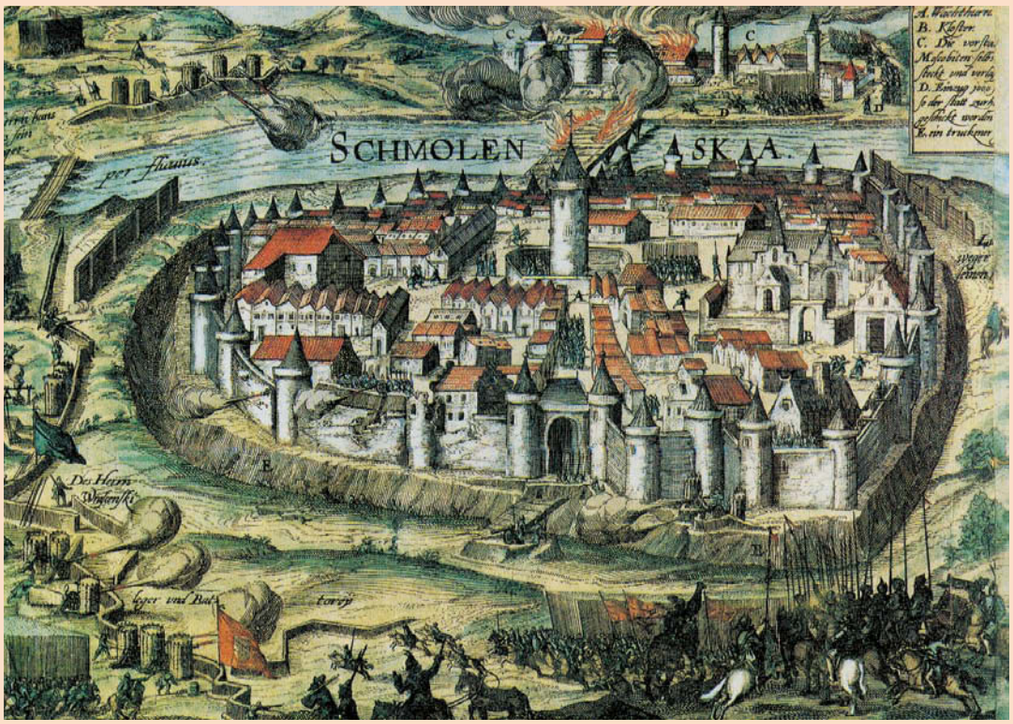
Коренными причинами Смуты надобно признать народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе, и потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванства; вторая причина превратила

В смутное время. Художник С. В. Иванов. 1908 г.

династическую интригу в социально-политическую анархию. Смуте содействовали и другие обстоятельства: образ действий правителей, становившихся во главе государства после царя Федора, конституционные стремления боярства, шедшие вразрез с характером московской верховной власти и с народным на нее взглядом, низкий уровень общественной нравственности, как ее изображают современные наблюдатели, боярские опалы, голод и мор в царствование Бориса, областная рознь, вмешательство казаков. Но все это были не причины, а или только симптомы Смуты, или условия, ее питавшие, но ее не породившие, или, наконец, следствия, ею же вызванные к действию.

Смута является на рубеже двух смежных периодов нашей истории, связанная с предшествующим своими причинами, с последующим — своими следствиями. Конец Смуте был положен вступлением на престол царя, ставшего родоначальником новой династии: это было первое ближайшее следствие Смуты.

Второе ополчение. В конце 1611 г. Московское государство представляло зрелище полного видимого разрушения. Поляки взяли Смоленск; польский отряд сжег Москву и укрепился за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города; шведы заняли Новгород и выставили одного из своих королевичей кандидатом на москов-



Осада Смоленской крепости войсками Сигизмунда III в 1609–1611 гг. Гравюра начала XVII в.

Запорожцы пишут письмо турецкому султану. Фрагмент. Художник И. Репин. 1880–1881 гг.

ский престол; на смену убитому второму Лжедимитрию в Пскове уселся третий, какой-то Сидорка; первое дворянское ополчение под Москвой со смертью Ляпунова расстроилось. Между тем страна оставалась без правительства. Боярская дума, ставшая во главе его по низложении В. Шуйского, упразднилась сама собою, когда поляки захватили Кремль, где сели и некоторые из бояр со своим председателем кн. Мстиславским. Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части; чуть не каждый город действовал особняком, только пересылаясь с другими городами. Государство преображалось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию. Но с конца 1611 г., когда изнемогли политические силы, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли. Призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря Авраамия, расходившиеся из Троицкого монастыря, подняли нижегородцев под руководством их старосты мясника Кузьмы Минина. На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и жалованья, а часто и без поместий служилые люди, городовые дворяне и дети боярские, которым Минин нашел и вождя, князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Так составилось второе дворянское ополчение против поляков. По боевым качествам оно не стояло выше первого, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казне, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и других городов, к ним присоединившихся. Месяца четыре ополчение устроялось, с полгода двигалось к Москве, пополнялось по пути толпами служилых людей, просивших принять их на земское жалованье.

Князь Д. М. Пожарский. Портрет. XVII в.

Под Москвой стоял казацкий отряд кн. Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков, и на предложение кн. Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано. В рати кн. Пожарского числилось больше сорока начальных людей, все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это — монах А. Палицын и мясной торговец К. Минин. Первый по просьбе кн. Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян,

Воззвание Минина к нижегородцам. 1611 г. Художник А. Кившенко. 1950 г.

а второй выпросил у кн. Пожарского 3—4 роты и с ними сделал удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Хоткевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами для голодавших там соотчичей. Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками. В октябре 1612 г. казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль; сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы, отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью.

Избрание Михаила. Вожди земского и казацкого ополчения князья Пожарский и Трубецкой разослали по всем городам государства повестки, призывавшие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского совета и государского избрания. В самом начале 1613 г. ста-

Земский собор 1613 г. Миниатюра из «Книги об избрании на престол Михаила Федоровича». Конец XVII в.

ли съезжаться в Москву выборные всей земли. Мы потом увидим, что это был первый бесспорно всесословный Земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей. Когда выборные съехались, был назначен трехдневный пост, которым представители Русской земли хотели очиститься от грехов Смуты перед совершением такого важного дела. По окончании поста начались совещания.

Первый вопрос, поставленный на соборе, выбирать ли царя из иноземных королевских домов, решили отрицательно, приговорили: ни польского, ни шведского королевича, ни иных немецких вер и ни из каких неправославных государств на Московское государство не выбирать, как и «Маринкина сына». Этот приговор разрушал замыслы сторонников королевича Владислава. Но выбрать и своего природного русского государя было нелегко. Московское государство выходило из страшной Смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов — не кн. Скопин-Шуйский. При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой.

Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество. Это неожиданное согласие отразилось и на соборе. В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М. Ф. Романов, а потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского. Письменное мнение галицкого городового дворянина раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. «Какое это писание ты подал, атаман?» — спросил его кн. Д. М. Пожарский. «О *природном* царе Михаиле Федоровиче», — отвечал атаман. Этот атаман будто бы и решил дело: «прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», — как пишет один бытописатель.

Михаила провозгласили царем. Но это было лишь предварительное избрание, только наметившее соборного кандидата. Окончательное решение предоставили непосредственно всей земле. Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа, кого хотят государем на Московское государство. Народ оказался уже достаточно подготовленным. Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала и до велика, та же мысль: быть государем М. Ф. Ро-

Представители Земского собора извещают Михаила Федоровича об избрании его на царство. Миниатюра из «Книги об избрании на престол Михаила Федоровича». Конец XVII в.

манову, а опричь его никак никого на государство не хотеть. Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом. В торжественный день, в неделю православия, первое воскресенье Великого поста, 21 февраля 1613 г., были назначены окончательные выборы. Каждый чин подавал особое письменное мнение, и во всех мнениях значилось одно имя — Михаила Федоровича. Тогда несколько духовных лиц вместе с боярином посланы были на Красную площадь, и не успели они с Лобного места спросить собравшийся во множестве народ, кого хотят в царя, как все закричали: «Михаила Федоровича».

Романовы. Так соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией с участием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади. Но все эти избирательные приемы имели успех потому, что нашли опору в отношении общества к фамилии. Михаила вынесла не личная или агитационная, а фамильная популярность. Он принадлежал к боярской фамилии, едва ли не самой любимой тогда в московском обществе. Романовы — недавно обособившаяся ветвь старинного боярского рода Кошкиных.

В начале XVI в. видное место при дворе занимал боярин Роман Юрьевич Захарьин, шедший от Кошкина внука Захария. Он и стал родоначальником новой ветви этой фамилии — Романовых.

Царь и боярство. В пространной *Утвержденной грамоте,* которой Земский собор закрепил избрание Михаила, и в записи, по которой ему присягали, можно уловить три черты, очерчивающие власть нового царя: 1) его избрали на царство, потому что он доводился племянником последнему царю старой династии Федору; 2) собор присягал не только избранному им царю, но и его будущей царице и их будущим детям, видя в своем избраннике если не наследственного, то потомственного государя; 3) служилые люди обет давали быть «без прекословия во всяких государевых делах», как кому государь на своей службе быть велит.

Герб бояр Романовых

Царь Михаил Федорович.
Изображение из «Титулярника» 1672 г.

Упрощение верховной власти. Политические обязательства, принятые царем Михаилом, сколько можно о том судить, действовали во все продолжение его царствования. Воротившийся из плена отец государев, возведенный в сан патриарха и второго государя, твердою рукою взялся за кормило правления и не всегда смотрел на боярские лица; но управление до конца жизни Филарета велось совместными силами обоих государей при участии Боярской думы и Земского собора. Это двоевластие было сделкой семейных понятий и политических соображений: родителю неловко было стать просто подданным своего сына, а сын нуждался в постоянном регентстве, которое всего естественнее было поручить отцу с титулом второго государя.

Царь Михаил не оставил и не мог оставить завещания, и понятно поче-

му. Государство при новой династии перестало быть вотчиной государя, и прежний юридический способ передачи власти, завещание, утратил силу. Но закона о престолонаследии не было, потому царь Алексей, и его отец, вступили на престол путем, не похожим на тот, каким шли к нему цари прежней династии. Он принимал власть, так сказать, по двум юридическим титулам — по наследству без завещания и по соборному избранию. В 1613 г. земля присягала Михаилу и его будущим детям. Царь Алексей вступал на престол как преемник своего отца, и современники называли его «природным», т. е. наследственным, царем. Современники свидетельствуют, что по смерти Михаила собрался форменный Земский собор, который выбрал на престол 16-летнего сына Михайлова и присягнул ему.

Царь Алексей оправдал доверчивость бояр, не хотевших связывать его при воцарении никакими обязательствами. Он не напрягал своего полновластия, жил в большом ладу с этим классом, а в новом боярском поколении, с которым пришлось действовать Алексею, уже выветрились политические тенденции Смутного времени, внушившие сделку 1613 г. Года за полтора до своей смерти, 1 сентября 1674 г., царь торжественно *объявил народу* старшего царевича как наследника престола на Красной площади в Москве в присутствии высшего духовенства, думных людей и иноземных резидентов, находившихся тогда в Москве. Это торжественное объявление наследника народу было формой, в которой царь передавал власть сыну после своей смерти, и единственным актом, придававшим законный вид воцарению Федора, на которого, как на Михайлова внука, не простирался соборный приговор 1613 г.

По смерти Алексеева сына, царя Федора, не оставившего прямого наследника, повторилось активное избрание, вынужденное обстоятельствами, но в упрощенной, точнее, искаженной форме. В апреле 1682 г., как только закрыл глаза Федор, патриарх, архиереи и бояре, пришедшие проститься с покойным царем, собрались в одной дворцовой палате и стали думать, которому из двух оставшихся сыновей царя Алексея быть царем. Приговорили, что этот вопрос должны решить всех чинов люди Московского государства. Тотчас с дворцового крыльца патриарх с архиереями и боярами велел собраться всех чинов людям на дворцовом дворе и тут же с крыльца обратился к собравшимся

Иван V и Петр I Алексеевичи. Гравюра Ф. Иоллана. 1685 г.

Богдан Хмельницкий. Подданство Малороссии. 1654 г. Хромолитография XIX в.

с речью, в которой предложил тот же вопрос. Не совсем, впрочем, со значительным перевесом голосов был провозглашен младший десятилетний царевич Петр мимо слабоумного старшего Ивана. С тем же вопросом патриарх обратился к высшему духовенству и к боярству, стоявшим тут же на крыльце, и те высказались за Петра же. После того патриарх пошел и благословил Петра на царство. Но стрельцы, поднятые партией царевны Софьи, отвечая на образ действий высших властей, после бунта 15 мая 1682 г. заставили наспех устроить такую же пародию собора, который и выбрал на престол обоих царевичей. В акте этого вторичного, революционного выбора также читаем, что *все* чины государства били челом, чтобы «для всенародного умирения оба брата учинились на престоле царями и самодержавствовали обще».

Боярская попытка 1681 г. Задачи внешней политики. Внешнее международное положение государства существенно изменилось под действием Смуты, стало несравненно тяжелее прежнего.

Москва опять принуждена была отступить далеко от заветных западных рубежей. Новая династия дурно начинала: она не только отказалась от национального дела старой династии, но и растеряла многое из того,

что от нее унаследовала. Внешнее положение государства ухудшалось еще пренебрежением, с каким стали относиться к нему соседи со времени Смуты. Московские бояре в 1612 г. писали в окружной грамоте по городам: «Со всех сторон Московское государство неприятели рвут; у всех окрестных государей мы в позор и укоризну стали». Новая династия должна была еще более прежней напрягать народные силы, чтобы возвратить потерянное: это был ее национальный долг и условие ее прочности на престоле. С первого царствования она и ведет ряд войн, имевших целью отстоять то, чем она владела, или воротить то, что было потеряно. Народное напряжение усиливалось еще тем, что эти войны, по происхождению своему оборонительные, сами собою, незаметно, помимо воли московских политиков, превратились в наступательные, в прямое продолжение объединительной политики прежней династии, в борьбу за такие части Русской земли, которыми Московское государство еще не владело дотоле. Международные отношения в Восточной Европе тогда складывались так, что не давали Москве перевести дух после первых неудачных усилий и приготовиться к дальнейшим. В 1654 г. восставшая против Польши Малороссия отдалась под защиту московского государя. Это вовлекло государство в новую борьбу с Польшей. Так возник новый вопрос — *малороссийский,* еще более усложнивший старые запутанные смоленские и северские счеты Москвы с Речью Посполитой. Малороссийский вопрос был исходным моментом внешней московской политики с половины XVII в. В 1648 г. сотник малороссийского реестрового войска Богдан Хмельницкий поднял Запорожье против Речи Посполитой. Его дружно поддержало малороссийское крестьянство, восставшее против своих господ, польских и ополячившихся русских панов. Реестровые казаки также перешли на сторону Богдана, и образовалась грозная сила, с которой Хмельницкий через какие-нибудь пять-шесть месяцев имел в своих руках чуть не всю Малороссию.

Происхождение казачества. Казачество составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей Руси. Еще в XVI в. казаками звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам людей, без определенных занятий и постоянного местожительства. Таково было первоначальное общее значение казака. Позднее этому бродячему, бездомному классу в Московской Руси усвоено было звание *вольных гулящих людей,* или *вольницы*. Особенно благоприятную почву для развития нашел этот люд в южных краях Руси, смежных со степью, условия которой сообщили ему особый характер. Когда стала забываться гроза татарского погрома,

Оренбургский казачий воевода XVI в.

Запорожские казаки XVI–XVII вв.

завязалась хроническая мелкая борьба русского степного пограничья с бродившими по степям татарами. Исходными и опорными пунктами этой борьбы служили укрепленные пограничные города. Здесь сложился класс людей, с оружием в руках уходивших в степь для рыбного и звериного промысла. Люди отважные и бедные, эти вооруженные рыболовы и зверогоны, надобно думать, получали средства для своих опасных промыслов от местных торговцев, которым и сбывали свою добычу. В таком случае они и здесь не теряли характера батраков, работавших за счет своих хозяев. Как привычных к степной борьбе ратников их могли поддерживать и местные княжеские правительства. Этим людям при постоянных столкновениях с такими же татарскими степными добычниками и усвоено было татарское название казаков, потом распространившееся на вольных бездомных батраков и в Северной Руси. В восточной полосе степного юга такие столкновения начались раньше, чем где-либо. Вот почему, думаю я, древнейшее известие о казачестве говорит о казаках рязанских, оказавших своему городу услугу в столкновении с татарами в 1444 г.

Малороссийское казачество. Известия о казаках днепровских идут позднее рязанских, с конца XV в. Их происхождение и первоначальное общественное обличье было так же просто, как и в других местах. Из городов Киевского, Волынского и Подольского края, даже с верховьев Днепра выходили партии добычников в дикую степь «казаковать», промышлять пчелой, рыбой, зверем и татарином. Весной и летом эти прихожие казаки работали на «уходах», промысловых угодьях по Днепру и его степным притокам, а на зиму стягивались со своей добычей в приднепровские города и здесь осаживались, особенно в Каневе и Черкассах, ставших ранними и главными притонами казачества.

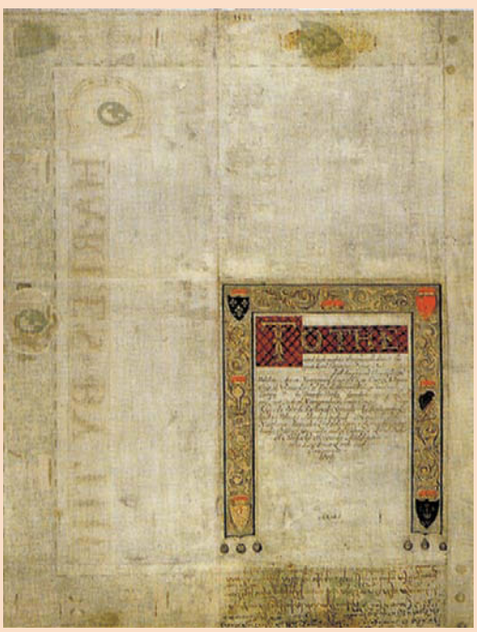
Запорожье. Оно возникло незаметно из промыслового казакованья, «козацтва на поле», в степи. Казаковавшие обыватели пограничных городов Украины спускались по Днепру далеко на низ, за пороги. Проф. Любавский высказал предположение, что зародышем Запорожской Сечи была крупная казацкая артель, промышлявшая за порогами вблизи татарских кочевий, и следы ее он находит уже в конце XV в. Когда городовые казаки стали подвергаться стеснениям от польского правительства, они убегали в знакомые запорожские места, куда не могли пробраться ни польские комиссары, ни экзекуционные отряды. Там на островах, которые образует Днепр, вырвавшись из порогов в открытую степь и разливаясь широким руслом,

беглецы устраивали себе укрепленные сечи. В XVI в. главное поселение запорожцев возникло на ближайшем к порогам острове Хортице. Это и была знаменитая в свое время Запорожская Сечь.

Европейские отношения. Уже в самом начале царствования Алексея, не успев еще свести своих очередных счетов с Польшей, Москва склоняла ее к наступательному союзу против Крыма. Когда Андрусовское перемирие по Московскому договору 1686 г. превратилось в вечный мир и Московское государство впервые вступило в европейскую коалицию, в четверной союз с Польшей, Германской империей и Венецией против Турции, Москва взяла на себя в этом предприятии наиболее разученную ею партитуру — борьбу с татарами, наступление на Крым. Так с каждым шагом осложнялась внешняя политика Московского государства.

Московскому государству при всем его политическом бессилии придавало силу его географическое положение и церковное значение. Вот почему с самого начала деятельности новой династии круг внешних сношений Московского государства постепенно расширяется даже без усилий со стороны его правительства. Его вовлекают различные политические и экономические комбинации, складывавшиеся тогда в Европе. Англия и Голландия помогают царю Михаилу уладить дела с враждебными ему Польшей и Швецией, потому что Московия для них выгодный рынок и удобный транзитный путь на Восток, в Персию, даже в Индию. Французский король предлагает Михаилу союз тоже по торговым интересам Франции.

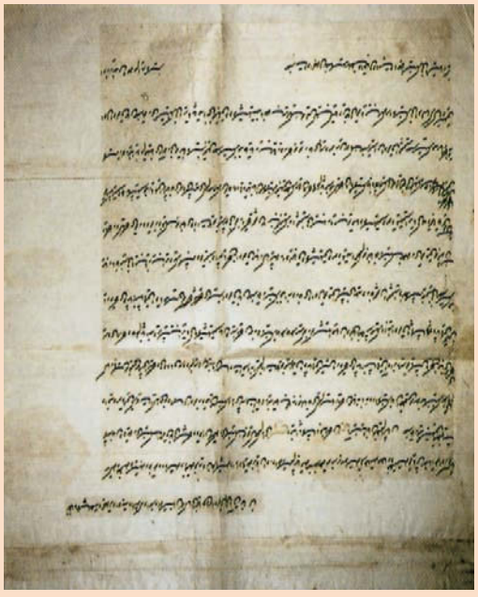
Государство царя Михаила было слабее государства царей Ивана и Федора, но было гораздо менее одиноким в Европе. Еще в большей степени можно сказать это о государстве царя Алексея. Приезд иноземного посольства становится тогда привычным явлением в Москве. Московские послы ездят ко всевозможным европейским дворам, даже к испанскому и тосканскому. Впервые московская дипломатия выходит на такое широкое поприще. С другой стороны, то теряя, то приобретая на западных границах, государство непрерывно продвигалось на Восток. Русская колонизация, еще в XVI в. перевалившая за Урал, в продолжение XVII в. уходит далеко в глубь Сибири и достигает китайской границы, расширяя московскую территорию уже к половине XVII в., по



Грамота английского короля Карла I царю Михаилу Федоровичу с предложением о торговле персидским шелком через Россию и благодарностью за оказанную милость доктору Артуру Дею. 1626 г.

крайней мере, тысяч на 70 квадратных миль, если только можно прилагать какую-либо геометрическую меру к тамошним приобретениям. Эти успехи колонизации на Востоке привели Московское государство в столкновение и с Китаем.

Значение внешней политики. Так осложнялись и затруднялись внешние отношения государства. Они оказали разностороннее действие на его внутреннюю жизнь. Учащавшиеся войны все ощутительнее давали чувствовать неудовлетворительность домашних порядков и заставляли присматриваться к чужим. Учащавшиеся посольства умножали случаи для поучительных наблюдений. Более близкое знакомство с западноевропейским миром выводило хотя бы только правящие сферы из заколдованного предрассудками и одиночеством круга москворецких понятий. Но всего больнее войны и наблюдения давали чувствовать скудость своих материальных средств, доисторическую невооруженность и малую производительность народного труда, неумелость прибыльного его приложения.



Грамота персидского шаха Сулеймана царю Алексею Михайловичу о дружбе и развитии торговли. 1676 г.

Каждая новая война, каждое поражение несло правительству новые задачи и заботы, народу новые тяжести. Внешняя политика государства вынуждала все большее напряжение народных сил. Достаточно краткого перечня войн, веденных первыми тремя царями новой династии, чтобы почувствовать степень этого напряжения. При царе Михаиле шли две войны с Польшей и одна со Швецией; все три кончились неудачно. При Михайловом преемнике шли опять две войны с Польшей за Малороссию и одна со Швецией; две из них кончились опять неудачно. При царе Федоре шла тяжелая война с Турцией, начавшаяся при его отце в 1673 г. и кончившаяся бесполезным Бахчисарайским перемирием в 1681 г.: западная заднепровская Украина осталась за турками. Если вы рассчитаете продолжительность всех этих войн, увидите, что на какие-нибудь 70 лет (1613–1682) приходится до 30 лет войны, иногда одновременно с несколькими неприятелями.

Два ряда нововведений. Нововведения идут прерывистым рядом с первого царствования новой династии до конца века, подготовляя преобразования Петра Великого.

Потребность в своде законов. Необычайное положение, в каком очутилось государство после Смуты, неизбежно возбуждало новые потребности, ставило правительству непривычные задачи. Эти государственные

«Соляной бунт» 1648 г. Художник Э. Лисснер. 1938 г.

потребности скорее, чем вынесенные из Смуты новые политические понятия, не только усилили движение законодательства, но и сообщили ему новое направление, несмотря на все старание новой династии сохранить верность старине.

Мятеж 1648 г. Труднее установить отношение Уложения к московскому мятежу 1648 г., случившемуся месяца за полтора до приговора государя с думой составить новый свод законов. В этом мятеже явственно вскрылось положение новой династии. Два первых царя ее не пользовались народным уважением. Несмотря на свое земское происхождение, эта династия довольно скоро вошла в привычки старой, стала смотреть на государство, как на свою вотчину, и управлять им по-домашнему, с благодушной небрежностью вотчинной усадьбы.

Как нарочно, три первых царя вступали на престол в незрелом возрасте, оба первых — шестнадцати лет, третий — четырнадцати. Пользуясь сначала их молодостью, а потом бесхарактерностью, правящая среда развила в управлении произвол и корыстолюбие. Характерно в этом смысле выражение Котошихина о царе Михаиле, что «хотя он самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего», но рад был покою, прибавляет к этому Татищев, т. е. предоставил все управление боярам. Народ своим стихийным чутьем понял эту ложь, и воцарение новой династии стало эрой народных мятежей. Царствование Алексея в особенности было «бунташным временем», как его тогда называли.

К тому времени окончательно сложился в составе московского общества и управления тип «сильного человека»

Царь Алексей Михайлович.
Неизвестный художник конца XVII в.

или «временника», по тогдашнему выражению. Простой народ относился к этим временщикам с самой задушевной ненавистью. Московский июньский мятеж 1648 г., отозвавшийся во многих других городах, был ярким выражением *этого* чувства.

Не летний московский мятеж 1648 г., скоро отозвавшийся и в других городах, внушил мысль об Уложении — на то были свои причины; но он побудил правительство привлечь к участию в этом деле земских представителей: на Земский собор, созванный на 1 сентября того же года для выслушания и подписи свода, правительство смотрело, как на средство умиротворения народа.

Приговор 16 июля. Мысль составить Уложение, почин дела исходил от государя с тесным собором, т. е. правительственным советом, состоявшим из Освященного собора и Боярской думы. В грамотах, разосланных по областям летом 1648 г., было объявлено, что велено написать Уложенную книгу по указу государя и патриарха, по приговору бояр и по челобитью стольников и стряпчих и всяких чинов людей.

Приказная подделка под народную волю стала своего рода политической фикцией, сохранившейся для известных случаев доселе в виде пережитка с чисто условным значением. Достоверно то, что 16 июля 1648 г. государь с Боярской думой и Освященным собором приговорил выбрать «пристойные к государственным и земским делам статьи» из правил апостольских и св. отцов, из законов греческих царей, а также собрать указы прежних русских государей и боярские приговоры, «справить» эти указы и приговоры со старыми судебниками, а по каким делам в судебниках прежних государей указа не положено и боярских приговоров не было, написать новые статьи, и все это сделать «общим советом».

Между тем к 1 сентября 1648 г. в Москву созваны были выборные из всех чинов государства, служилых и торгово-промышленных посадских, выборные от сельских или уездных обывателей, как от особой курии, не были призваны. С 3 октября царь с духовенством и думными людьми слушал составленный комиссией проект Уложения, и в то же время его читали выборным людям, которые к тому «общему совету» были призваны из Москвы и из городов, «чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно». Затем государь указал высшему духовенству, думным и выборным людям закрепить список Уложения своими руками, после чего оно с подписями членов собора в 1649 г. было напечатано и разослано во все московские при-

казы и по городам в воеводские канцелярии для того, чтобы «всякие дела делать по тому Уложению».

Составление свода. Такова внешняя история памятников, как она рассказана в официальном к нему предисловии. На комиссию возложена была двоякая задача: во-первых, собрать, разобрать и переработать в цельный свод действующие законы, разновременные, несоглашенные, разбросанные по ведомствам, и потом нормировать случаи, не предусмотренные этими законами. Вторая задача была особенно трудна. Комиссия не могла ограничиться собственной юридической предусмотрительностью и своим правовым разумением, чтобы установить такие случаи и найти нормы для их определения. Необходимо было знать общественные нужды и отношения, изучить правовой разум народа, а также практику судебных и административных учреждений; по крайней мере мы так посмотрели бы на такую задачу. В первом деле комиссии могли помочь своими указаниями выборные; для второго ей надобно было пересмотреть делопроизводство тогдашних канцелярий, чтобы найти прецеденты, «примерные случаи», как тогда говорили, чтобы видеть, как решали не предусмотренные законом вопросы областные правители, центральные приказы, сам государь с Боярской думой. Предстояла обширная работа, требовавшая долгих и долгих лет. Впрочем, до такого мечтательного предприятия дело не дошло: решили составить Уложение ускоренным ходом, по упрощенной программе. Уложение разделено на 25 глав, содержащих в себе 967 статей. Уже к октябрю 1648 г., т. е. в два с половиной месяца, изготовлено было к докладу 12 первых глав, почти половина всего свода; их и начал с 3 октября слушать государь с думой. Остальные 13 глав были составлены, выслушаны и утверждены в думе к концу января 1649 г., когда закончилась деятельность комиссии и всего собора и Уложение было закончено в рукописи. Значит, этот довольно обширный свод составлен был всего в полгода с чем-нибудь. Чтобы объяснить такую быстроту законодательной работы, надобно припомнить, что Уложение составлялось среди тревожных вестей о мятежах, вспыхивавших вслед за июньским московским бунтом в Сольвычегодске, Козлове, Талицке, Устюге и других городах, и заканчивалось в январе 1649 г. под влиянием толков о готовившемся новом восстании в столице. Торопились покончить дело, чтобы соборные выборные поспешили разнести по своим городам рассказы о новом курсе московского правительства и об Уложении, обещавшем всем «ровную», справедливую расправу.

Источники. Действительно, Уложение составлялось наспех, кое-как и сохранило на себе следы этой спешности. Не погружаясь в изучение всего приказного материала, комиссия ограничилась основными источниками, указанными ей в приговоре 16 июля. Это были Кормчая, именно вторая ее часть, заключающая в себе кодексы и законы греческих царей, московские судебники, собственно Судебник царский, и дополнительные к нему указы и боярские приговоры, т. е. указные книги приказов. Эти указные книги — самый обильный источник Уложения. Целый ряд глав свода составлен по этим книгам с дословными или измененными выдержками: например, две главы о поместьях и вотчинах составлены по книге Поместного приказа, глава «О холопье суде» — по книге

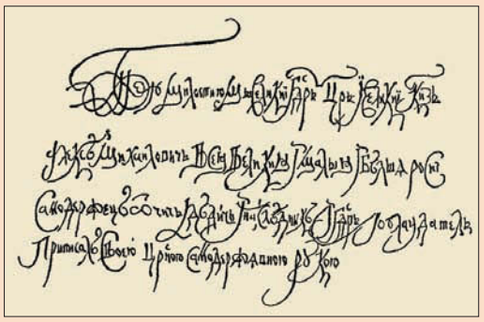
приказа Холопьего суда, глава «О разбойниках и о татиных делах»... по книге Разбойного приказа.

Кроме этих основных источников, комиссия пользовалась и вспомогательными. Своеобразное употребление сделала она из памятника стороннего, Литовского Статута 1588 г. В сохранившемся подлинном свитке Уложения встречаем неоднократные ссылки на этот источник. Составители Уложения, пользуясь этим кодексом, следовали ему, особенно при составлении первых глав, в расположении предметов, даже в порядке статей, в подборе казусов и отношений, требовавших законодательного определения, в постановке правовых вопросов, но ответов искали всегда в своем туземном праве, брали формулы самых норм, правовых положений, но только общих тому и другому праву или безразличных, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Таким образом, Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей, давал им готовую программу.

Соборное уложение 1649 г. в серебряном ковчеге

Приемы составления. Теперь мы можем уяснить себе, как составлялось Уложение. Это был сложный процесс, в котором можно различить моменты *кодификации, совещания, ревизии, законодательного решения* и *заручной скрепы:* так назовем последний момент, применяясь к языку приговора 16 июля. Эти моменты распределялись между составными частями собора. Боярской думой и Освященным собором с государем во главе, пятичленной комиссией князя Одоевского и выборными людьми, которые состояли собственно при комиссии, а не при думе; совокупность этих частей и составляла собор 1648 г.

Значение Уложения. По мысли, какую можно предположить в основании Уложения, оно должно было стать последним словом московского права, полным сводом всего накопившегося в московских канцеляриях к половине XVII в. законодательного запаса. Эта мысль сквозит в Уложении, но осуществлена не особенно удачно. В техническом отношении, как памятник кодификации, оно не перегнало старых судебников. В расположении предметов законодательства пробивается желание изобразить государственный строй в вертикальном разрезе, спускаясь сверху, от церкви и государя с его двором до казаков и корчмы, о чем говорят две последние главы. Можно с немалыми усилиями свести главы Уложения в отделы го-



Подпись царя Алексея Михайловича

сударственного права, судоустройства и судопроизводства, вещного и уголовного права. Но такие группировки остались для кодификаторов только порывами к системе. Источники исчерпаны неполно и беспорядочно; статьи, взятые из разных источников, не всегда соглашены между собою и иногда попали не на свои места, скорее свалены в кучу, чем собраны в порядок.

Если Уложение действовало у нас почти в продолжение двух столетий до Свода законов 1833 г., то это говорит не о достоинствах Алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона. Но как памятник законодательства Уложение сделало значительный шаг вперед сравнительно с судебниками. Это уже не простое практическое руководство для судьи и управителя, излагающее способы и порядок восстановления нарушенного права, а не самое право. Правда, и в Уложении всего больше места отведено формальному праву: глава X о суде — самая обширная, по числу статей составляет едва не треть всего Уложения. Оно допустило важные, но понятные пробелы и в материальном праве. В нем не находим основных законов, о которых тогда в Москве не имели и понятия, довольствуясь волей государя и давлением обстоятельств; отсутствует и систематическое изложение семейного права, тесно связанного с обычным и церковным: не решались трогать ни обычая, слишком сонного и неповоротливого, ни духовенства, слишком щекотливого и ревнивого к своим духовно-ведомственным монополиям. Но все-таки Уложение гораздо шире судебников захватывает область законодательства. Оно пытается уже проникнуть в состав общества, определить положение и взаимные отношения различных его классов, говорит о служилых людях и служилом землевладении, о крестьянах, о посадских людях, холопах, стрельцах и казаках. Разумеется, здесь главное внимание обращено на дворянство, как на господствующий военно-служилый и землевладельческий класс: без малого половина всех статей Уложения прямо или косвенно касается его интересов и отношений. Здесь, как и в других своих частях, Уложение старается удержаться на почве действительности.

«Гербовая тарель» царя Алексея Михайловича

Держава и скипетр царя Алексея Михайловича

Новые идеи. Но при общем охранительном своем характере Уложение не могло воздержаться от двух преобразовательных стремлений, указывающих, в каком направлении пойдет или уже шла дальнейшая стройка общества. Одно из этих стремлений в приговоре 16 июля прямо поставлено как задача кодификационной комиссии: ей поручено было составить проект такого Уложения, чтобы «всяких чинов людем от большого и до меньшего чину суд и расправа была во всяких делех всем ровна».

Другое стремление, исходившее из того же источника, проведено в главах о сословиях и выражало новый взгляд на отношение свободного лица к государству.

Свободное лицо, служилое или тяглое, поступая в холопы или в закладчики, пропадало для государства. Уложение, стесняя или запрещая такие переходы, выражало общую норму, в силу которой свободное лицо, обязанное государственным тяглом или службой, не могло отказываться от своей свободы, самовольно слагая с себя обязанности перед государством, лежавшие на свободном лице; лицо должно принадлежать и служить только государству и не может быть ничьей частной собственностью: «Крещеных людей никому продавати не велено».

Крепостное право и Земский собор. Закрепощение крестьян нанесло земскому представительству двойной вред, политический и нравственный. Едва Земский собор стал складываться в выборное всенародное представительное собрание, как из состава его выпало почти все сельское земледельческое население. Земский собор потерял под собою земскую почву, стал представлять собою только службу и посадское тягло с их узкими сословными интересами. Принося к престолу мысль лишь немногих классов, он не мог привлечь к себе ни должного внимания сверху, ни широкого доверия снизу.

Русские крестьяне XVII в. Гравюра из «Путешествия» Олеария. XVII в.

Мелкие черты крепостного быта самой своей мелочностью наглядно очерчивают уровень и объем тех житейских интересов и отношений, с какими приходил носитель крепостного права в среду народных представителей. В господствующем землевладельческом классе, отчужденном от остального общества своими привилегиями, поглощенном дрязгами крепостного владения, расслабляемом даровым трудом, тупело чувство земского интереса и дряхлела энергия общественной деятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаясь посада, не могла сладить со столичной канцелярией, чтобы дать Земскому собору значение самодеятельного проводника земской мысли и воли.

Распадение соборного представительства. С 1654 г. Земский собор не созывался до смерти царя Федора (апрель 1682 г.). Государственные дела чрезвычайной важности решались государем с думой и Освященным собором без земского. Так, в 1672 г., когда грозило страшное нашествие султана, чрезвычайные сборы назначены были по приговору государя только с думой и высшим духовенством. В 1642 г. подобный случай, даже менее важный, заставил созвать Земский собор. Зато теперь правительство все чаще обращается к сословным совещаниям, и они остаются единственной формой участия общества в правительственных делах.

Причины недовольства. Восстановляя порядок после Смуты, московское правительство не задумывало радикальной его ломки, хотело сберечь его старые основы, предпринимало в нем только частичные технические перемены, которые казались ему поправками, улучшениями.

Большая государственная печать царя Михаила Федоровича. 1636 г.

Что-то роковое тяготело над новой династией: судьба решительно не хотела, чтобы выходившие из нового царского рода носители верховной власти дозревали до престола. Из пяти первых царей трое, Михаил, Алексей и Иван, воцарялись, едва вышедши из недорослей, имея по 16 лет, а двое еще моложе: Федор — 14 лет, Петр — 10. И другая фамильная особенность отличала эту династию: царевны обыкновенно выходили крепкими, живучими, иногда энергичными, мужественными девицами, как Софья, а царевичи, повторяя своего родоначальника, оказывались хилыми, недолговечными, иногда прямо убогими людьми, как Федор и Иван. Даже под живым цветущим лицом царя Алексея скрывалось очень хрупкое здоровье, которого хватило только на 46 лет жизни. Неизвестно, что вышло бы из младшего Алексеева брата Димитрия, уродившегося нравом в прадедушку своего Ивана Грозного. Но если верить Котошихину, приближенные

Большая государственная печать царя Алексея Михайловича. 1654 г.

царя-отца отравили злого мальчика так осторожно, что никто о том не догадался, как будто царевич умер своей смертью. Точно так же и Петра нельзя брать в расчет: он был исключением из всяких правил. У нового царя являлось правительственное окружение прежде, чем он приобретал уменье и охоту распознавать окружающих, а первые сотрудники давали окраску и направление всему царствованию. Это неудобство особенно выразительно сказывалось во внешних делах. Внешней политикой более всего создавались финансовые затруднения правительства, и она же была поприщем, на котором после территориальных потерь, понесенных вследствие Смуты, новой династии предстояло прежде всего оправдать свое всеземское избрание.

Дипломатия царя Михаила, особенно после плохо рассчитанной и неумело исполненной смоленской кампании, еще отличалась обычной осторожностью побитых. При царе Алексее толчки, полученные отцом, стали забываться. Против воли вовлеченные в борьбу за Малороссию после долгого раздумья, в Москве были окрылены блестящей кампанией 1654–1655 гг., когда сразу завоевана была не только Смоленщина, но и вся Белоруссия и Литва. Московская политика взяла необычайно большой курс: не жалели ни людей, ни денег, чтобы и разгромить Польшу, и посадить московского царя на польский престол, и выбить шведов из Польши, и отбить крымцев и самих турок от Малороссии, и захватить не только обе стороны Поднепровья, но и самую Галицию, куда в 1660 г. направлена была армия Шереметева, — и всеми этими переплетавшимися замыслами так себя запутали и обессилили, что после 21-летней изнурительной борьбы на три фронта и ряда небывалых поражений бросили и Литву, и Белоруссию, и Правобережную Украину, удовольствовавшись Смоленской и Северской землей да Малороссией левого берега с Киевом на правом, и даже у крымских татар в Бахчисарайском договоре 1681 г. не могли вытягать ни удобной степной границы, ни отмены постыдной ежегодной дани хану, ни признания московского подданства Запорожья.

Его проявления. Вместе с чувством тяжести принесенных жертв и понесенных неудач росло и недовольство ходом дел. Оно попало на подготовленную Смутой почву общей возбужденности и постепенно охватило все общество сверху донизу, только выражалось неодинаково в верхних и нижних слоях его. В народной массе оно сказалось целым рядом волнений, которые сообщили такой тревожный характер XVII веку: это эпоха народных мятежей в нашей истории. Не говоря о прорывавшихся там и сям вспышках

«Медный бунт» 1662 г. Художник Э. Лисснер. 1938 г.

при царе Михаиле, достаточно перечислить мятежи Алексеева времени, чтобы видеть эту силу народного недовольства: в 1648 г. мятежи в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других городах; в 1649 г. приготовления к новому мятежу закладчиков в Москве, вовремя предупрежденному; в 1650 г. бунты в Пскове и Новгороде; в 1662 г. новый мятеж в Москве из-за медных денег; наконец, в 1670–1671 гг. огромный мятеж Разина на поволжском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов; в 1668–1676 гг. возмущение Соловецкого монастыря против новоисправленных церковных книг. В этих мятежах резко вскрылось отношение простого народа к власти, которое тщательно закрашивалось официальным церемониалом и церковным поучением: ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости и не только к правительству, но и к самому носителю верховной власти.

Несколько иначе обнаружилось недовольство в высших классах. Если в народной массе оно шевелило нервы, то наверху общества оно будило мысль и повело к усиленной критике домашних порядков, и как там толкает к движению злость на общественные верхи, так здесь господствующей нотой протестующих голосов звучит сознание народной отсталости и беспомощности. Теперь едва ли не впер-

вые встречаем мы русскую мысль на трудном и скользком поприще публицистики, критического отношения к окружающей действительности.

Князь И. А. Хворостинин. Первый такой опыт становится известен еще в начале XVII в., во время Смуты, и несомненно ею был навеян. Князь И. А. Хворостинин был видным молодым человеком при дворе первого самозванца, сблизился с поляками, выучился по-латыни, начал читать латинские книги и заразился католическими мнениями, латинские иконы чтил наравне с православными. За это при царе Василии Шуйском его сослали на исправление в Иосифов монастырь, откуда он воротился уже совсем озлобленным и погибшим, впал в вольнодумство, отвергал молитву и воскресение мертвых, «в вере пошатался и православную веру хулил, про святых угодников Божиих говорил хульные слова». При этом он сохранил интерес к церковнославянской литературе, был большой начетчик по церковной истории, обнаруживал неукротимый задор в частных книжных прениях, вообще отличался ученым самомнением, «в разуме себе в версту не поставил никого». Он владел и пером, в царствование Михаила написал недурные записки о своем времени, в которых он больше размышляет, чем рассказывает о событиях и людях.

Князь Хворостинин — раннее и любопытное явление в русской духовной жизни, ставшее много позднее довольно обычным. Это не был русский еретик типа XVI в. с протестантской окраской, питавший свою мысль догматическими и церковно-обрядовыми сомнениями и толкованиями — отдаленный отзвук реформационной бури на Западе: это был своеобразный русский вольнодумец на католической подкладке, проникшийся глубокой антипатией к византийско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной, — отдаленный духовный предок Чаадаева.

Патриарх Никон. Довольно неожиданно появление в ряду обличителей доморощенных политических непорядков верховного блюстителя доморощенного порядка церковно-нравственного, самого всероссийского патриарха. Но это был не просто патриарх, а сам патриарх Никон. Припомните, как он из крестьян поднялся до патриаршего престола, какое огромное влияние имел на царя Алексея, который звал его своим «собинным другом», как потом друзья рассорились, вследствие чего Никон в 1658 г. самовольно покинул патриарший престол, надеясь, что царь униженной мольбой воротит его, а царь этого не сделал. В припадке раздраженного чувства оскорбленного само-

Митра, присланная из Греции патриарху Никону

Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский,
у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского.
Художник А. Д. Литовченко. 1886 г.

Митра. Дар царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны патрарху Никону в 1652–1653 гг.

Золотая братина, поднесенная царю Алексею Михайловичу патриархом Никоном

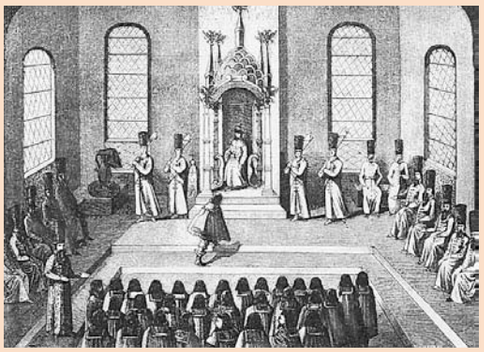
любия Никон написал царю письмо о положении дел в государстве.

Никон более всего злился на учрежденный в 1649 г. Монастырский приказ, который судил духовенство по недуховным делам и заведовал обширными церковными вотчинами. В этом приказе сидели боярин да дьяки; не было ни одного заседателя из духовных лиц. В 1661 г. Никон и написал царю письмо, полное обличений. Намекая на ненавистный приказ, патриарх пишет, играя словами: «Судят и насилуют мирские судьи, и сего ради собрал ты против себя в день судный Великий собор, вопиющий о неправдах твоих. Ты всем проповедуешь поститься, а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы, все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии».

Григорий Котошихин. При довольно исключительных обстоятельствах предпринят был при том же царе другой русский опыт изображения московских порядков в их недостатках. Григорий Котошихин служил подьячим Посольского приказа, или младшим секретарем в министерстве иностранных дел, исполнял неважные дипломатические поручения... Несходство заграничных порядков с отечественными, поразившее его во время странствований, внушило ему мысль описать состояние Московского государства.

В 13 главах... описываются быт московского царского двора, состав придворного класса, порядок дипломатических сношений Московского государства с иноземными, устройство центрального управления, войско, городское торговое и сельское население и, наконец, домашний быт высшего московского общества.

Котошихин мало рассуждает, больше описывает отечественные порядки простым, ясным и точным приказным языком. Однако у него всюду сквозит пренебрежительный взгляд на поки-



Прием иностранных послов. Рисунок из книги Олеария. XVII в.

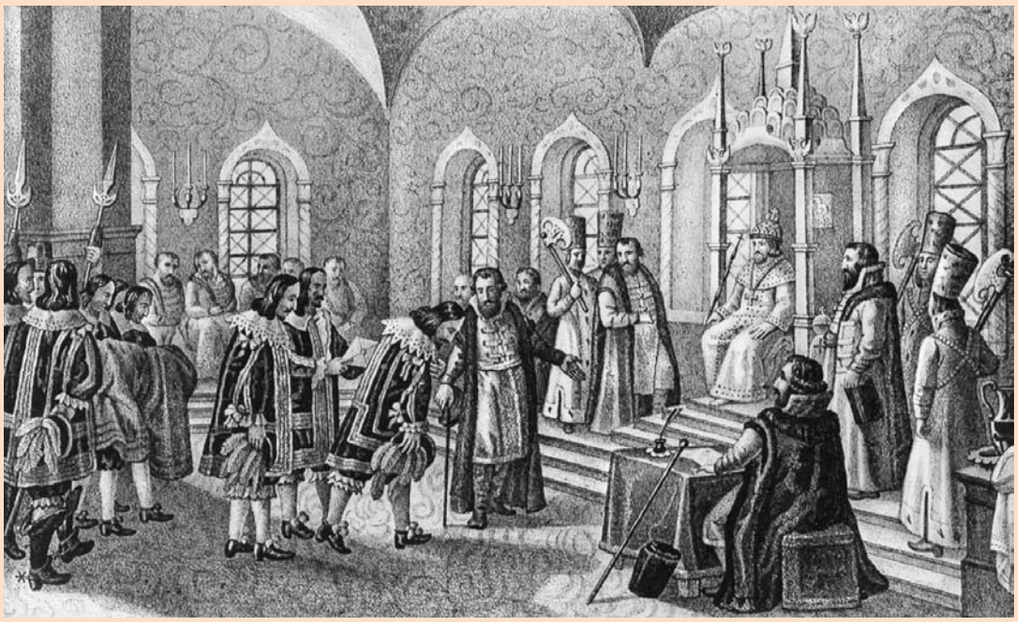
нутое отечество, и такое отношение к нему служит темным фоном, на котором Котошихин рисует, по-видимому, беспристрастную картину русской жизни. Впрочем, у него иногда прорываются и прямые суждения, все неблагосклонные, обличающие много крупных недостатков в быту и нравах московских людей.

Юрий Крижанич. Суждение русского человека, покинувшего свое отечество, любопытно сопоставить со впечатлениями пришлого наблюдателя, приехавшего в Россию с надеждой найти в ней второе отечество. Хорват, католик и патер Юрий Крижанич был человек с довольно разносторонним образованием, немного философ и богослов, немного политико-экономом, большой филолог и больше всего патриот, точнее, горячий панславист, потому что истинным отечеством для него было не какое-либо исторически известное государство, а объединенное славянство, т. е. чистая политическая мечта, носившаяся где-то вне истории.

Он сам признавался, что ему со своей мыслью о всеславянском языке, кроме Москвы, и некуда было деваться, потому что с детства он все свое сердце отдал на одно дело, на исправление «нашего искаженного, точнее, погибшего языка, на украшение своего и всенародного ума». В одном сочинении он пишет: «Меня называют скитальцем, бродягой; это неправда: я пришел к царю моего племени, пришел к своему народу, в свое отечество, в страну, где единственно мои труды могут иметь употребление и принести пользу, где могут иметь цену и сбыт мои товары — разумею словари, грамматики, переводы».

Крижанич о России. Крижаничу можно отвести особое, но видное место среди наших исторических источников: более ста лет не находим в нашей литературе ничего подобного наблюдениям и суждениям, им высказанным. Наблюдения Крижанича дают изучающему новые краски для изображения русской жизни XVII в., а его суждения служат проверкой впечатлений, выносимых из ее изучения.

Почему оно (Западное влияние. — Ред.) началось в XVII в. Трудно сказать, отчего произошла эта разница в ходе явлений между XVI и XVII вв., почему прежде у нас не замечали своей отсталости и не могли повторить созидательного опыта своих близких предков: русские люди XVII в., что ли, оказались слабее нервами и скуднее духовными силами сравнительно со своими дедами, людьми XVI в., или религиозно-нравственная самоуверенность отцов подорвала духовную энергию детей? Всего вероятнее, разница произошла оттого, что изменилось наше отношение к западноевропейскому миру. Там в XVI и XVII вв. на развалинах феодального порядка создались большие централизованные государства; одновременно с этим и народный труд вы-



Царь Алексей Михайлович принимает императорского посла барона Мейерберга. 1662 г. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

шел из тесной сферы феодального поземельного хозяйства, в которую он был насильственно заключен прежде.

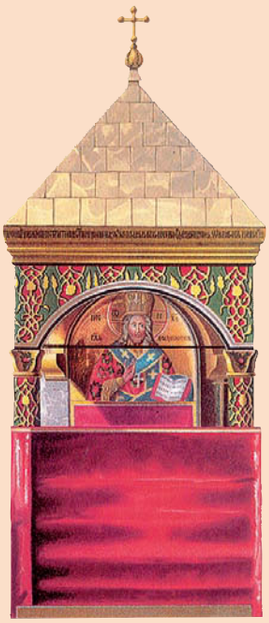
Россия не участвовала во всех этих успехах, тратя свои силы и средства на внешнюю оборону и на кормление двора, правительства, привилегированных классов с духовенством включительно, ничего не делавших и неспособных что-либо сделать для экономического и духовного развития народа. Потому в XVII в. она оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI в. Итак, западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к сознанию своей отсталости.

Его отношение к греческому. Западное влияние, проникая в Россию, встретилось здесь с другим господствовавшим в ней дотоле влиянием — восточным, греческим, или византийским. Между обоими этими влияниями можно заметить существенную разницу, и я теперь же сопоставлю их, чтобы видеть, что оставляло в России одно из них и что приносило с собою другое. Греческое влияние было принесено и проводилось Церковью и направлялось к религиозно-нравственным целям. Западное влияние проводилось государством и призвано было первоначально для удовлетворения его материальных потребностей, но не удержалось в этой своей сфере, как держалось греческое в своей.

Византийское влияние далеко не захватывало всех сторон русской жиз-

ни: оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом народа, снабжало украшениями и поддерживало туземную государственную власть, но давало мало указаний в деле государственного устроения, внесло несколько норм в гражданское право, именно в семейные отношения, слабо отражалось в ежедневном житейском обиходе и еще слабее в народном хозяйстве, регулировало праздничное настроение и времяпровождение и то лишь до конца обедни, но мало увеличило запас положительных знаний, не оставило заметных следов в будничных привычках и понятиях народа, предоставив во всем этом свободный простор самобытному национальному творчеству или первобытному невежеству. Но, не захватывая всего человека, не лишая его туземных национальных особенностей, его самобытности, оно зато в своей сфере захватывало все общество сверху донизу, проникало с одинаковой силой во все его классы; оно и сообщало такую духовную цельность древнерусскому обществу. Напротив, западное влияние постепенно проникало во все сферы жизни, изменяя понятия и отношения, напирая одинаково сильно на государственный порядок, на общественный и будничный быт, внося новые политические идеи, гражданские требования, формы общежития, новые области знания, переделывая костюм, нравы, привычки и верования, перелицовывая наружный вид и перестраивая духовный склад русского человека. Однако, захватывая всего человека как личность и как гражданина, оно, по крайней мере, доселе не успело захватить всего общества: с такой поглощающей силой оно подействовало лишь на тонкий, вечно подвижной и тревожный слой, который лежит на поверхности нашего общества.

Панагия-камея. Византия, XII в.



Патриаршее место в Успенском соборе Московского Кремля

Итак, греческое влияние было церковное, западное — государственное. Греческое влияние захватывало все общество, не захватывая всего человека; западное захватывало всего человека, не захватывая всего общества.

Два направления. Встречей и борьбой этих двух влияний порождены два направления в умственной жизни русского общества, два взгляда на культурное положение нашего народа. Развиваясь и осложняясь, меняя цвета, названия и приемы действия, оба направления проходят двумя параллельными струями в нашей истории. То скрываясь куда-то, то выступая наружу, как речки в песчаной пустыне, они всего более оживляют вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной деятельностью, какая с некоторыми светлыми перерывами томительно длилась до половины XIX в. Впервые оба направления обозначились во второй половине XVII в. в вопросе о времени пресуществления святых даров и в тесно связанном с ним споре о сравнительной пользе изучения языков греческого и латинского, так что приверженцев обоих направлений можно было бы назвать эллинистами и латинистами. Во второй половине XVIII в. яблоко раздора бросила в русское общество французская просветительная литература в связи с вопросом о значении реформы Петра, о самобытном национальном развитии. Националисты-самобытники называли себя люборусами, а противников корили кличками русских полуфранцузов, галломанов, вольнодумцев, чаще всего вольтерьянцев. Лет 70 тому назад приверженцы одного взгляда получили название западников; сторонников другого прозвали славянофилами. Можно так выразить сущность обоих взглядов на этой последней стадии их развития. Западники учили: по основам своей культуры мы — европейцы, только младшие по историческому своему возрасту, и потому должны идти путем, пройденным нашими старшими культурными братьями, западными европейцами, усвояя плоды их цивилизации. Да, возражали славянофилы, мы — европейцы, но восточные, имеем свои самородные начала жизни, которые и обязаны разрабатывать собственными усилиями, не идя на привязи у Западной Европы. Россия не ученица и не спутница, даже не соперница Европы: она — ее преемница. Россия и Европа — это смежные всемирно-исторические моменты, две преемственные стадии культурного развития человечества. Усеянная монументами — позволяю

Царь Петр I в иноземном платье. Художник В. Неврев. 1903 г.

себе слегка пародировать обычный, несколько приподнятый тон славянофилов, — усеянная монументами Западная Европа — обширное кладбище, где под нарядными мраморными памятниками спят великие покойники минувшего; лесная и степная Россия — неопрятная деревенская люлька, в которой беспокойно возится и беспомощно кричит мировое будущее. Европа отживает, Россия только начинает жить, и так как ей придется жить после Европы, то ей надо уметь жить без нее, своим умом, своими началами, грядущими на смену отживающим началам европейской жизни, чтобы озарить мир новым светом. Значит, наша историческая молодость обязывает нас не к подражанию, не к заимствованию плодов чужих культурных усилий, а к самостоятельной работе над принципами собственной исторической жизни, сокрытыми в глубине нашего народного духа и еще не изношенными человечеством.

Новая Немецкая слобода. Усиленный спрос привлек в Москву множество иноземных техников, офицеров и солдат, врачей, мастеров, купцов, заводчиков. Еще в XVI в. при Грозном из западноевропейских пришельцев образовалась под Москвой по реке Яузе Немецкая слобода. Бури Смутного времени разметали это иноземное гнездо. С воцарения Михаила, когда усилился прилив иноземцев в столицу, они селились здесь где ни попало, покупая дворы у туземцев, заводили пивные, построили кирки внутри города. Олеарий рассказывает об одном из случаев, вынуждавших у правительства меры к разобщению москвичей и иноземцев. Жены немецких офицеров, взятые из иноземных купеческих семейств в Москве, глядя свысока на простых купчих,

Приезд иностранцев.
Художник С. Иванов. Начало XX в.

хотели и в кирке садиться впереди их; но те не уступали, и раз у них завязался в церкви с офицершами спор, перешедший в драку. Поднявшийся шум вышел на улицу и привлек к себе внимание патриарха, на беду проезжавшего в это время мимо кирки. Узнав в чем дело, владыка, как блюститель церковного порядка и среди иноверцев, приказал сломать кирку, и она была в тот же день срыта до основания.

Этот случай надобно отнести к 1643 г., когда старые кирки внутри Москвы указано было сломать и отведено было место для новой кирки за Земляным валом, а в 1652 г. и все немцы, рассеянные по Москве, выселены были из столицы за Покровку на реку Яузу и там на месте бывших некогда немецких дворов отведены были им участки по чину и званию каждого. Так возникла новая Немецкая, или Иноземная, слобода, скоро разросшаяся в значительный и благоустроенный городок с прямыми широкими улицами и переулками, с красивыми деревянными домиками. По сведениям Олеария, в слободе уже в первые годы ее существования было до тысячи человек...

Свадебный боярский пир в XVII веке. Художник К. Маковский. 1883 г.

Европейский комфорт. Это немецкое поселение и стало проводником западноевропейской культуры в таких сферах московской жизни, где она еще не требовалась насущными материальными нуждами государства. Мастера, капиталисты и офицеры, которых правительство выписывало для внешней обороны и для внутренних хозяйственных надобностей, вместе со своей военной и промышленной техникой приносили в Москву и западноевропейский комфорт, житейские удобства и увеселения, и любопытно следить за московскими верхами, как они падко бросаются на иноземную роскошь, на привозные приманки, ломая свои старые предубеждения, вкусы и привычки.

Теперь, подражая иноземным образцам, царь и бояре в Москве начинают выезжать в нарядных немецких каретах, обитых бархатом, с хрустальными стеклами, украшенных живописью; бояре и богатые купцы начинают строить каменные палаты на месте плохих деревянных хором, заводят домашнюю обстановку на иноземный лад, обивают стены «золотыми кожами» бельгийской работы, украшают комнаты картинами, часами, которые царь Михаил, невольный домосед с больными ногами, решительно не знавший, куда девать свое время, так любил, что загромоздил ими свою комнату, заводят музыку на пирах: у царя Алексея во дворце во время вечернего стола «в органы играл немчин, в трубы трубили и по литаврам били».

Палаты боярина Волкова в Харитоньевском переулке в Москве. Конец XVII в.

Начатки школьного образования. Эта потребность поддерживалась все учащавшимися сношениями с западными государствами, заставлявшими московскую дипломатию изучать их положение и взаимные отношения. В Москве пытаются завести школы и правительство, и частные лица. Восточные греческие иерархи давно не раз указывали московским царям на необходимость завести в Москве греческую школу и типографию. Из Москвы искали и просили, с Востока предлагали и присылали учителей для этой школы; но дело все както не удавалось. При царе Михаиле едва было и не устроилась желанная школа. В 1632 г. приехал от александрийского патриарха монах Иосиф. Его убедили остаться в Москве и поручили ему переводить на славянский язык греческие полемические книги против латинских ересей, а также на «учительном дворе учить малых робят греческому языку и «грамоте».

Дело не пошло за скорой смертью Иосифа; однако мысль основать в Москве учебное заведение, которое

Грамматика Мелетия Смотрицкого. 1653 г.

служило бы рассадником просвещения для всего православного Востока, не была покинута ни в Москве, ни на Востоке. Близ патриаршего двора (в Чудовом монастыре) учредили греко-латинскую школу, которой управлял грек Арсений, а этот грек приехал в Москву в 1649 г., но скоро был сослан по подозрению в неправоверии на Соловки.

Частные лица соперничали с правительством в содействии просвещению. Самым горячим из таких ревнителей был доверенный советник царя Алексея, окольничий Ф. М. Ртищев. Он устроил под Москвой Андреевский монастырь, куда в 1649 г. на свой счет вызвал из Киево-Печерского и других малороссийских монастырей до 30 ученых монахов, которые должны были переводить иностранные книги на русский язык и обучать желающих грамматике греческой, латинской и славянской, риторике, философии и другим словесным наукам. Сам Ртищев стал студентом этой вольной школы, ночи просиживал в монастыре, беседуя с учеными, учился у них греческому языку и упросил Епифания Славинецкого составить греко-славянский лексикон для нужд этой школы. К приезжим южнорусским старцам примкнули и некоторые из московских ученых монахов и священников. Так возникло в Москве ученое братство, своего рода вольная академия наук.

Начало реакции западному влиянию. Потребность в новой науке, шедшей с Запада, встретилась в московском обществе с укоренившейся здесь веками неодолимой антипатией и подозрительностью ко всему, что шло с католического и протестантского Запада. Едва московское общество отведало плодов этой науки, как им уже начинает овладевать тяжелое раздумье, безопасна ли она, не повредит ли чистоте веры и нравов. Это раздумье — второй момент в настроении русских умов XVII в., наступивший вслед за недовольством своим положением.

Церковный раскол. Русским церковным расколом называется отделение значительной части русского православного общества от господствующей русской православной Церкви. Это разделение началось в царствование Алексея Михайловича вследствие церковных новшеств патриарха Никона и продолжается доселе. Раскольники считают себя такими же православными христианами, какими считаем себя и мы. Старообрядцы в собственном смысле не расходятся с нами ни в одном догмате веры, ни в одном основании вероучения; но они откололись от нашей Церкви, переста-

Патриарх Никон с клиром. XVII в.

ли признавать авторитет нашего церковного правительства во имя «старой веры», будто бы покинутой этим правительством; потому мы и считаем их не еретиками, а только раскольниками, и потому же они нас называют церковниками или никонианами, а себя старообрядцами или староверами, держащимися древнего дониконовского обряда и благочестия.

Повесть о его начале. До патриарха Никона русское церковное общество было единым церковным стадом с единым высшим пастырем; но в нем, в разное время и из разных источников возникли и утвердились некоторые местные церковные мнения, обычаи и обряды, отличные от принятых в церкви греческой, от которой Русь приняла христианство. Таковы были двуперстное крестное знамение, образ написания имени *Исус,* служение литургии на семи, а не на пяти просфорах, хождение *посолонь,* т. е. по солнцу (от левой руки к правой, обратившись лицом к алтарю), в некоторых священнодействиях, например, при крещении вокруг купели или при венчании вокруг аналоя, особое чтение некоторых мест символа веры («царствию его несть конца», «и в духа святого, *истинного* и животворящего»), двоение возгласа *аллилуйя.* Некоторые из этих обрядов и особенностей были признаны русской церковной иерархией на церковном соборе 1551 г. и таким образом получили законодательное утверждение со стороны высшей церковной власти. Со второй половины XVI в., когда в Москве началось книгопечатание, эти обряды и разночтения стали проникать из рукописных богослужебных книг в печатные их издания и через них распространялись по всей России. Таким образом, печатный станок придал новую цену этим местным обрядовым и текстуальным разностям и расширил их употребление. Некоторые из таких разностей внесли в свои издания справщики церковных книг, напечатанных при патриархе Иосифе в 1642–1652 гг. Так как вообще текст русских богослужебных книг был неисправен, то преемник Иосифа патриарх Никон с самого начала своего управления русскою Церковью ревностно принялся за устранение этих неисправностей. В 1654 г. он провел на церковном соборе постановление переиздать церковные книги, исправив их по верным текстам, по славянским пергаментным и древним греческим книгам.

С православного Востока и из разных углов России в Москву навезли горы древних рукописных книг греческих и церковнославянских; исправленные по ним новые издания разосланы были по русским церквам

Патриарх Никон предлагает новые богослужебные книги. Художник А. Кившенко

с приказанием отобрать и истребить неисправные книги, старопечатные и старописьменные. Ужаснулись православные русские люди, заглянувши в эти новоисправленные книги и не нашедши в них ни двуперстия, ни Исуса, ни других освященных временем обрядов и начертаний: они усмотрели в этих новых изданиях новую веру, по которой не спасались древние святые отцы, и прокляли эти книги как еретические, продолжая совершать служение и молиться по старым книгам. Московский церковный собор 1666–1667 гг., на котором присутствовали два восточных патриарха, положил на непокорных клятву (анафему) за противление церковной власти и отлучил их от православной Церкви, а отлученные перестали признавать отлучившую их иерархию своей церковной властью. С тех пор и раскололось русское церковное общество, и этот раскол продолжается до настоящего времени.

Русь и Византия. До XV в. русская Церковь была послушной дочерью Византии, своей митрополии. Оттуда она принимала своих митрополитов и епископов, церковные законы, весь чин церковной жизни. Авторитет греческого православия много веков стоял у нас непоколебимо. Но с XV в. этот авторитет начал колебаться. Великие князья московские, почувствовав свое

национальное значение, поспешили внести это чувство и в церковные отношения, не хотели и в церковных делах зависеть от посторонней власти, ни от императора, ни от патриарха цареградского.

Мировые события невольно заставляли ее (Русь. — *Ред.*) противопоставлять себя Византии. Москва сбрасывала с себя агарянское иго почти в то самое время, когда Византия надевала его на свою шею. Если другие царства падали за измену православию, то Москва будет непоколебимо стоять, оставаясь верна ему. Она — третий и последний Рим, последнее и единственное в мире убежище правой веры, истинного благочестия. Эти помыслы возвышали и расширяли исторический кругозор древнерусских мыслителей XVI в. и наполняли их тревожными думами о судьбах России. Отечество тогда получило в их глазах новое высокое значение. Русский инок Филофей писал великому князю Василию,

Завоевание Константинополя. Миниатюра из турецкой «Книги Побед». XVII в.

отцу Грозного: «Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третий — Москва стоит, а четвертому не бывать. Соборная Церковь наша в твоем державном царстве одна теперь паче солнца сияет благочестием во всей поднебесной; все православные царства собрались в одном твоем царстве; на всей земле один ты — христианский царь».

Государственные нововведения. Мы видели, что с воцарением новой династии у нас предприняты были политические и экономические нововведения, предметом которых было устройство народной обороны и государственного хозяйства. Почувствовав потребность в новых, заимствованных технических средствах, государство во множестве призывало иноземцев, лютеран и кальвинистов. Правда, их призывали для обучения солдат, литья пушек, стройки заводов; все это очень мало касалось нравственных понятий и еще менее — религиозных воззрений. Но древнерусский человек своим конкретным мышлением не привык различать житейские отношения, не умел и не хотел разделять разные стороны жизни. Если немец командует русскими ратными людьми и учит их своей ратной хитрости, стало быть, надо и одеваться, и бороду брить по-немецки, и веру принять немецкую, табак курить, молоко пить по средам и пятницам, а свое древнее благочестие покинуть.

Совесть русского человека в раздумье стала между родной стариной и Немецкой слободой. Все это настроило русское общество к половине XVII в. чрезвычайно тревожно и подозрительно, и это настроение обнаруживалось при каждом случае. В 1648 г., когда молодой царь Алексей собирался жениться, в Москве вдруг пошли

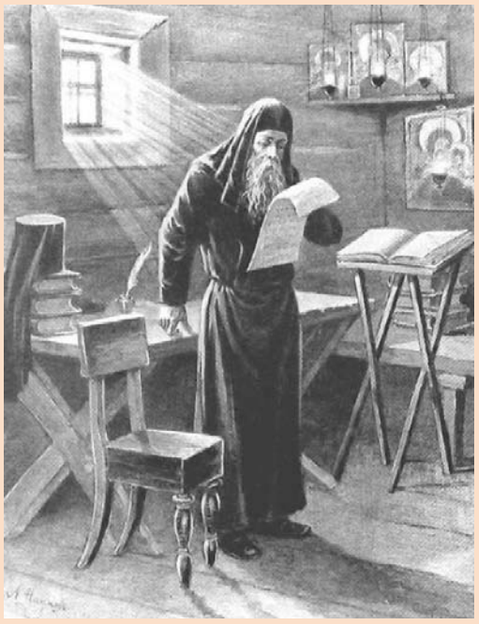
Символ патриарха Московского

толки, что скоро настанет конец древнему благочестию и будут введены новые иноземные обычаи. При таком настроении попытка исправить церковные обряды и текст богослужебных книг легко могла показаться смущенному и пугливому церковному обществу посягательством на самую веру. Случилось так, что за это исправление принялся иерарх, который по самому характеру своему способен был довести это настроение до крайней степени напряжения. Патриарх Никон, посвященный в этот сан в 1652 г., сам по себе заслуживает того, чтобы в очерке происхождения раскола уделить ему минуту внимания.

Патриарх Никон. Он родился в 1605 г. в крестьянской среде, при помощи своей грамотности стал сельским священником, но по обстоятельствам жизни рано вступил в монашество, закалил себя суровым искусом пустынножительства в северных монастырях и способностью сильно влиять на людей приобрел неограниченное доверие царя, довольно быстро достиг сана митрополита новгородского и, наконец, 47 лет от роду стал всероссийским патриархом.

Из русских людей XVII в. я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характер и прежде всего характер очень неровный. В спокойное время, в ежедневном обиходе он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив, больше всего самолюбив. Но это едва ли были его настоящие, коренные свойства. Он умел производить громадное нравственное впечатление, а самолюбивые люди на это неспособны.

Никон, патриарх Московский. Гравюра. XIX в.



Патриарх Никон в ссылке в Ферапонтовом монастыре

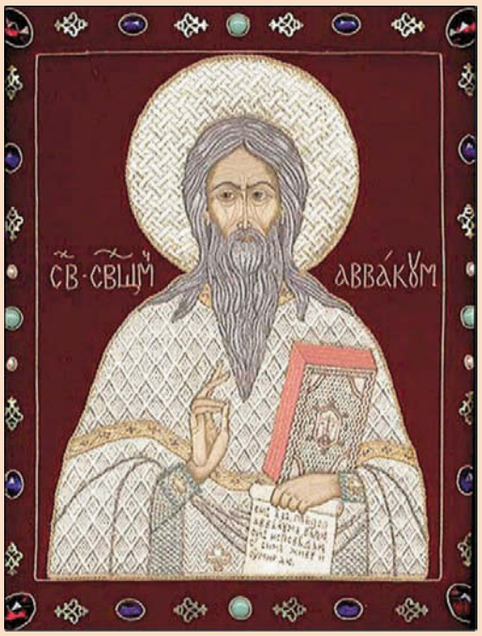
За ожесточение в борьбе его считали злым; но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу. С упрямыми врагами Никон был жесток. Но он забывал все при виде людских слез и страданий; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгом пастырского служения, сколько безотчетным влечением доброй природы. По своим умственным и нравственным силам он был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие. Что умели делать все, то он делал хуже всех; но он хотел и умел делать то, за что не умел взяться никто, все равно, доброе ли то было дело или дурное. Его поведение в 1650 г. с новгородскими бунтовщиками, которым он дал себя избить, чтобы их образумить, потом во время московского мора 1654 г., когда он в отсутствие царя вырвал из заразы его семью, обнаруживает в нем редкую отвагу и самообладание; но он легко терялся и выходил из себя от житейской мелочи, ежедневного вздора; минутное впечатление разрасталось в целое настроение. В самые трудные минуты, им же себе созданные и требовавшие полной работы мысли, он занимался пустяками и из-за пустяков готов был поднять большое шумное дело. Осужденный и сосланный в Ферапонтов монастырь, он получал от царя гостинцы, и, когда раз царь прислал ему много хорошей рыбы, Никон обиделся и ответил упреком, зачем не прислали овощей, винограду в патоке, яблочек. В добром настроении он был находчив, остроумен, но, обиженный и раздраженный, терял всякий такт и причуды озлобленного воображения принимал за действительность. В заточении он принялся лечить больных, но не утерпел, чтобы не кольнуть царя своими целительными чудесами, послал ему список излеченных, а царскому посланцу сказывал, был-де ему глагол, отнято-де у тебя патриаршество, зато дана чаша лекарственная: «лечи болящих».

Никон принадлежал к числу людей, которые спокойно переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола. У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелою ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком. Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой.

Идея Вселенской Церкви. Можно было бы подивиться духовной силе Никона, сумевшего среди этой взбаламученной разносторонними веяниями церковной мути выработать и донести до патриаршего престола ясную мысль о Церкви Вселенской и об отношении к ней поместной церкви русской, если бы он внес в эту мысль более серьезного содержания. Он вступил в управление русской Церковью с твердой решимостью восстановить полное согласие ее с церковью греческой, уничтожив все обрядовые особенности, которыми первая отличалась от последней.

По своей привычке всякую идею, всякое чувство, его захватывавшее, разрабатывать при содействии воображения, он забывал свою нижегородскую мордовскую родину и хотел заставить себя стать греком. На церковном соборе 1655 г. он объявил, что хотя он русский и сын русского, но его *вера* и убеждения — греческие. В том же году после торжественной службы в Успенском соборе он на глазах всего молившегося народа снял с себя русский клобук и надел греческий, что, впрочем, вызвало не улыбку, а сильный ропот, как вызов всем веровавшим, что в русской Церкви все предано апостолами по внушению Святого Духа.

Укрепившись опорой вне сферы московской власти, Никон хотел быть не просто московским и всероссийским патриархом, а еще одним из вселенских и действовать самостоятельно. Он хотел дать действительную силу титулу «великого государя», какой он носил наравне с царем, все равно, была ли это снисходительно допущенная узурпация или неосторожно пожалованная «собинному другу» царская милость. Он ставил священство не только вровень с царством, но и выше его.



Священномученик Аввакум

Новшества. Распоряжения Никона показывали русскому православному обществу, что оно доселе не умело ни молиться, ни писать икон и что духовенство не умело совершать богослужение как следует. Это смущение живо выразил один из первых вождей раскола, протопоп Аввакум. Когда вышло распоряжение о великопостных поклонах, «мы, — пишет он, — собрались и задумались: видим, зима наступает, сердце озябло и ноги задрожали». Смущение должно было усилиться, когда Никон приступил к исправлению богослужебных книг, хотя это дело он провел через церковный собор 1654 г. под председательством самого царя и в присутствии Боярской думы: собор постановил при печатании церковных книг исправлять их по древним славянским и по греческим книгам. Богослужебные книги в Древ-

ней Руси плохо отличали от Священного Писания. Потому предприятие Никона возбуждало вопрос: неужели и божественное писание неправо? что же после этого есть правого в русской Церкви? Тревога усиливалась еще тем, что все свои распоряжения патриарх вводил порывисто и с необычайным шумом, не подготовляя к ним общества и сопровождая их жестокими мерами против ослушников. Оборвать, обругать, проклясть, избить неугодного человека — таковы были обычные приемы его властного пастырства. Так он поступил даже с епископом коломенским Павлом, возражавшим ему на соборе 1654 г.: без соборного суда Павел был лишен кафедры, предан «лютому биению» и сослан, сошел с ума и погиб безвестной смертью.

Содействие Никона расколу. Никон много помог успехам раскола тем, что плохо понимал людей, с которыми ему приходилось считаться, слишком низко ценил своих первых противников, Неронова, Аввакума и других своих бывших друзей.

Никон не перестраивал церковного порядка в каком-либо новом духе и направлении, а только заменял одну церковную форму другой. Самую идею Вселенской Церкви, во имя которой предпринято было это шумное дело, он понял слишком узко, по-раскольничьи, с внешней обрядовой стороны, и не сумел ни провести в сознание русского церковного общества более широкого взгляда на Вселенскую Церковь, ни закрепить его каким-либо вселенским соборным постановлением и завершил все дело тем, что в лицо обругал судивших его восточных патриархов султанскими невольниками, бродягами и ворами: ревнуя о единении Церкви Вселенской, он расколол свою поместную.

Путешествие Аввакума по Сибири. Художник С. Милорадович, 1898 г.

Признания первых старообрядцев. Аввакум видит источник церковной беды, постигшей Русь, в новых западных обычаях и в новых книгах: «Ох, бедная Русь! — восклицает он в одном сочинении, — что это тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?» И он того мнения, что восточные церковные учители, которых призывали на Русь научить и наставить ее в церковных недоумениях, сами нуждаются в научении и вразумлении и именно со стороны Руси. В своей автобиографии он рисует бесподобную сцену, разыгравшуюся на судившем его церковном соборе 1667 г., именно свое поведение в присутствии восточных патриархов. Последние говорят ему: «Ты упрям, протопоп: вся наша Палестина, и сербы, и албанцы, и римляне, и ляхи — все тремя перстами крестятся; один ты упорно стоишь на своем и крестишься двумя перстами; так не подобает». Аввакум возразил: «Вселенские учители! Рим давно пал, и ляхи с ним же погибли, до конца остались врагами христианам; да и у вас православие пестро, от насилия турского Махмета немощны вы стали и впредь приезжайте к нам учиться; у нас Божией благодатью самодержавие

и до Никона-отступника православие было чисто и непорочно и Церковь безмятежна». Сказав это, подсудимый отошел к дверям палаты да на бок и повалился, приговаривая: «Посидите вы, а я полежу». Некоторые засмеялись, говоря: «Дурак протопоп, и патриархов не почитает». Аввакум продолжал: «Мы уроды Христа ради; вы славны, а мы бесчестны, вы сильны, а мы немощны».

Основную мысль, руководившую первыми вождями раскола, Аввакум выразил так: «Хотя я несмысленный и очень неученый человек, да то знаю, что все, святыми отцами Церкви преданное, свято и непорочно; держу до смерти, якоже приях, не прелагаю предел вечных; до нас положено — лежи оно так во веки веков». Эти черты древнерусского религиозного миросозерцания, которому события XVII в. сообщили чрезвычайно болезненное возбуждение и одностороннее направление, целиком перешли в раскол, легли в основание его религиозного миросозерцания.

Царь Алексей Михайлович. Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении.

Царь Алексей родился в 1629 г. Он прошел полный курс древнерусского образования, или *словесного учения,* как тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики на шестом году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патриаршим дьяком по заказу дедушки, патриарха Филарета, — известный древнерусский букварь с титлами, заповедями, кратким катехизисом и т. д. Но Алексей воспитывался в иное время, у людей которого настойчиво стучалась в голову смутная потребность ступить дальше, в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробе-

Пир царя Алексея Михайловича в палатке в Отъезжем поле. Художник А. Рябушкин. XIX в.

Царь Алексей Михайлович за игрой в шахматы. Художник К. Лебедев. XIX в.

гал благочестивый русский грамотей прежних веков.

В зрелые годы царь Алексей представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древнерусского человека с наклонностью к полезным и приятным новшествам. Он был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство Древней Руси.

В царе Алексее нет и самонадеянности, того щекотливого и мнительного, обидчивого властолюбия, которым страдал Грозный. «Лучше слезами, усердием и низостью (смирением) перед Богом промысел чинить, чем силой и славой (надменностью)», — писал он одному из своих воевод. Это соединение власти и кротости помогало царю ладить с боярами, которым он при своем самодержавии уступал широкое участие в управлении; делиться с ними властью, действовать с ними об руку было для него привычкой и правилом, а не жертвой или досадной уступкой обстоятельствам.

Общественные нравы и понятия в иных случаях перемогали добрые свойства и влечения. Властный человек в Древней Руси так легко забывал, что он не единственный человек на свете, и не замечал рубежа, до которого простирается его воля и за которым начинаются чужое право и общеобязательное приличие.

Алексей любил, чтобы вокруг него все были веселы и довольны; всего

невыносимее была ему мысль, что кто-нибудь им недоволен, ропщет на него, что он кого-нибудь стесняет. Он первый начал ослаблять строгость заведенного при московском дворе чопорного этикета, делавшего столь тяжелыми и натянутыми придворные отношения. Он нисходил до шутки с придворными, ездил к ним запросто в гости, приглашал их к себе на вечерние пирушки, поил, близко входил в их домашние дела. Уменье входить в положение других, понимать и принимать к сердцу их горе и радость было одною из лучших черт в характере царя.

Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека в Древней Руси, по крайней мере, не знаю другого древнерусского человека, который производил бы более приятное впечатление, — но только не на престоле. Это был довольно пассивный характер. Природа или воспитание было виною того, что в нем развились преимущественно те свойства, которые имеют такую цену в ежедневном житейском обиходе, вносят столько света и тепла в домашние отношения. Но при нравственной чуткости царю Алексею недоставало нравственной энергии. Он любил людей и желал им всякого добра, потому что не хотел, чтобы они своим горем и жалобами расстраивали его тихие личные радости. В нем, если можно так выразиться, было много того нравственного сибаритства, которое любит добро, потому что добро вызывает приятные ощущения. Но он был мало способен и мало расположен

Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы. Художник Н. Е. Сверчков. 1873 г.

А. Л. Ордин-Нащокин. Неизвестный художник. XVII в.

что-нибудь отстаивать или проводить, как и с чем-либо долго бороться.

Увлекаемый новыми веяниями, царь во многом отступал от старозаветного порядка жизни, ездил в немецкой карете, брал с собой жену на охоту, водил ее и детей на иноземную потеху, «комедийные действа» с музыкой и танцами, поил допьяна вельмож и духовника на вечерних пирушках, причем немчин в трубы трубил и в органы играл; дал детям учителя, западнорусского ученого монаха, который повел преподавание дальше Часослова, Псалтыря и Октоиха, учил царевичей языкам латинскому и польскому. Но царь Алексей не мог стать во главе нового движения и дать ему определенное направление, отыскать нужных для того людей, указать им пути и приемы действия. Он был не прочь срывать цветки иноземной культуры, но не хотел марать рук в черной работе ее посева на русской почве.

Несмотря, однако, на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения.

Ф. М. Ртищев. Почти все время царствования Алексея Михайловича неотлучно находился при нем, служа по дворцовому ведомству, его ближний постельничий, а потом дворецкий и воспитатель (дядька) старшего царевича Алексея Федор Михайлович Ртищев.

Из всего нравственного запаса, почерпнутого Древней Русью из христианства, Ртищев воспитал в себе наиболее трудную и наиболее сродную древнерусскому человеку доблесть — смиренномудрие. Царь Алексей, выросший вместе со Ртищевым, разумеется, не мог не привязаться к такому человеку. Своим влиянием царского любимца Ртищев пользовался, чтобы быть миротворцем при дворе...

Если верить известию, что мысль о медных деньгах была внушена Ртищевым, то надобно признать, что его правительственное влияние простиралось за пределы дворцового ведомства, в котором он служил. Впрочем, не государственная деятельность в точном смысле слова была настоящим делом жизни Ртищева, которым он оставил по себе память: он избрал себе не менее трудное, но менее видное и более самоотверженное поприще — служение страждущему и нуждающемуся человечеству.

Неизвестно, какое впечатление производило на общество отношение Ртищева к своим крестьянам; но его благотворительные подвиги, по-видимому, не остались без влияния на законодательство. В царствование Алексеева преемника возбужден был

вопрос о церковно-государственной благотворительности. По указу царя произвели в Москве разборку нищих и убогих, питавшихся подаяниями, и действительно беспомощных поместили на казенное содержание в двух устроенных для того богадельнях, а здоровых определили на разные работы. На церковном соборе, созванном в 1681 г., царь предложил патриарху и епископам устроить такие же приюты и богадельни по всем городам, и отцы собора приняли это предложение. Так частный почин влиятельного и доброго человека лег в основание целой системы церковно-благотворительных учреждений, постепенно возникавших с конца XVII в. Тем особенно и важна деятельность тогдашних государственных людей преобразовательного направления, что их личные помыслы и частные усилия превращались в законодательные вопросы, которые разрабатывались в политические направления или в государственные учреждения.

А. Л. Ордин-Нащокин. Царь Алексей... создал в русском обществе XVII в. преобразовательное настроение. Первое место в ряду государственных дельцов, захваченных таким настроением, бесспорно принадлежит самому блестящему из сотрудников царя Алексея, наиболее энергическому провозвестнику преобразовательных стремлений его времени, боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Этот делец вдвойне любопытен для нас, потому что вел двойную подготовку реформы Петра Великого. Во-первых, никто из московских государственных дельцов XVII в. не высказал столько, как он, преобразовательных идей и планов, которые после осуществил Петр. Потом, Ордину-Нащокину пришлось не только действовать по-новому, но и самому создавать обстановку своей деятельности. По происхождению своему он не принадлежал к тому обществу, среди которого ему привелось действовать. Привилегированным питомником политических дельцов в Московском государстве служило старое родовитое боярство, пренебрежительно смотревшее на массу провинциального дворянства. Ордин-Нащокин был едва ли не первым провинциальным дворянином, проложившим себе дорогу в круг этой спесивой знати, а за ним уже потянулась вереница его провинциальной братии, скоро разбившей плотные ряды боярской аристократии.

Ртищев и Ордин-Нащокин. При всем несходстве характеров и деятельностей одна общая черта сближала Ртищева и Ордина-Нащокина: оба они были новые люди своего времени и делали

Афанасий Ордин-Нащокин. Гравюра начала XIX века.

каждый новое дело, один в политике, другой в нравственном быту. Этим они отличались от царя Алексея, который врос в древнерусскую старину всем своим разумом и сердцем и только развлекался новизной, украшая с ее помощью свою обстановку или улаживая свои политические отношения. Ртищев и Нащокин в самой этой старине умели найти новое, открыть еще не тронутые и не использованные ее средства и пустить их в оборот на общее благо. Западные образцы и научные знания они направляли не против отечественной старины, а на охрану ее жизненных основ от нее самой, от узкого и черствого ее понимания, воспитанного в народной массе дурным государственным и церковным руководительством, от рутины, которая их мертвила.

Нащокин, дипломат, настойчиво и бранчиво проводил мысль, что внешние успехи, дипломатические и военные, непрочны, если не подготовляются и не поддерживаются усовершенствованием внутреннего устройства, что внешняя политика должна служить развитию производительных сил страны, но не истощать их, а богатый царедворец Ртищев пополнял мысль своего задорного друга, кротко внушая своим образом действий, что и экономические успехи малоценны, когда нет главных условий благоустроенного общежития, каковы построенные на справедливости отношения общественных классов, просвещенное религиозно-нравственное чувство, не затемняемое вымышленными обрядами и суевериями, и благотворительность, проявляющаяся не в одних случайных личных порывах, а устроенная в общественное учреждение. Одинокие воины в поле, Ртищев и Нащокин, однако, не вопияли в пустыне: оба еще держались крепко старозаветных форм и сочувствий, один основал монастырь, другой кончил монастырем; но их идеи, полупонятые и полупризнанные современниками, добрались до другого времени и помогли понять старорусские извращения политической и религиозно-нравственной жизни.

Князь В. В. Голицын. Младшим из предшественников Петра был князь В. В. Голицын, и он уходил от действительности гораздо дальше старших. Еще молодой человек, он был уже видным лицом в правительственном кругу при царе Федоре и стал одним из самых влиятельных людей при царевне Софье, когда она по смерти старшего брата сделалась правительницей государства. Властолюбивая и образованная царевна не могла не заметить умного и образованного боя-

Князь В. В. Голицын.
Гравюра Л. Тарасевича

рина, и кн. Голицын личной дружбой связал свою политическую карьеру с этой царевной. Голицын был горячий поклонник Запада, для которого он отрешился от многих заветных преданий русской старины. Дом Голицына был местом встречи для образованных иностранцев, попадавших в Москву, и в гостеприимстве к ним хозяин шел дальше других московских любителей иноземного, принимал даже иезуитов, с которыми те не могли мириться. При его содействии состоялся в 1686 г. Московский договор о вечном мире с Польшей, по которому Московское государство приняло участие в коалиционной борьбе с Турцией в союзе с Польшей, Германской империей и Венецией и этим формально вступило в концерт европейских держав, за что Польша навсегда утверждала за Москвой Киев и другие московские приобретения, временно уступленные по Андрусовскому перемирию.

Голицын без умолку твердил боярам о необходимости учить своих детей, выхлопотал разрешение посылать их в польские школы, советовал приглашать польских гувернеров для их образования.

Преобразование государства Голицын думал начать освобождением крестьян, предоставив им обрабатываемые ими земли с выгодой для царя, т. е. казны, посредством ежегодной подати, что, по его расчету, увеличивало доход казны более чем наполовину.

Личные отношения кн. Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своих преобразовательных замыслов: связав свою судьбу с царевной Софьей, он пал вместе с нею и не принимал участия в преобразовательной деятельности Петра, хотя был ближайшим его предшественником и мог бы быть хорошим его сотрудником, если

Правительница Софья.
Художник. А. П. Антропов. 1772 г.

не лучшим. В законодательстве слабо отразился дух его планов: смягчены условия холопства за долги, отменены закапывание мужеубийц и смертная казнь за возмутительные слова. Усиление карательных мер против старообрядцев нельзя ставить целиком насчет правительства царевны Софьи: то было профессиональное занятие церковных властей, в котором государственному управлению приходилось обыкновенно служить лишь карательным орудием.

Неосторожно было бы подумать, что сама Софья своим образом действий вынудила у противника такой хвалебный отзыв о своем правлении. Эта тучная и некрасивая полудевица с большой неуклюжей головой, с грубым лицом, широкой и короткой талией, в 25 лет казавшаяся 40-летней, властолюбию пожертвовала совестью, а темпераменту стыдом; но, достиг-

Государственный герб Руси во 2-й половине XVII в.

нув власти путем постыдных интриг и кровавых преступлений, она как принцесса «великого ума и великий политик» <...> нуждаясь в оправдании своего захвата, способна была внимать советам своего первого министра и «голанта», тоже человека «ума великого и любимого от всех».

Подготовка и программа реформы. Эти потребности требовали обширных преобразований в государственном устройстве и хозяйственном быту, в организации народного труда. В том и другом деле люди XVII в. ограничились робкими попытками и нерешительными заимствованиями у Запада.

Для удовлетворения своих материальных нужд они в государственном порядке произвели не особенно много удачных перемен. Они поназывали несколько тысяч иноземцев, офицеров, солдат и мастеров, с их помощью кое-как поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую, без надлежащих приспособлений, и построили несколько фабрик и оружейных заводов, а с помощью этой подправленной рати и этих заводов после больших хлопот и усилий с трудом вернули две потерянные области, Смоленскую и Северскую, и едва удержали в своих руках половину добровольно отдавшейся им Малороссии.

Вот и все существенные плоды их 70-летних жертв и усилий! Государственного порядка они не улучшили, напротив, сделали его тяжелее прежнего, отказавшись от земского самоуправления, обособлением сословий усилив общественную рознь и пожертвовав свободой крестьянского труда. Зато в борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготовляли не столько самую реформу, сколько себя самих, свои умы и совести к этой реформе, а это менее видная, но не менее трудная и необходимая работа.

Петр I. Младенчество. Петр родился в Москве, в Кремле, 30 мая 1672 г. Он был четырнадцатое дитя многосемейного царя Алексея и первый ребенок от его второго брака — с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

На четвертом году Петр лишился отца. При царе Федоре, сыне Милославской, положение матери Петра с ее родственниками и друзьями стало очень затруднительно. Другие люди всплыли наверх, овладели делами. Царь Алексей был женат два раза, следовательно, оставил после себя две клики родственников и свойственников, которые насмерть злобствовали

Рождение Петра Великого. 1672 г. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

одна против другой, ничем не брезгуя в ожесточенной вражде. Милославские осилили Нарышкиных и самого сильного человека их стороны, Матвеева, не замедлили убрать подальше на север, в Пустозерск. Молодая царица-вдова отступила на задний план, стала в тени.

События 1682 г. Едва минуло Петру десять лет, как начальное обучение его прекратилось, точнее, прервалось. Царь Федор умер 27 апреля 1682 г. За смертью его последовали известные бурные события: провозглашение Петра царем мимо старшего брата Ивана, интриги царевны Софьи и Милославских, вызвавшие страшный стрелецкий мятеж в мае того года, избиение бояр, потом установление двоевластия и провозглашение Софьи правительницей государства, наконец, шумное раскольничье движение с буйными выходками старообрядцев 5 июля в Грановитой палате. Петр, бывший очевидцем кровавых сцен стрелецкого мятежа, вызвал удивление твердостью, какую сохранил при этом: стоя на Красном крыльце подле матери, он, говорят, не изменился в лице, когда стрельцы подхватывали на копья Матвеева и других его сторонников. Но майские ужасы 1682 г. неизгладимо врезались в его памяти. Он понял в них больше, чем можно было предполагать по его возрасту; через год 11-летний Петр по развитости показался иноземному послу 16-летним юношей.

Старая Русь тут встала и вскрылась перед Петром со всей своей многовековой работой и ее плодами. Когда огражденный грозой палача и застенка кремлевский дворец превратился в большой сарай и по нему бегали и шарили одурелые стрельцы, отыскивая Нарышкиных, а потом буйствовали по всей Москве, пропивая добычу, взятую из богатых боярских и купеческих домов, то духовенство молчало, творя волю мятежников, благословляя двоевластие, бояре и дворяне попрятались, и только холопы боярские вступились за попранный порядок. Напрасно стрельцы заманивали их обещанием свободы, громили Холопий приказ, рвали и разбрасывали по площади кабалы и другие крепости. Холопы унимали мятежников, грозя им: «Лежать вашим головам на площади; до чего вы добунтуетесь? Русская земля велика, вам с ней не совладать». Холопы, которых в боярской столице было вдвое больше стрельцов, ждали только знака от своих господ на усмирение мятежников и не дождались. От общественных сил, считавшихся опорами государственного порядка, Петр отвернулся прежде чем мог сообразить, как обойтись без них и чем их заменить. С тех пор Московский

Стрелецкий бунт. Художник Н. Дмитриев-Оренбургский. 1862 г.

Кремль ему опротивел и был осужден на участь заброшенной барской усадьбы со своими древностями, запутанными дворцовыми хоромами и доживавшими в них свой век царевнами, тетками и сестрами, двумя Михайловнами и семью Алексеевнами и с сотнями их певчих, крестовых дьяков и «всяких верховых чинов».

Петр в Преображенском. События 1682 г. окончательно выбили царицу-вдову из Московского Кремля и заставили ее уединиться в Преображенском, любимом подмосковном селе царя Алексея. Этому селу суждено было стать временной царской резиденцией, станционным двором на пути к Петербургу. Здесь царица с сыном, удаленная от всякого участия в управлении, по выражению современника князя Б. И. Куракина, «жила тем, что давано было от рук царевны Софии», нуждалась и принуждена была принимать тайком денежную помощь от патриарха Троицкого монастыря и ростовского митрополита. Петр, опальный царь, выгнанный сестриным заговором из родного дворца, рос в Преображенском на просторе. Силой обстоятельств он слишком рано предоставлен был самому себе, с десяти лет перешел из учебной комнаты прямо на задворки. Легко можно себе представить, как мало занимательного было для мальчика в ком-

натах матери: он видел вокруг себя печальные лица, отставных придворных, слышал все одни и те же горькие или озлобленные речи о неправде и злобе людской, про падчерицу и ее злых советчиков. Скука, какую должен был испытывать здесь живой мальчик, надо думать, и выжила его из комнат матери на дворы и в рощи села Преображенского. С 1683 г., никем не руководимый, он начал здесь продолжительную игру, какую сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования, а играл он в то, во что играют все наблюдательные дети в мире, в то, о чем думают и говорят взрослые. Современники приписывали природной склонности пробудившееся еще в младенчестве увлечение Петра военным делом. Темперамент подогревал эту охоту и превратил ее в страсть, толки окружающих о войсках иноземного строя, может быть, и рассказы Зотова об отцовых войнах дали с летами юношескому спорту определенную цель, а острые впечатления мятежного 1682 г. вмешали в дело чувство личного самосохранения и мести за обиды. Стрельцы дали незаконную власть царевне Софье: надо завести своего солдата, чтобы оборониться от своевольной сестры.

Потешные. Таская нужные для потехи вещи из кремлевских кладовых, Петр набирал около себя толпу товарищей своих потех.

Он начал верстать в свою службу молодежь из своих спальников и дворовых конюхов, а потом сокольников и кречетников, образовав из них две роты, которые прибором охотников из дворян и других чинов, даже из боярских холопов, развились в два батальона, человек по 300 в каждом. Они и получили название *потешных*. Не думайте, что это были игрушечные,

Царь Петр I. Хромолитография. 1894 г.

шуточные солдаты. Играл в солдаты царь, а товарищи его игр *служили* и за свою потешную службу получали жалованье, как настоящие служилые люди. Звание потешного стало особым чином. «Пожалован я, — читаем в одной челобитной, — в ваш великих государей чин, в потешные конюхи». Набор потешных производился официальным, канцелярским порядком: так, в 1686 г. Конюшенному приказу предписано было выслать к Петру в Преображенское 7 придворных конюхов для записи в потешные пушкари. В числе этих потешных рано является и Александр Данилович Меншиков, сын придворного конюха, «породы самой низкой, ниже шляхетства», по замечанию князя Б. Куракина. Впрочем, потом в потешные стала поступать и знатная молодежь: так, в 1687 г. с толпой конюхов поступили И. И. Бу-

турлин и князь М. М. Голицын, будущий фельдмаршал, который за малолетством записался в «барабанную науку», как говорит дворцовая запись. С этими потешными Петр и поднял в Преображенском неугомонную возню, построил потешный двор, потешную съезжую избу для управления командой, потешную конюшню, забрал из Конюшенного приказа упряжь под свою артиллерию. Словом, игра обратилась в целое учреждение с особым штатом, бюджетом, с «потешной казной».

Играя в солдаты, Петр хотел сам быть настоящим солдатом и такими же сделать участников своих игр, одел их в темно-зеленый мундир, дал полное солдатское вооружение, назначил штаб-офицеров, обер-офицеров и унтер-офицеров из своих комнатных людей, все «изящных фамилий», и в рощах Преображенского чуть не ежедневно подвергал команду строгой солдатской выучке, причем сам проходил все солдатские чины, начиная с барабанщика. Чтобы приучить солдат к осаде и штурму крепостей, на реке Яузе построена была «регулярным порядком потешная фортеция», городок Плесбурх, который осаждали с мортирами и со всеми приемами осадного искусства. Во всех этих воинских экзерциях, требовавших технического знания, Петр едва ли мог обойтись одними доморощенными сведениями. По соседству с Преображенским давно уже возник заманчивый и своеобразный мирок, на который искоса посматривали из Кремля руководители Московского государства: то была Немецкая слобода. При царе Алексее она особенно населилась военным людом: тогда вызваны были из-за

Учения «потешных» полков в селе Преображенском.
Миниатюра из рукописи П. Н. Крекшина «История Петра I». XVIII в.

Потешные Петра I в кружале. Художник А. П. Рябушкин. 1892 г.

границы для командования русскими полками иноземного строя пара генералов, до сотни полковников и бесчисленное количество офицеров. Сюда и обратился Петр за новыми потехами и воинскими хитростями, каких не умел придумать со своими потешными. В 1684 г. иноземный мастер Зоммер показывал ему гранатную стрельбу, любимую его потеху впоследствии. Иноземные офицеры были привлечены и в Преображенское для устройства потешной команды; по крайней мере в начале 1690-х годов, когда потешные батальоны развернулись уже в два регулярных полка, поселенных в селах Преображенском и Семеновском и от них получившие свои названия, полковники, майоры, капитаны были почти все иноземцы и только сержанты — из русских. Но главным командиром обоих полков был поставлен русский, Автамон Головин, «человек гораздо глупый, но знавший солдатскую экзерцицию», как отзывается о нем тогдашний семеновец и свояк Петра, помянутый князь Куракин.

Вторичная школа. Страсть к иноземным диковинам привела Петра ко вторичной выучке, незнакомой прежним царевичам. По рассказу самого Петра, в 1687 г. князь Я. Ф. Долгорукий, отправляясь послом во Францию, в разговоре с царевичем сказал, что у него был инструмент, которым «можно брать дистанции или расстояния, не доходя до того места», да жаль — украли. Петр просил князя купить ему этот инструмент во Франции, и в следующем году Долгорукий привез ему астролябию. Не зная, что с ней делать, Петр прежде всего обратился, разумеется, ко всеведущему немцу «дохтуру». Тот сказал, что и сам не знает, но сыщет знающего человека. Петр с «великою охотою» велел найти такого человека, и доктор скоро привез голландца Тиммермана. Под его руководством Петр «гораздо с охотою» принялся учиться арифметике, геометрии, артиллерии и фортификации. До нас дошли учебные тетради Петра с задачами, им решенными, и объяснениями, написанными его же рукой. Из этих тетрадей прежде всего видим,

как плохо обучен был Петр грамоте: он пишет невозможно, не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: *всегъда, сътърелять, вьзяфъ*. Он плохо вслушивается в непонятные ему математические термины: сложение (additio) он пишет то *адицое,* то *водицыя*. И сам учитель был не бойкий математик; в тетрадях встречаем задачи, им самим решенные, и в задачах на умножение он не раз делает ошибки. Но те же тетради дают видеть степень охоты, с какой Петр принялся за математику и военные науки. Он быстро прошел арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию, овладел астролябией, изучил строение крепостей, умел вычислять полет пушечного ядра.

С этим Тиммерманом, осматривая в селе Измайлове амбары деда Никиты Ивановича Романова, Петр нашел завалявшийся английский бот, который, по рассказу самого Петра, послужил родоначальником русского флота, пробудил в нем страсть к мореплаванию, повел к постройке флотилии на Переяславском озере, а потом под Архангельском. Но у прославленного «дедушки русского флота» были безвестные боковые родичи, о которых Петр не счел нужным упомянуть. Еще в 1687 г., за год или больше до находки

Петр I за рулем парусного ботика на Яузе-реке. Художник А. Кившенко

бота, Петр таскал из Оружейной казны «корабли малые», вероятно, старые отцовские модели кораблей, оставшиеся от постройки «Орла» на Оке; даже еще раньше, в 1686 г., по дворцовым записям, в селе Преображенском строились потешные суда. Вспомним, что правительство царя Алексея много хлопотало о заведении флота; для Петра это дело было наследственным преданием.

Нравственный рост Петра. С десяти лет кровавые события, раздражающие впечатления вытолкнули Петра из Кремля, сбили его с привычной колеи древнерусской жизни, связали для него старый житейский порядок с самыми горькими воспоминаниями и дурными чувствами, рано оставили его одного с военными игрушками и зотовскими кунштами. Во что он играл в кремлевской своей детской, это теперь он разыгрывал на дворах и в рощах села Преображенского уже не с заморскими куклами, а с живыми людьми и с настоящими пушками, без плана и руководства, окруженный своими спальниками и конюхами. И так продолжалось до 17-летнего возраста.

Правление царицы Натальи. Между тем царевна Софья со своим новым «голантом» Шакловитым построила было новый стрелецкий умысел против брата и мачехи. В августе 1689 г. за полночь, внезапно разбуженный, Петр ускакал в лес и оттуда к Троице, бросив мать и беременную жену. Это был с ним едва ли не единственный случай крайнего испуга, показавший, каких ужасов привык он ожидать со стороны сестры. Замысел не удался. Троевластное правление, которому насмешливо удивлялись за границей, но которым все были довольны дома, кроме села Преображенского, кон-

Портретъ второй.

ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

Государь Великій Князь Самодержецъ Всероссійскій.

Петр I в юности

чилось: «третье зазорное лицо», как называл Петр Софью в письме к брату Ивану, заперли в монастырь. Царь Иван остался выходным, церемониальным царем; Петр продолжал свои потехи. Власть перешла от падчерицы к мачехе. Но царица Наталья, по отзыву князя Куракина, «была править некапабель, ума малого». Дела правления распределились между ее присными. Лучший из них, князь Б. А. Голицын, ловко проведший последнюю кампанию против царевны, был человек умный и образованный, говорил по-латыни, но «пил непрестанно» и, правя Казанским Дворцом почти неограниченно, разорил Поволжье. О двух других временщиках, брате царицы Льве Нарышкине и свойствен-

Великая Государыня Царевна и Великая княжна Правительница-регентша Российского царства Софья Алексеевна

Князь Б. А. Голицын (со старинной гравюры)

нике обоих царей по бабушке Тихоне Стрешневе, тот же современник говорит, что первый был человек очень недалекий и пьяный, взбалмошный, делавший добро «без резону, по бизарии своего гумору», а второй — тоже человек недалекий, но лукавый и злой, «интриган дворовый».

Компания Петра. ...По низложении Софьи он (Петр. — *Ред.*) вполне отдался своим привычным занятиям, весь ушел в «марсовы потехи». Это теснее сблизило его с Немецкой слободой: оттуда вызывал он генералов и офицеров для строевого и артиллерийского обучения своих потешных, для руководства маневрами, часто сам туда ездил запросто, обедал и ужинал у старого служаки генерала Гордона и у других иноземцев. Слободские знакомства расширили первоначальную «кумпанию» Петра. К комнатным стольникам и спальникам, к потешным конюхам и пушкарям присоединились бродяги с Кокуя. Рядом с бомбардиром «Алексашкой» Меншиковым, человеком темного происхождения, невежественным, едва умевшим подписать свое имя и фамилию, но шустрым и сметливым, а потом всемогущим «фаворитом», стал Франц Яковлевич Лефорт, авантюрист из Женевы, пустившийся за тридевять земель искать счастья и попавший в Москву, невежественный немного менее Меншикова, но человек бывалый, веселый говорун, вечно жизнерадостный, преданный друг, неутомимый кавалер в танцевальной зале, неизменный товарищ за бутылкой, мастер веселить и веселиться, устроить пир на славу с музыкой, с дамами и танцами, — словом, душа-человек или «дебошан французский», как суммарно характеризует его князь Куракин, один из царских спальников в этой компа-

Царевна Софья в Новодевичьем монастыре. Художник И. Е. Репин. 1879 г.

Франц Лефорт

нии. Иногда здесь появлялся и степенный шотландец, пожилой, осторожный и аккуратный генерал Патрик Гордон, наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям, по выражению нашей былины. Если иноземцев принимали в компанию, как своих, русских, то двое русских играли в ней роли иноземцев. То были потешные генералиссимусы князь Ф. Ю. Ромодановский, носивший имя Фридриха, главнокомандующий новой солдатской армией, король Пресбургский, облеченный обширными полицейскими полномочиями, начальник розыскного Преображенского приказа, министр кнута и пыточного застенка, «собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни», но пособачьи преданный Петру, и И. И. Бутурлин, король польский или по своей столице царь Семеновский, командир

Петр I и Лефорт (Маневры потешного флота на озере Плещеево). Художник Д. Кардовский

старой, преимущественно стрелецкой армии, «человек злорадный и пьяный и мздоимливый».

Обе армии ненавидели одна другую заправской, не потешной ненавистью, разрешавшейся настоящими, не символическими драками. Эта компания была смесь племен, наречий, состояний. Чтобы видеть, как в ней объяснялись друг с другом, достаточно привести две строчки из русского письма, какое Лефорт написал Петру французскими буквами в 1696 г., двадцать лет спустя по прибытии в Россию: Slavou Bogh sto ti prechol sdorova ou gorrod voronets. Daj Boc ifso dobro sauersit i che Moscva sdorovou buit (здорову быть). Но ведь и сам Петр в письмах к Меншикову делал русскими буквами такие немецкие надписи: *мейн либсте камарат, мейн бест фринт,* а архангельского воеводу Ф. М. Апраксина величал в письмах просто иностранным алфавитом *Min Her Geuverneur Archangel.* В компании обходились без чинов: раз Петр сильно упрекнул этого Апраксина за то, что тот писал «с зельными чинами, чего не люблю, а тебе можно знать для того, что ты нашей компании, как писать». Эта компания постепенно и заменила Петру домашний очаг. Брак Петра с Евдокией Лопухиной был делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева: неумная, суеверная и вздорная, Евдокия была совсем не пара своему мужу. Согласие держалось, только пока он и она не понимали друг друга, а свекровь, невзлюбившая невестку, ускорила неизбежный разлад. По своему образу жизни Петр часто и надолго отлучался из дома; это охлаждало, а охлаждение учащало отлучки.

При таких условиях у Петра сложилась жизнь какого-то бездомного, бродячего студента. Он ведет усиленные военные экзерциции, сам изготовляет и пускает замысловатые и опасные фейерверки, производит смотры и строевые учения, предпринимает походы, большие маневры с примерными сражениями, оставляющими после себя немало раненых, даже убитых, испытывает новые пушки, один, без мастеров и плотников, строит на Яузе речную яхту со всей отделкой, берет у Гордона или через него выписывает из-за границы книги по артиллерии, учится, наблюдает, все пробует, расспрашивает иноземцев о военном деле и о делах европейских и при этом обедает и ночует где придется: то у кого-нибудь в Немецкой слободе, чаще на полковом дворе в Преображенском у сержанта Буженинова, всего реже дома, только по временам приезжает пообедать к матери.

Задача из учебника по военному делу. XVIII в.

Военные игры потешных войск Петра I под селом Кожухово. Художник А. Кившенко

Значение потех. Воинские потехи занимали Петра до 24-го года его жизни среди частых попоек с компанией и поездок в Александровскую слободу, в Переяславль и Архангельск. С летами игра незаметно теряла характер детской забавы и становилась серьезным делом: это потому, что и в детстве она была очень похожа на серьезное дело, о котором думали старшие современники Петра. Вместе с царем росло и все незрелое, что его окружало, и пушки, и люди. Толпы потешных превращались в настоящие регулярные полки с иностранными офицерами; из игрушечных пушек и пушкарей вышли настоящая артиллерия и заправские артиллеристы. Напрасно Гордон, сведущий руководитель потешных походов, в своем дневнике называет их военным балетом: в этих походах, как и во флотилии на Переяславском озере, видимо бесцельной и смешной, вырабатывались кадры формировавшейся армии и будущего флота.

Потехи имели немаловажное *учебное* значение. Трехнедельные маневры под Кожуховом, на берегу реки Москвы, в 1694 г., в которые, по свидетельству участника князя Куракина, едва ли, впрочем, непреувеличенному, введено было до 30 тысяч человек, велись по плану, серьезно разработанному при содействии того же Гордона, и о них составлена была целая книга с чертежами станов, обозов и боев.

Князь Куракин говорит об этих экзерциях, что они весьма содействовали обучению солдатства, а о кожуховском походе замечает, что едва ли какой монарх в Европе может учинить лучше того, прибавляя, однако, что тогда «убито с 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено с 50». Правда, сам Петр об этой последней своей потехе писал, что под Кожуховом у него, кроме игры, ничего на уме не было, но что эта игра стала предвестницей настоящего дела, каким были Азовские походы 1695 и 1696 гг. Они оправдали эту игру, показав ее практическую пользу: Азов взят был с помощью артиллерии, подготовленной потеш-

Осада Азова в 1696 г.
С офорта А. Шхонебека.
XVIII в.

Взятие города Азова Петром Великим. Гравюра. XVIII в.

ными экзерциями, и флота, в одну зиму построенного на реке Воронеже под непосредственным руководством Петра, запасшегося необходимыми для того знаниями на переяславской верфи, и с помощью мастеров, там же им выученных.

Петр в Германии. В 1697 г. 25-летний Петр увидел наконец Западную Европу, о которой ему так много толковали его друзья и знакомые из Немецкой слободы, куда съездить уговаривал его Лефорт. Впрочем, мысль о поездке на Запад рождалась сама собою из всей обстановки и направления деятельности Петра.

Он ехал за границу не как любознательный и досужий путешественник, чтобы полюбоваться диковинами чужой культуры, а как рабочий, желавший спешно ознакомиться с недоставшими ему надобными мастерствами: он искал на Западе техники, а не цивилизации.

Петр в Саардаме обучается кораблестроению. Художник К. Лебедев

На эту цель рассчитана была обстановка поездки. Он зачислил себя под именем Петра Михайлова в свиту торжественного посольства, отправлявшегося к европейским дворам по поводу шедшей тогда коалиционной борьбы с Турцией, чтобы скрепить прежние или завязать новые дружественные отношения с западноевропейскими государствами. Но это была открытая цель посольства. Великие послы Лефорт, Головин и думный дьяк Возницын получили еще негласную инструкцию сыскать за границей на морскую службу капитанов добрых, «которые б сами в матросах бывали, а службою дошли чина, а не по иным причинам», таких же поручиков и кучу всевозможных мастеров, «которые делают на кораблях всякое дело».

Петр в Голландии и Англии. Сообразно со своими наклонностями Петр спешил ближе ознакомиться с Голландией и Англией, с теми странами Западной Европы, в которых особенно была развита военно-морская и промышленная техника. Опередив посольство с немногими спутниками, Петр с неделю работал простым плотником на частной верфи в местечке Саардаме среди кипучего голландского кораблестроительства, нанимая каморку у случайно встреченного им кузнеца, которого знал по Москве, между делом осматривал фабрики, заводы, лесопильни, суконовальни, навещая семьи голландских плотников, уехавших в Москву. Однако красная фризовая куртка и белые холщевые штаны голландского рабочего не укрыли Петра от досадливых разоблачений, и скоро ему не стало прохода в Саардаме от любопытных зевак, собиравшихся посмотреть на царя-плотника.

Медаль в память первой поездки Петра I за границу в 1697–1698 гг.

В Утрехте, куда он поехал на свидание с королем английским и штатгалтером голландским Вильгельмом Оранским, Витзен должен был провожать его всюду. Петр слушал лекции профессора анатомии Рюйша, присутствовал при операциях и, увидав в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, который улыбался, как живой, не утерпел и поцеловал его. В Лейдене он заглянул в анатомический театр доктора Боэргава, медицинского светила того времени, и, заметив, что некоторые из русской свиты высказывают отвращение к мертвому телу, заставил их зубами разрывать мускулы трупа. Петр постоянно в движении, осматривает всевозможные редкости и достопримечательности, фабрики, заводы, кунсткамеры, госпитали, воспитательные дома, военные и торговые суда, влезает на обсерваторию, принимает у себя или посещает иноземцев, ездит к корабельным мастерам. Поработав месяца четыре в Голландии, Петр узнал, «что подобало доброму плотнику знать», но, недовольный слабостью голландских мастеров в теории кораблестроения, в начале 1698 г. отправился в Англию для изучения процветавшей там корабельной архитектуры, радушно был встречен королем, подарившим ему свою лучшую новенькую яхту, в Лондоне побывал в Королевском обществе наук, где видел «всякие дивные вещи», и перебрался неподалеку на королевскую верфь в городок Дептфорд, чтобы довершить свои познания в кораблестроении и из простого плотника стать ученым мастером. Отсюда он ездил в Лондон, в Оксфорд, особенно часто в Вулич, где в лаборатории наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отведывал метания бомб». В Портсмуте он осматривал военные корабли, тщательно замечая число пушек и калибр их, вес ядер. У острова Байта для него дано было примерное морское сражение.

Возвращение. Но Петру было не до впечатления, оставляемого им в Западной Европе, когда он, наняв в Голландии до 900 человек всевозможных мастеров, от вице-адмирала до корабельного повара, и истратив на заграничную поездку не менее $2\,^1/_2$ миллионов рублей на наши деньги, в мае 1698 г. спешил в Вену, а оттуда в июле внезапно, отказавшись от поездки в Италию, поскакал в Москву по вестям о новом заговоре сестры и о стрелецком бунте. Можно представить себе, с каким запасом впечатлений, собранных за 15 месяцев заграничного пребывания, возвращался Петр домой. Попав в Западную Европу, он поспешил прежде всего забежать в мастерскую ее культуры и не хотел, по-видимому, идти никуда больше, по крайней мере, оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны европейской жизни. Возвращаясь в Россию, Петр должен был представлять себе Европу в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами. Тотчас по приезде в Москву он принялся за жестокий розыск нового стрелецкого мятежа, на много дней погрузился в раздражающие за-

Петр I усмиряет ожесточенных солдат своих при взятии Нарвы в 1704 году 1859. Художник Н. А. Зауервейд

нятия со своими старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой. Это воскресило в нем детские впечатления 1682 г. Ненавистный образ сестры с ее родственниками и друзьями, Милославскими и Шакловитыми, опять восстал в его нервном воображении со всеми ужасами, каких он привык ожидать с этой стороны. Недаром Петр был совершенно вне себя во время этого розыска и в пыточном застенке, как тогда рассказывали, не утерпев, сам рубил головы стрельцам. А затем Петр почти без передышки должен был приняться за другое, еще более тяжелое дело: через два года по возвращении из-за границы началась Северная война.

Торопливая и подвижная, лихорадочная деятельность, сама собой начавшаяся в ранней молодости, теперь продолжалась по необходимости и не прерывалась почти до конца жизни, до 50-летнего возраста. Северная война с ее тревогами, с поражениями в первое время и с победами потом, окончательно определила образ жизни Петра и сообщила направление, установила темп его преобразовательной деятельности. Он должен был жить изо дня в

день, поспевать за быстро несшимися мимо него событиями, спешить навстречу возникавшим ежедневно новым государственным нуждам и опасностям, не имея досуга перевести дух, одуматься, сообразить наперед план действий. И в Северной войне Петр выбрал себе роль, соответствовавшую привычным занятиям и вкусам, усвоенным с детства, впечатлениям и познаниям, вынесенным из-за границы. Это не была роль ни государя-правителя, ни боевого генерала-главнокомандующего.

Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную техническую часть войны: он оставался обычно позади своей армии, устроял ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли

Казни стрельцов в октябре 1698 г. Рисунок из дневника И. Х. де Гвариента. XVII в.

Петр I Великий. Художник Г. Неллер. Начало XVIII в.

и военные заводы, заготовлял амуницию, провиант и боевые снаряды, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера.

Петр Великий. Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их.

Петр был великан, без малого трех аршин ростом, целой головой выше любой толпы, среди которой ему приходилось когда-либо стоять. Христосуясь на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине. От природы он был силач;

Петр I. Художник В. Серов. 1907 г.

постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускульную силу и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету. В свое время я уже говорил о династической хилости мужского потомства патриарха Филарета. Первая жена царя Алексея не осилила этого недостатка фамилии. Зато Наталья Кирилловна оказала ему энергичный отпор. Петр уродился в мать и особенно походил на одного из ее братьев, Федора.

Петр был гостем у себя дома. Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом. Лет под 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет. В продолжение своего царствования он исколесил широкую Русь из конца в конец — от Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Многолетнее безустанное движение развило в нем подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений. Торопливость стала его привычкой. Он вечно и во всем спешил. Его обычная походка, особенно при понятном размере его шага, была такова, что спутник с трудом поспевал за ним вприпрыжку. Ему трудно было долго усидеть на месте: на продолжи-

тельных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность делала его в молодых летах большим охотником до танцев. Он был обычным и веселым гостем на домашних праздниках вельмож, купцов, мастеров, много и недурно танцевал, хотя не проходил методически курса танцевального искусства, а перенимал его «с одной практики» на вечерах у Лефорта.

Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представлявшемся к тому случае. С летами он приобрел необъятную массу технических познаний. Уже в первую заграничную его поездку немецкие принцессы из разговора с ним вывели заключение, что он в совершенстве знал до 14 ремесел.

Но выше всего ставил он мастерство корабельное. Никакое государственное дело не могло удержать его, когда представлялся случай поработать топором на верфи.

Фрегат «Святые апостолы Петр и Павел», в постройке которого участвовал Петр I. Художник А. Сторк. 1698 г.

Корабли времен Петра I. Худ. Е. Лансере

До поздних лет, бывая в Петербурге, он не пропускал дня, чтобы не завернуть часа на два в Адмиралтейство. И он достиг большого искусства в этом деле; современники считали его лучшим корабельным мастером в России.

В домашнем быту Петр до конца жизни оставался верен привычкам древнерусского человека, не любил просторных и высоких зал и за границей избегал пышных королевских дворцов.

В Петербурге Петр построил себе также небольшие дворцы, зимний и летний, с тесными комнатками: царь не может жить в большом доме, замечает этот иноземец. Бросив кремлевские хоромы, Петр вывел и натянутую пышность прежней придворной жизни московских царей. При нем во всей Европе разве только двор прусского короля-скряги Фридриха Вильгельма I мог поспорить в простоте с петербургским; недаром Петр сравнивал себя с этим королем и говорил, что они оба не любят мотовства и роскоши. При Петре не видно было во дворце ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни дорогой посуды. Обыкновенные расходы двора, поглощавшие прежде сотни тысяч рублей, при Петре не превышали 60 тысяч в год. Обычная прислуга царя состояла из 10–12 молодых дворян, большею частью незнатного происхождения, называвшихся денщи-

Летний дворец Петра I. Художник А. Мартынов

ками. Петр не любил ни ливрей, ни дорогого шитья на платьях. Впрочем, в последние годы Петра у второй его царицы был многочисленный и блестящий двор, устроенный на немецкий лад и не уступавший в пышности любому двору тогдашней Германии. Тяготясь сам царским блеском, Петр хотел окружить им свою вторую жену, может быть, для того, чтобы заставить окружающих забыть ее слишком простенькое происхождение.

Ту же простоту и непринужденность вносил Петр и в свои отношения к людям; в обращении с другими у него мешались привычки старорусского властного хозяина с замашками бесцеремонного мастерового. Придя в гости, он садился где ни попало, на первое свободное место; когда ему становилось жарко, он, не стесняясь, при всех скидал с себя кафтан. Когда его приглашали на свадьбу маршалом, т. е. распорядителем пира, он аккуратно и деловито исполнял свои обязанности; распорядившись угощением, он ставил в угол свой маршальский жезл и, обратившись к буфету, при всех брал жаркое с блюда прямо руками. Привычка обходиться за столом без ножа и вилки поразила и немецких принцесс за ужином в Коппенбурге. Петр вообще не отличался тонкостью в обращении, не имел деликатных манер. На заведенных им в Петербурге зимних ассамблеях, среди столичного

Подписание мирного договора в Ништадте. 30 августа 1721. Гравюра П. Шенка. 1721 г.

бомонда, поочередно съезжавшегося у того или другого сановника, царь запросто садился играть в шахматы с простыми матросами, вместе с ними пил пиво и из длинной голландской трубки тянул их махорку, не обращая внимания на танцевавших в этой или соседней зале дам.

Но добрый по природе как человек, Петр был груб как царь, не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других; среда, нам уже знакомая, в которой он вырос, и не могла воспитать в нем этого уважения. Природный ум, лета, приобретенное положение прикрывали потом эту прореху молодости; но порой она просвечивала и в поздние годы. Любимец Алексашка Меншиков в молодости не раз испытывал на своем продолговатом лице силу петровского кулака.

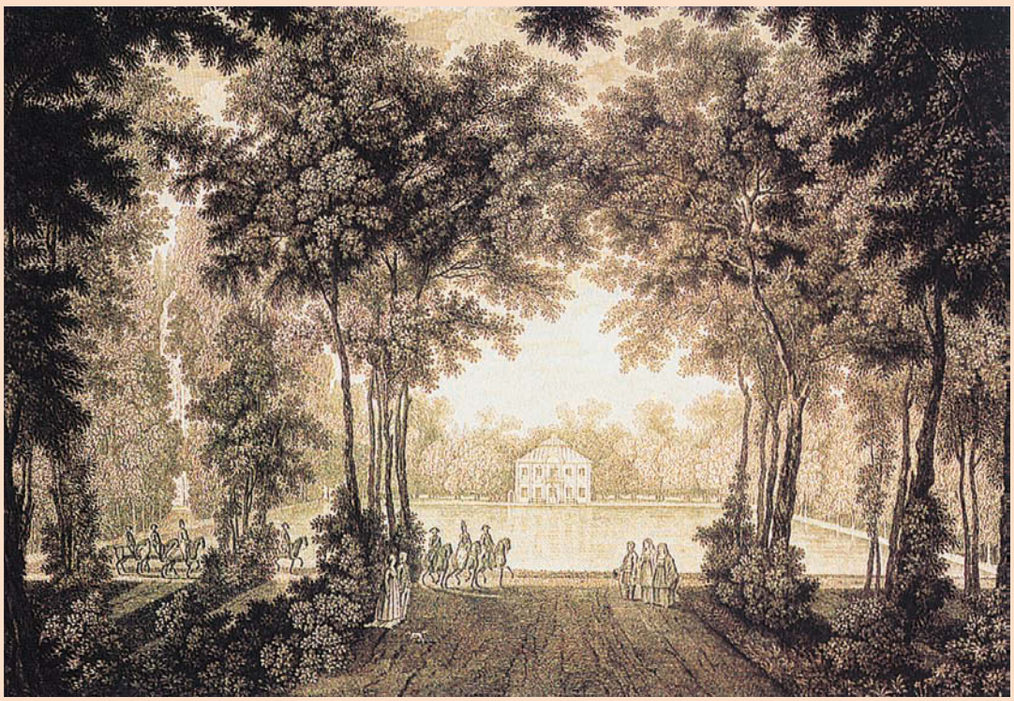
Заключение Ништадтского мира праздновалось семидневным маскарадом. Петр был вне себя от радости, что кончил бесконечную войну, и, забывая свои годы и недуги, пел песни, плясал по столам. Торжество совершалось в здании Сената. Среди пира Петр встал из-за стола и отправился на стоявшую у берега Невы яхту соснуть, приказав гостям дожидаться его возвращения. Обилие вина и шума на этом продолжительном торжестве не мешало гостям чувствовать скуку и тягость от обязательного веселья по наряду, даже со штрафом за уклонение (50 рублей, около 400 рублей на наши деньги). Тысяча масок ходила, толкалась, пила, плясала целую неделю; и все были рады-радешеньки, когда дотянули служебное веселье до указанного срока.

...(Петр. — *Ред.*) несомненно, был одарен здоровым чувством изящного, тратил много хлопот и денег, чтобы доставать хорошие картины и статуи в Германии и Италии: он положил основание художественной коллекции, которая теперь помещается в петербургском Эрмитаже. Он имел вкус особенно к архитектуре; об этом говорят увеселительные дворцы, которые он построил вокруг своей столицы и для которых выписывал за дорогую цену с Запада первоклассных мастеров, вроде, например, знаменитого в свое время Леблона, «прямой диковины», как называл его сам Петр, сманивший его у французского двора за громадное жалованье. Построенный этим архитектором петергофский дворец Монплезир, со своим кабинетом, украшенным превосходной резной работой, с видом на море и тенистыми садами, вызывал заслуженные похвалы от посещавших его иностранцев. Правда, незаметно, чтобы Петр был любителем классического стиля: он искал в искусстве лишь средства для поддержания легкого, бодрого расположения духа; упомянутый его петергофский дворец украшен был превосходными фламандскими картинами, изображавшими сельские и морские сцены, большею частью забавные.

Портрет Петра I. Художник Жан-Марк Натье. 1717 г.

Привыкнув жить кое-как, в черной работе, Петр, однако, сохранил уменье быть неравнодушным к иному ландшафту, особенно с участием моря, и бросал большие деньги на загородный дворец с искусственными террасами, каскадами, хитрыми фонтанами, цветниками и т. п. Он обладал сильным эстетическим чутьем; только оно развивалось у Петра несколько односторонне, сообразно с общим направлением его характера и образа жизни. Привычка вникать в подробности дела, работа над техническими деталями создала в нем геометрическую меткость взгляда, удивительный глазомер, чувство формы и симметрии; ему легко давались пластические искусства, нравились сложные планы построек; но он сам признавался, что не любит музыки, и с трудом переносил на балах игру оркестра.

Петр прожил свой век в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений, и потом развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку. Но он не был охотник до досужих общих соображений, во всяком деле ему легче давались подробности работы, чем ее общий план; он лучше соображал средства и цели, чем следствия; во всем он был больше делец, мастер, чем мыслитель. Такой склад его ума отразился и на его политическом и нравственном характере. Петр вырос



Дворец Марли в Нижнем саду Петергофа.
Гравюра С. Галактионова с картины С. Щедрина

в среде, совсем неблагоприятной для политического развития. То были семейство и придворное общество царя Алексея, полные вражды, мелких интересов и ничтожных людей. Придворные интриги и перевороты были первоначальной политической школой Петра. Злоба сестры выбросила его из царской обстановки и оторвала от сросшихся с ней политических понятий. Этот разрыв сам по себе не был большой потерей для Петра: политическое сознание кремлевских умов XVII в. представляло беспорядочный хлам, составившийся частью из унаследованных от прежней династии церемониальных ветошей и вотчинных привычек, частью из политических вымыслов и двусмыслиц, мешавших первым царям новой династии понять свое положение в государстве.

Несчастье Петра было в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не наполнялась. Мастеровой характер усвоенных с детства занятий, ручная черная работа мешали размышлению, отвлекали мысль от предметов, составляющих необходимый материал политического воспитания, и в Петре вырастал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек. Недостаток суждения и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза и заграничным наблюдателям 25-летнего Петра, и им казалось, что природа готовила в нем, скорее, хорошего плотника, чем великого государя.

Император Петр за работой.
Художник В. Худояров

Петр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петр знал людей, но не умел или не всегда хотел понимать их. Эти особенности его характера печально отразились на его семейных отношениях. Великий знаток и устроитель своего государства, Петр плохо знал один уголок его — свой собственный дом, свою семью, где он бывал гостем. Он не ужился с первой женой, имел

причины жаловаться на вторую и совсем не поладил с сыном, не уберег его от враждебных влияний, что привело к гибели царевича и подвергло опасности самое существование династии.

Начало Северной войны. Редкая война даже Россию заставала так врасплох, так плохо была обдумана и подготовлена, как *Северная*. За 5 месяцев до разрыва Петр приторговывал продажные пушки у шведов, с которыми собирался воевать. Двинутая под Нарву армия, численностью около 35 тысяч, состояла большею частью из новобранцев под командой плохих офицеров и иноземных генералов, не пользовавшихся доверием.

Стратегических путей не было; по грязным осенним дорогам не могли подвезти достаточно ни снарядов, ни продовольствия. Начали обстреливать крепость, но пушки оказывались негодными, да и те скоро перестали стрелять за недостатком пороха. Осаждающие, по словам очевидца, ходили около крепости, как кошки около горячей каши; мер против наступления Карла XII не приняли. В злую ноябрьскую вьюгу король подкрался к русскому лагерю, и шведская 8-тысячная бригада разнесла русский корпус. Однако победа ежеминутно была на волос от беды. Король пуще всего боялся, как бы дворянская и казачья конница Шереметева не ударила ему в тыл; но она, по словам Карла, была так любезна, что бросилась бежать вплавь через реку Нарову, потопив тысячу коней. Победитель так боялся своих побежденных, что за ночь поспешил навести новый мост вместо обрушившегося

Шведский король Карл XII. Художник Е. С. Хейфс. Начало XVIII в.

Шведский король Карл XII в битве под Нарвой 19 ноября 1700 г. Художник Г. В. Ругендас. XVIII в.

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 года. Художник А. Е. Коцебу. 1846 г.

под напором беглецов, чтобы помочь им скорее убраться на свою сторону реки. Петр уехал из лагеря накануне боя, чтобы не стеснять главнокомандующего, иноземца, и тот действительно не стеснился, первый отдался в плен и увлек за собой других иноземных командиров, испуганных озлоблением своей русской команды. В Европе ходила медаль с изображением, как Петр бежит из-под Нарвы, бросив шпагу, в валившейся с головы шапке, утирая платком слезы, и с евангельской подписью: *и исшед вон, плакася горько.* Уцелевшие от боя, от голода и холода во время бегства русские ратники, по выражению современника, приплелись в Новгород, «ограбленные шведами без остатка», без пушек, палаток и всего своего скарба. Позднее, спустя 24 года, уже прославленный император Петр, собираясь праздновать третью годовщину Ништадтского мира, имел мужество признаться в собственноручной программе торжества, что начал шведскую войну, как слепой, не ведая ни своего состояния, ни силы противника.

Ход войны. Около трети осадного корпуса, вся артиллерия и десятков восемь начальных людей, в том числе десять генералов, были потеряны. Шведский 18-летний мальчик выражал полное удовольствие, что так легко выручил Нарву, неприятельскую армию разбил и весь генералитет в полон взял. Через 8 месяцев он таким же неожиданным нападением выручил и Ригу, наголову разбив (на Западной Двине) собиравшиеся осаждать ее саксонские и русские войска. Но и Петр не унывал от неудач — по стойкости ли духа или по слабости чувства ответ-

Лицевая и оборотная сторона медали «На победу под Лесной». 1708 г.

ственности, — тотчас принялся укрепляться, пополнять войска усиленной вербовкой, конфисковал четвертую часть всех церковных и монастырских колоколов, чтобы отлить новую артиллерию.

Летом 1705 г. вспыхнул астраханский бунт, дальний отзвук стрелецких мятежей, отвлекший с театра войны целую дивизию. Не успели погасить его, как Карл XII, прохлаждавшийся под Варшавой, в январе 1706 г. вдруг

Гетман Мазепа

явился под Гродной, переморозив в быстром походе тысячи три из своего 24-тысячного корпуса, и перерезал сообщения сосредоточенных здесь главных сил Петра, числом свыше 35 тысяч. Это было еще более озорное движение Карла, чем под Нарву в 1700 г. В 1708 г., когда Карл, разделавшийся с Августом, стал один на один с Петром, повел из Гродны свою прекрасно устроенную 44-тысячную армию прямо на Москву, а 30 тысяч готовы были идти к нему на помощь из Лифляндии и Финляндии, у Петра в тылу запылал бунт башкирский, охвативший Заволжье казанское и уфимское, а вслед за ним на Дону бунт булавинский, вызванный сыском беглых и распространившийся до Тамбова и Азова. Эти мятежи страшно смутили Петра, вынудили его разделить свои силы, заставили, следя за врагом на западе, оглядываться назад, дали ему почувствовать, сколько народной злобы накопил он у себя за спиной. Но и Карл оставался верен своему правилу — выручать Петра в трудные минуты: это были два врага, влюбленные друг в друга. Когда король, пройдя литовские болота, в июле 1708 г. занял Могилев, Петру предстояло не допустить, чтобы Карл, истративший без толку весь 1707-й год, соединился со своим генералом Левенгауптом, везшим из Ливонии военные припасы и продовольствие Карлу, которому было нечего есть и нечем стрелять. Соединившись с Левенгауптом, Карл был бы непобедим. Но направлявшийся к Смоленску король круто повернул на юг в хлебообильную Малороссию, где его ждал бесполезный предатель Петра гетман Мазепа, и головой выдал Петру Левенгаупта, который 28 сентября был разбит при деревне Лесной на Соже 14 тысячами русских и потерял две трети своей 16-тысячной дивизии

со всем, что вез королю, в том числе и шведскую непобедимую самоуверенность.

Полтавская победа на Ворскле была одержана под Лесной на Соже: после сам Петр признавал Лесную матерью Полтавской баталии, случившейся ровно девять месяцев спустя. Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной.

Во всяком случае под Полтавой девятилетний камень свалился с плеч Петра: русское войско, им созданное, уничтожило шведскую армию, т. е. 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга. Петр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой обеденный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнес ему в киевском Софийском соборе префект духовной академии Феофан Прокопович. Но победа 27 июня не достигла своей цели, не ускорила мира, напротив, осложнила положение Петра и косвенно затянула войну.

Военные успехи русских подняли на ноги французскую дипломатию, которая вместе с Карлом вовлекла Петра в новую войну с Турцией. С излишним запасом надежд на турецких христиан, пустых обещаний со стороны господарей молдавского и валахского и со значительным количеством собственной полтавской самоуверенности, но без достаточного обоза и изучения обстоятельств, Петр летом 1711 г. пустился в знойную степь с целью не защитить Малороссию от турецкого нашествия, а разгромить Турецкую империю и на реке Прут получил еще

Петр I принимает капитуляцию шведской армии. Художник А. Кившенко

новый урок, будучи окружен впятеро сильнейшей турецкой армией, едва не был взят в плен и по договору с визирем отдал туркам все свои азовские крепости, потеряв все плоды своих 16-летних воронежских, донских и азовских усилий и жертв. Петр и на этот раз утешал себя и свое правительство надеждой, что неудача на юге укрепит другую сторону, северный фронт, несравненно более важный.

Все усилия теперь обратились к Балтийскому морю. Петр усердно помогал союзникам вытеснять шведов из Германии, в 1714 г. со своим подраставшим балтийским флотом разбил при Гангуте шведский флот, старого хозяина Балтийского моря, и в два года завоевал один всю Финляндию.

Но судьба еще раз посмеялась над Петром. По смерти Карла, застреленного в 1718 г. под норвежской крепостью Фридрихсгаллем, шведы помирились с союзниками Петра, который опять остался глаз на глаз со своим врагом и опять, как под Полтавой, одинокий, нанес ему решительный удар двукратной опустошительной высадкой в Швецию (1719 и 1720 гг.). Ништадтский мир 1721 г. положил запоздалый конец 21-летней войне,

РАТІФІКАЦІЯ

Ратификация Ништадтского мирного договора. 1721 г.

которую сам Петр называл своей «трехвременной школой», где ученики обыкновенно сидят по семи лет, а он, как туго понятливый школьник, засиделся целых три курса, все время цепляясь за союзников, страшась одиночества, и только враги-шведы открыли ему, что вся Северная война велась исключительно русской силой, а не силой союзников.

Ход и связь реформ. Теперь мы можем выяснить себе связь войны и реформы. При первом взгляде на преобразовательную деятельность Петра она представляется лишенной всякого плана и последовательности. Постепенно расширяясь, она захватила все части государственного строя, коснулась самых различных сторон народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась зараз, в одно время и во всем своем составе; к каждой реформа подступала по нескольку раз, в разное время касаясь ее по частям, по мере надобности, по требованию текущей минуты. Изучая тот или другой ряд преобразовательных мер, легко видеть, к чему они клонились, но трудно догадаться, почему они следовали именно в таком порядке. Видны цели реформы, но не всегда уловим ее план; чтобы уловить его, надобно изучать реформу в связи с ее обстановкой, т. е. с войной и ее разнообразными последствиями. Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной. Она поставила на первую очередь преобразование военных сил страны. Военная реформа повлекла за собой два ряда мер, из коих одни направлены были к поддержанию регулярного строя преобразованной армии и новосозданного флота, другие к обеспечению их содержания. Меры того и другого порядка или изменяли положение и взаимные отношения сословий, или усиливали напряжение и производительность народного труда как источника государственного дохода. Нововведения военные, социальные и экономические требовали от управления такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такие сложные и непривычные задачи, какие были ему не под силу при его прежнем строе и составе. Потому об руку с этими нововведениями и частью даже впереди их шла постепенная перестройка управления всей правительственной машины, как необходимое общее условие успешного проведения прочих реформ. Другим таким общим условием была подготовка дельцов и умов к реформе. Для успешного действия нового управления, как и других нововведений, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные к делу, обладающие нужными для того знаниями, необходимо было и общество, готовое поддерживать дело преобразования, понимающее его сущность и цели. Отсюда усиленные заботы Петра о распространении на-

учного знания, о заведении общеобразовательных и профессиональных, технических школ.

Военная реформа. *Военная реформа* была первоочередным преобразовательным делом Петра, наиболее продолжительным и самым тяжелым как для него самого, так и для народа. Она имеет очень важное значение в нашей истории; это не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое действие и на склад общества, и на дальнейший ход событий.

Формировка регулярной армии. После Нарвы началась неимоверная трата людей. Наскоро собираемые полки быстро таяли в боях, от голода, болезней, массовых побегов, ускоренных передвижений на огромных расстояниях — от Невы до Полтавы, от Азова и Астрахани до Риги, Калиша и Висмара, а между тем расширение театра военных действий требовало усиления численного состава армии. Для пополнения убыли и усиления армейского комплекта один за другим следовали частичные наборы охотников и даточных из всяких классов общества, из детей боярских, из посадских и дворовых, из стрелецких детей и даже из безместных детей духовенства; в продолжение одного 1703 г. забрано было до 30 тысяч человек.

Первый такой общий набор был произведен в 1705 г.; он повторялся ежегодно до конца 1709 г. и все по одной норме, по одному рекруту с 20 тяглых дворов, что должно было давать в каждый набор по 30 тысяч рекрутов и даже более. Усиленные наборы нужны были не только для увеличения комплекта, но и для по-

Петр I на Кронштадтском рейде принимает парад Балтийского флота с ботика. 11 августа 1723 г. Художник С. Пен

полнения убыли от побегов, болезней и страшной смертности в полках, из которых реформа устроила солдатские морильни, а также вследствие больших недоборов. Притом создана была новая вооруженная сила, незнакомая Древней Руси, — флот.

Балтийский флот. В 1703 г. Лодейнопольская верфь спустила 6 фрегатов: это была первая русская эскадра, появившаяся на Балтийском море. К концу царствования балтийский флот считал в своем составе 48 линейных кораблей и до 800 галер и других мелких судов с 28 тысячами экипажа. Для управления, комплектования, обучения, содержания и обмундировки всей этой регулярной армии был создан сложный военно-административный механизм с коллегиями Военной и Адмиралтейской, Артиллерийской канцелярией с генерал-фельдцейхмейстером во главе, с Провиантской канцелярией под начальством генерал-провиантмейстера, с главным комиссариатом под управлением генерал-кригскомиссара для приема рекрутов и их размещения по полкам, для раздачи войску жалованья и снабжения его оружием, мундиром и лошадьми; сюда надо прибавить еще

«За Полтавскую баталию» — наградная солдатская медаль за участие в Полтавском сражении. Серебро. 1709 г.

Портрет А. Д. Меншикова. 1716–1720 гг. Неизвестный художник.

Генеральный штаб во главе с генералитетом, который по табели 1712 г. состоял из двух генерал-фельдмаршалов, князя Меншикова и графа Шереметева, и из 31 генерала, в числе которых было 14 иностранцев. Войска получили указанный мундир. Если вам случится рассматривать иллюстрированные издания по военной истории России, остановите ваше внимание на петровском гвардейце в темно-зеленом кафтане немецкого покроя, в низенькой приплюснутой треуголке, вооруженного ружьем с привинченным к нему «багинетом», штыком.

Значение военной реформы. Военная реформа Петра осталась бы специальным фактом военной истории России, если бы не отпечатлелась слишком отчетливо и глубоко на социальном и нравственном складе всего русского общества, даже на ходе политических событий. Она выдвигала вперед

двойное дело, требовала изыскания средств для содержания преобразованных и дорогих вооруженных сил и особых мер для поддержания их регулярного строя. Рекрутские наборы, распространяя воинскую повинность на неслужилые классы, сообщая новой армии всесословный состав, изменяли установившиеся общественные соотношения. Дворянству, составлявшему главную массу прежнего войска, приходилось занять новое служебное положение, когда в ряды преобразованной армии стали его холопы и крепостные крестьяне, и не спутниками и слугами своих господ, а такими же рядовыми, какими начинали службу сами дворяне.

Положение дворянства. Поглощая в себе боярство и объединяясь, служилый люд «по отечеству» получил в законодательстве Петра одно общее название, притом двойное, польское и русское: его стали звать шляхетством или *дворянством*. Это сословие очень мало было подготовлено проводить какое-либо культурное влияние. Это было собственно военное сословие, считавшее своею обязанностью оборонять отечество от внешних врагов, но не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка. Но ему суждено было ходом истории стать ближайшим проводником реформы, хотя Петр выхватывал подходящих дельцов и из других классов без разбора, даже из холопов.

Столичное дворянство. Впрочем, верхний слой дворянства по своему положению в государстве и обществе усвоил себе привычки и понятия, которые могли пригодиться для нового дела. Этот класс сложился из служилых фамилий, постепенно оседавших при московском дворе, как только завелся в Москве княжеский двор, еще с удельных веков, когда с разных сторон начали стекаться сюда служилые люди из других русских княжеств и из-за границы, из татарских орд, из немцев и особенно из Литвы. С объединением Московской Руси эти первые ряды постепенно пополнялись новобранцами из провинциального дворянства, выдававшимися из среды своей рядовой братии заслугами, служебной исправностью, хозяйственной состоятельностью.

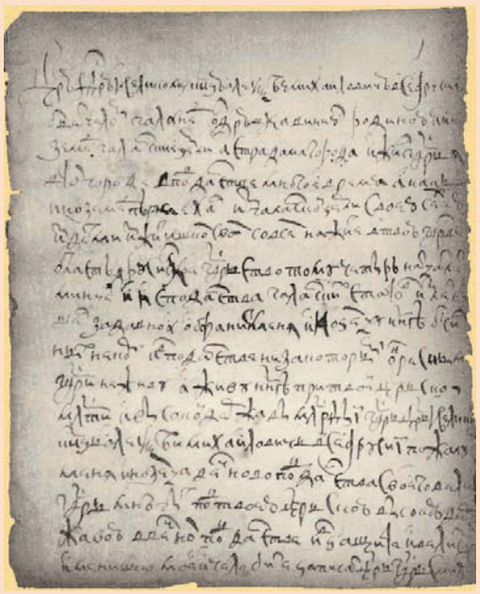
Жалованная грамота Петра I канцлеру Г. И. Головкину на вотчину. Титульный лист. 1711 г.

Войны царя Алексея особенно усилили приток провинциального дворянства в столичное. На этих столичных чинах лежали очень разнообразные служебные обязанности. Это

был собственно *двор* царя. При Петре в официальных актах они так и называются *царедворцами* в отличие от «шляхетства всякого звания», т. е. от городовых дворян и детей боярских. В мирное время столичное дворянство составляло свиту царя, исполняло различные придворные службы, ставило из своей среды персонал центрального и областного управления. В военное время из столичных дворян составлялся собственный полк царя, первый корпус армии; они же образовали штабы других армейских корпусов и служили командирами провинциальных дворянских батальонов. Словом, это был и административный класс, и Генеральный штаб, и гвардейский корпус. За свою тяжелую и дорогую службу столичное дворянство пользовалось сравнительно с провинциальным и возвышенными окладами денежного жалованья, и более крупными поместными дачами.

Москва конца XVII в.

Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в обращении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко по краткосрочным отпускам заглядывая в глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкало чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел, видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство. Эти качества и делали его более других классов сподручным проводником западного влияния. Это влияние должно было служить нуждам государства, и его нужно было проводить в не сочувствовавшее ему общество привыкшими распоряжаться руками. Когда в XVII в. начались у нас нововведения по западным образцам и для них понадобились пригодные люди, правительство ухватилось за столичное дворянство как за ближайшее свое орудие, из его среды брало офицеров, которых ставило рядом с иноземцами во главе полков иноземного строя, из него же набирало учеников в новые школы. Сравнительно более гибкое и послушное, столичное дворянство уже в тот век выставило и первых поборников западного влияния, подобных князю Хворостинину, Ордину-Нащокину, Ртищеву и др. Понятно, что при Петре этот класс должен был



Челобитная Андрея Виниуса царю Алексею Михайловичу о принятии его на русскую службу. Конец XVII в.

стать главным туземным орудием реформ. Начав устроять регулярную армию, Петр постепенно преобразовал столичное дворянство в гвардейские полки, и офицер гвардии, преображенец или семеновец, стал у него исполнителем самых разнообразных преобразовательных поручений: стольника, потом гвардии офицера назначали и за море, в Голландию, для изучения морского дела, и в Астрахань для надзора за солеварением, и в Св[ященный] Синод «обер-прокурором».

Троякое значение дворянства. Городовые служилые люди «по отечеству», или, как называет их Уложение, «исстаринные природные дети боярские», вместе со столичным дворянством имели в Московском государстве троякое значение: военное, административное и хозяйственное. Они составляли главную вооруженную силу страны; они же служили главным орудием правительства, которое из них набирало личный состав суда и управления; наконец, в их руках сосредоточивалась огромная масса основного капитала страны, земли, в XVII в. даже с крепостными землепашцами. Эта тройственность сообщала дворянской службе беспорядочное течение: каждое значение ослаблялось и портилось двумя другими. В промежутке между «службами», походами, городовые служилые люди распускались по усадьбам, а столичные или также уезжали в кратковременный отпуск в свои деревни, или, как и некоторые городовые, занимали должности по гражданскому управлению, получали административные и дипломатические поручения, бывали «у дел» и «в посылках», как тогда говорили.

Таким образом, гражданская служба была слита с военной, отправлялась военными же людьми.

Обязательное обучение. Указы 1714 г. вводили совершенно новый факт в историю русского просвещения, обязательное обучение мирян. Дело задумано было в крайне скромных размерах. На каждую губернию назначено было всего по два учителя из учеников математических школ, выучивших географию и геометрию. Цифирь, начальная геометрия и кой-какие сведения по Закону Божию, помещавшиеся в тогдашних букварях, — вот и весь состав начального обучения, признанный достаточным для целей службы; расширение его пошло бы в ущерб службе. Предписанную программу дети должны были пройти в возрасте от 10 до 15 лет, когда обязательно кончалось учение, потому что начиналась служба.

Обучение детей в школе. Гравюра из Брюсова календаря. 1709 г.

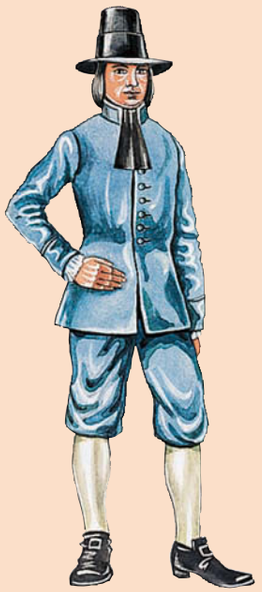
Порядок отбывания службы. С 15 лет дворянин должен был служить рядовым в полку. Молодежь знатных и богатых фамилий обыкновенно записывалась в гвардейские полки, победнее и худороднее — даже в армейские. По мысли Петра, дворянин — офицер регулярного полка; но для этого он непременно обязан прослужить несколько лет рядовым. Закон 26 февраля 1714 г. решительно запрещает производить в офицеры людей «из дворянских пород», которые не служили солдатами в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знают». И *Воинский устав* 1716 г. гласит: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». Этим объясняется дворянский состав гвардейских полков при Петре; их было три к концу царствования: к двум старым пехотным прибавлен был в 1719 г. драгунский «лейбрегимент», потом переформированный в конногвардейский полк. Эти полки служили военно-практической школой для высшего и среднего дворянства и рассадниками офицерства: прослужив рядовым в гвардии, дворянин переходил офицером в армейский пехотный или драгунский полк. В лейбрегименте, состоявшем исключительно из «шляхетских детей», числилось до 30 рядовых из князей; в Петербурге нередко можно было видеть на карауле с ружьем на плече какого-нибудь князя Голицына или Гагарина. Дворянин-гвардеец жил, как солдат, в полковой казарме, получал солдатский паек и исполнял все работы рядового.

Державин в своих записках рассказывает, как он, сын дворянина и полковника, поступив рядовым в Преображенский полк, уже при Петре III жил в казарме с рядовыми из простонародья и вместе с ними ходил на работы,

чистил каналы, ставился на караулы, возил провиант и бегал на посылках у офицеров. Так дворянство в военном строе Петра должно было образовать подготовленные кадры или офицерский командный запас через гвардию для всесословных армейских полков, а через Морскую академию — для флотского экипажа. Военная служба в продолжение бесконечной Северной войны сама собой стала постоянной, в точном смысле слова непрерывной. С наступлением мира дворян стали отпускать на побывку в деревни по очереди, обыкновенно раз в два года месяцев на шесть; отставку давали только за старостью или увечьем. Но и отставные не совсем пропадали для службы: их определяли в гарнизоны или к гражданским делам по местному управлению; только никуда не годных и недостаточных отставляли с некоторой пенсией из «госпитальных денег», особого налога на содержание военных госпиталей, или отсылали в монастыри на пропитание из монастырских доходов.

Разделение службы. Такова была нормальная военно-служебная карьера дворянина, как ее наметил Петр. Но дворянин был нужен всюду: и на военной, и на гражданской службе; между тем при более строгих условиях первой и вторая в новых судебных и административных учреждениях стала труднее, также требовала подготовки, специальных знаний. Соединять ту и другую стало невозможно; совместительство осталось привилегией гвардейских офицеров и высших генералов, которые долго и после Петра считались годными на все руки. Служба «гражданская», или «штатская», личным составом постепенно обособлялась от военной. Но выбор того или другого поприща не был пре-

Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка (1705–1720 гг.). Художник Д. Кардовский. Ок. 1909 г.



Матрос. 1711 г.

доставлен самому сословию: дворянство, разумеется, набросилось бы на гражданскую службу, как более легкую и доходную. Установлена была обязательная пропорция личного состава из дворянства на той и другой службе: инструкция 1722 г. герольдмейстеру, ведавшему дворянство, предписывала смотреть, «дабы в гражданстве более трети от каждой фамилии не было, чтоб служивых на землю и море не оскудить», не повредить комплектованию армии и флота.

В инструкции высказано и главное побуждение к разделению дворянской службы: это — мысль, что кроме невежества и произвола, прежде достаточных условий для исправного отправления гражданской должности, теперь требуются еще некоторые специальные познания. Ввиду скудости или почти отсутствия научного образования по предметам гражданским, а особенно экономическим, инструкция предписывает герольдмейстеру «учинить краткую школу» и в ней обучать «гражданству и экономии» указанную треть зачисленного на службу наличного состава знатных и средних дворянских фамилий.

СУМВОЛЫ И ЄМБЛЄМАТА
ОУКАЗОМЪ И БАГОПОВЄДЄНІИ
Єгѡ Осто҃ѧнѣйшаго Вєличєства, Высокодєржа҃вѣйшаго
И Прєсвѣтлѣйшаго
ІМПЄРАТѺРА
Московскаго, Вєликаго Гса ПГА. И Вєликаго

Портрет Петра I на титуле книги «Символы и эмблематика». Художник И. Мулдер. XVIII в.

Перемена в генеалогическом составе дворянства. Ведомственное разделение было техническим улучшением службы. Петр изменил и самые условия служебного движения, чем внес новый элемент в генеалогический состав дворянства. В Московском государстве служилые люди занимали положение на службе прежде всего «по отечеству», по степени знатности. Для каждой фамилии открыт был известный ряд служебных ступеней, или чинов, и служилый человек, взбираясь по этой лестнице, достигал доступной ему по его породе высоты... Петр... дал решительный перевес службе над породой. Он твердил дворянству, что служба — его главная обязанность, ради которой «оно благородно и от подлости (простонародья) отлично»; он указал объявить всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях, какой бы фамилии ни был, почесть и первое место давал каждому обер-офицеру. Этим широко растворялись двери в дворянство людям недворянского происхождения.

Значение изложенных перемен. Преобразование дворянского поместного ополчения в регулярную всесословную армию произвело троякую перемену в дворянской службе. Во-первых, разделились два прежде сливавшиеся ее вида, служба военная и гражданская. Во-вторых, та и другая осложнилась новой повинностью, обязательной

учебной подготовкой. Третья перемена была, может быть, самая важная для судьбы России как государства. Регулярная армия Петра утратила территориальный состав своих частей. Прежде не только гарнизоны, но и части дальних походов, отбывавшие «полковую службу», состояли из земляков, дворян одного уезда. Полки иноземного строя, набиравшиеся из разноуездного служилого люда, начали разрушение этого территориального состава.

Крепостное право и подушная перепись. Подушная перепись довершила жестокое упрощение общественного состава, произведенное распоряжениями Петра: все промежуточные слои были без внимания к действовавшему праву втиснуты в два основных сельских состояния — *государственных крестьян* и *крепостных людей,* причем в первое из этих состояний вошли однодворцы, черносошные крестьяне, татары, ясашные и сибирские пашенные служилые люди, копейщики, рейтары, драгуны и т. п. Область крепостного права значительно расширилась, но потерпело ли крепостное право какое-либо изменение в своем юридическом составе? Здесь совершился целый переворот, только отрицательного свойства: отмена холопства, как нетяглого состояния, не была упразднением неволи холопов, а только их

Сенат петровского времени. Художник Д. Кардовский. 1908 г.

переводом в государственное тягло, причем исчезли ограничения неволи, заключавшиеся в условиях холопства кабального и жилого; записка в подушную сказку землевладельца стала крепостью, заменившей служилую кабалу и жилую запись. Этот переворот, впрочем, подготовлялся на протяжении 70 лет до первой ревизии.

Очевидно, начинали подумывать о развязке крепостного узла. От последних лет царствования Петра дошло иноземное известие, что царю не раз советовали отменить рабство, пробудить и ободрить большинство своих подданных дарованием им умеренной свободы, но царь ввиду дикой натуры русских и того, что без принуждения их ни к чему не приведешь, до сих пор отвергал эти советы. Это не мешало ему замечать нелепости сложившегося порядка и в то же время косвенно их поддерживать. Уложение 1649 г. допустило случаи отчуждения крепостных крестьян, подобно холопам, без земли и даже в розницу, с разбивкой семейств. Исключительные случаи развились в обычай, в норму. Петра возмущала розничная торговля крепостными, как скотом, чего во всем свете не водится и от чего немалой вопль бывает. В 1721 г. он передал Сенату указ — «оную продажу людем пресечь, а ежели невозможно будет того вовсе пресечь, то бы хотя по нужде продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь». Но это был не закон к непременному исполнению, а только добродушный совет в руководство Сенату при составлении нового Уложения, как господа сенаторы «за благо рассудят». Самодержец, не знавший границ своей власти, чувствует себя бессильным перед мелким шляхетством, среди которого была в ходу розничная торговля крепостными. Однако незадолго до того Петр подтвердил свой указ, разрешавший холопам по своей воле вступать в солдаты и предписавший отдавать им жен с детьми ниже 12 лет, но с оставлением более возрастных в прежней неволе.

Народно-хозяйственное значение переписи. Из реформы Петра Россия выходила не более, но и не менее крепостной, чем была до нее. Древнерусское право, начав полным, *обельным* холопством Русской Правды, похожим на греко-римское рабство, потом выработало несколько смягченных условных видов неволи. В XVII в. простор, данный землевладельцам слабыми или сословно-своекорыстными правительствами новой династии, помогал господствующим классам, пользуясь народным оскудением, посредством хозяйственных сделок сглаживать стеснительные для них условия этих видов холопства и даже закрепостить большую часть вольного крестьянства. Законодательство Петра не пошло прямо против этих вредных для государства холоповладельческих стремлений, даже загнало в крепостную неволю целые разряды свободных лиц и уравняло все виды неволи близко к типу полного холопства. Так оно отбрасывало общество далеко назад, к знакомой на Руси исстари греко-римской норме: «Рабство неделимо; состояние рабов не допускает никаких различий; о рабе нельзя сказать, больше или меньше он раб». Но зато Петр положил податную таксу на право рабовладения, обложив всякую мужскую холопью душу государственным тяглом под ответственностью владельца. Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тяглецов, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысяч новых тяглецов, хотя и с большим ущербом для права и справедливости.

При всей видимой финансовой нерациональности своей подушное обложение, однако, в XVIII в. оказало благоприятное действие на сельское хозяйство. Старые прямые налоги, поземельный посошный и сменивший его подворный, в основе своей тоже поземельный, тяжестью своей вынуждали крестьян и землевладельцев сокращать тяглую пашню, наверстывая убыль земельного дохода разными ухищрениями в обход казенного интереса. Отсюда измельчание крестьянских участков, наблюдаемое в XVI и в XVII вв. Когда правительство новой династии с целью приостановить это сокращение запашки перешло от посошного обложения к подворному, землевладельцы и крестьяне, не расширяя пашни, начали сгущать дворы, скучивая в них возможно больше людей, или огораживали по три, по пяти, даже по десяти крестьянских дворов в один, оставляя для прохода одни ворота, а прочие забирали заборами. Сельское хозяйство не улучшалось, а казенные доходы убавлялись. С переложением налога на души, т. е. прямо на труд, на рабочие силы, должно было исчезнуть побуждение сокращать тяглую пашню; крестьянин платил все те же 70 копеек с души, пахал ли 2 или 4 десятины.

В истории русского сельского хозяйства XVIII в. находим указания на этот успех, достигнутый если не исключительно подушной податью, то не без ее участия. В самый момент введения подушной подати Посошков мечтал, как об идеале, чтобы полный крестьянский двор пахал не менее 6 десятин во всех трех полях: такой надел давал всего по 1 $^{1}/_{2}$ десятины на душу при обычном тогда четырехдушевом составе двора. В конце XVIII в. такие участки являются уже сравнительно мелкими: обыкновенно крестьяне пахали тогда гораздо более,

Жнецы.
Художник А. Венецианов. 1823 г.

по 10 десятин на двор и больше. Так в Древней Руси прямой налог, связанный с землей, отрывал крестьянский труд от земли; со времени Петра подушный налог, оторвавшись от земли, все крепче привязывал крестьянский труд к земле. Благодаря подушной подати, не ей одной, но во всяком случае и ей, Русская земля в XVIII в. распахалась, как не распахивалась никогда прежде. Таково значение подушной подати: не будучи переворотом в праве, она была важным поворотом в народном хозяйстве. Указы о подушной подати не предвидят такого ее действия, но, может быть, при всей тугости правового понимания Петру и на этот раз не изменило хозяйственное чутье; во всяком случае его выручила жизнь, умеющая целесообразно перерабатывать самые рискованные мероприятия законодателей.

Промышленность и торговля. Подушная перепись нашла для казны много новых податных плательщиков, увеличила количество тяглого труда. Меры, обращенные на промышленность и торговлю, имели целью подъем качества этого труда, усиление производительной работы народа. Это была область преобразовательной деятельности, после войска всего более заботившая преобразователя, наиболее сродная его уму и характеру и не менее военной обильная результатами. Здесь он обнаружил и удивительную ясность, и широту взгляда, и находчивую распорядительность, и неутомимую энергию и явился не только истым преемником московских царей, хозяев-вотчинников, умевших приобретать и копить, но и государственным деятелем, мастером-экономом, способным созидать новые средства и пускать их в народный оборот. Предшественники Петра оставили ему в этой области только помыслы и робкие начинания; Петр нашел план и средства для широкого развития дела.

Из наблюдений над порядками западноевропейской промышленности и из собственных соображений и опытов Петра вышел ряд мер, которые он прилагал к развитию русской промышленности. Вот краткий их перечень.

I. *Вызов иностранных мастеров и фабрикантов.* Вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу; в одном Амстердаме он нанял до тысячи разных мастеров и ремесленников. Одной из главных обязанностей русских резидентов при иностранных дворах также был набор иноземных мастеров на русскую службу. В 1702 г. по Германии распубликован был манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных

Большая государственная печать Петра I. Начало XVIII в.

капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного фабричного и ремесленного люда; иноземцы соблазнялись выгодными условиями, какие им предлагались, и точным исполнением данных обещаний со стороны русского правительства.

II. *Посылка русских людей за границу для обучения мастерствам.* В продолжение царствования Петра по всем главным промышленным городам Европы рассеяны были десятки русских учеников, за обучение которых Петр дорого платил иноземным мастерам. Как в военном деле русские матросы ездили учиться в Голландию, а оттуда плавали в Турцию, в обе Индии и в другие государства, по выражению князя Куракина, «по всему свету рассеяны были», так и в промышленной области русские люди по распоряжению правительства учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам, начиная с «филозофских и дохтурских наук» до печного мастерства и до искусства

обивать комнаты и убирать кровати. Особенно заботило Петра обучение мануфактурам. Срочнонаемные иноземные мастера, обязывавшиеся обучать русских, делали это неохотно и небрежно и, отжив сроки, уезжали, оставляя «учеников без совершенства их науки», возбуждая подозрение, не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине. Петр предписывал Мануфактур-коллегии посылать в чужие края склонных к мануфактурному обучению молодых людей, обещая им казенное содержание за границей и привилегии их фамилиям в меру их успехов.

III. *Законодательная пропаганда.* Государственное руководительство и церковное пастырство воспитали в древнерусском человеке две совести: публичную — для показа согражданам и приватную — для себя, для домашнего обихода. Первая требовала наблюдать честь и достоинство звания, в каком кому привелось состоять; вторая все разрешала и только требовала периодической покаянной очистки духовником хотя бы раз в год. Эта двойственность совести много затрудняла успехи промышленности в России.

Все время своего царствования он (Петр. — *Ред.*) проповедовал в России о достоинстве, «честности» и государственной пользе ремесленных и промышленных занятий, настойчиво провозглашал в своих указах, что такие занятия никого не бесчестят, что

Петр I в Архангельске, на бирже, между голландскими и английскими негоциантами. Художник Л. Спиряков

торги и ремесла столь же полезны для государства и почетны, как государственная служба и ученье.

Промышленное предприятие, обдуманно начатое и умело поведенное, Петр признавал государственной заслугой, потому что оно увеличивало количество полезного народного труда и давало хлеб голодным людям. Здесь фискальный инстинкт Петра углублялся до понимания коренных основ гражданского общежития. После, в философское царствование Екатерины II, Петру много досталось от опрятных и изящных людей вроде княгини Дашковой за то, что он тратил свой державный досуг на ремесленные и торгово-промышленные пустяки. Они были бы снисходительнее, если бы помнили, что Петру приходилось выписывать из-за границы мастеров, которые научили бы его подданных лесовиков делать метелки и коробки, и что русское духовенство в своих 700-летних заботах о спасении русских душ не завело школы дешевой, доступной для деревенского народа, и пристойной иконописи.

IV. *Промышленные компании, льготы, ссуды и субсидии.* Торгово-промышленные заботы Петра, имевшие целью, между прочим, отучить высшие классы гнушаться промышленным людом и делом, не были бесплодны. При нем люди знатные и сановные, корифеи бюрократии, являются промышленными предпринимателями, фабрикантами и заводчиками об руку с простыми купцами. Самым возбудительным средством для промышленной предприимчивости были льготы — казенные субсидии и ссуды; но при этом Петр хотел дать промышленности устройство, которое оправдывало бы эти правительственные заботы. Насмотревшись на приемы и обычаи западноевропейской промышленности, Петр старался и своих капиталистов приучить действовать по-европейски, соединять капиталы, смыкаться в компании.

Фабрика и завод при Петре являются преемниками древнерусского монастыря: подобно последнему они получают значение нравственно-исправительных учреждений. Целым рядом указов Петр предписывал «виновных баб и девок» отсылать на фабрики и заводы для исправления. Таким образом, на смену старого боярства теперь рядом с вельможами в табели о рангах становилась знать ткацкого станка и чугуноплавильной печи.

Увлечения, неудачи, успехи. В какой мере достиг Петр целей своей народно-хозяйственной политики — пробудить русскую промышленную предприимчивость, направить ее на разработку нетронутых богатств страны и освободить туземный рынок от гнета заграничного ввоза? Он верил в возможность всего этого, и патриотически настроенные современники разделяли его веру.

Русская предприимчивость не оправдала ожиданий преобразователя: приходилось указами предписывать капиталистам строить фабрики, составлять компании, назначать компанейщиков и их товарищей. Петр обыкновенно на казенный счет строил надобную новую фабрику или завод и потом на льготных условиях сдавал их, даже навязывал частным предпринимателям. Так в 1712 г. велено было завести казной суконные фабрики и отдать торговым людям, собрав компанию, «а буде волею не похотят, хотя в неволю, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласково им в том деле промышлять было». Так заведение фабрики или образование компании становились службой по

Образцы материй и клейма московских фабрик. XVIII в.

наряду, своего рода повинностью, а фабрика и компания получали характер государственного учреждения.

Петр оставил после себя 233 фабрики и завода по самым разнообразным отраслям промышленности. Больше всего заботили его производства, связанные с военным делом, полотняное, парусинное, суконное: в 1712 г. он предписал так поставить суконные фабрики, чтобы через пять лет можно было «не покупать мундиру заморского», но до конца жизни не достиг этого. Наиболее успешное развитие получило при нем горное дело. Горные заводы образовали при нем четыре крупных группы или округа: Тульский, Олонецкий, Уральский и Петербургский.

Затруднения. В 1710 г. Петр приказал сосчитать свои доходы и расходы. Оказалось, что по 3-летней сложности за 1705–1707 гг. средняя ежегодная сумма доходов с соляной прибылью не превышала 3330 тысяч рублей. Армия и флот поглощали до 3 миллионов; на все остальные расходы шло около 824 тысяч рублей. Ежегодный дефицит простирался до 500 тысяч рублей, составляя 13 % расходного бюджета. Недостаток дохода доселе восполнялся кой-как остатками прежних лет, какие на всякий случай прикапливала казна; но теперь они, по-видимому, истощились.

Наткнувшись на такой дефицит, Петр велел произвести новую перепись в твердой надежде на 30-летний прирост плательщиков и потерпел финансовое поражение, равнявшееся военному под Нарвой: в 1714 г. Сенат рассчитал, что перепись 1710 г. обнаружила убыль тяглого населения почти на четверть, хотя более внимательное изучение данных в книге г. Милюкова о государственном хозяйстве России при Петре смягчило этот

Копейка. 1704 г. Медь

испуганно-преувеличенный расчет тогдашней официальной статистики, свело убыль до $^1/_5$. Виновником такого запустения страны был сам Петр, изъявший из тяглого населения сотни тысяч здорового люда рекрутскими наборами, десятки тысяч рабочих нарядами на верфи, на каналы, на стройку новой столицы и десятки же тысяч куда-то бежавших от тяжести управления и налогов или утаенных от переписи благодаря неуменью найти добросовестных исполнителей. Петр понимал экономию народных сил по-своему: чем больше колоть овец, тем больше шерсти должно давать овечье стадо. Новая подворная перепись 1716 и 1717 гг. показала только дальнейшую убыль тяглого населения.

Монастырский приказ. Совершенно особым источником дохода послужили земельные богатства церкви. После Нарвы, перелив в пушки множество церковных колоколов, Петр указом 30 декабря 1701 г. отнял у монастырей распоряжение их вотчинными доходами за то или под тем предлогом, что нынешние монахи, вопреки примеру древних и своему обету, не питают нищих своими трудами, напротив, сами чужие труды поедают.

Сбором доходов с монастырских вотчин ведал Монастырский приказ, государственное судебно-административное учреждение по недуховным делам духовного ведомства, возникшее еще при царе Алексее в 1649 г.

Подушная подать. Коренной переворот потерпело при Петре прямое обложение. «Дворовое число» давно уже стало никуда не годным основанием обложения, а новая петровская канцелярия испортила его еще более.

В ноябре 1717 г., быв в Сенате, Петр сам написал указ, изложенный тем летучим стилем, который поддавался только опытному экзегетическому чутью сенаторов: «Распорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалованья, и провиант на крестьян, скольких душ или дворов один, что удобнее будет, солдат и драгун и офицер по рангам кроме генералитета, применялся к податям нынешним, ибо как сие положится, от прочих всех податей и работ свободны будут». Итак, все прямые налоги предполагалось заменить одним военным, подворным ли или подушным, все равно или еще не было решено; этот налог распределялся на крестьян по расчету стоимости содержания солдата, драгуна и офицера. Через несколько дней предпочтено было распределение по душам, «работным персонам», и Сенат, толкуя указ Петра, 26 ноября 1718 г. предписывал перечислить все сельское пахотное население мужского пола, всех, «не обходя от старого до самого последнего младенца».

Губернское деление 1708 г. Реформа начата была обычным кратким и неясным указом Петра 18 декабря 1707 г. расписать города к Киеву, Смоленску

и другим намеченным губернским центрам. В следующем году бояре в Ближней канцелярии после многих перекроек распределили 341 город на 8 новых крупных округов: то были губернии *Московская, Ингерманландская* (потом названная С.-Петербургской), *Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская.* Но уже в 1711 г. группа городов Азовской губернии, приписанная к корабельным делам в Воронеже, является со званием губернии *Воронежской,* так что губерний вышло 9, ровно столько, сколько намечено было местных разрядов при царе Федоре. Но этим численным сходством да еще, пожалуй, административной конструкцией, точнее, общей идеей крупного военно-административного округа и ограничилась связь губернского деления с прежним разрядным. Территориальными своими очертаниями губернии не совпадали ни с этими разрядами, ни с округами московских областных приказов: в иной губернии совмещалось по нескольку таких округов, а иной округ разрывался между несколькими губерниями.

Управление губернией. Губернская реформа клала поверх местного управления довольно густой новый административный пласт. По штатам 1715 г. при губернаторе состояли вице-губернатор как его помощник или управитель части губернии, ландрихтер для дел судебных, обер-провиантмейстер и провиантмейстеры для сбора хлебных доходов и разные комиссары. Но и власть губернатора не была единоличная: попытка в лице воеводских товарищей привлечь дворянское общество к участию в местном управлении, не удавшаяся в уезде, теперь была повторена на более широком пространстве.

Петр I. Гравюра Я. Хурбакена с портрета работы К. Мора. 1718 г.

Неудача губернской реформы. В губернской реформе законодательство Петра не обнаружило ни медленно обдуманной мысли, ни быстрой созидательной сметки. Цель реформы была исключительно фискальная. Губернские учреждения получили отталкивающий характер пресса для выжимания денег из плательщиков; всего меньше думали о благосостоянии населения. Но нужды казны росли, и губернаторы не поспевали за ними.

Малая удача нового порядка заставила его (Петра. — *Ред.*) думать о повороте назад, к центру, чтобы вполне оправдать басню о музыкантах.

Учреждение Сената. Собираясь в турецкий поход, Петр издал коротенький указ 22 февраля 1711 г., который гласил: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат для управления».

Ларец с государственными печатями Петра I

Одним указом 2 марта 1711 г. Петр на время своего отсутствия возлагал на Сенат высший надзор за судом и расходами, заботу об умножении доходов и ряд особых поручений о наборе молодых дворян и боярских людей в офицерский запас, об осмотре казенных товаров, о векселях и торговле, а другим указом определял власть и ответственность Сената: все лица и учреждения обязаны повиноваться ему, как самому государю, под страхом смертной казни за ослушание; никто не может заявлять даже о несправедливых распоряжениях Сената до возвращения государя, которому он и отдает отчет в своих действиях.

Но временная комиссия, какою является Сенат в 1711 г., постепенно превращается в постоянное верховное учреждение, как временная штаб-квартира на Неве превратилась в столицу империи, как урядник Преображенского полка «Александра» Меншиков стал герцогом Ижорским, «сувреном в своем владетельстве», по выражению князя Куракина.

Происхождение и значение Сената. Происхождение, точнее, такое превращение Сената тесно связано с губернской реформой 1708 г. Эта реформа опустошила или расстроила центральное приказное управление: одни приказы, как Сибирский и Казанский, она упразднила, переместив их ведомства в соответственные губернии, другие превратила из общегосударственных в учреждения Московской губернии. К числу последних принадлежала и московская ратуша, ставшая теперь просто московской городской управой.

...Двумя условиями созданы были потребности управления, вызвавшие учреждение Сената как временной комиссии, а потом упрочившие его существование и определившие его ведомство, состав и значение: это — расстройство старой Боярской думы и постоянные отлучки царя. Первое условие, исчезновение центрального правительства, рождало необходимость высшего правительственного учреждения с *постоянным* составом и определенным ведомством, сосредоточенным исключительно на указанных ему делах. Из второго условия вытекали распорядительный и наблюдательный характер учреждения без совещательного значения и законодательного авторитета и строгая отчетность в пользовании чрезвычайными временными полномочиями.

Фискалы. Важнейшая задача Сената, наиболее выяснившаяся у Петра при его учреждении, состояла в высшем распоряжении и надзоре за всем управлением. Ближняя канцелярия примкнула к сенатской для бюджетного счетоводства. Одним из первых актов правительственного оборудования Сената было устройство органа активного контроля. Указом 5 марта 1711 г. Сенату предписано было выбрать обер-фискала, человека умного и доброго, какого бы звания он ни был, который должен над всеми

делами *тайно* надсматривать и проведывать про неправый суд, «тако ж в сборе казны и прочаго». Обер-фискал действовал посредством раскинутой по всем областям и ведомствам сети подчиненных ему фискалов.

Но скоро новоучрежденный Синод, оставив ложную стыдливость и ссылаясь на тот же Духовный регламент, ввел и в свое ведомство не «аки бы», а настоящих духовных фискалов по образцу светских, только дал им другое, взятое из католической терминологии и более внятное духовному слуху звание *инквизиторов* и предписал вербовать на эту должность «чистосовестных» людей, разумеется из монашеского чина.

Признавая чин фискала тяжелым и ненавидимым и принимая его под свою особую защиту, Петр хотел создать ему опору и в общественных нравах. Ряд всенародно объявленных указов, ополчаясь против грабительства и всякого лукавого посягательства на государственный интерес, призывал всякого чина людей, «от первых даже и до земледельцев», без опасения приезжать и доносить самому царю о грабителях народа и повредителях интересов государственных; время для таких доношений — с октября по март; правдивый доноситель «за такую службу» получит движимое и недвижимое, даже чин преступника.

Коллегия. Сенат, как высший блюститель правосудия и государственной экономии, располагал с самого начала своей деятельности неудовлетворительными подчиненными органами.

Познакомившись со шведскими коллегиями, которые тогда считались образцовыми в Европе, Петр в 1715 г. решил взять их за образец при устройстве своих центральных учреждений.

Наконец, к 1718 г. составили план коллежского устройства, установили должностной состав каждой коллегии, назначили президентов и вице-президентов, и всем коллегиям было предписано сочинить себе на основании шведского устава регламенты, а пункты шведского устава, неудобные «или с сетуацией сего государства несходные, заменить новыми по своему рассуждению».

Первоначально установлено было 9 коллегий, которые указ 12 декабря 1718 г. перечисляет в таком порядке и с такими названиями: 1) *Чужестранных дел,* 2) *Камор,* ведомство государственных денежных доходов, 3) *Юстиции,* 4) *Ревизион,* «счет всех государственных приходов и расходов», т. е. ведомство финансового контроля, 5) *Воинской* (коллегиум), ведомство сухопутных военных сил, 6) *Адмиралтейской,* ведомство морских сил, 7) *Коммерц,* ведомство торговли, 8) *Берг* и *Мануфактур,* ведомство горнозаводской и фабричной промышленности, и 9) *Штатс-контор,* ведомство государственных расходов. Из этого перечня прежде всего видно, какие государственные интересы, как первенствующие, требовали себе по тогдашним понятиям усиленного проведения в управлении: из девяти коллегий пять ведали государственное и народное хозяйство, финансы и промышленность. Коллегии вносили в управление два начала, отличавшие их от старых приказов; более систематическое и сосредоточенное разделение ведомств и совещательный порядок ведения дел.

Преобразование Сената. Коллежская реформа произвела большие перемены наверху и внизу управления, прежде всего в положении Сената.

Иногда Петр как бы сам становился в ряды сенаторов, предлагая свою

мысль на их обсуждение. Ему крайне нужно было провести обводный Ладожский канал, но он затруднялся решить, как это сделать, и в 1718 г. писал Сенату: «Я свое мнение прилагаю при сем и вам в рассуждение отдаю; но так ли, или инако, однако, конечно надобно». Вопрос решен был Сенатом «инако», не совсем согласно с мнением Петра, как видно из последовавшего вскоре указа. Так Сенат, оставаясь высшим местом подчиненного управления, как распорядительная и надзирающая власть, действующая в силу данного закона, становился участником верховного управления, как законосовещательное учреждение.

Не сразу удалось Петру установить состав Сената, и допущенные при этом колебания он откровенно признал своими ошибками. При учреждении коллегий он указал их президентам сидеть в Сенате; Сенат получал вид комитета министров. Трудно сказать, с какой стороны внушен был этот указ. Так бывало в Швеции; так предлагал и один прожектер из иноземцев. Но присутствие начальников приказов было обычно и в старой Боярской думе, а сменившая ее министерская консилия нередко только из них и составлялась. Опять создавалось перекрестное отношение, на этот раз замеченное Петром: президенты коллегий, как сенаторы, становились начальниками своих коллежских товарищей, а как главы учреждений, ответственных перед Сенатом, были

Здание Государственных коллегий в Петербурге

подчинены самим себе как сенаторам. Притом президенты-сенаторы не были в состоянии справляться и с сенатскими, и с коллежскими делами. В 1722 г. президентов указано оставить в Сенате, а на их места выбрать других; «сие сначала не осмотря учинено, что ныне исправить надлежит», — прибавлял указ, поясняя, что дело сенаторов непрестанно трудиться о распорядке государства и правом суде и смотреть над коллегиями, «яко свободные от них, а ныне сами будучие во оных, как могут сами себя судить?» Только президенты трех важнейших коллегий, Иностранной и обеих воинских, призывались в Сенат в особых случаях. Но и в этой перемене сенатского состава опять колебание: Петру приходилось бороться с недостатком «заобычных» людей, годных быть сенаторами, и четыре месяца спустя коллежским президентам велено было «для малолюдства» сидеть в Сенате равно с другими, только двумя днями в неделю реже.

Сенат и генерал-прокурор. Сенат облечен был весьма обширными полномочиями. Указом призванный непрестанно трудиться «о распорядке государства», об устройстве правления, дотоле «не распоряженного», не упорядоченного, он в общей перестройке управления сверху донизу, предпринятой Петром в последние годы, являлся руководителем, пользовался чуть не учредительным значением, насколько это было возможно при носителе власти, подобном Петру, распределял права, создавал юридические нормы, в силу повеления «денег как возможно сбирать» вводил новые налоги, разрабатывал мимолетные указы царя, должен был угадывать еще не сформировавшуюся мысль законодателя. Без согласия Сената нельзя было ничего начинать, тем менее вершить.

Я. В. Брюс — сенатор с 1717 г.

В 1715 г. при Сенате была учреждена должность *генерального ревизора,* или *надзирателя указов,* на которую назначен был сын известного нам генерал-президента Ближней канцелярии и штатного обер-шута Никиты Зотова, человек образованный, учившийся за границей. Генеральный ревизор по указу сидел за особым столиком «в той же избе, где Сенат сидит», записывал сенатские указы, следил за своевременным исполнением их и объявлял о неисправных чиновниках Сенату, обязанному немедленно штрафовать виновных, а неисполненное дело «довершивать», в противном случае доносил на сенаторов государю.

Изменяя своей привычке импровизировать закон, разработка которого

П. П. Шафиров — сенатор, вице-президент Коллегии Иностранных дел с 1717 г.

предоставлялась Сенату, Петр сам много работал над этим учреждением без содействия Сената, против которого оно и было направлено, читал проекты, соображал свои прежние указы о надзоре за Сенатом — словом, изучал дело; инструкцию генерал-прокурору он несколько раз переделывал даже после ее утверждения, и плодом этих усилий явился указ 27 апреля 1722 г. о должности генерал-прокурора. Здесь повторено многое из прежних узаконений; но есть и важные новости. Во-первых, определяется существо новой должности: «Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных». Значит, это — представитель верховной власти и государства перед Сенатом. Во-вторых, генерал-прокурор становился прямым начальником сенатской канцелярии, и Сенат оставался без рук и без ног, с одними песочными часами да с правом просить суточной отсрочки «для мысли». Все дела, которых не могли решить коллегии по недоумению или недостатку компетенции, также донесения губернаторов и воевод о делах, не подлежавших ведению коллегий, поступали в Сенат через руки генерал-прокурора; ему же были подчинены фискалы — главное орудие сенатского надзора.

Новые перемены в местном управлении. Обновление центральных учреждений вело к новой перестройке и областных. Этого требовало единство управления. Перестроив центр по шведским образцам, надобно было согласовать с ним и провинцию.

Сенат занялся росписью нового областного деления. Проводник и истолкователь шведской системы Фик принимал руководительное участие в работе и настаивал на необходимости согласовать размеры административных округов и количество дел с силами управителей, как это наблюдалось в шведском областном устройстве.

Местные судебные учреждения. Мимоходом отмечу еще одну особенность губернской реформы 1719 г., любопытную больше как признак преобразовательных понятий, чем как факт государственного устройства: в губернском управлении являются особые судебные учреждения, прежде небывалые.

Указом 8 января 1719 г. предписано учредить 9 гофгерихтов, *надворных судов,* как переведен этот термин в других документах; к этим девяти присоединились еще надворные суды — енисейский и рижский.

Но Петр едва ли понимал суды в смысле особых независимых органов государственного управления, свободных от всякого стороннего давления. Скорее всего, он не успел отре-

шиться от древнерусского взгляда на суд как на отрасль той же администрации; да и в старой приказной системе было несколько специально судных местных приказов, которые при Петре слились в одну общегосударственную Юстиц-коллегию. Подобно тому и в губернской реформе 1719 г. имелось в виду не отделение суда от администрации, а возможное разветвление администрации по роду дел.

Центр и провинция. Петр не только разграничил центральное и областное управление, но и пытался построить то и другое на различных основах. К этому приводил его довольно своеобразный социальный состав правительственных учреждений в Московском государстве.

Петр поставил управлению на первом плане двоякую цель: 1) устройство военных сил и финансовых средств государства, 2) устройство народного хозяйства, подъем производительности народного труда как необходимое средство успешного достижения военно-финансовой цели. Очевидно, это две существенно различные задачи: первая — основное дело государства; вторая ближе касается общества.

По свойству обеих задач Петр и перестраивал старое, московское управление, которое он называл «нераспоряженным». Не устраняя двойственного основания, на котором оно было построено, Петр хотел разъединить составные элементы этого сословно-бюрократического основания, указав тому и другому элементу место в особой сфере управления, одной дать бюрократический характер, в другую ввести сословный элемент.

Проведение и обеспечение общегосударственных интересов, устройство военных сил и финансовых средств он возложил на центральное управление. Эта задача требовала от административных органов соответственных знаний, навыков, известной технической подготовки, независимо от социального положения, какое дается происхождением. Так центральное управление получило бюрократический состав: здесь не видим ни участия общества, ни сословного подбора дельцов. На высших правительственных должностях при Петре встречаем и родовитого боярина, и его бывшего дворецкого, и дворян разных генеалогических степеней, и «счастья баловня безродного», и бывшего подьячего, и много разных иноземцев.

А. А. Матвеев — сенатор, президент Юстиц-коллегии с 1717 г.

Ближайшее руководство народным хозяйством Петр считал делом областного управления под общим надзором центральных учреждений. Преобладающее значение в народном хозяйстве имели два класса: землевладельческое

А. И. Репнин — генерал-губернатор Лифляндии с 1719 г., президент Военной коллегии в 1724–1725 гг.

дворянство и высшее гильдейское купечество; в их руках сосредоточивались оба основных капитала страны, земельный и промышленный, на которых держалось народное хозяйство, работой которых питалось хозяйство государственное.

Возложив заботу о высших интересах государства на центральное управление с его дельцами-чиновниками, Петр для обеспечения интересов вспомогательных, сводившихся при нем к успехам народного хозяйства, пытался призвать оба эти класса к влиятельному участию в местном управлении, сообщив ему сословно-аристократический характер. Дворянин в селе и губернии и гильдейский гражданин в городе — вот две общественные силы, которые, стоя во главе местных обществ, должны были руководить народным трудом об руку с местными органами центрального управления.

Значит, реформа управления носила не столько политический, сколько технический характер: не вводя новых начал, новый порядок приводил старые в новое сочетание под заимствованными формами по указаниям иноземных знатоков, разложив слитые прежде элементы управления между разными его сферами. Так новое здание управления строилось из старых материалов, — прием, наблюдаемый и в других отраслях преобразовательной деятельности Петра.

Новое управление на деле. Новые учреждения были не по тогдашним плечам, требовали подготовленных и дисциплинированных дельцов, каких не нашлось в наличном служилом запасе. Петр вводил эти учреждения, как расчетливая мать шьет своим маленьким детям платье шире и длиннее их роста: подрастут — и будет впору. Но чиновные подростки Петра, все эти тайные, действительные, коллежские советники и асессоры, начали рвать свое платье прежде, чем вросли в его предупредительные размеры. Практика новых учреждений, вскрываемая из архивных бумаг их делопроизводства, не оправдывала расчетов учредителя. Прежде всего, трудно было найти людей для замещения многочисленных новых должностей.

В поисках надобных людей Петр цеплялся за все наличные средства, то пренебрегая сословными предрассудками, то им покорствуя, предписывал набирать офицеров из грамотных хо-

Дворец А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге

лопов, а секретарей в канцелярии из шляхетства. Дворянских недорослей определяли «юнкерами» в коллегии для навыка в делах.

В Сенате шли ожесточенные раздоры и разыгрывались непристойные сцены.

Сенаторские совещания порой превращались в брань; один другого называл вором. Или собрались сановники у генерал-прокурора праздновать взятие Дербента в 1722 г. Обер-прокурор Сената, успевший уже дважды подраться с прокурором Юстиц-коллегии, едва не подрался с подканцлером, и потом оба, донося друг на друга царю и царице, извинялись — один тем, что был зело шумен (пьян), а другой тем, что был еще шумнее.

При таких нравах Сенату трудно было стать строгим блюстителем правды, и князь Меншиков раз всему присутствию сенаторов заявил, что они занимаются пустяками и пренебрегают государственными интересами. Меншиков окружил себя шайкой чиновных хищников, обогащавшихся и обогащавших своего патрона на счет казны.

Однажды Петр, выведенный из себя проделками любимца, сказал ходатайствовавшей за него Екатерине: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, быть ему без головы». Состояние Меншикова исчисляли десятками миллионов рублей на наши деньги.

Привычные суждения о ней (реформе. — Ред.). Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания.

В продолжение почти двухсот лет у нас много писали и еще больше говорили о деятельности Петра. Сказать о ней что-нибудь считалось необходимым всякий раз, когда речь переходила от отдельных фактов нашей истории к общей их связи.

Всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра.

Портрет Петра I. Поль Деларош. 1838 г.

С. М. Соловьев — русский историк

Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке Петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней.

Реформа Петра становилась центральным пунктом нашей истории, совмещавшим в себе итоги прошлого и задатки будущего. С этой точки зрения по упрощенной систематизации вся наша история делилась на два периода: на Русь древнюю, допетровскую, и Русь новую, петровскую и послепетровскую.

Суждение Соловьева. Так реформа Петра стала камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия. Видим, что по мере того, как одни обвинения за другими висли на этой реформе, шла двойная работа, усиленная идеализация допетровской Руси и разработка культа или искание таинственного народного духа. Обе работы шли легко, без излишнего ученого груза; остроумные догадки принимались за исторические факты, досужие мечты выдавались за народные идеалы.

Научный вопрос о значении реформы Петра превращался в шумный журнальный и салонный спор о древней и новой России, об их взаимном отношении; смежные исторические периоды становились непримиримыми житейскими началами, историческая перспектива заменялась философско-историческими построениями двух противоположных культурных миров — России и Европы. Под такими впечатлениями начиналось научное изучение реформы и складывался взгляд на реформу у Соловьева, первого русского историка, который изобразил ее ход документально, в связи с общим движением нашей истории.

Вот главные черты этого взгляда. Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом под руководством Петра; история ни одного народа не представляет такого великого, многостороннего, даже всестороннего преобразования, сопровождавшегося столь великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории. Во внутренней жизни народа положены были новые начала политического и гражданского порядка. В политическом порядке пробуждена самодеятельность общества введением в управление коллегиального устройства, выборного начала и городского самоуправления, а введением присяги не только государю, но и государству впервые дано народу понятие о настоящем значении государства.

Лицевая и оборотная сторона медали в память основания Петербурга. 1703 г.

В частной гражданской жизни приняты меры к ограждению личности: она освобождена от оков родового союза исключительным вниманием Петра к личной заслуге, подушной податью, запрещением браков по принуждению родителей или господ, выводом женщины из терема.

Всемирно-исторические следствия реформы были: 1) вывод посредством цивилизации народа, слабого, бедного, почти неизвестного, на историческую сцену со значением сильного деятеля в общей политической жизни народов, 2) соединение обеих дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы через своего представителя, через русский народ.

Происхождение и ход реформы. Петр Великий и его реформа — наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой.

Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит

Гангутское сражение 1714 г. Гравюра. XVIII в.

править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию.

Даже из первой заграничной поездки он вез в Москву не преобразовательные планы, а культурные впечатления с мечтой все виденное за границей завести у себя дома и с мыслью о море, т. е. о войне со Швецией, отнявшей море у его деда. Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни, когда деятельность его уже достаточно себя показала, у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности.

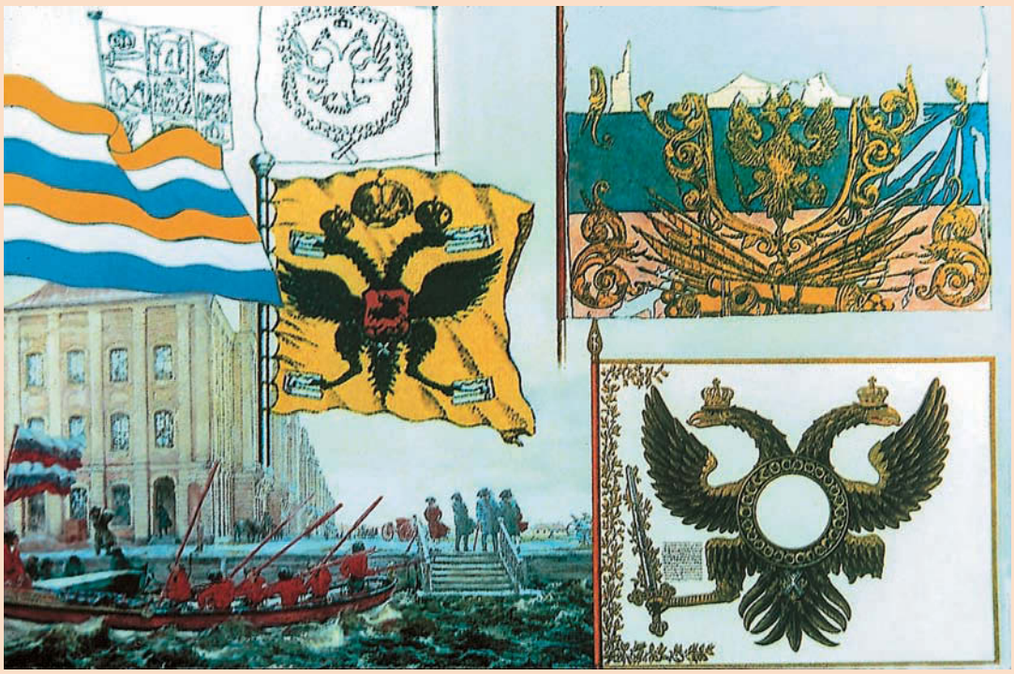
В жизни государств внешние войны и внутренние реформы обыкновенно не совмещаются, как условия, взаимно противодействующие. Обычно война — тормоз реформы, требующей мира.

В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой. В последнем случае правительство избегало внешних столкновений до того, что роняло международное значение государства. Так успехи внутренней политической жизни приобретались ценою внешних несчастий.

Петр I попал в иное соотношение внешних столкновений с внутренней работой государства над собой, над самоустроением. При нем война является обстановкой реформы, даже более — имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью, вызвала и направляла ее. Колыбель реформы в другие времена, война при Петре стала ее школой, как и называл ее сам Петр. Но и при нем сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормозом реформы, а реформа затягивала войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу. В таком замкнутом кольце противоречий пришлось Петру вести свое дело.

Отношение Петра к старой Руси. Петру достались от Древней Руси своеобразно сложившаяся верховная власть и не менее своеобразный общественный склад. Верховная власть при воцарении новой династии была признана со стороны земли наследственной, но, утратив вотчинный характер прежней династии, осталась без определенного юридического облика, не имела нормированного объема, а фактически то суживалась, то расширялась, смотря по обстоятельствам и характеру своих носителей.

Алмазная шапка Петра I



Флаги времени Петра

Петр унаследовал эту власть в ее полном фактическом объеме и даже расширил ее, освободившись с учреждением Сената от последних призраков боярских притязаний, связанных с Боярской думой, а с отменой патриаршества — от опасности никоновского скандала и от стеснительного, чопорного почтения ко вселенскому титулу всероссийского патриарха. Но Петру принадлежит важная заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение. До него в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом. Петр разделил эти понятия, узаконив присягать раздельно государю и государству. Настойчиво твердя в своих указах о государственном интересе как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное отношение к государству как к верховному носителю права и блюстителю общего блага. На свою деятельность он смотрел как на службу государству, отечеству; словно чиновник, пишет он о своей победе над шведами при Добром: «Я как *почал служить,* такого огня и порядочного действия наших солдат не слыхал и не видал». Самые эти выражения: *государственный интерес, добро общее, польза всенародная* — едва ли не впервые являются в нашем законодательстве при Петре. Но историческое предание действует, как инстинкт, бессознательно, и Петр испытал на себе его силу.

Портрет Петра I во время его визита в Англию. Художник У. Фейсорн

Его отношение к Западной Европе. Как относился Петр к Западной Европе? Предшественники поставили Петру, между прочим, и такую задачу — «все делать с примеру сторонних чужих земель», именно земель западноевропейских.

В этой задаче было много уныния, отчаяния в национальных силах, самоотречения. Как понял ее Петр? Как он смотрел на отношение России к Западной Европе, видел ли он в последней всегдашний образец для первой, или западноевропейский мир имел для него лишь значение учителя, с которым расстаются по окончании выучки? Самой тяжкой потерей, понесенной Московским государством в XVII в., Петр считал утрату земель прибалтийских, которая лишила Россию общения с просвещенными народами Запада.

Но для чего нужно было это общение? Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой.

Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство.

...Сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью. Чего же хотел он добиться этим средством? В ответ на этот вопрос надобно припомнить, за чем посылал Петр десятки русской молодежи за границу и каких иноземцев выписывал из-за границы. Посланные обучались математике, естествознанию, кораблестроению, мореплаванию; выписывали офицеров, кораблестроителей, мореходов, фабричных и других мастеров, горных инженеров, а потом правоведов и камералистов, знающих науку управления, особенно финансового. С помощью тех и других Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России.

У России не было регулярной армии — он сформировал ее; не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли — он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая — после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание — заведены были в столицах морская академия, школы навигацкая и медицинская, учили-

ща артиллерийское и инженерное, школы латинские и математические и до полусотни начальных цифирных школ в губернских и провинциальных городах да столько же гарнизонных для солдатских детей; казны недоставало на покрытие государственных расходов — Петр увеличил доходный бюджет в три с лишком раза; недоставало рационально устроенной администрации, способной вести все эти сложные новые дела, — специалисты-иноземцы помогли учредить новое центральное управление. Это не все, что сделал Петр, но это именно то, что хотел он сделать с помощью Западной Европы. Техника военная, народнохозяйственная, финансовая, административная и техническое знание — вот обширная область, в которой работать и учить русских работе призывал Петр западного европейца. Он хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом — техническим знанием. Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII в., о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность вести усиленные государственные тягости, — эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей истории.

Корабль петровского времени. Неизвестный художник. XVIII в.

Приемы и реформы. Итак, Петр взял из старой Руси государственные *силы,* верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства* для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Где же тут, спросите вы, коренной переворот, обновивший или исказивший русскую жизнь сверху донизу, давший ей не только новые формы, но и новые начала, благотворные или зловредные — все равно? Однако таково было впечатление современников реформы, передавших его и ближайшему потомству. Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом, если можно так выразиться.

Результаты реформы были обращены более к будущему, смысл ее далеко не всем был понятен; но ее приемы чувствовались современниками прежде всего, производили непосредственное впечатление, и с ним приходилось считаться Петру. Эти приемы вырабатывались при участии личного характера Петра, под влиянием обстановки, в какой шла его преобразовательная деятельность, и под влиянием отношения, в какое эта обстановка ставила его к быту, понятиям и обычаям народа. Обстановка реформы создана была внешней войной и

внутренней борьбой. Служа главной движущей пружиной реформы, война оказала самое неблагоприятное действие на ее ход и успехи. Реформа шла среди растерянной суматохи, какой обычно сопровождается война. Нужды и затруднения, какие она вызывала на каждом шагу, заставляли Петра спешить. Война сообщила реформе нервозный, лихорадочный пульс, болезненно-ускоренный ход.

...Реформа шла среди глухой и упорной внутренней борьбы, не раз шумно прорывавшейся: четыре страшных мятежа и три-четыре заговора — все выступали против нововведений, строились во имя старины, ее понятий и предрассудков. Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине, к народному быту, тенденциозное гонение некоторых наружных его особенностей, выражавших эти понятия и предрассудки.

Гренадер пехотного полка с 1700 по 1732 г. Литография середины XIX в.

Такое отношение установилось у Петра под прямым влиянием политического воспитания, какое он получил. Политические понятия и чувства его выросли среди смут, порожденных борьбой двух направлений, на какие разделилось русское общество в XVII в.: приверженцы новшеств, искавшие помощи и уроков на Западе, столкнулись с политическими и церковными староверами. Эти последние в борьбе выставляли знаменем некоторые наружные особенности, отличавшие древнерусского человека от западного европейца, — бороду, покрой платья и т. п. Сами по себе эти внешности, разумеется, не мешали реформе; но очень мешали ей чувства и убеждения, ими прикрывавшиеся: это были признаки оппозиции, символы протеста.

Став на сторону нововведений, Петр горячо ополчился против этих мелочей, которыми прикрывались дорогие для русского человека предания старины. Впечатления детства побуждали Петра придавать преувеличенное значение этим предметам. Он привык видеть эти признаки на государственных мятежниках, стрельцах и старообрядцах; древнерусская борода была для него не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем. Притом он хотел обрить и одеть своих подданных по-иноземному, чтобы облегчить им сближение с иноземцами. В 1698 г.,

воротившись в Москву из-за границы по вестям о новом стрелецком мятеже, он тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и ферезей у своих приближенных, ввел парики.

Трудно вообразить, какой законодательный и полицейский шум и гам поднялся из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон.

Духовенство и крестьян не трогали: они сохранили сословную привилегию оставаться православными и старомодными. Другим классам в январе 1700 г. возвещен с барабанным боем на площадях и улицах указ к масленице, не позже, надеть платье — кафтаны венгерские. В 1701 г. новый указ: мужчинам надеть верхнее платье саксонское и французское, а исподнее, камзолы, штаны, также сапоги, башмаки и шапки — немецкие; женщинам — шапки, кунтуши, юбки и башмаки тоже немецкие. У городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами. Раскольникам-бородачам предписан особый костюм, и даже их женам, природой избавленным от подбородного налога, велено в наказание за мужнины бороды носить длинные опашки и шапки с рогами. Купцам за торг русским платьем — кнут, конфискация и каторга.

Все это было бы смешно, если бы не было безобразно. Впервые русское законодательство, изменяя своему серьезному тону, низошло до столь низменных предметов, вмешалось в ведомство парикмахера и портного. Сколько раздражения потрачено было

Польский кафтан Петра I. Художник Ф. Солнцев

Одежда бояр при Петре I. Художник Ф. Солнцев

на эти прихоти и сколько вражды, значит, помехи делу реформы породили в обществе эти законодательные ненужности! Подобными мелкими, но многочисленными помехами объясняется бросающаяся в глаза наблюдателю несоразмерность достигнутых Петром во внутреннем устройстве государства успехов со стоимостью их достижения, с потраченными на них жертвами.

Ход реформы вызывает удивление, с каким трудом доставались Петру даже скромные успехи.

Выводы. Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве.

Петр I. Художник А. Толяндер

С этими свойствами, согретыми чувством долга и решимостью «живота своего не жалеть для отечества», Петр стал во главе народа, из всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ нашел в себе силы построить к концу XVI в. большое государство, одно из самых больших в Европе, но в XVII в. стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств поддержать свою восьмивековую постройку.

Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством.

Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к пере-

Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе. Художник Н. Ге. 1871 г.

стройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью.

Впечатление смерти Петра. Очевидцы, свои и чужие, описывают проявления скорби, даже ужаса, вызванные вестью о смерти Петра. В Москве в соборе и по всем церквам, по донесению высокочиновного наблюдателя, за панихидой «такой учинился вой, крик, вопль слезный, что нельзя женщинам больше того выть и горестно плакать, и воистину такого ужаса народного от рождения моего я николи не видал и не слыхал». Конечно, здесь была своя

доля стереотипных, церемониальных слез: так хоронили любого из московских царей. Но понятна и непритворная скорбь, замеченная даже иноземцами в войске и во всем народе.

Все почувствовали, что упала сильная рука, как-никак, но поддерживавшая порядок, а вокруг себя видели так мало прочных опор порядка, что поневоле шевелился тревожный вопрос: что-то будет дальше? Под собой, в народной массе реформа имела ненадежную, зыбкую почву.

Отношение народа к Петру. Реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной массе тем, что была обращена к народу только двумя самыми тяжелыми своими сторонами: 1) она довела принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и 2) представлялась народу непонятной ломкой вековечных обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных привычек и верований. Этими двумя сторонами реформа и возбудила к себе несочувственное и подозрительное отношение народной массы.

Под влиянием этих двух впечатлений и складывалось народное отношение к Петру и его реформе. Народ по-своему взглянул на деятельность Петра. Из этого взгляда постепенно развились две легенды о Петре, в которых всего резче выразилось отношение народа к реформе, которыми даже в значительной степени определились ее ход и результаты: одна легенда гласила, что Петр — самозванец, а другая, что он — антихрист.

Сказание о царе-самозванце. Петр впервые спустился с заоблачной высоты, на которой скрывались его

Кончина Петра Великого. 1725 г. Гравюра Б. Чорикова. XIX в.

предшественники, вошел в непосредственное соприкосновение с народом, стал перед ним, каким был, перестал быть для народа политическим мифом, каким представлялись ему прежние цари.

Но какой это был странный царь! Он предстал перед народом с таким непривычным обликом, с такими небывалыми манерами и принадлежностями, не в короне и не в порфире, а с топором в руках и трубкой в зубах, работал, как матрос, одевался и курил, как немец, пил водку, как солдат, ругался и дрался, как гвардейский офицер. При виде такого необычного царя, совсем непохожего на прежних благочестивых московских государей, народ невольно задавал себе вопрос: да подлинный ли это царь?

«Этому хоровому всесословному протесту сам Петр помог перейти от вопроса о его загадочной личности к ответу, поддержал полет народной фантазии. Царь вел странный образ жизни и делал странные дела: переказнил стрельцов, сестру и жену запер в монастырь, сам все возился и пьянствовал в Преображенском с иноземцами, после нарвского поражения колокола стал снимать с церквей и переливать в пушки. Монах грозил: вседе это даром не пройдет, не добром кончится все это. Отсюда и извлекли ответ на поставленный вопрос.

На вопрос является ответ тоже в виде вопроса: да русский ли он? Он сын немки, говорили одни. Да Лаферта, подсказывали другие. Так и додумались до сказания о самозванстве Петра: царица родила девочку, которую подменили немчонком.

В ответ на этот вопрос уже к 1704 г. сложилась такая сказка. Как государь с ближними людьми был за морем, ходил он по немецким землям и пришел в Стекольное царство (Стокгольм),

Петр I. Миниатюра на крышке табакерки. XVIII в.

а то Стекольное царство в немецкой земле держит девица, и та девица над государем надругалась, ставила его на горячую сковороду да, сняв его с тое сковороды, велела бросить в темницу. И как та девица была именинница, стали ей говорить ее князья и бояре: пожалуй, государыня, ради такого дня выпусти его, государя. Она им сказала: подите посмотрите, коли он еще жив валяется, я его для вас выпущу. Те, посмотря, сказали ей: томен, государыня. Ну, коли томен, так вы его выньте. И они, его вынув, отпустили. Пришел он к нашим боярам, а они, перекрестясь, сделали бочку, набили в нее гвоздья да в тое бочку хотели его, государя, положить. Уведал про то стрелец и, прибежав к государю, сказал: царь-государь, изволь встать и выйти, ничего ты не ведаешь, что над тобою чинится. И он, государь, встал и вышел, а стрелец лег на его место. Пришли бояре да того стрельца, с постели схватя, положили в тое бочку и

Петр I. Народная картинка. 1873 г.

бросили в море. Легенда в первое время не договаривала до конца, не знала, что сталось дальше с государем. Но потом к сказанию прицепили и конец, стали говорить в народе: это не наш государь, это немчин; наш государь в немцах в бочку закован да в море пущен.

Вскоре по смерти Петра эта сказка изменилась: Петра считали погибшим при жизни и воскресили по смерти. Новая редакция гласила, что царствовавший государь был немчин, а настоящий царь освободился из немецкого плена, именно освободил его обманом русский купец, бывший в Стекольном царстве. Рассказчик добавлял: «И как это государь до сей поры не объявится в своем государстве?»

Сказание о царе-антихристе. В конце 1699 г. последовала новость, еще более тревожная, чем немецкое платье или табак: изменен был русский православный календарь, велено вести летосчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира и новый год праздновать не 1 сентября, по-церковному, а 1 января, как делалось у неправославных. Это новшество уж прямо вторгалось в церковный порядок. Люди, и без того встревоженные латинобоязнью никоновского времени, теперь еще сильнее встрепенулись на защиту старой веры.

Но особенно широкое распространение получила легенда на олонецком и заонежском Севере, в краю, наиболее тронутом расколом, куда бежало от гонений множество подвижников древнего благочестия еще при царе Алексее.

На глухом поморском Севере, наполненном лесами, все известия, приходившие из Центральной Руси, отражались в искривленном виде: напутанная фантазия превращала их в

Петр I. Художник Г. С. Мусицкий. 1719 г.

чудовищные призраки. В одном погосте Олонецкого уезда раз священник и дьячок, вышедшие из церкви после литургии, разговорились о том, что делается на белом свете. Дьячок сказал: вот ныне велят летопись (летосчисление) вести от рождения Христова и платье носить венгерское. Священник прибавил: и я слыхал в волости, что у Великого поста неделя будет убавлена, а после фоминой учнут в середы и пятки весь год молоко есть. Имея в виду последнее средство спасения поморцев, самосожжение, дьячок сказал: как пришлют эти указы к нам в погост и будут люди по лесам жить и гореть, и я пойду с ними в леса жить и гореть. Священник прибавил: возьми и меня с собой; знать, житье ныне к концу приходит. Дело относится к 1704 г.

В том же году ладожский стрелец, возвращаясь домой из Новгорода, повстречался с неведомым старцем, который завел с ним такую беседу: ныне службы частые; какое ныне христианство! Ныне вера все по-новому: вот у меня есть книги старые, а ныне эти книги жгут. Когда зашла речь про государя, старец продолжал: какой он нам, христианам, государь! Он не государь, а латыш, поста не соблюда-

Петр I. Художник А. Таннауэр. XVIII в.

ет; он льстец (обманщик), антихрист, рожден от нечистой девицы; что он головой запрометывает и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый дух ломает; он и стрельцов переказнил за то, что они его еретичество знали, а стрельцы прямые христиане были, не бусурмане; вот солдаты — так те все бусурмане, поста не соблюдают; ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях (париках) и бороду бреют. Стрелец по долгу службы заступился за государя и заметил, что Петр — царь, от царского племени. Но старец возразил: у него мать нешто царица? Она еретица была, все девок родила. Старец был поморский подвижник древнего благочестия, спасавшийся в лесах. На вопрос стрельца, откуда он, старец отвечал: я из Заонежья, из лесов; ко мне летом и дороги нет, а есть только зимой, и то на лыжах. В этом рассказе живо вскрывается настроение умов в северном Поморье.

В 1708 г. ту же легенду встречаем и на юге, в Белгородском уезде (Курской губернии). Два священника разговорились, и один сказал: бог знает, что у нас в царстве стало: вся наша Украина от податей пропала; такие подати стали — уму непостижные, а вот теперь и до нашей братии священников дошло, начали брать с бань, с изб, с пчел, чего отцы и прадеды не слыхивали; никак в нашем царстве государя нет? Этот священник в церковном молитвословии вычитал сведение, что антихрист родится от недоброй связи, от жены скверной и девицы мнимой, от колена Данова. Он и задумался над тем, что это за колено Даново и где это родится антихрист, уж не на Руси ли.

Однажды пришел к нему отставной прапорщик Белгородского полка Аника Акимыч Попов, человек убогий, промышлявший грамотным промыслом, учивший ребят грамоте. Священник и сообщил ему свое недоумение насчет антихриста: «В миру у нас ныне тяжело стало, а в книгах писано, что скоро родится антихрист от племени Данова». Аника Акимыч подумал и ответил: «Антихрист уже есть; у нас в царстве не государь царствует, а антихрист; знай себе: Даново племя — это царское племя, а ведь государь родился не от первой жены, от второй; так и стало, что он родился от недоброй связи, потому что законная жена бывает только первая». Так и пошло сказание о царе-антихристе.

Значение обоих сказаний для реформы. Оба эти сказания, разумеется, ставили народ в самое неблагоприятное отношение к реформе и много вредили ее успеху. Народное внимание было обращено не на те образовательные интересы, которым старался удовлет-

Петр I. Художник Г. С. Мусицкий. 1723 г.

ворить преобразователь, а на те противоцерковные и противонародные замыслы, какие чудились суеверной мысли в его деятельности.

При таком отуманенном настроении реформа представлялась народу чем-то чрезвычайно тяжелым, темным. Немногие в народе, видавшие царя на работе, могли оказать лишь слабое противодействие темным толкам и пересудам. До нас дошли и такие сказания, которые показывают, какое чарующее впечатление преобразователь мог производить на массу своей личностью, своей работой.

Один крестьянин Олонецкого края, передавая сказания о Петре, о том, как он бывал на Севере, как он работал, заключил свой рассказ словами: вот царь так царь! Даром хлеба не ел, пуще мужика работал.

Но такое впечатление досталось в удел только немногим из народа, кто мог наблюдать Петра в его настоящем рабочем виде или кто способен был под оболочкой жестокой власти почуять внутреннюю нравственную силу, которою приводилась в движение эта видимо беспорядочная и порой опрометчивая деятельность. Один из прибыльщиков (Иван Филиппов) в записке, поданной самому Петру, обронил меткий о нем отзыв, которому может позавидовать историк, — назвал его «многомысленной и беспокойной главой», умеющей понимать того, кто ищет «правды, а народу оборону».

Но фантазия народного множества, которому кнут и монах очертили дозволенные пределы мышления, нарядила Петра в самые постылые образы, какие нашлись в хламе ее представлений. Эти легенды питали и нравственно освящали порожденное государственными тягостями и немецкими новшествами общее недовольство всех сословий, о котором говорят свои и чужие наблюдатели, что оно к концу царствования достигло крайнего предела. Однако открытого восстания не ждали за недостатком вождя и в расчете на рабскую покорность народа.

Боевые мятежные силы, какие были налицо, израсходовались на прежние бунты — стрелецкие, астраханский, булавинский. Разоруженную тяжбу с властью народ перенес теперь в высший суд мирской совести.

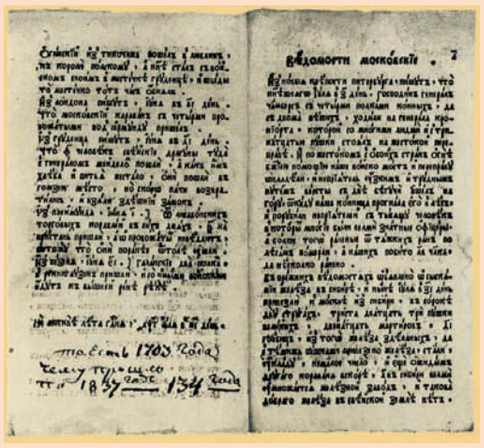
Вскоре по смерти Петра стрельцы-раскольники рассказывали: когда государь преставлялся, он сам про себя

Карта Московии времён Петра 1 (1717 г.)

говорил: еще бы мне жить было, да мир меня проклял. О великих трудах и замыслах Петра на пользу народа в ходячих народных толках не было и помину. Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой.

Газета. Петр заботился завести и домашние образовательные средства. Для этого надобно было прежде всего вывести русского человека из его национального одиночества, продвинуть его кругозор за пределы его отечества. Средствами для этого Петр почитал газету и театр.

По его указу с января 1703 г. стало выходить в Москве периодическое издание *Ведомости*. Через 2–3 дня, иногда позднее, по приходе заграничной почты выходил нумер Ведомостей в один или несколько листков, размером в осьмушку, напечатанный подслеповатым церковным шрифтом и излагавший «грамотки», корреспонденции привезенных иностранных газет из разных городов Европы.

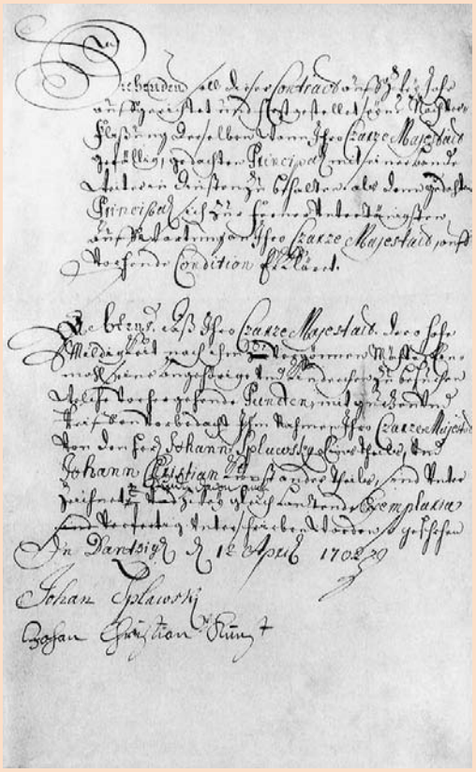


«Ведомости» — первая русская газета. 1703 г.

В № 1, который правлен самим царем, было сообщено, между прочим, что «повелением его величества московские школы (академия) умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили, в математической штурманской (навигацкой) школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют»; в Москве ноября с 24 по 24 декабря (1702 г.) родилось мужеска и женска полу 386 человек, а «из Олонца пишут», что тамошний поп Иван Окулов набрал с тысячу человек охотников, перешел шведский рубеж, побил 50 человек шведской конницы да 400 пехоты, сжег до тысячи дворов и добычу отдал своим «солдатам», а «из попова войска» только ранено 2 солдата.

Театр. Царь Алексей пытался устроить придворный театр в Москве с помощью выписной иноземной труппы. Не решаюсь сказать, сколь сильное действие оказала эта попытка на художественный вкус избранного общества, приезд ко двору имевшего.

Но в Москве были и свои питомники сценического вкуса, способные служить национальной опорой этому завозному развлечению. Князь Б. Куракин пишет, что у знатных людей его времени дворовые их холопы на святках играли «всякие гистории смешные». В Московской академии ставились мистерии; играли их «государственные младенцы», как прозывались в афишах студенты академии, вызывавшиеся или командированные на роли в этих спектаклях; прозвище объясняется присутствием сыновей московской служилой знати в тогдашнем составе академического студенчества. В тревожные первые годы шведской войны, едва оправившись от Нарвы, Петр хлопотал об устройстве публичного театра в Мо-



Договор комедианта И. Сплавского с комедиантом Куншто м из Гданьска о приезде его в Россию для заведения в Москве Комедиального двора. 1702 г.

скве. В 1702 г. выписана была за 5 тысяч ефимков в год, тысяч за 20 рублей на нынешние деньги, странствующая немецкая труппа актеров под управлением некоего Куншта, актера и драматурга; в состав труппы входили и немецкие «студиозусы». На Красной площади построили для публики, для «охотных смотрельщиков», общедоступный театр, «комедиальную хоромину», или «комедиальный анбар», где два раза в неделю давались представления.

Переводчики Посольского приказа переводили на русский язык пьесы Куншто ва репертуара, в числе которых на московской сцене шли: *Сципий Африканский,* комедия о *Дон-Педре и Дон-Яне* (Дон-Жуан), о *Баязете и Тамерлане* и даже *Доктор принужденный* Мольера.

В пьесы вводился и музыкальный элемент из «поючих действ», т. е. из опер в форме арий, и элемент комический в лице неизбежного Гансвурста, балаганного шута, героя немецкой народной сцены, имя которого московские приказные переводчики передали словами *Заячье сало*.

Верный правилу не просто пользоваться иноземными мастерами, но и водворять в России их мастерства, Петр обязал Куншта обучать русских «комедиантским наукам с добрым радением и со всяким откровением», для чего наряженные в это мастерство подьячие из разных приказов должны были ходить в Немецкую слободу, где жил Куншт.

Школы. Одним из самых сильных впечатлений, вынесенных Петром из первой заграничной поездки, если не сильнейшим, кажется, было чувство удивления: как там много учатся и как споро работают, и работают споро именно потому, что много учатся! Под этим впечатлением у него, повидимому, складывался план завести в России нечто похожее на университет или политехникум.

Вскоре по возвращении в беседе с патриархом он выразил недовольство Московской академией, где мало кто учится и нет надлежащего надзора. Он хотел иметь школу, из которой бы «во всякие потребы люди происходили, в церковную службу и в гражданскую, воинствовати, знати строение и докторское врачевское искусство» и которая избавила бы отцов, желающих обучить своих детей «свободным на-

Азбука скорописная, составленная для обучения дьяков и подьячих. Москва, начало XVIII в.

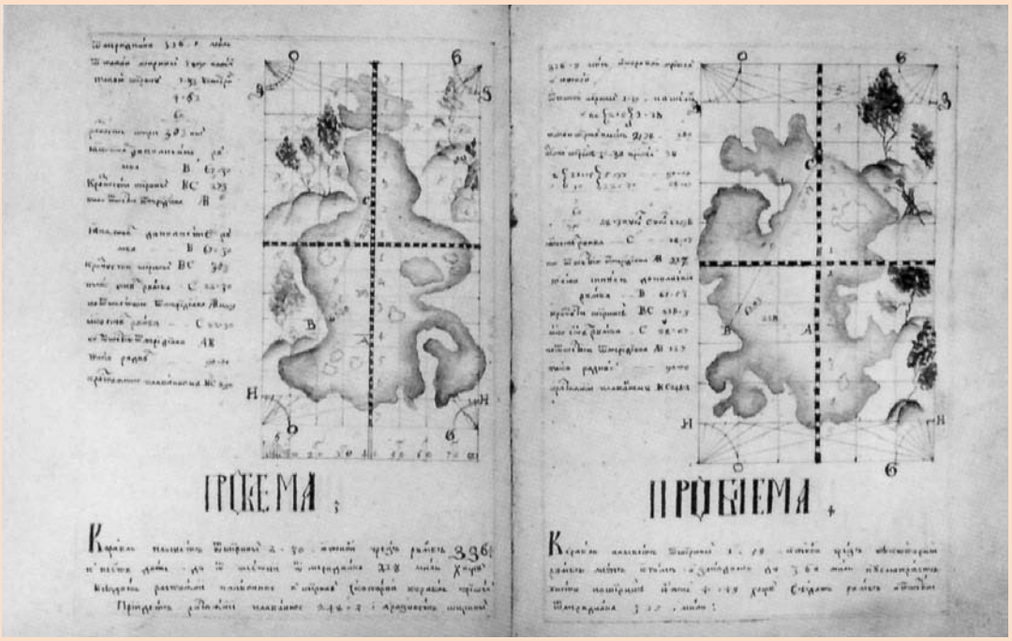
укам», от необходимости обращаться для этого к иноземцам.

Но по недостатку средств и подготовки широко задуманный план высшего учебного заведения разбился на мелкие элементарные или технические училища. На такие школы Петр и обратил свои народнообразовательные заботы в первые годы XVIII в., еще не успев уяснить себе всех размеров предстоявшей ему преобразовательной работы и только ограничиваясь текущими неотложными делами, военными и финансовыми. Вместе с разрешением свободного выезда «в европейские государства для науки», с открытием публичного театра и изданием первой газеты князь Куракин в своей летописной автобиографии отмечает заведение математических школ и «других наук и артей (ремесел), как шляпы делать, сукна, кожи на лосинную стать, штукатурные фигуры из гипса, архитектурою палаты строить». Но, разумеется, впереди всех народнообразовательных потребностей шли нужды армии и флота.

Школьное обучение обставлено было многочисленными затруднениями. Учить и учиться и тогда уже было тяжело, хотя школа еще не была стеснена уставами и надзором, а занятый войной царь всей душой радел о школе. Недоставало необходимых учебных пособий или они были очень дороги.

Я решаюсь нарушить педагогическое правило не повергать своих слушателей в уныние, знакомя вас с некоторыми чертами инструкции морской академии, утвержденной Петром в 1715 г. Морская гвардия, как называются воспитанники академии, ежедневно ранним утром собирается в зале для молитвы, прося Господа Бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, *под наказанием*. Затем каждый должен сесть на свое место «без всякой конфузии, не досадя друг другу, *под наказанием*». Ученики должны слушать, чему их будут учить профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, *под наказанием*. Профессора должны обучать морскую гвардию со всяким прилежанием и лучшим вразумительным образом, *под наказанием*. Профессора не должны ничего брать со своих учеников «прямым ниже посторонним образом», под опасением возврата взятого вчетверо, а в случае повторения «оного прегрешения — *под телесным наказанием*».

Школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя и помогла выработать среди своих питомцев своеобразную форму противодействия — *побег,* примитивный, еще не



Математические задачи в рукописном учебнике. 1709 г.

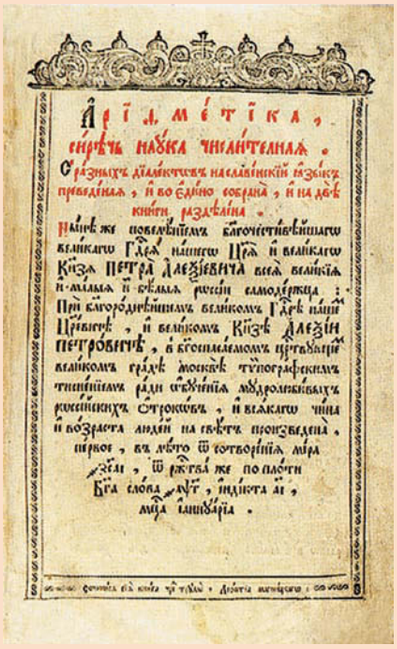
усовершенствованный способ борьбы школяров со своей школой.

Своеобразным эпизодом в ходе этого просвещения является школа Глюка. Саксонец родом, энтузиастический педагог и миссионер, получивший хорошее филологическое и богословское образование в немецких университетах, он пастором отправился в Лифляндию, в городок Мариенбург, выучился по-латышски и по-русски, чтобы перевести Библию прямо с еврейского и греческого текста для местных латышей, а для русских, живших в Восточной Лифляндии, с малопонятного им славянского на простой русский язык, хлопотал о заведении латышских и русских школ и для последних переводил на русский язык учебники. В 1702 г. при взятии Мариенбурга русскими войсками он попал в плен и был препровожден в Москву. Тогдашнее московское ведомство иностранных дел нуждалось в толмачах и переводчиках и добывало их всякими путями, приглашало на свою службу иноземцев или поручало им обучать русских иноземным языкам. Так, в 1701 г. директор школы в Немецкой слободе Швиммер был приглашен Посольским приказом на должность переводчика, и ему поручено было обучить языкам немецкому, французскому и латинскому 6 подьяческих сыновей, предназначенных служить переводчиками в этом приказе. И пастору Глюку, помещенному в слободе, отдано было для обучения языкам несколько учеников Швиммера.

Но когда обнаружилось, что пастор может обучать не только языкам, но и «многим школьным и математическим и философским наукам на раз-

ных языках», ему в 1705 г. устроили в самой Москве целое среднее учебное заведение на Покровке, «гимназию», как она называется в актах. Петр оценил ученого пастора, в доме которого, замечу мимоходом, жила schones Madchen von Marienburg, как звали местные обыватели ливонскую крестьянку, впоследствии императрицу Екатерину I.

По сохранившимся и недавно изданным документам, идущим с начала 1705 г., когда школа была утверждена указом, можно составить довольно обстоятельную историю этого любопытного, хотя и недолговечного общеобразовательного заведения. Ограничусь лишь немногими чертами. По указу школа предназначалась для бесплатного обучения разным языкам и «философской мудрости» детей бояр,


Ариѳметика,
сирѣчь наука числительная.
С разныхъ діалектическихъ наученійскихъ языкъ
преведена, и во едино собрана, и на двѣ
книги раздѣлена.
Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго
великаго Гдря нашего Цря и великаго
Князя Петра Алексѣевича всеа великія
и малыя и бѣлыя россіи самодержца:
При благородномъ великомъ Гдрѣ нашемъ
Цревичѣ, и великомъ Князѣ Алексѣи
Петровичѣ, и всечестномъ отцѣ архіепископѣ
великомъ градѣ москвѣ типографскихъ
типиціи ради общія мудролюбивыхъ
россійскихъ строкъ, и всякаго чина
и возраста людей на свѣтѣ произведена,
первое, въ лѣто отъ сотворенія міра
, отъ рождества же по плоти
Бга слова , индикта ,
мца .

Арифметика Л. Ф. Магницкого. Москва, 1703 г.

окольничьих, думных и ближних и всякого служилого и *купецкого* чина людей. Глюк приготовил для своей школы на русском языке краткую географию, русскую грамматику, лютеранский катехизис, молитвенник, изложенный плохими русскими стихами, и ввел в преподавание руководства к параллельному изучению языков чешского педагога XVII в. Коменского, из которых Orbis pictus, *Мир в лицах,* обошел чуть ли не все начальные школы Европы.

Гимназия Глюка была у нас первой попыткой завести светскую общеобразовательную школу в нашем смысле слова. Мысль оказалась преждевременной: требовались не образованные люди, а переводчики Посольского приказа, и училище Глюка разменялось на школу иностранных корреспондентов, оставив по себе смутную память об «академии разных языков и кавалерских наук на лошадях, на шпагах»...

Книги. Ассамблеи. Учебник приличий. С 1708 г. по его (Петра. — *Ред.*) указу книги недуховного содержания стали печатать новым, «гражданским» шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским, как старый славяно-русский церковный шрифт имел сходство с греческим. Первой напечатанной новым шрифтом книгой, понятно, вышла *Геометрия, славенски землемерие,* она печаталась с рукописи, испещренной собственноручными поправками Петра, находившего досуг для цензурных и корректурных занятий. Но стоит заметить, что второй книгой были *Приклады, како пишутся комплементы разные,* перевод немецкого письмовника с образцами писем на разные случаи и к разным лицам.

Типография давала образцы вежливой и приличной корреспонденции; полиция издавала обязательные поста-

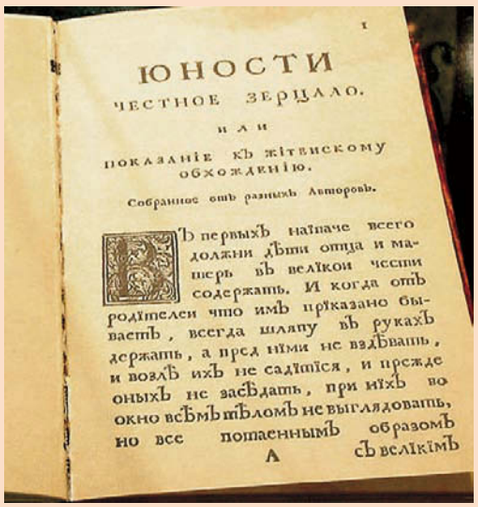
Ассамблея при дворе Петра I.
Художник К. Лебедев

новления о пристойном общежитии. Петербургский обер-полицеймейстер Девиер в 1718 г. публиковал распоряжение об *ассамблеях,* вольных собраниях, открывавшихся по вечерам в знатных домах по установленному порядку для дворян, людей высших чинов до обер-офицеров, знатных купцов и главных мастеров.

Ассамблея — и биржа, и клуб, и приятельский журфикс, и танцевальный вечер. Здесь толковали о делах, о новостях, играли, пили, плясали. Никаких церемоний: ни встреч, ни проводов, ни потчеваний; всякий приходил, пил, ел, что поставил на стол хозяин, и уходил по усмотрению. За нарушение правил штраф — осушить *орла,* большой кубок крепкого вина с изображением государственного герба, чтобы стать предметом общего веселого смеха.

В 1717 г. издана была по распоряжению или с разрешения Петра переводная книжка *Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению.* Идея книги самая заманчивая — преподать правила, как держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в свете. Первое общее правило — не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется; не славная фамилия и не высокий род приводят к шляхетству, но благочестные поступки и добродетели, украшающие шляхтича, коих три: приветливость, смирение и учтивость.

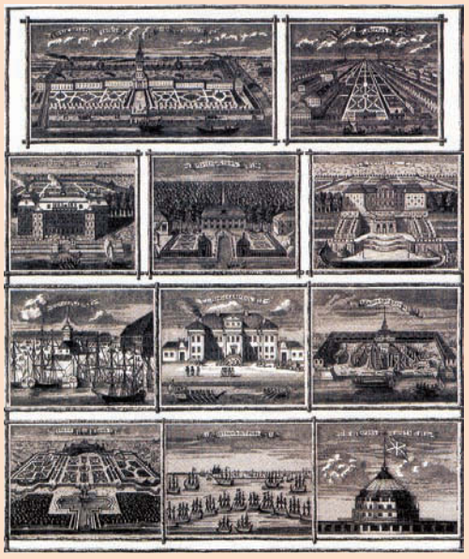
Книжонка пришлась по вкусу: при Петре она выдержала три издания, издавалась не раз и после. Она давала наставления, которые для молодого русского шляхтича были полезными, хотя и трудно усвояемыми откровениями: повеся голову и потупя глаза на улице не ходить и на людей косо не заглядывать, глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, при встрече со знакомым за три шага шляпу снять приятным образом, а не мимо прошедши оглядываться, в сапо-


ЮНОСТИ
ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО.
ИЛИ
ПОКАЗАНІЕ КЪ ЖІТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНІЮ.
Собранное отъ разныхъ Авторовъ.
Въ первыхъ напаче всего должни дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бывать, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при ихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядовать, но все потаеннымъ образомъ
А съ великимъ

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. Санкт-Петербург, 1717 г.

гах не танцевать, в обществе в круг не плевать, а на сторону, в комнате или в церкви в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чистить, губ рукой не утирать, за столом на стол не опираться, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстов не облизывать, костей не грызть, ножом зубов не чистить, головы не чесать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотя куска не говорить, ибо так делают крестьяне. В заключение перечислены 20 добродетелей, долженствующих украшать благородных девиц. Особенно любезны были «младым отрокам» советы не говорить между собою по-русски, чтобы не поняла прислуга и их можно было отличить от незнающих болванов, со слугами не сообщаться, обращаться с ними недоверчиво и презрительно, всячески их смирять и унижать.

Правящий класс. Петр служил своему русскому отечеству, но служить Петру еще не значило служить России. Идея отечества была для его слуг слишком высока, не по их гражданскому росту. Ближайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые слуги. Он порой колотил их, порой готов был видеть в них своих сотрудников, чтобы тем ослабить в себе чувство скуки своим самодержавным одиночеством. Князь Меншиков, герцог Ижорской земли, отважный мастер брать, красть и подчас лгать, не умевший очистить себя даже от репутации фальшивого монетчика; граф Толстой, тонкий ум, самим Петром признанная умная голова, умевшая все обладить, всякое дело выворотить лицом наизнанку и изнанкой на лицо; граф Апраксин, сват Петра, самый сухопутный генерал-адмирал, ничего не смысливший в делах и незнакомый с первыми началами мореходства, но радушнейший хлебосол, из дома которого трудно было уйти трезвым, цепной слуга преобразователя, однако затаенный противник его преобразований и смертельный ненавистник иноземцев; барон, а потом граф Остерман, вестфальский попович, камердинер голландского вице-адмирала в ранней молодости и русский генерал-адмирал под старость, в убогое правление Анны Леопольдовны всемогущий человек, которого полушутя звали «царем всероссийским», великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу, что сказать, и потому прослыл непроницаемо-скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболевал послушной тошнотой или подагрой, либо начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя, — робкая и предательски каверзная душа; наконец, неистовый



Виды Петербурга и его окрестностей при Петре Великом. Художник Ф. Герасимов

Петр I, Екатерина I, царевна Наталья Алексеевна

Ягужинский, всегда буйный и зачастую навеселе, лезший с дерзостями и кулаками на первого встречного, годившийся в первые трагики странствующей драматической труппы и угодивший в первые генерал-прокуроры Сената: вот наиболее влиятельные люди, в руках которых очутились судьбы России в минуту смерти Петра. Они и начали дурачиться над Россией тотчас по смерти преобразователя.

Недостроенная храмина, как называл Меншиков Россию после Петра, достраивалась уже не по петровскому плану, и Феофан Прокопович взял на душу немалый грех, сказав в своей знаменитой проповеди при погребении Петра в утешение осиротевшим россиянам, будто преобразователь «дух свой оставил нам».

Престолонаследие. Прежде всего, как и подобает в государстве с абсолютной властью, судьба русского престола оказала решительное действие на ход дел и действие, несогласное с духом и планами преобразователя. Надобно припомнить преемство верховной власти после Петра. В минуту его смерти царствовавший дом распадался на две линии — императорскую и царскую: первая шла от императора Петра, вторая от его старшего брата, царя Ивана. От Петра I престол перешел к его вдове императрице Екатерине I, от нее ко внуку преобразователя Петру II, от него к племяннице Петра I, дочери царя Ивана Анне, герцогине курляндской, от нее к ребенку Ивану Антоновичу, сыну ее племянницы Анны Леопольдовны

брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, родной сестры Анны Ивановны, от низложенного ребенка Ивана к дочери Петра I Елизавете, от нее к ее племяннику, сыну другой дочери Петра I, герцогини голштинской Анны, к Петру III, которого низложила его жена Екатерина II.

Никогда в нашей стране, да, кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии. Так ломал эту линию политический путь, каким эти лица достигали власти: все они попадали на престол не по какому-либо порядку, установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги. Виною того был сам преобразователь: своим законом 5 февраля 1722 г., как видели мы, он отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде, и завещание, и соборное избрание, заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя.

Этот злополучный закон вышел из рокового сцепления династических несчастий. По привычному и естественному порядку наследования престол после Петра переходил к его сыну от первого брака царевичу Алексею, грозившему разрушить дело отца. Спасая свое дело, отец во имя его пожертвовал и сыном, и естественным порядком престолонаследия. Сыновья от второго брака Петр и Павел умерли в младенчестве. Оставался малолетний внук, сын погибшего царевича, естественный мститель за отца.

Царь Иоанн V. Хромолитография. 1894 г.

Евдокия Федоровна, первая жена Петра I. Хромолитография. 1894 г.

При вероятной возможности смерти деда до совершеннолетия внука опеку, значит, власть, могла получить которая-либо из двух бабушек: одна — прямая, озлобленная разводка, монахиня, сама себя расстригшая, Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, ненавистница всяких нововведений; другая — боковая, привенчанная, иноземка, простая мужичка темного происхождения, жена сомнительной законности в глазах многих, и, достанься ей власть, она, наверное, отдаст свою волю первому любимцу царя и первому казнокраду в государстве князю Меншикову. Можно представить себе душевное состояние Петра, когда, свалив с плеч шведскую войну, он на досуге стал заглядывать в будущее своей империи.

Лишив верховную власть правомерной постановки и бросив на ветер свои учреждения, Петр этим законом погасил и свою династию как учреждение: остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения. Так престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена на престоле не обходилась без замешательства, кроме разве одной: каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. Вот почему время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать *эпохой дворцовых переворотов*.

Воцарение Екатерины I. Петр умер 28 января 1725 г., не назначив себе преемника. Однако в исполнение закона последовало то, что всего более ему противоречило.

Дело в том, что остатки родовитой знати, князья Голицыны, Долгорукие, верные старому обычаю престолонаследия, признавали законным наследником великого князя Петра, единственного уцелевшего мужчину в царском доме. Но знать чиновная, выведенная Петром I, — Меншиков, Толстой, много других были решительно против этого наследника, воцарение которого им, врагам его отца, царевича Алексея, как и самой Екатерине, грозило великими бедами. Для них дело было не в праве и законности, а в том, чья возьмет: проиграй они — им ссылка или из-под кнута каторга, а Екатерине с дочерьми — монастырь. Из страха ли перед внуком другой бабушки или по проснувшемуся властолюбию Екатерина хотела сама царствовать, а не опекать и видела соперниц в своих дочерях.

Императрица Екатерина I.
Художник Г. Бухгольц. XVIII в.

Она торопила все более изнемогавшего царя с замужеством обеих царевен, чтобы вовремя удалить соперниц со сцены.

Когда близость его смерти стала очевидна, Меншиков и Толстой пустили в ход все пружины агитации за себя и за Екатерину. Всего важнее было приобрести войско, особенно гвардию, что было нетрудно: гвардия была вполне предана своему творцу и любила его походную жену-солдатку.

Простившись с безмолвным уже царем, гвардейские офицеры отведены были Меншиковым к царице и с рыданиями поклялись ей скорее умереть у ее ног, чем допустить на престол кого-либо другого. Все было обработано расторопно и толково, в то время как противная сторона сидела сложа руки. Ночью на 28 января 1725 г., когда Петр лежал в предсмертной агонии, сенаторы и другие сановники собрались во дворце для совещания о преемнике. Спорили долго, искали воли умиравшего императора всюду, только не там, где можно было ее найти, не в законе 5 февраля, призвали кабинет-секретаря Макарова, спрашивали у него, нет ли чего на этот счет, и получили отрицательный ответ.

При этих прениях в углу залы совещания каким-то образом очутились офицеры гвардии, неизвестно кем и зачем сюда призванные. Вдруг раздался с площади барабанный бой: оказалось, что перед дворцом выстроены были под ружьем оба гвардейских полка, тоже неизвестно кем и зачем сюда вызванные из казарм. При гвардейском содействии искомая воля императора единодушно, без пререканий была найдена в короновании Екатерины, совершившемся в 1724 г.; этим-де актом она назначена наследницей престола в силу закона 5 февраля; ее Сенат и провозгласил самодержавной императрицей. Отменив закон его толкованием, Сенат в манифесте от себя, а также от Синода и генералитета, вовсе и не участвовавших в сенатском совещании, объявлял о воцарении Екатерины не как о своем избирательном акте, а только как об истолкованной Сенатом воле покойного государя: он удостоил свою супругу короною и помазанием; того для объявляется во всенародное известие, дабы все о том ведали и ей, самодержице всероссийской, верно служили.

Воцарение Петра II. Воцарение Петра II было подготовлено новой придворной интригой не без участия гвардии. Екатерина с Меншиковым и другими своими приверженцами, конечно, желала оставить престол после себя одной из своих дочерей; но, по общему мнению, единственным за-

Портрет императора Петра II. Неизвестный художник. XVIII в.

конным наследником Петра Великого являлся его внук великий князь Петр.

В 1727 г., когда Екатерина незадолго до своей смерти опасно занемогла, для решения вопроса о ее преемнике во дворце собрались члены высших правительственных учреждений. Верховного тайного совета, возникшего при Екатерине, Сената, Синода, и президенты коллегий, но приглашены были на совещание и майоры гвардии, как будто гвардейские офицеры составляли особенную государственную корпорацию, без участия которой нельзя было решить такого важного вопроса.

Это верховное совещание решительно предпочло внука обеим дочерям Петра. С трудом согласилась Екатерина назначить этого внука своим преемником. Рассказывали, что всего за несколько дней до смерти она решительно объявила Меншикову о своем желании передать престол дочери своей Елизавете и скрепя сердце уступила противной стороне, только когда ей поставили на вид, что иначе не ручаются за возможность для нее доцарствовать спокойно.

Перед самой смертью спешно составлено было завещание, подписанное Елизаветой вместо больной матери. Этот «тестамент» должен был примирить враждебные стороны, приверженцев обоих семейств Петра I. К престолонаследию призывались поочередно четыре лица: великий князь-внук, цесаревны Анна и Елизавета и великая княжна Наталья (сестра Петра II), каждое лицо со своим потомством, со своими «десцендентами»; каждое следующее лицо наследует предшественнику в случае его бесспотомственной смерти.

В истории престолонаследия это завещание — ничего не значащий акт: после Петра II, который и без него

Императорская корона, подготовленная к коронации Петра II. 1727 г.

считался законным наследником, престол замещался в таком порядке, какого не сумел бы предвидеть самый дальновидный тестамент. Но это завещание имеет свое место в истории русского законодательства о престолонаследии, вносит в него если не новую норму, то новую тенденцию.

Пользуясь законом Петра I, оно имело целью восполнить пустоту, образованную этим самым законом, делало первую попытку установить постоянный законный порядок престолонаследия, создать настоящий основной закон государства: само завещание определяет себя как основной закон, имеющий навсегда остаться в силе, никогда не подлежащий отмене. Потому тестамент, прочитанный в торжественном собрании царской фамилии и высших государственных учреждений 7 мая 1727 г., на другой день по смерти Екатерины I, можно признать предшественником закона 5 апреля 1797 г. о преемстве престола.

Дальнейшие смены на престоле. Когда в январе 1730 г. простудился и опасно заболел Петр II, временщики князь

Петр II и цесаревна Елизавета на псовой охоте. Художник В. Серов. 1900 г.

Алексей Долгорукий и его сын Иван, любимец императора-мальчика, решили удержать власть в своих руках посредством обмана. Они собрали фамильный совет, на котором князь Алексей предложил принять подложное завещание умиравшего императора, передававшее верховную власть его невесте княжне Екатерине, дочери князя Алексея. Другой Долгорукий, поумнее, — фельдмаршал князь Василий Владимирович усомнился в удаче этой нелепой затеи.

По смерти Петра II Верховный совет неожиданно, помимо всякой очереди и без ведома других высших

Портрет императрицы Анны Иоанновны. Художник Г. Бухгольц. XVIII в.

Императрица Елизавета Петровна. Художник И. Я. Вишняков. 1743 г.

учреждений, избрал на престол дочь царя Ивана, вдову-герцогиню курляндскую Анну, ограничив ее власть. Предприятие, как увидим, пало вследствие вмешательства гвардейских офицеров и дворянства. Усыпленная Тайной канцелярией и 10-летним русским безмолвием, Анна до совершеннолетия своего преемника, двухмесячного ребенка, накануне своей смерти (17 октября 1740 г.) назначила Бирона регентом с самодержавными полномочиями.

Это был грубый вызов русскому чувству национальной чести, смущавший самого Бирона. «Небось», — ободрила его Анна, умирая. Но немцы после десятилетнего господства своего при Анне, озлобившего русских, усевшись около русского престола, точно голодные кошки около горшка с кашей, и достаточно напитавшись, начали на сытом досуге грызть друг друга. Миних, пообедав и любезно просидев вечер 8 ноября 1740 г. у регента, ночью с дворцовыми караульными офицерами и солдатами Преображенского полка, командиром которого состоял, арестовал Бирона в постели, причем солдаты, порядком поколотив его и засунув ему в рот носовой платок, завернули его в одеяло и снесли в караульню, а оттуда в накинутой сверх ночного белья солдатской шинели отвезли в Зимний дворец, откуда потом отправили с семейством в Шлиссельбург.

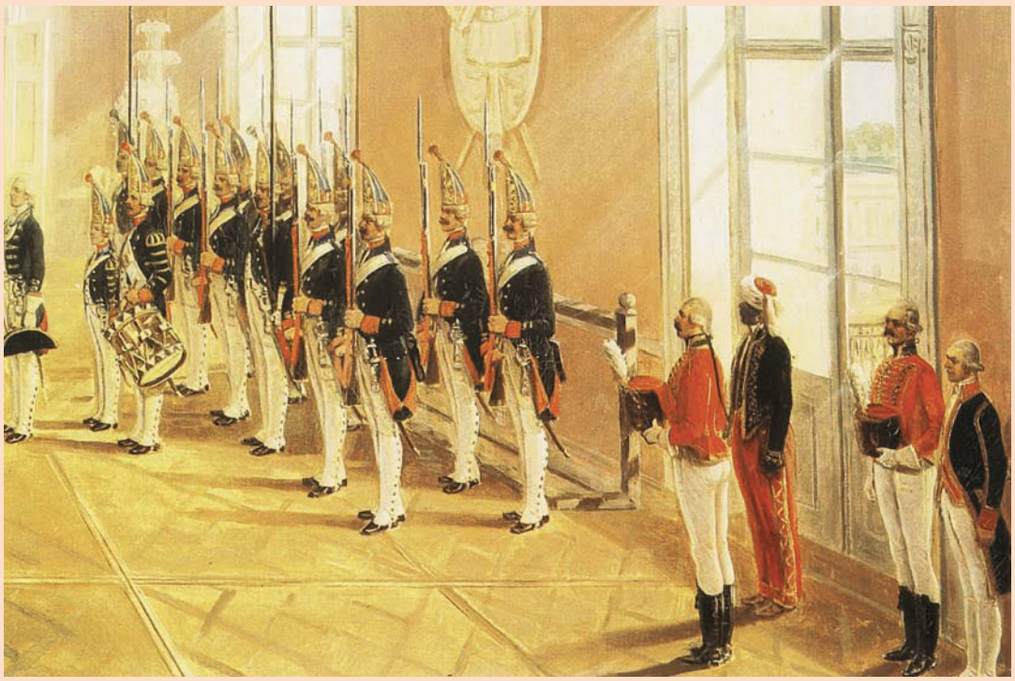
Анна Леопольдовна, мать императора, провозгласила себя правительницей государства, и тогда правительство совсем расстроилось.

Император Петр III.
Неизвестный художник. XVIII в.

Пользуясь слабостью правительства и своей популярностью, особенно в гвардейских казармах, цесаревна Елизавета, дочь Петра I, в ночь на 25 ноября 1741 г. с гренадерской ротой Преображенского полка произвела новый переворот с характерными подробностями. Горячо помолившись Богу и дав обет во все царствование не подписывать смертных приговоров, Елизавета в кирасе поверх платья, только без шлема и с крестом в руке вместо копья, без музыки, но со своим старым учителем музыки Шварцем явилась новой Палладой в казармы Преображенского полка, напомнила подготовленным уже гренадерам, чья она дочь, стала на колени и, показывая крест тоже коленопреклоненным гренадерам, сказала: «Клянусь умереть за вас; клянетесь ли вы умереть за меня?» Получив утвердительный ответ, она повела их в Зимний дворец, без сопротивления проникла в спальню правительницы и разбудила ее словами: «Пора вставать, сестрица!» — «Как, это вы, сударыня?!» — спросила Анна спросонья и была арестована самой цесаревной, которая, расцеловав низвергаемого ребенка-императора, отвезла мать в свой дворец. Принц-отец, разбуженный в своей спальне, растерянно сидел на постели; гренадеры завернули его в одеяло, как Бирона год назад, снесли вниз и отвезли вслед за женой во дворец Елизаветы. Туда же собрали и важнейших деятелей павшего правительства, в том числе и Миниха с Остерманом, сильно помятых солдатами при аресте, а вслед за арестантами стеклись к новой императрице ее приверженцы, заждавшиеся своей правительственной очереди.

Восторженно приветствуемая народом и гвардией, Елизавета в тот же день перебралась в очищенный Зимний дворец. Так удачной ночной феерией разогнан был курляндско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы дотрепывать верховную власть, завещанную Петром Великим своей империи. По воцарении Елизаветы, когда патриотические языки развязались, церковные проповедники с безопасной отвагой говорили, что немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников. Преемник и племянник Елизаветы — герцог голштинский Петр III воцарился без замешательства, но через полгода был низвержен своей женой, ставшей во главе гвардейских полков.

Гвардия и дворянство. Таким образом, повторю, почти все правительства, сменявшиеся со смерти Петра I



Караул лейб-гвардии Семеновского полка в Павловском дворце. Художник Г. Шварц. 1796–1800 гг.

до воцарения Екатерины II, были делом гвардии; с ее участием в 37 лет при дворе произошло пять-шесть переворотов. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховного тайного совета, преемницей московского земского собора.

Это участие гвардейских полков в решении вопроса о престоле имело очень важные политические последствия; прежде всего оно оказало сильное действие на политическое настроение самой гвардии. Сначала послушное орудие в руках своих вожаков, Меншикова, Бутурлина, она потом хотела быть самостоятельной двигательницей событий, вмешивалась в политику по собственному почину; дворцовые перевороты стали для нее приготовительной политической школой.

Но тогдашняя гвардия не была только привилегированной частью русского войска, оторванной от общества: она имела влиятельное общественное значение, была представительницей целого сословия, из среды которого почти исключительно комплектовалась. В гвардии служил цвет того сословия, слои которого, прежде разобщенные, при Петре I объединились под общим названием дворянства или шляхетства, и по законам Петра она была обязательной военной школой для этого сословия.

Политические вкусы и притязания, усвоенные гвардией благодаря участию в дворцовых делах, не оставались в стенах петербургских казарм, но рас-

пространялись оттуда по всем дворянским углам, городским и деревенским. Эту политическую связь гвардии с сословием, стоявшим во главе русского общества, и опасные последствия, какие отсюда могли произойти, живо чувствовали властные петербургские дельцы того времени.

Когда по смерти императрицы Анны регентом стал Бирон, в гвардии быстро распространился ропот против курляндского авантюриста, постыдным путем достигшего такой власти. Бирон жаловался на строптивость гвардии, обзывал ее янычарами и видел корень зла именно в ее сословном составе, с досадой говорил: «Зачем это в гвардии рядовые из дворян? Их можно перевести офицерами в армейские полки, а на их место набрать гвардию из простого народа». Это опасение быть раскассированными по армейским полкам всего более и подняло гвардейцев против Бирона, побудив их в 1740 г. идти за Минихом. Поэтому одновременно с дворцовыми переворотами и под их очевидным влиянием и в настроении дворянства обнаруживаются две важные перемены: 1) благодаря политической роли, какая ходом придворных дел была навязана гвардии и так охотно ею разучена, среди дворянства установился такой притязательный взгляд на свое значение в государстве, какого у него не было заметно прежде; 2) при содействии этого взгляда и обстоятельств, его установивших, изменялись и положение дворянства в государстве, и его отношения к другим классам общества.

Обер-офицер и рейтар лейб-гвардии конного полка

Политическое настроение высшего класса. Древняя Русь никогда не видала женщин на престоле, а по смерти преобразователя на престол села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка. Эта новость вызвала в народе много недоразумений, печальных или забавных. Так, во время присяги императрице-вдове некоторые простачки в Москве отказались присягать, говоря: «Если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют». Это возбуждение политической мысли прежде и сильнее всего должно было обнаружиться в высшем классе, в дворянстве, ближе других сословий стоявшем к государственным делам, как привычное орудие правительства.

Но это оживление неодинаково проявилось в различных слоях сословия. Между тем как в рядовом дворянстве, беспощадно выгоняемом из захолустных усадеб в полки и школы, мысль изощрялась на изобретении способов, как бы отбыть от науки и

Портрет Екатерины I.
Неизвестный художник. XVIII в.

И. Ю. Трубецкой.
Художник Д. фон Кафт. 1703 г.

службы, в верхних слоях, особенно в правительственной среде, умы усиленно работали над более возвышенными предметами. Здесь еще уцелели остатки старой боярской знати, образовавшие довольно тесный кружок немногих фамилий.

Из общего политического возбуждения здесь выработалась своего рода политическая программа, сложился довольно определенный взгляд на порядок, какой должен быть установлен в государстве. Различные условия помогали более раннему и углубленному напряжению политической мысли в этом родовитом и вместе высокочиновном слое дворянства.

Провозглашенная Сенатом не совсем законно, под давлением гвардии, Екатерина искала опоры в людях, близких к престолу в минуту смерти Петра, а здесь пуще всего боялись усиления меншиковского нахальства, и с первых же дней нового царствования пошли толки о частых сборищах сановной знати, князей Голицыных, Долгоруких, Репниных, Трубецких, графов Апраксиных; цель этих сходок — будто бы добиться большого влияния в правлении, чтобы царица ничего не решала без Сената. Сам Сенат, почувствовав себя правительством, спешил запастись надежной опорой и тотчас по смерти Петра пытался присвоить себе командование гвардией.

Но и сторонники Екатерины думали о мерах «самообороны»: уже в мае 1725 г. пошел слух о намерении учредить при кабинете царицы из интимных неродовитых друзей ее с Меншиковым во главе тесный совет, который, стоя выше Сената, будет решать самые важные дела. Кабинетский совет и явился, только не с тем составом и характером.

Портрет канцлера Головкина. Художник И. Никитин, 1720-е гг.

Верховный тайный совет составился из шести членов; пятеро из них с иноземцем Остерманом принадлежали к новой знати (Меншиков, Толстой, Головкин, Апраксин), но шестым был принят самый видный представитель родовитого боярства — князь Д. М. Голицын. По указу 8 февраля (1726 г. — *Ред.*) Верховный тайный совет — не совсем новое учреждение: он составился из действительных тайных советников, которые, как «первые министры», по должности своей и без того имели частые тайные советы о важнейших государственных делах, состоя сенаторами, а трое, Меншиков, Апраксин и Головкин, еще и президентами главных коллегий: Военной, Морской и Иностранной.

Устраняя неудобства такого «многодельства», указ превращал их частые совещания в постоянное присутственное место с освобождением от сенаторских обязанностей.

Теперь никакое важное дело не могло быть доложено императрице помимо Верховного тайного совета, никакой закон не мог быть обнародован без предварительного обсуждения и решения в Верховном тайном совете. Иноземным послам при русском дворе этот Совет казался первым шагом к перемене формы правления.

Но изменялась не форма, а сущность правления, характер верховной власти: сохраняя свои титулы, она из личной воли превращалась в государственное учреждение. Впрочем, в некоторых актах исчезает и титул самодержицы.

Однако со всей этой властью Совет оказался совершенно бессилен перед капризами дурного мальчика-императора и перед произволом его любимцев. Сказавшаяся при Екатерине I потребность урегулировать верховную власть должна была теперь усилиться в порядочных людях из родовой знати, так много ждавших от Петра II и так обидно обманувшихся.

Князь Д. М. Голицын. В князе Д. М. Голицыне эта знать имела стойкого и хорошо подготовленного вождя. В 1697 г., будучи уже за 30 лет, он с толпой русской знатной молодежи был отправлен в заграничное учение, побывал в Италии и других странах.

С Запада он привез живой интерес к устройству тамошних государств и к европейской политической литературе, сохранив при этом любовь к отечественной старине. Богатая библиотека, им собранная в подмосковном его селе Архангельском и расхищенная после его ссылки в 1737 г., совмещала в себе рядом с ценными памятниками русского права и бытописания до 6 тысяч книг на разных языках и в рус-

ском переводе по истории, политике и философии. Здесь собраны были все сколько-нибудь замечательные произведения европейских политических мыслителей XVI, XVII и начала XVIII в., начиная от Макиавелли, и между ними более десятка специальных сочинений об аристократии и столько же об английской конституции. Это показывает, в какую сторону обращена была мысль собирателя и какой образ правления наиболее занимал его. Губернаторствуя в Киеве, Голицын заказывал переводить некоторые из этих книг на русский язык в тамошней академии.

Как почитатель науки и политических порядков Западной Европы, он не мог быть принципиальным противником реформы Петра, оттуда же заимствовавшей государственные идеи и учреждения. Но он не мирился с приемами и обстановкой реформы, с образом действий преобразователя, с нравами его ближайших сотрудников и не стоял в их ряду. Петр чтил, но недолюбливал Голицына за его упрямый и жесткий характер, и при нем честный, деловой и усердный киевский губернатор с трудом добрался до сенаторства, но не пользовался значительным влиянием.

На события, совершавшиеся в России при Петре и после него, Голицын смотрел самым мрачным взглядом; его все здесь оскорбляло как нарушение старины, порядка, даже приличия. Не его одного тяготили два политических недуга, от которых, особенно в последнее время, все страдали: это — власть, действующая вне закона, и фавор, владеющий слабой, но произвольной властью. На исцелении отечества от этих недугов и сосредоточились его помыслы.

Он изучал европейские государственные учреждения, чтобы выбрать

Д. М. Голицын.
Художник Ф. Г. Друэ-Младший. 1762 г.

из них наиболее подходящие к России, много говорил о том с известным нам Фиком. Исходя из мысли, субъективно или генеалогически у него сложившейся, что только родовитая знать способна держать правомерный порядок в стране, он остановился на шведской аристократии и Верховный тайный совет решил сделать опорным пунктом своего замысла.

Верховники 1730 г. В ночь на 19 января 1730 г. в Москве в Лефортовом дворце умер от оспы 15-летний император Петр II, внук преобразователя, не назначив себе преемника. Вместе с ним гасла династия, пресекалась мужская линия дома Романовых. Вместе с тем престолонаследие осталось без прочных законодательных норм и законных наследников. Закон Петра I,

Портрет императрицы Анны Иоанновны. Художник И. Ведекинд. XVIII в.

неясный, произвольно толкуемый и оставленный без действия самим законодавцем, терял свою нормирующую силу, а Екатеринин тестамент и не имел ее, как документ спорный.

Для замещения престола перебирали весь наличный царский дом, называли царицу-монахиню, первую жену Петра, его младшую дочь Елизавету, двухлетнего сына старшей, умершей дочери Анны, герцога голштинского, трех дочерей царя Ивана, и ни на ком не могли остановиться, ни у кого не могли найти бесспорного права на престол: закон Петра I спутал все династические понятия и отношения.

Среди этой сумятицы толков и интересов Верховный тайный совет, как руководитель управления, взял на себя почин в деле замещения престола.

На совещании говорили много и долго, «с немалым разгласием», по выражению Феофана Прокоповича. Заявление князя Долгорукого, отца второй невесты Петра II, о праве его дочери на престол, будто бы завещанный ей покойным женихом, и чье-то предложение о царице-бабке были отклонены как «непристойные». Тогда князь Д. Голицын, возвысив голос, сказал, что Бог, наказуя Россию за ее безмерные грехи, наипаче за усвоение чужестранных пороков, отнял у нее государя, на коем покоилась вся ее надежда, и так как его смертью пресеклось мужское колено царского дома, то надлежит перейти к старшей женской линии, к дочерям царя Ивана, тем более что дочери Петра I и сами по себе не имеют права на престол, как незаконные, родившиеся до вступления их отца в брак с их матерью, завещание же Екатерины не имеет никакого значения, так как эта женщина, будучи низкого происхождения, и сама не имела права на престол, и не могла им распоряжаться; но и старшая из дочерей царя Ивана, Екатерина мекленбургская, неудобна, как жена иноземного принца, притом человека сумасбродного; всего удобнее вторая царевна, вдовствующая герцогиня курляндская Анна, дочь русской матери из старинного доброго рода, женщина, одаренная всеми нужными для престола качествами ума и сердца. «Так, так! Нечего больше рассуждать, выбираем Анну», — в один голос зашумели верховники.

Утром 19 января собравшимся в Кремле Синоду, Сенату, генералитету и прочим высшим чинам Верховный тайный совет объявил о поручении российского престола царевне Анне, прибавив, что требуется на то согласие *всего отечества* в лице собравшихся чинов. Все изъявили полное согласие. Больше ничего не было объявлено собранию.

Между тем в тот же день спешно были составлены и под покровом

Чарки с жетонами на коронацию Анны Иоанновны (1730), на мир с Турцией (1739), на смерть Анны Иоанновны (1740)

строжайшей тайны посланы в Митаву при письме к Анне пункты, или «кондиции», ограничивавшие ее власть. Императрица обещается по принятии русской короны во всю жизнь не вступать в брак и преемника ни при себе, ни по себе не назначать, а также править вместе с Верховным тайным советом «в восьми персонах» и без согласия его: 1) войны не начинать, 2) мира не заключать, 3) подданных новыми податями не отягощать, 4) в чины выше полковничья не жаловать и «к знатным делам никого не определять», а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета, 5) у шляхетства жизни, имения и чести без суда не отнимать, 6) вотчин и деревень не жаловать, 7) в придворные чины ни русских, ни иноземцев «без совету Верховного тайного совета не производить» и 8) государственные доходы в расход не употреблять (без согласия Совета). Эти обязательства заканчивались словами от лица императрицы: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской».

Брожение среди дворянства. Избрание герцогини Анны Верховным тайным советом, скоро став известным, вызвало в Москве необычайное движение. Случайное обстоятельство придало ему не местное, только московское, но и общерусское значение. На тот самый день, 19 января, когда умер император, назначена была его свадьба с княжной Долгорукой. Вслед за полками с их генералами и офицерами в Москву в ожидании придворных празднеств наехало множество провинциального дворянства. Собравшись на свадьбу и попав на похороны, дворяне очутились в водовороте политической борьбы. Замысел верховников сначала встречен был в обществе глухим ропотом.

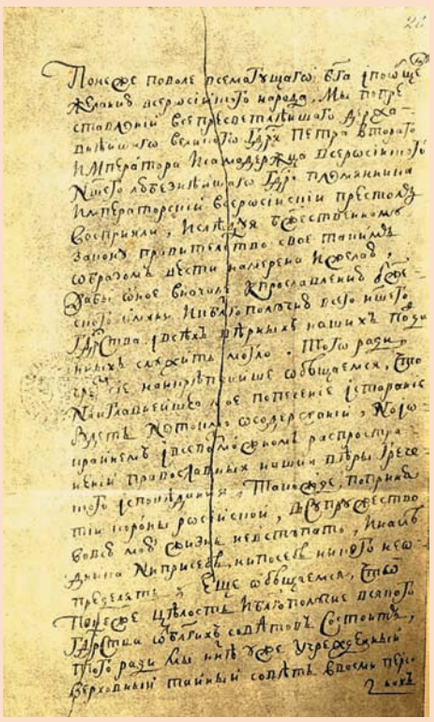
Современник, зорко следивший за тогдашними событиями и принимавший в них деятельное участие против верховников, архиепископ новгородский Феофан Прокопович живо рисует в своей записке ход движения: «Жалостное везде по городу видение стало и слышание; куда ни прийдешь, к какому собранию ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестные нарекания на осьмиличных оных затейщиков; все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие».

Съехавшиеся в Москву дворяне разбивались на кружки, собирались по ночам и вели оживленные толки против верховников; Феофан насчитывал до 500 человек, захваченных агитационной горячкой. Вожаки, «знатнейшие из шляхетства», составили оппозиционный союз, в котором боролись два мнения: сторонники одного, «дерзкого», думали внезапно напасть на верховников с оружием в руках и перебить их всех, если они не захотят отстать от своих умыслов; привержен-

цы другого мнения, «кроткого», хотели явиться в Верховный тайный совет и заявить, что не дело немногих состав государства переделывать и вести такое дело тайком от других, даже от правительствующих особ: «неприятно то и смрадно пахнет».

Но Феофан проведал, что энергия оппозиции с каждым днем «знатно простывала» от внутреннего разлада: слабейшая часть ее, консервативная, хотела во что бы то ни стало сохранить старое прародительское самодержавие; сильнейшая и либеральная сочувствовала предприятию верховников, но была лично раздражена против них за то, что те их «в дружество свое не призвали».

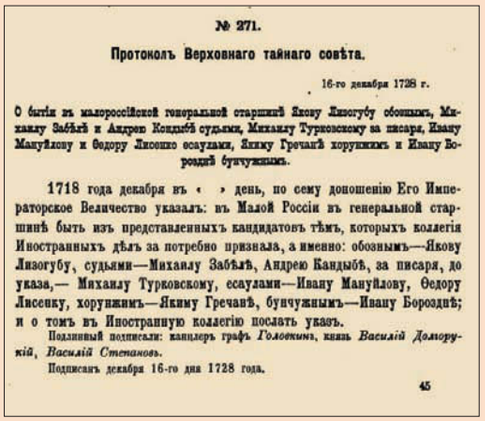
Однако и в этой либеральной части иноземные послы не замечали единомыслия. «Здесь, — писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян, — на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента». Прусский посол Мардефельд писал своему двору, что вообще все русские, т. е. дворяне, желают свободы, только не могут сговориться насчет ее меры и степени ограничения абсолютизма. «Партий бесчисленное множество, — писал в январе из Москвы испанский посол де Лириа, — и хотя пока все спокойно, но, пожалуй, может произойти какая-нибудь вспышка».



Кондиции

Прежде всего, разумеется, обратились к Западу — как там? Глаза разбегались по тамошним конституциям, как по красивым вещам в ювелирном магазине, — одна другой лучше — и недоумевали, которую выбрать. Все заняты теперь мыслью о новом образе правления, читаем в депешах иноземных послов: планы вельмож и мелкого дворянства разнообразны до бесконечности; все в нерешительности, какой образ правления избрать для России: одни хотят ограничить власть государя правами парламента, как в Англии, другие — как в Швеции, третьи хотят устроить избирательное правление, как в Польше; наконец, четвертые желают аристократической республики без монарха. При отсутствии политического глазомера, при непривычке измерять политические расстояния так недалеко казалось от пыточного застенка до английского парламента. Но при таком разброде мнений перед глазами всех стояло пугало, заставлявшее несогласных теснее жаться друг к другу: это фавор, болезнь распущенной и неопрятной власти.

Испытав возвышение Долгоруких, писали послы, русские боятся могущества временщиков и думают, что



№ 271.

Протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта.

16-го декабря 1728 г.

О бытіи въ малороссійской генеральной старшиной Якову Лизогубу обозными, Михаилу Забѣлѣ и Андрею Кандыбѣ судьями, Михаилу Турковскому за писаря, Ивану Мануйлову и Ѳедору Лисенко есаулами, Якиму Гречанѣ хорунжими и Ивану Бороздиѣ бунчужнымъ.

1728 года декабря въ « » день, по сему доношенію Его Императорское Величество указалъ: въ Малой Россіи въ генеральной старшинѣ быть изъ представленныхъ кандидатовъ тѣмъ, которыхъ коллегія Иностранныхъ дѣлъ за потребно признала, а именно: обознымъ—Якову Лизогубу, судьями—Михаилу Забѣлѣ, Андрею Кандыбѣ, за писаря, до указа,— Михаилу Турковскому, есаулами—Ивану Мануйлову, Ѳедору Лисенку, хорунжимъ—Якиму Гречанѣ, бунчужнымъ—Ивану Бороздиѣ; и о томъ въ Иностранную коллегію послать указъ.

Подлинный подписали: канцлеръ графъ *Головкинъ*, князь *Василій Долгорукій*, *Василій Степановъ*.

Подписанъ декабря 16-го дня 1728 года.

45

Протокол Верховного тайного совета

при абсолютном царе всегда найдется фаворит, который будет управлять ими и жезлом, и пырком, и швырком, как делали при покойном Петре II Долгорукие.

Значит, дворянство не было против идеи ограничения власти, как предохранительного средства от временщиков. Но его возмущал замысел верховников, как олигархическая затея, грозившая заменить власть одного лица произволом стольких тиранов, сколько членов в Верховном тайном совете. По выражению историка и публициста екатерининского времени князя Щербатова, верховники из себя самих «вместо одного толпу государей сочиняли». Так же смотрели на дело и в 1730 г. В одной записке, которая тогда ходила по рукам в форме письма к кому-то в Москву от лица среднего шляхетства, читаем: «Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтобы быть у нас республике; я зело в том сумнителен: Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий! И так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно».

Брожение достигло крайней степени, когда на торжественном заседании Верховного тайного совета 2 февраля Сенату, Синоду, генералитету, президентам коллегий и прочим штатским чинам прочитали подписанные Анной «кондиции» и будто бы ее письмо, разумеется заранее заготовленное от ее имени в Москве, в котором, соглашаясь на свое избрание, она заявляла, что «для пользы российского государства и ко удовольствованию верных подданных» написала и подписала, какими способами она то правление вести хочет. Обязательства, поставленные Анне непременным условием ее избрания, оказались теперь ее добровольной жертвой на благо государства. Это шитое белыми нитками коварство привело собрание в крайнее изумление. По изобразительному описанию Феофана Прокоповича, все опустили уши, как бедные ослики, перешептывались, а с негодованием откликнуться никто не смел. Сами верховные господа тоже тихо друг другу пошептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто и они удивлены такой неожиданностью. Один князь Д. М. Голицын часто похаркивал и выкрикивал, «до сытости» повторяя на разные лады: вот-де как милостива государыня; Бог ее подвинул к сему писанию; отселе счастливая и цветущая будет Россия. Но как все упорно молчали, он с укором заговорил: «Что же никто слова не промолвит? Извольте сказать, кто что думает, хоть, впрочем, и сказать-то нечего, а только благодарить государыню». Наконец, кто-то из кучи тихим голосом и с большой запинкой промолвил: «Не ведаю и весьма дивлюсь, отчего на мысль пришло государыне так писать». Но этот робкий голос не нашел отзвука.

Заготовили и предложили подписать протокол заседания, в котором значилось: выслушав присланные императрицей письмо и пункты, все согласно объявили, «что тою ее величества милостью весьма довольны и подписуемся своими руками». Тут уж и бедные ослики потеряли терпение и отказались подписаться, заявив, что сделают это через день.

Все словно вдруг постарели, «дряхлы и задумчивы ходили», рассказывает Феофан. Слишком уж сильно ударили по холопьему чувству; никто не ожидал, что так жестко скрутят императрицу. Верховников спрашивали, как же то правление впредь быть имеет. Вместо того чтобы заявить, что ответ на этот вопрос уже дан самой Анной в письме и пунктах и что воля ее не подлежит пересмотру, Голицын предоставил присутствующим написать об этом проект от себя и подать на другой день. Этим он вскрыл плохо скрываемые карты. Доселе дело носило как будто корректный вид. Верховный тайный совет, фактически оставшись единственным органом верховного управления, избрал на безнаследный престол царевну Анну; все высшие чины до бригадира, считавшиеся должностными представителями народа, «всего отечества лицо на себе являющими», по выражению Прокоповича, единогласно одобрили выбор Совета. Нежданная, но оказавшаяся желанной избранница по праву великодушия принесла на пользу отечества уцелевшие после Петра I обноски предковского самодержавия и в подписанных собственноручно пунктах указала, какими способами хочет она повести свое правление.

Милостивый дар не рассматривают как покупной товар, а просто приемлют с подобающим благодарением. А Голицын бросил этот дар на обсуждение высших чинов вплоть «до бригадира» и тем обнаружил, что кондиции — не великодушный дар императрицы народу, а ее закулисная сделка с верховниками. Пьеса ставилась на шаткие подмостки: в обстановке поддельной законности разыгрывалась простенькая неподдельная придворная плутня. Притом дело о регулировании личной верховной власти запутывалось, расплываясь в общий пересмотр государственных учреждений.

Вынужденное или неосторожное предложение Голицына вызвало бурный отклик: началась горячка мнений, записок, устных заявлений о новом образе правления, которыми все чины до полковника и даже шляхетство бесчиновное осаждали Совет. Верховникам пришлось выслушать и прочитать кучу огорчений. Смятение дошло до того, что можно было опасаться восстания.

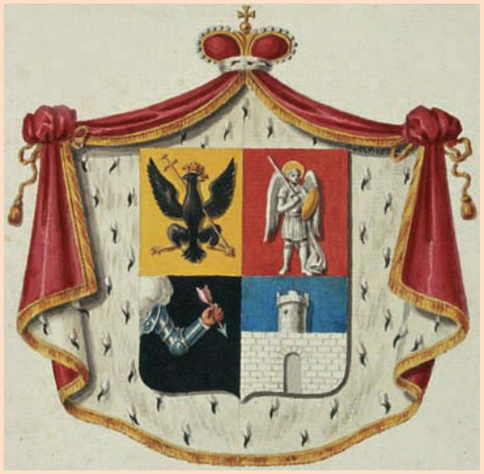
Верховный совет хотел припугнуть расходившихся политиков, напомнив им, что у него на мятежников есть полководцы, сыщики, пытки. Тогда оппозиция превратилась в конспирацию: люди слабые, «маломощные», по выражению Прокоповича, без положения и связей, собирались тайком, боялись ночевать дома, перебегали от одного знакомого к другому, и то ночью, переодетые.

Шляхетские проекты. Призыв чинов к участию в обсуждении дела придал олигархической интриге вид более широкого политического движения. До сих пор вопрос вращался в правительственном кругу: Верховный тайный совет имел дело с высшими учреждениями — Сенатом, Синодом, генералитетом, президентами коллегий. С момента подачи проектов в дело вступает общество, шляхетство

знатных фамилий в рангах и даже без рангов. Правительственные учреждения рассыпаются на кружки, сановники вмешиваются в ряды своей сословной братии; мнения подаются не от присутственных мест, не от сослуживцев, а от групп единомышленников. В движение входят новые интересы. Известно до 13 мнений, записок, проектов, поданных или приготовленных к подаче в Верховный тайный совет от разных шляхетских кружков; под ними встречаем более тысячи подписей. Только проект, составленный Татищевым и поданный от Сената и генералитета, разработан в цельный историко-политический трактат. Остальные составлялись наскоро, мысли развивались кое-как; значит, здесь можно искать неподкрашенного, откровенного выражения политического настроения дворянства. Проекты не касаются прямо ни пунктов, ни избрания Анны с ограниченной властью, как будто признают молчаливо совершившийся факт.

Только Татищев, как историк-публицист, тряхнул своим знакомством с русской историей и с западной политической литературой, как последователь моралистической школы Пуффендорфа и Вольфа. Он ставит дело на общие основы государственного права и доказывает, что России по ее положению всего полезнее самодержавное правление и что по пресечении династии избрание государя «по закону естественному должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, других чрез поверенных». Татищев знал двухпалатную систему представительства на Западе, а может быть, вспомнил и состав отечественного земского собора XVII в. Потому он возмущается не столько ограничением власти Анны, сколько тем, что это сделали немногие самовольно, тайком, попирая право всего шляхетства и других чинов, и он призывает единомышленников защищать это право по крайней возможности. Другие проекты идут низменнее: им не до теории и устройства верховной власти; они сосредоточивают свое внимание на двух предметах — на высшем управлении и на желательных льготах для дворянства.

Анна Иоанновна на троне со скипетром в руке. Гравюра Лоттеса. 1739 г.



Герб рода князей Долгоруких (Долгоруковых)

Неполными и неясными чертами проекты рисуют такой план управления. «Вышним правительством» или остается Верховный тайный совет, или становится Сенат. Больше всего проекты озабочены численным и фамильным составом этого правительства. Оно не должно составлять такого тесного кружка, как наличный осьмичленный Верховный тайный совет. В нем должно быть от 11 до 30 персон; всего надобнее не допускать в него более двух членов из одной фамилии: четверня князей Долгоруких в составе Верховного совета 19 января, очевидно, торчала досадной спицей в глазах у всего шляхетства. Все высшее управление должно бытъ выборное и дворянское.

Дворянство — не цельный, однородный класс: в нем различаются «фамильные люди», родовая знать, «генералитет военный и штатский», знать чиновная и шляхетство. Из этих разрядов и выбираются члены Верховного тайного совета, Сената, президенты коллегий и даже губернаторы. Избирают на эти должности генералитет и шляхетство, по некоторым проектам — только «знатное» и совместно с Верховным тайным советом и Сенатом. Это избирательное собрание в проектах и зовется обществом; ему же усвояется власть законодательная и даже учредительная; духовенство и купечество участвуют в выработке плана государственных реформ только по специальным вопросам, их касающимся. В некоторых проектах выражается желание облегчить податную тягость крестьян, т. е. платежную ответственность самих дворян; но не нашлось ни одного дворянина, который проронил бы слово не об освобождении крепостных — до того ли было, — а хотя бы о законном определении господских поборов и повинностей. Существенную часть проектов составляют льготы для дворянства по службе и землевладению: назначение срока службы, право поступать на службу прямо офицерами, отмена единонаследия и т. п. Этими льготами вовлекали в движение рядовое шляхетство.

Вид Зимнего дворца Анны Иоанновны со стороны Невы. Гравюра Г. А. Качалова с рисунка М. И. Махаева. 1750-е.

Дело вела родовитая или чиновная знать; мелкое дворянство, равнодушное к толкам о разных образах правления, не действовало самостоятельно, не составляло особых политических кружков, а ютилось вокруг важных «персон», суливших им заманчивые льготы, и вторило своим вожакам тем послушнее, что большинство его были гвардейские и армейские офицеры, привыкшие и в строю повиноваться тем же вожакам, своим полковникам и генералам: из 1100 подписей под разными проектами более 600 — офицерских.

Все проекты построены на мысли, что дворянство — единственное правомочное сословие, обладающее гражданскими и политическими правами, настоящий народ в юридическом смысле слова, своего рода pays legal; через него власть и правит государством; остальное население — только управляемая и трудящаяся масса, платящая за то и другое, и за управление ею, и за право трудиться; это — живой государственный инвентарь. Народа в нашем смысле слова в кругах, писавших проекты, не понимали или не признавали.

Новый план князя Голицына. Пока шляхетство в своих проектах спешило заявить свои сословные желания, князь Д. Голицын вырабатывал и обсуждал с Верховным тайным советом план настоящей конституции. По этому плану императрица распоряжается только своим двором. Верховная власть принадлежит Верховному тайному совету в составе 10 или 12 членов из знатнейших фамилий; в этом Совете императрице уделено только два голоса; Совет начальствует над всеми войсками: все по примеру шведского государственного совета во время его борьбы с сеймовым дворянством в 1719–1720 гг. Под Советом действуют у Голицына еще три учреждения: 1) Сенат из 36 членов, предварительно обсуждающий все дела, решаемые Советом; 2) Шляхетская камера (Палата) из 200 членов по выбору шляхетства охраняет права сословия от посягательств со стороны Верховного тайного совета и 3) Палата городских представителей заведует торговыми и промышленными делами и оберегает интересы простого народа.

Итак, знатнейшие фамилии правят, а шляхетские представители наравне с купеческими обороняются и обороняют народ от этого правления. Этот план не тушил пожара, а только подливал боярское масло в дворянский огонь.

Крушение. Подъезжая к Москве, Анна сразу почувствовала под собою твердую почву, подготовленную конспиративной агитацией слывшего безбожником немца и первоприсутствовавшего в Св[ященном] Синоде русского архиерея, и смело стала во главе заговора против самой себя, против своего честного митавского слова. В подмосковном Всесвятском вопреки пунктам она объявила себя подполковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов, собственноручно угостив их водкой, что было принято с величайшим восторгом. Еще до приезда Анны гвардейские офицеры открыто говорили, что скорее согласятся быть рабами одного тирана-монарха, чем многих. Анна торжественно въехала в Москву 15 февраля, и в тот же день высокие чины в Успенском соборе присягали просто государыне, не самодержице, да «отечеству» — и только.

Не замечая интриги, зародившейся вокруг Анны, сторонники Верховного тайного совета ликовали, рассказыва-

Церемониальная процессия во время коронации императрицы Анны Иоанновны. Художник О. Эллингер. XVIII в.

ли, что наконец-таки настало прямое порядочное правление; императрице назначают 100 тысяч рублей в год и больше ни копейки, ни последней табакерки из казны без позволения Совета, да и то под расписку; чуть что, хотя в малом в чем нарушит данное ей положение, — сейчас обратно в свою Курляндию; и что она сделана государыней, и то только на первое время помазка по губам. Но верховники уже не верили в удачу своего дела и, по слухам, будто бы сами предлагали Анне самодержавие.

И вот 25 февраля сот восемь сенаторов, генералов и дворян в большой дворцовой зале подали Анне прошение образовать комиссию для пересмотра проектов, представленных Верховному тайному совету, чтобы установить форму правления, угодную всему народу. Императрица призывалась стать посредницей в своем собственном деле между верховниками и их противниками. Один из верховников предложил Анне согласно кондициям предварительно обсудить прошение вместе с Верховным тайным советом; но Анна, еще раз нарушая слово, тут же подписала бумагу. Верховники остолбенели.

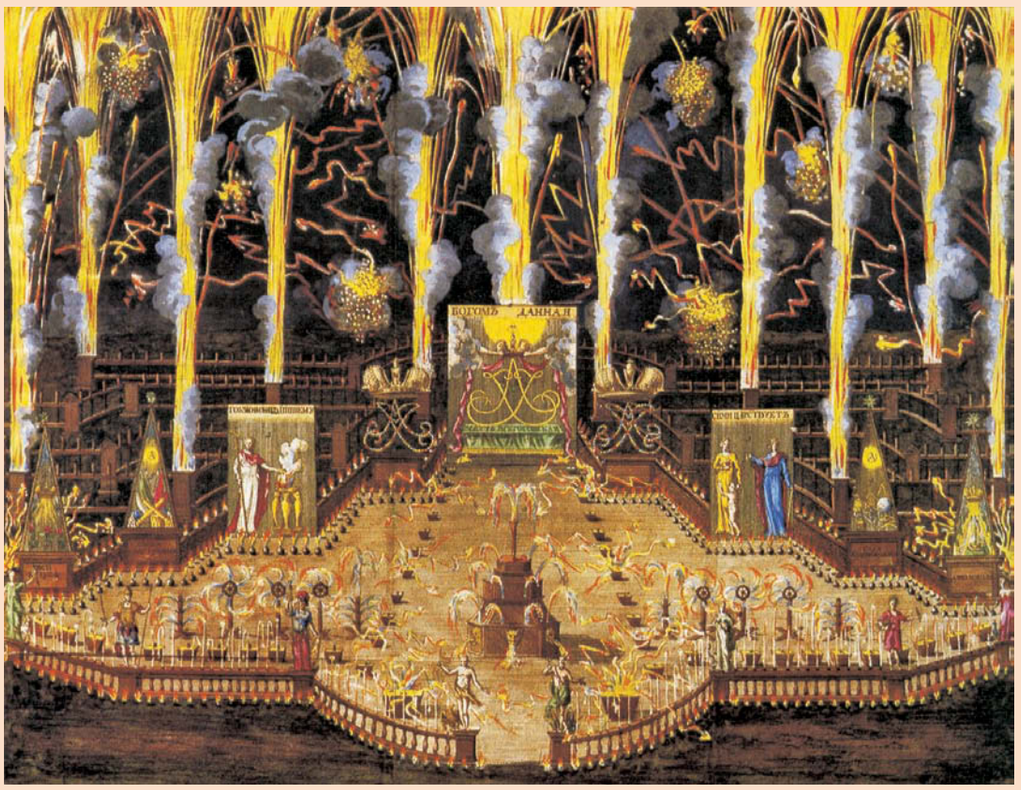
Но вдруг поднялся невообразимый шум: это гвардейские офицеры, уже надлежаще настроенные, с другими дворянами принялись кричать вперебой: «Не хотим, чтоб государыне предписывали законы; она должна быть самодержицею, как были все прежние государи». Анна пыталась унять крикунов, а они на колена перед ней с исступленной отповедью о своей верноподданнической службе и с заключительным возгласом: «Прикажите, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев».

В тот же день после обеденного стола у императрицы, к которому приглашены были и верховни-

ки, дворянство подало Анне другую просьбу, с 150 подписями, в которой «всепокорнейшие раби» всеподданнейше приносили и все покорно просили всемилостивейше принять самодержавство своих славных и достохвальных предков, а присланные от Верховного тайного совета и ею подписанные пункты уничтожить. «Как? — с притворным удивлением простодушного неведения спросила Анна. — Разве эти пункты были составлены не по желанию всего народа?» — «Нет!» — был ответ. «Так ты меня обманул, князь Василий Лукич!» — сказала Анна Долгорукому. Она велела принести подписанные ею в Митаве пункты и тут же при всех разорвала их. Все время верховники, по выражению одного иноземного посла, не пикнули, а то бы офицеры гвардии побросали их за окна.

А 1 марта по всем соборам и церквам «паки» присягали уже самодержавной императрице: верноподданнической совестью помыкали и налево и направо с благословения духовенства. Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII в., сооруженная 4-недельным временным правлением Верховного тайного совета.

Его причины. Дело 1730 г. представлялось современным наблюдателям борьбой, поднявшейся из-за ограни-



Фейерверк по случаю коронации Анны Иоанновны. Художник О. Эллингер. XVIII в.

Императрица Анна Иоанновна. Художник Луис Каравак. 1730 г.

чения самодержавия в среде господствующего класса, между родовой аристократией и дворянством: прочие классы народа не принимали в этом движении никакого участия.

Дворянская гвардия поняла дело по-своему, по-казарменному: ее толкали против самовластия немногих во имя права всех, а она набросилась на всех во имя самовластия одного лица — не туда повернула руль: просить о выборном управлении, восстановив самодержавие, значило прятать голову за дерево. На другой день после присяги самодержавная Анна, исполняя часть шляхетской просьбы, составила Сенат из 21 члена, но назначила их сама, без всяких выборов. Так ходом дела выясняются главные причины его неудачи. Прежде всего самый замысел князя Д. Голицына не имел ни внутренней силы, ни внешней опоры. Он ограничивал верховную власть не постоянным законом, а учреждением с неустойчивым составом и случайным значением; чтобы придать ему устойчивость, Голицын хотел сделать его органом и оплотом родовой аристократии — класса, которого уже не существовало: оставались только немногие знатные фамилии, разрозненные и даже враждебные друг другу. Голицын строил монархию, ограниченную призраком.

Связь с прошедшим. В предприятии князя Голицына возбуждают недоумение две черты: это — выбор лица, не стоящего на наследственной очереди, и подделка избирательного акта, превратившая условия избрания в добровольный дар избранницы. Первая черта наводит на мысль о некотором участии шведского влияния. Воцарение Анны несколько напоминает вступление на шведский престол сестры Карла XII Ульрики-Элеоноры в 1719 г.: то же избрание женщины помимо прямого наследника (герцога голштинского) с ограничением власти избранницы; то же домогательство аристократического государственного совета стать полновластным и такое же противодействие дворянства. Наконец, русские исследователи событий 1730 г. с помощью шведских историков указали очевидные следы влияния шведских конституционных актов в ограничительных пунктах, в плане и проекте присяги, составленных Голицыным. Но при сходстве обстоятельств условия были далеко не одинаковы.

При избрании Анны Голицын помнил и мог принимать в соображение случившееся с Ульрикой-Элеонорой: удалось там — почему не удастся здесь? Шведские события давали только ободрительный пример, швед-

ские акты и учреждения — готовые образцы и формулы. Но побуждения, интересы и согласованная с ними тактика были свои, незаимствованные. Это особенно сказалось в другой черте дела. Зачем понадобилась Голицыну фальсификация избирательного акта? Здесь надобно обратиться к русскому прошлому. Закулисная интрига в перемене образа правления имела у нас долгую и невзрачную историю.

В 1730 г. уже не в первый раз поднимался старый и коренной вопрос русского государственного порядка — вопрос о закономерной постановке верховной власти. Он вызван был пресечением династии Рюриковичей, как историческая необходимость, а не как политическая потребность. До 1598 г. на московского государя смотрели как на хозяина земли, а не народа. В народном правосознании не было места для мысли о народе как о государственном союзе; не могло быть места и для идеи народной свободы. Церковь учила, что всякая власть от Бога, а так как воля Божия не подлежит никакому юридическому определению, то ее земное воплощение становилось вне права, закона, мыслилось как чистая аномия.

С 1598 г. русское политическое мышление стало в большое затруднение. Церковное понятие о власти еще можно было кое-как пристроить к наследственному государю — хозяину земли; но царь выборный, деланный хоть и земскими, но все же земными руками, трудно укладывался под идею богопоставленной власти. Политическое настроение раздвоилось. Плохо понимая, что за цари пошли с Бориса Годунова, народная масса сохранила чисто отвлеченное библейское представление о царской власти; но уже закрепощаемая и прежде умевшая только бегать от притеснений

Дипломат А. П. Волынский времен Анны Иоанновны на заседании Кабинета министров. Художник. В. Якоби

властей, она в XVII в. выучилась еще бунтовать против бояр и приказных людей.

В свою очередь, и боярство под влиянием горьких опытов и наблюдений над соседними порядками освоилось с мыслью о договорном царе; но, исходя из правящего класса, а не из народной массы, заслуженно ему не доверявшей, эта мысль всегда стремилась отлиться и дважды отливалась в одинаковую форму закулисной сделки, выступавшей наружу в виде добровольного дара власти либо проявлявшейся в ослабленных браздах правления. Такая форма была выходом из положения между двух огней, в какое попадали люди, чутьем или сознательно пытавшиеся исцелить страну от болезненного роста верховной власти.

Дело 1730 г. было седьмой попыткой более или менее прикрытого сделочного вымогания свободы правительственным кружком и четвертым опытом открытого, формального ограничения власти. Негласное вымогание свободы вызывалось нравственным недоверием к дурно воспитанной политической власти и страхом перед недоверчивым к правящему классу народом; формальное

ограничение не удавалось вследствие розни среди самих господствующих классов.

Императрица Анна и ее двор. Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов: «канальи курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника.

Казнями и крепостями изводили самых видных русских вельмож — Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержащей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением.

Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось.

В разных классах народа толковали: Бирон и Миних великую силу забрали, и все от них пропали, овладели всем у нас иноземцы; тирански собирая с бедных подданных слезные и кровавые подати, употребляют их на объедение и пьянство; русских крестьян считали хуже собак; пропащее наше государство! Хлеб не родится,

Императрица Анна Иоанновна. Художник Д. Кордовский. XVIII в.

Бирон

потому что женский пол царством владеет; какое ныне житье за бабой?

Подпирая собой иноземное иго, гвардия услужила бироновщине и во взыскании недоимок: гвардейские офицеры ставились во главе вымогательных отрядов. Любимое детище Петра, цвет созданного им войска — гвардеец явился жандармом и податным палачом пришлого проходимца. Лояльными гвардейскими штыками покрывались ужасы, каких наделали разнузданные народным бессилием пришельцы.

Внешняя политика. Бирон с креатурами своими не принимал прямого, точнее, открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать, позади престола. Над кучей бироновских ничтожеств высились настоящие заправилы государства — вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних. Им предстояло все усиливавшийся ропот на худое ведение внутренних дел заглушить шумными внешними успехами, а немецкое правительство русской императрицы из Митавы даже обязано было для собственной безопасности поддержать свой престиж в России и в Европе. Этого и немудрено было добиться, умело позируя между Францией и Австрией, во взаимной вражде одинаково заискивавшими у России с ее превосходным петровским войском, которого еще не успели вполне расстроить.

В 1733 г. умер король польский Август II, непутный союзник Петра I, и надобно было поддержать его сына в борьбе за польский престол против французского кандидата, старого Станислава Лещинского.

Теперь ввели в глубь Польши целую регулярную армию в 50 тысяч под командой лучшего из генералов-иноземцев, да и то не немца, а шотландца Лесси, любимца

Портрет графа А. И. Остермана. Художник Франкарт. 1738 г.

Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны. Художник В. Якоби. 1872 г.

Б. Х. Миних

солдат. Но в Петербурге предприятие было так плохо подготовлено, а присланный улаживать дела в Польше закадычный друг Остермана, бездельник обер-шталмейстер Левенвольд, поставил русское войско в такое невыносимое положение, что 42 месяца осаждали укрывший за своими стенами Станислава Данциг, под которым сам сменивший Лесси Миних уложил более 8 тысяч русских солдат.

По связи с польской войной и по поводу крымских набегов в 1735 г. начали войну с Турцией. Надеялись в союзе с Персией и той же Австрией припугнуть турок легкой и быстрой кампанией...

И действительно, русские войска добились громких успехов: сделаны были три опустошительных вторжения в главное татарское гнездо, в непроницаемый дотоле Крым, взяты Азов, Очаков, после Ставучанской победы в 1739 г. заняты Хотин, Яссы и здесь отпраздновано покорение Молдавского княжества.

Война стоила страшно дорого: в степи, в Крыму и под турецкими крепостями уложено было до 100 тысяч солдат, истрачено много миллионов рублей; показали миру чудеса храбрости своих войск, но кончили тем, что отдали дело во враждебные руки французского посла в Константинополе Вильнева, ума непервоклассного, по отзыву русского резидента. Но он превосходно распорядился интересами России, заключил мир в Белграде (сентябрь 1739 г.) и подсчитал такие главные итоги всех русских усилий, жертв и побед: Азов уступается России, но без укреплений, которые должны быть срыты; Россия не может иметь на Черном море ни военных, ни даже торговых кораблей; султан отказался признать императорский титул русской императрицы. Вот к чему свелись и брянская флотилия, и камские экспедиции, и штурм Очакова, и Ставучаны...

Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры, но такого постыдно смешного договора, как белградский 1739 г., ей заключать еще не доводилось и авось не доведется. Вся эта дорогая фанаронада была делом первоклассных талантов тогдашнего петербургского правительства, дипломатических дел мастера Остермана и такого же военных дел мастера Миниха с их единоплеменниками и русскими единомышленниками.

Движение против немцев. Горючий материал негодования, обильно копившийся 10 лет, тлел незаметно. Ему мешали разгораться привычное почтение к носителям верховной власти, исполнение некоторых шляхетских желаний 1730 г. и нечто похожее на политический стыд: сами же надели на себя это ярмо. Но смерть Анны развязала языки, а оскорбительное регентство Бирона толкало к действию.

Гвардия зашумела; офицеры, сходясь на улицах с солдатами, громко плакались им на то, что регентство дали Бирону мимо родителей импе-

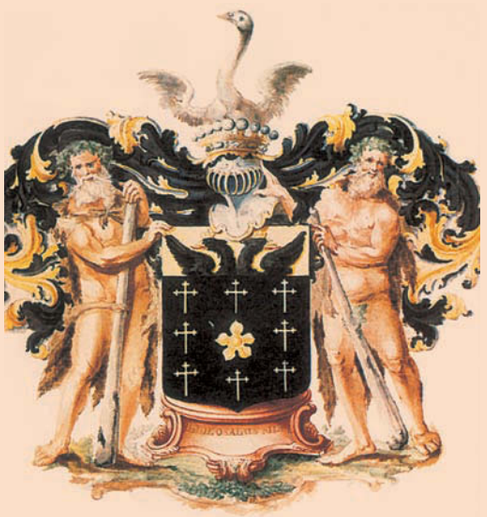
Портрет графа А. П. Бестужева-Рюмина. Художник. А. Казатов. 1764 г.

ратора, а солдаты бранили офицеров, зачем не зачинают. Капитан Бровцын на Васильевском острову собрал толпу солдат и с ними горевал о том, что регентом назначен Бирон. Увидел это кабинет-министр Бестужев-Рюмин, креатура регента, и, превратив себя в городового, погнался с обнаженной шпагой за Бровцыным, который едва успел укрыться в доме Миниха. Подполковник Пустошкин, вспомнив 1730 г., подговорил многих, и в том числе гвардейских офицеров, подать челобитную от российского шляхетства о назначении регентом принца-отца. Пустошкин хотел провести свою просьбу через кабинет-министра князя Черкасского, одного из шляхетских вождей 1730 г., а тот выдал его Бирону.

Офицеры толковали о регенте, не трогая императора-ребенка; нижним чинам была понятнее более простая и радикальная мысль о самом престоле. При сыне герцога брауншвейгского, кто ни будь регентом, господство все равно останется в руках немцев. На престоле надобно лицо, которое обошлось бы без регента и без немцев.

Озлобление на немцев расшевелило национальное чувство; эта новая струя в политическом возбуждении постепенно поворачивает умы в сторону дочери Петра. Идучи от присяги императору-ребенку, гвардейские солдаты толковали о цесаревне Елизавете. Один гвардейский капрал в этот день говорил своим товарищам: «А не обидно ли? вот чего император Петр I в Российской империи заслужил: коронованного отца дочь государыня-цесаревна отставлена».

Возбуждение гвардейских кружков сообщалось и низшим слоям, с ними соприкасавшимся. Когда манифест о воцарении Ивана Антоновича и о регентстве Бирона был прислан в Шлюссельбург, в канцелярию Ладожского канала, один писарь оказался навеселе. Окружающие советовали ему привести себя для присяги в по-



Герб Бестужевых-Рюминых

Б. Х. Миних

рядок, но он возразил: «Не хочу — я верую Елизавет-Петровне». Самые скромные чины хотели иметь свои политические верования. Так был подготовлен ночной гвардейский переворот 25 ноября 1741 г., который возвел на престол дочь Петра I.

Этот переворот сопровождался бурными патриотическими выходками, неистовым проявлением национального чувства, оскорбленного господством иноземцев: врывались в дома, где жили немцы, и порядочно помяли даже канцлера Остермана и самого фельдмаршала Миниха.

Гвардейские офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига. Она дала отставку некоторым немцам. Гвардия осталась недовольна, требуя поголовного изгнания всех немцев за границу. В финляндском походе (тогда шла война со Швецией) в лагере под Выборгом против немцев поднялся открытый бунт гвардии, усмиренный только благодаря энергии генерала Кейта, который, схватив первого попавшегося бунтовщика, приказал сейчас же позвать священника, чтобы приготовить солдата к расстрелянию.

Значение эпохи. ...Со смерти Петра I русское дворянское общество пережило ряд моментов или настроений. Дело началось замыслом ограничить верховную власть учреждением тесного совета из первостепенной знати; этот замысел вызвал попытку ввести в высшее управление конституционное участие более широкого дворянского круга. Когда не удались ни аристократический олигархизм, ни шляхетский конституционализм, от обеих неудач отложился сильно возбужденный дворянский патриотизм, приучавший сословие к трезвому взгляду на свое положение в государстве: лучше самим распоряжаться в отечестве, чем терпеть хозяйничанье чужаков.

Поворотом от беспокойных и непривычных толков о европейских конституциях к реальным условиям родной страны и общепонятным интересам сословия завершилось политическое возбуждение, длившееся 17 лет. Оно не прошло бесследно для государственного устройства и общественного порядка: под его прямым или косвенным влиянием дворянство постепенно становилось в новое служебное и хозяйственное положение. Собственно, эти перемены и важны для истории Русского государства и общества XVIII в. Политические мечты людей 1730 г. были свеяны временем, но политическая роль, какую пришлось сыграть в тогдашних событиях дворянской гвардии, оставила по себе следы, не сглаживавшиеся до половины XIX в.

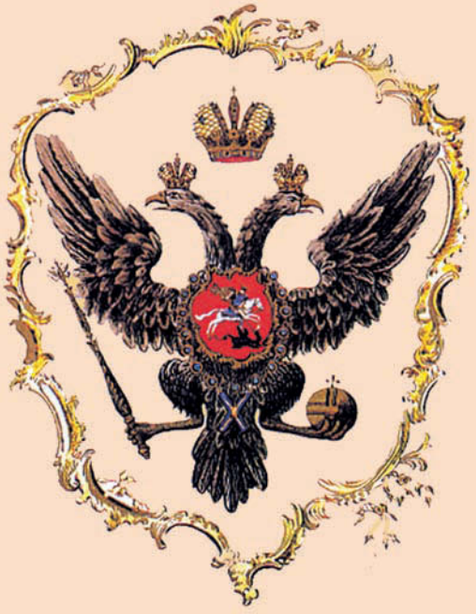
Отношение правительства после Петра I к его реформе. Правительствам после Петра было не до коренных вопросов, не до начал и задач реформы: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями. Дорогие нововведения Петра обременяли старый бюджет хроническим дефицитом; возвышение налогов для его покрытия плодило недоимку, взыскание которой усиливало бегство плательщиков, а это в свою очередь увеличивало недоборы и поддерживало дефицит.

Преобразованные учреждения не умели выйти из этого заколдованного финансового круга, напротив, затрудняли выход, вели дела не лучше, если не хуже старых приказов. В областных управлениях по казенным сборам сенатский ревизор в 1726 г. находил вместо приходо-расходных книг валявшиеся записки на гнилых лоскутках и открывал «непостижные воровства и похищения» казенных денег, за что решился даже повесить копииста и пищика. Подчиненные местные учреждения брали пример с правящих центральных. Долго помнили, как Петр I дорожил казенными деньгами, «из-за копейки давливался», по чересчур образному выражению одного солдата в 1744 г.

После Петра финансовая отчетность все более падала, даже при Елизавете, так настойчиво заявлявшей о своей верности правилам отца.

Но в сферах государственного строения, на которые Петр I положил наиболее забот, правительство после него не удержалось на высоте поставленных им задач. Действовавшая под председательством Остермана комиссия о коммерции боролась с откупами и казенными монополиями, старалась расширить вольную торговлю, упоря-

Большой государственный герб Российской империи



Государственный герб России в середине XVIII в.

дочить ввоз и вывоз, поддержать вексельный курс, составила вексельный устав, но не могла сделать много.

Главным предметом вывоза служило русское сырье, имевшее почти монопольный характер товара, только из России и вывозимого; переработка его в ценный фабрикат делала нечувствительной надбавку вывозной пошлины, не сокращая вывоза, а русский поставщик или производитель освобождался от тягостных налогов, ничего не теряя на спросе. Значит, возвышенная вывозная пошлина наибольшей долей своей тяжести падала на заграничного потребителя, а ввозная — на казну и богатые классы, главных заказчиков ввозных товаров. Это была самая удачная и едва ли не единственная удачная финансовая мера на протяжении шести царствований после Петра.

Но при видимом благоговении к памяти преобразователя его преемницы не умели удержать на полтавской и гангутской высоте военное дело. Современники, как и документы того времени, говорят о расстройстве армии после Петра, о плохом корпусе офицеров, об упадке военной техники, строевой, артиллерийской, инженерной, о «весьма мизерном и сожаления достойном состоянии полков», как доносил фельдмаршал Лесси, о массовом бегстве солдат из полков и крестьян за границу от рекрутчины. Только Семилетняя война подтянула расстроившееся войско, став для него такой же дорого оплаченной школой, какой была Северная война.

Фузилер артиллерийского полка. 1731 г.

Еще печальнее участь, постигшая флот: он все время оставался в крайнем пренебрежении.

Правительственное бессилие. Так действовали правительства после Петра. Они не ставили себе общего вопроса, что делать с реформой Петра — продолжать ли ее или упразднить. Не отрицая ее, они не были в состоянии и довершать ее в целом ее составе, а только частично ее изменяли по своим текущим нуждам и случайным усмотрениям, но в то же время своей неумелостью или небрежением расстроивали ее главные части. Не зная положения дел в государстве, «вышнее правление» брело ощупью, по указаниям подчиненных, не умевших составить ни одной верной и отчетливой ведомости.

Крестьянский вопрос. Дельцы, вдумывавшиеся в положение государства, останавливали тревожное внимание на крестьянстве. Тотчас по смерти Петра прежде других заговорил о бедственном положении крестьян нетерпеливый генерал-прокурор Сената Ягужинский; потом в Верховном тайном

совете пошли оживленные толки о необходимости облегчить это положение. «Бедное крестьянство» стало ходячим правительственным выражением.

Заботили, собственно, не сами крестьяне, а их побеги, отнимавшие у правительства рекрутов и податных плательщиков. Бежали не только отдельными дворами, но и целыми деревнями: из некоторых имений убегали все без остатка; с 1719 по 1727 г. числилось беглых почти 200 тысяч — официальная цифра, обычно отставшая от действительности.

Самая область бегства широко раздвигалась: прежде крепостные бегали от одного помещика к другому, а теперь повалили на Дон, на Урал и в дальние сибирские города, к башкирам, в раскол, даже за рубеж, в Польшу и Молдавию. В Верховном тайном совете при Екатерине I рассуждали, что если так пойдет дело, то до того дойдет, что взять будет не с кого ни податей, ни рекрутов, а в записке Меншикова и других сановников высказывалась непререкаемая истина, что если без армии государству стоять невозможно, то и о крестьянах надобно иметь попечение, потому что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и если крестьянина не будет, то не будет и солдата.

Для предупреждения побегов сбавляли подушную, слагали недоимки; беглых возвращали на старые места сначала просто, а потом с телесным наказанием. Но и тут беда: возвращенные беглецы бежали вновь с новыми товарищами, которых подговаривали рассказами о привольном житье в бегах, в степи или в Польше.

К побегам присоединились мелкие крестьянские бунты, вызванные произволом владельцев и их управляющих. Царствование Елизаветы было полно местными бесшумными возмущениями крестьян, особенно монастырских. Посылались усмирительные команды, которые били мятежников или были ими биваемы, смотря по тому, чья брала. Это были пробные мелкие вспышки, лет через 20–30 слившиеся в пугачевский пожар.

Крестьянский обед.
Художник М. Шибанов. 1774 г.

Бесплодность полицейских мер обнаруживала всегдашний прием плохих правительств — пресекая следствия зла, усиливать его причины. Более привычные к размышлению правители углублялись в корень зла. Тогда в сознании правящих сфер стала пробиваться мысль, что податной народ не просто живой инвентарь государственного хозяйства, но желает быть правомерным и правоспособным членом государственного союза, нуждающимся в справедливом определении своих прав и обязанностей перед государством.

Еще Посошков считал крепостных государственными крестьянами, отданными помещикам только во временное владение, и настаивал на законодательной нормировке их отношений к владельцам. В народе помыслы о воле, о законном обеспе-

чении прав бродили уже при Петре I, возбуждаемые общественной переборкой, какую производила реформа. От этого времени дошла челобитная «о свободстве», будто бы поданная Петру боярскими людьми на князей и бояр, у которых они, «яко в Содоме и Гоморре», мучатся, а в Верховном тайном совете на другой год по смерти Петра шли толки, не допустить ли вольную торговлю, так как «и купечество воли требует».

Фискальными нуждами и новыми прокрадывавшимися наверх понятиями внушена была попытка дать новую постановку крестьянскому вопросу, точнее, вопросу о крепостном праве. Объясняя в своем проекте 1753 г. вред внутренних таможен для крестьянства и купечества, граф Шувалов прибавлял, что «главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад». Это значило заявить, что неподатные классы, дворянство и духовенство, — не главная сила государства, и Сенат с похвалою принял, а верховная власть одобрила проект с таким заявлением. Значит, вверху и внизу крестьянский вопрос готов был стать на социально-политическую почву, становился задачей правомерного устроения общества.

Анисим Маслов. Еще раньше Шувалова та же мысль о податном народе разрабатывалась в практические положения, в юридические нормы Анисимом Масловым, одним из тех государственных дельцов, какие появляются и в темные времена народной жизни, помогая своим появлением мириться не с этими временами, а со страной, которая их допускает в своей жизни.

Как обер-прокурор Сената, Маслов в рапортах императрице Анне и Бирону неумолимо обличал недобросовестность и бездельничество сильных правителей и самих сенаторов, а получив тяжелое и противное поручение выбирать многомиллионные податные недоимки, немолчно твердил о бедственном положении крестьян. Нравственному действию его нелицеприятной и мужественной настойчивости подчинялись даже такие нравственные сухари, как императрица и ее фаворит, и Маслов провел в 1734 г. строгое предписание кабинет-министрам составить «учреждение» для помещиков, «в каком бы состоянии они деревни свои содержать мог-

Старуха. Художник В. Маковский. XIX в.

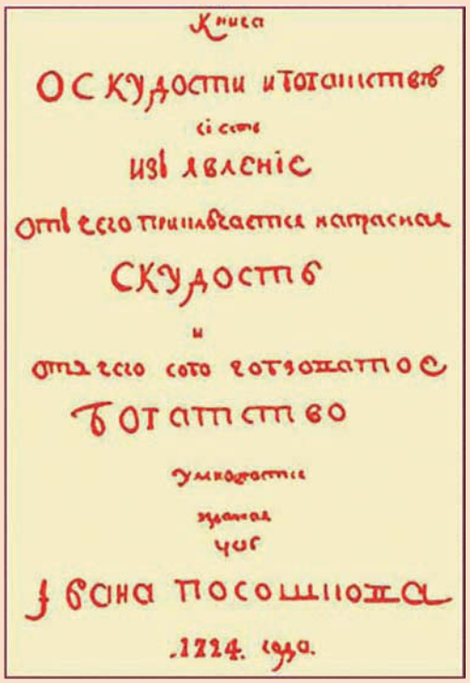
ли и в нужный случай им всякое вспоможение чинили».

Но не рассчитывая на поворотливость Кабинета, Маслов поспешил сам составить и подать Анне недавно найденный в архиве проект жестокого указа, который, ставя накопление подушной недоимки в вину «бессовестным» помещикам, отягощавшим своих крестьян излишними работами и оброками, предписывал Сенату прилежно обсудить способ бездоимочного и неотяготительного сбора подушной и установить меру крестьянских оброков и работ на господ, грозя Сенату строгим взысканием, если он не учинит вскоре «такого полезного учреждения».

Бойко поставлен был жгучий вопрос о законодательной нормировке крепостного права, и для обсуждения дела Сенату велено было призвать из воинских и гражданских чинов сколько персон заблагорассудится: словно Маслов читал Посошкова, предлагавшего Петру нечто подобное (лекция LXIII).

Шляхетские проекты 1730 г. предусмотрительно обходили этот вопрос, ограничиваясь пожеланием возможного облегчения крестьянских податей. Сенат превратился в конспиративную квартиру, совещался, высылал секретарей, как бы угомонить уже слегшего в постель по болезни, беспокойного обер-прокурора, и вздохнул свободно, когда в 1735 г. Маслова не стало.

На проекте заготовленного им указа сохранилась помета секретаря императрицы «обождать». Дело кануло в воду на сто с лишком лет. Я задержал на Маслове ваше внимание, ибо он — родоначальник Сперанских, Милютиных и других государственных дельцов, мощной и человеколюбивой мыслью поработавших над разрешением крепостного вопроса.


Книга
О скудости и богатствѣ
сiя сея
изъ явленiе
отъ сего пришлвается напрасная
скудость
и
отъ сего сего богатое
богатство
умноженiе
здатая
чиг
у вона посошкова
1724. года.

Заглавная страница «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова

Дворянство и крепостное право. Проект Маслова был брошен, потому что законодательство уже вступило на путь к другому решению крестьянского вопроса. Правительство искало не юридической установки крепостных отношений, а способа бездоимочного подушного сбора. Введенный при расквартировании полков варварский порядок этого сбора комиссарами от земли с полковыми командами способен был только разорить и разогнать крестьян и тем увеличить недоимку.

При Екатерине I, видели мы, решено было отстранить от дела военные команды и положить сбор на воевод; при этом высказывалось мнение, что брать подушную следует не прямо с крестьян, а «платить самим помещи-

Жатва. Фреска из церкви Ильи Пророка в Ярославле. Фрагмент

кам». Но дело не пошло лучше: воеводы со своими хищными приказными стоили военных команд. При Анне в 1730 г. воротились было к петровскому военному порядку.

Наконец, в новом регламенте Камер-коллегии (23 июня 1731 г.), выбрав из прежних неудачных опытов наиболее сподручное, установили упрощенный порядок сбора: выборных от уездного дворянства земских комиссаров положено было упразднить, подать собирать по полугодиям самим помещикам или их управляющим заранее до полугодового срока и в срок, не дожидаясь повестки, отвозить к воеводе. Кто не платил в срок, в его деревни назначалась экзекуционная команда от полка, в дистрикте которого находился неисправный плательщик, и она правила недоимку на самом помещике или его управляющем.

Ответственный плательщик стал и обязательным сборщиком. Этот сбор лег на помещиков новым правительственным поручением в прибавку к прежним: к вотчинному суду, к полицейскому надзору за своими крепостными, к ответственности за их податную исправность и к ходатайству за них в судных делах с посторонними.

В лице помещика теперь совмещались и становой пристав, и земский начальник, и, как бы сказать, крепостной стряпчий. Это поручение не увеличивало прав крепостного владения как гражданского института, а только осложняло распорядительную власть владельца, расширяло пространство его произвола как полицейского агента.

За обязанностью податного сбора вскоре последовала другая, сама собою из нее вытекавшая. В те годы часты были неурожаи. Особенно злополучен был 1733 год: к концу его крестьяне толпами наводнили города, прося милостыни. В апреле 1734 г. издан был указ, обязывавший помещиков кормить своих крестьян в неурожайные годы, ссужать их семенами, чтобы зем-

Крестьянка с васильками. Художник А. Венецианов. 1820-е гг.

ля впусте не лежала; дополнительный указ того же года грозил за нарушение апрельского закона жестоким истязанием и конечным разорением. Доверив помещикам эксплуатацию такого важного финансового источника, как подушная подать, необходимо было оградить его от истощения эксплуататорами.

Служебные льготы дворянства. Так крестьянский вопрос, столь живо возбужденный, свороченбылссоциально-политического пути, малодоступного разумению правительственной толпы, на путь фискально-полицейский, который привел к важным переменам в положении не крестьянства, а дворянства. Это случилось потому, что именно на этом вопросе нужды казны дружно встретились со стремлениями дворянства.

Казна искала себе надежных местных орудий; полковники с военными командами и губернаторы с воеводами оказались никуда не годными пособниками казенного интереса. Мысль сделать помещика таким пособником и выразилась в возложении на него обязанностей собирать подушную подать со своих крепостных и ссужать их хлебом в неурожайные годы, т. е. быть их хозяйственным попечителем. Различные обстоятельства содействовали этому повороту сословия к сельскохозяйственным и полицейским занятиям.

Для Петра важно было значение дворянства как орудия управления и еще более как военно-служилого класса, который давал офицерский запас, составлял обученные кадры и команду для регулярных полков. Хозяйственное положение дворянства занимало преобразователя только по связи его с военно-служебной годностью сословия. Военная служба дворянства стала

Английская набережная с Васильевского острова. Художник Б. Патерсен. 1799 г. (слева на гравюре — угол здания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса)

менее нужна правительству благодаря затишью, наступившему в Западной Европе и в России после войн за испанское наследство и Северной.

Зато в глазах правительства росло значение дворянства как землевладельческого класса, по мере того как недоимки и побеги, вскрывая податное изнеможение и беззащитность крестьянства, усиливали потребность в попечительном сельском управлении. Тогда еще господствовал взгляд на помещика как на естественного покровителя своих крепостных; но для этого надобно было сделать его полным хозяином в своей деревне и снять с него другие обязанности. Потому в законодательстве после Петра I идут вперемежку два ряда мер: одни укрепляют дворянское землевладение, другие облегчают обязательную службу дворянства.

При непрерывном служебном отсутствии помещиков их крепостные оставались в полном распоряжении воевод и приказчиков. В 1727 г. разрешено было две трети офицеров и рядовых из дворян отпускать на побывку по домам без жалованья, чтобы они

На пашне. Весна. Художник А. Венецианов

могли привести в порядок свои деревни и, разумеется, защитить их от разных «волков». Дворянство, как видно из его проектов 1730 г., весьма тяготилось своей бессрочной службой, притом соединенной с обязанностью начинать ее рядовыми, солдатами или матросами.

В 1731 г. учрежден был Шляхетский кадетский корпус на 200, а потом на 360 интернов, откуда поступали на службу, смотря по успехам, прямо в офицерские или соответственные гражданские чины, а указ 31 декабря 1736 г. ограничил срок обязательной дворянской службы 25 годами, предоставив отцам из двоих или более сыновей одного удерживать дома для хозяйства, не отдавая в службу. Так в шляхетстве рядом с военными и гражданскими служаками возник третий, специальный класс — неслужащих дворян-хозяев; впрочем, и обязанные службой, начиная ее по закону с 20 лет, могли выходить в отставку еще вполне годными хозяевами. Тяга в деревню была так сильна, что по окончании турецкой войны (1739 г.) выслужившие срок дворяне бросились с просьбами об отставке во множестве, грозившем опустошить офицерский комплект полков: пришлось так истолковать закон 1736 г., чтобы толкование отменяло его.

Укрепление дворянского землевладения. Отмена единонаследия. По докладу Сената о неудобствах единонаследия указ 17 марта 1731 г. отменил этот

порядок, повелевая как поместья, так и вотчины именовать одинаково *недвижимое имение-вотчина* и делить такую недвижимость между детьми по Уложению «всем равно». Так огромный запас населенных государственных земель, какими были поместья, окончательно и безмездно отчуждался в частное владение, а помещик, прежде являвшийся в свое поместье редким гостем, теперь стал чувствовать себя там полным хозяином, получив значение вотчинника.

Заемный банк. Но при первом же приступе к поправлению запущенного заглазного хозяйства помещик наталкивался на кучу затруднений в недостатке оборотного капитала, в бесконечных тяжбах о межах, земельных захватах и беглых, в юридической неурядице крепостных отношений, а больше всего в собственном невежестве. Законодательство подавало помещику-хозяину руку помощи как умело. При дороговизне частного кредита, доходившей до 20 %, по указу 7 мая 1753 г. открыт был в 1754 г. государственный Дворянский банк с основным капиталом в 750 тысяч рублей (около 5 миллионов на наши деньги) из шуваловской винной прибыли; помещик мог брать под залог недвижимого имения единовременную ссуду до 10 тысяч рублей из 6 % с уплатой в 3 года.

Генеральное межевание. С целью упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой, предпринято было генеральное межевание по межевой инструкции 13 мая 1754 г., с межевыми экспедициями из штаб- и обер-офицеров и геодезистов со строгими правилами о проверке прав владения и владенных крепостей, об уничтожении чересполосицы, о раздельном размежевании совместных дач и т. п. Но межевание, начатое с Московской губернии, раздразнило дворянский муравейник, возбудило ожесточенное противодействие владельцев, вызвало между ними бесчисленные тяжбы и, наконец, было приостановлено.

Указ о беглых. Страшно расстраивали помещичье, как и государственное хозяйство крестьянские побеги: это был бич, которым правительство и землевладельцы наказывали самих себя за произвол и неразумие. Судебные места были завалены исками о беглых, их архивы — указами о побегах. Сенат не умел или не позаботился выработать

Столетняя царскосельская крестьянка с семьей. Художник О. Каблукова. 1815 г.

удобного порядка судопроизводства по этим делам. Старое Уложение предписывало искать и выдавать беглых по писцовым и переписным книгам 1620–1640-х гг. В деревне Коломенского уезда писцовая книга 1627 г. записала беглеца Сидорова. Сто лет спустя сыщик владельца этой деревни излавливал где-то в воронежской степи крестьянина по фамилии Сидоров и приводил в суд, как потомка беглеца. Судья спрашивал приведенного, происходит ли он от Сидорова 1627 г. Тот из страха говорил, что происходит, и его отдавали истцу. Но у соседа в деревне по той же писцовой оказывался свой беглец Сидоров: он хватал только что выданного и приводил в суд, где этот крестьянин, не зная, кому он достанется, на такой же вопрос судьи отвечал, что он и от этого Сидорова происходит. За «переменные речи» — пытка: знай тверже свою восходящую линию.

В 1754 г. по настоянию императрицы Сенат, наконец постановил выдавать беглых по сказкам первой ревизии, не восходя дальше 1719 г. Разорению рядового дворянства от крестьянских побегов особенно помогала его старшая братия, знать, отнимавшая и укрывавшая в своих деревнях его крестьян. При Петре I она еще боялась указа, и в 1722 г., когда велено было под страхом тяжкого наказания и огромного штрафа (до 400 рублей на наши деньги за каждый год пользования беглой душой) возвратить присвоенных крестьян, она в испуге просила командиров выслать обобранных ею дворян из полков в столицу для частного с ними соглашения, чтобы не жаловались. После Петра вельможное пристанодержательство стало смелее.

Расширение крепостного права. Судебно-полицейская власть помещика обогатилась указом 6 мая 1736 г.,

Гумно. Художник А. Венецианов

предоставившим ему определять меру наказания крепостному за побег; указом 2 мая 1758 г., обязывавшим, точнее, уполномочивавшим помещика наблюдать за поведением своих крепостных; наконец, указом 13 декабря 1760 г. о праве помещиков ссылать крепостных в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов, а потом (по указу 1765 г.) даже в каторжную работу «за предерзостное состояние».

Вместе с тем закон все более обезличивал крепостного, стирая с него последние признаки правоспособного лица. Помещик торговал им, как живым товаром, не только продавая его без земли людям всякого звания в рекруты, но и отрывая от семьи; закрыт был единственный законный выход из неволи добровольной записью в солдаты; крестьянин не мог обязываться векселями и вступать в поручительства; наконец, в начале царствования Екатерины II крепостные потеряли право жаловаться на господ.

Монополизация крепостного права. В XVII в. право владеть землей и крепостными принадлежало всем служилым людям «по отечеству», без различия чинов. Роспись служилых

фамилий, составленная по отмене местничества, так называемая Бархатная книга, установила фамильный состав наследственно-служилого сословия, получившего при Петре звание дворянства и облеченного правом личного землевладения с крепостными людьми. Прекращение поместного верстания, выслуга потомственного дворянства обер-офицерским чином, смешение поместий с вотчинами, как и смешение холопства с крепостным крестьянством, появление фабричных и заводских крестьян и другие меры сословного законодательства Петра спутали установившиеся понятия как о составе дворянства, так и о пространстве права личного населенного землевладения.

Между тем важные правительственные полномочия, принимаемые за сословные заманчивые привилегии, возбуждали потребность в точном определении этого состава и пространства. Но законодательство не выработало твердых норм по этому предмету — то хотело видеть в крепостном праве фискальное средство, то сословную привилегию: в 1739 г. оно запретило приобретать крепостных людям, у которых не было деревень, а в ревизской инструкции 1743 г. разрешило писать крепостных за солдатами и приказными из-за платежа подушной.

Торг. Сцена из крепостного быта. Худ. Н. Неврев

Герб Санкт-Петербурга

Накоплялись разноречивые указы, а Сенат еще более запутывал дело произвольными их толкованиями и неумелыми применениями. Так, одни указы позволяли посадским владеть дворовыми, другие запрещали. Некоторые такие владельцы сами просили отобрать у них дворовых, затрудняясь платить за них подушную. Но Сенат, ссылаясь на дозволительные указы, отказал в просьбе, превратил дозволение в приказание, право в повинность.

В шляхетских проектах 1730 г. заходила речь о необходимости составить новую роспись, своего рода канон «подлинного» шляхетства, установив точные признаки принадлежности к сословию и условия приобщения к его правам. Три разряда лиц недворянского звания в большей или меньшей мере и с неодинаковой законностью пользовались правами душевого и земельного владения: 1) несвободные боярские люди и архиерейские и монастырские слуги, 2) свободные люди, положенные в подушный оклад, купцы, посадские и казенные крестьяне, к которым причислены были и однодворцы, полудворяне и полукрестьяне, 3) служилые люди, не дослужившиеся до обер-офицерского чина и впоследствии получившие звание личных дворян. Целым рядом указов (1730, 1740, 1758 гг., также межевой инструкцией 1754 г.) все эти разряды один за другим лишены были права приобретать населенные земли и крепостных без земли, а земли, уже приобретенные, обязаны были продать в назначенный срок.

Таким образом, потомственное дворянство было юридически отделено от классов, с ним соприкасавшихся или разделявших его преимущества, и монополизировало в своей среде крепостное душевое и земельное владение. С целью упрочить это обособление и эту монополию в 1761 г. велено было составить новую родословную книгу; при внесении в дворянские списки требовались доказательства права на дворянство. Так заботливо охраняло законодательство генеалогическую чистоту сословия; но эта забота не вносила в дворянство ни генеалогической, ни нравственной цельности. Дворянство старинное, родовое, свысока и косо смотрело на новое, жалованное и выслуженное. Закон поддерживал разлад сводных братьев, благоприятствуя старшему.

Межевая инструкция 1754 г. указывает писать земли выслужившихся дворян за их детьми, родившимися в обер-офицерских рангах; но указ 1760 г. предписывает недворян, производимых в обер-офицерские чины по статской службе, с действительно военнослужащими в дворянстве не считать и деревень им за собою не иметь. Этот указ объясняется последующим законодательством, которое повышало чин, дающий право на дворянство, по статской службе сравнительно с во-

енной. Недворяне старались втереться в благородное сословие преимущественно путем статской службы, более легкой и доходной.

Манифест о вольности дворянства. Так на протяжении 30 лет (1730–1760) потомственное дворянство приобрело ряд выгод и преимуществ по душевному и земельному владению.

В патриотическое царствование Елизаветы около престола стояли русские люди потомственно-дворянского и казачьего происхождения, которые не разделяли боярских замыслов 1730 г., но ревниво оберегали интересы сословия, в котором родились или приютились как приемыши. В кругу этих людей росла зачавшаяся в испуганной дворянским холопством голове князя Д. М. Голицына мысль об окончательном освобождении дворянства от обязательной службы.

Вращаясь в кругу этих людей, племянник Елизаветы, голштинский принц, назначенный ею в наследники престола, мог усвоить себе эту патриотическую идею еще при жизни тетки. По вступлении его на престол под именем Петра III люди этого кружка — Роман Воронцов, отец его фаворитки, и другие национал-либералы немолчно «вытверживали» ему, по выражению современника, об освобождении дворян от службы. Это желание было исполнено манифестом 18 февраля 1762 г. о пожаловании «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы».

Третья формация крепостного права. Манифест 18 февраля, снимая с дворянства обязательную службу, ни слова не говорит о дворянском крепостном праве, вытекшем из нее как из своего источника. По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права; она и последовала на другой день, только спустя 99 лет. Такой законодательной аномалией завершился юридически несообразный процесс в государственном положении дворянства: по мере облегчения служебных обязанностей сословия расширялись его владельческие права, на этих обязанностях основанные.

Коронационный портрет императора Петра III. Художник Л. К. Пфанцельт

Закон вводил крепостное право в третью фазу его развития, подготовлявшуюся с первой ревизии: личное договорное обязательство крестьянина по соглашению с землевладельцем до Уложения, в эпоху Уложения превращенное в потомственную государственную повинность крестьян на частновладельческой земле для поддержания служебной годности военно-служилого класса, крепост-

Тип русского крестьянина

ная неволя с отменой обязательной службы дворянства получила формацию, трудно поддающуюся правовому определению. Она утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей. В этой фазе права крепостная неволя получила довольно запутанный юридический и хозяйственный состав.

Вместе с другими податными классами крепостные платили государству в виде подушной подати контрибуцию на содержание войска. Гораздо большая часть крепостного труда в виде денежного оброка, барщины и натуральных поборов шла в пользу владельцев. Эта часть слагалась из двух только мысленно различимых долей: 1) из арендной платы за земельный надел, которую крестьянин платил бы, если бы и не был крепостным, и за хозяйственную подмогу и 2) из контрибуционного специально крепостного налога на содержание владельца, обязанного службой, требовавшей особых расходов.

Судебно-полицейские полномочия служили помещику вспомогательными средствами для исправного исполнения обязанностей, возложенных на него еще до отмены обязательной службы, именно сбора с крепостных подушной подати и хозяйственной им подмоги в случае неурожая.

Даруя вольность дворянству, перенося дело с военно-политической на фискально-полицейскую почву, государство и дворянство поделили между собой крепостного: государство уступало сословию свои права на личность и труд крепостного за обязательство платить за него подушную подать и опекать его хозяйство, насколько это нужно было для поддержания производительности земли, как финансового источника, «дабы земля праздна не лежала», по выражению указа 1734 г.

Такие же права и поручения даны были управляющим дворцовых и церковных крепостных крестьян. Таким образом, около 4900 тысяч крепостных, составлявших не менее 73 % всего податного населения по второй ревизии (1740-х гг.), отдано было в хозяйственное и судебно-полицейское распоряжение частных лиц и учреждений из-за ежегодного платежа 3425 тысяч рублей.

Независимо от возможных юридических определений на практике такая фискальная операция очень походила на сословный наследственный откуп с превращением личности и труда крепостного человека в доходную регалию. Потому крепостное право этого третьего образования можно назвать откупным или фискально-полицейским, в отличие от двух предшествовавших, лично-договорного и наследственного военно-служилого.

Церковные земли с крестьянами вскоре были секуляризованы. Характер третьего крепостного права вполне и ярко обнаружился на помещичьих землях, на которых по второй ревизии числилось до $3\,^1/_2$ миллиона крепостных душ, что составляло более половины, именно 54 %, сельского населения империи. В этом праве еще меньше правомерности, чем в прежних.

Закон и практика, т. е. попустительство властей, стерли и те слабые обеспечения личности и труда крепостного, какие пощадило Уложение, и прибавили новые злоупотребления к прежним. Произвольные перемещения крестьян, пожалования населенных имений даже по выбору жалуемых, массовое закрепощение из подушного оклада непристроенных людей, бродяг, безместных церковников и т. п., смешение крестьянской пашни с барской в первую ревизию, переложившую налог с земли на души, чем была крайне затруднена нормировка земельного наделения крестьян и их повинностей, напротив, облегчено обезземеление крестьян посредством расширения барской запашки, наконец, допущение безземельной продажи крестьян в розницу — все это давало совершенно превратное направление крепостному вопросу.

В XVII в. землевладельцы стремились сажать дворовых людей на пашню в крестьяне, мешая виды неволи. Первая ревизия закрепила это смешение, зачислив всех неподатных холопов в подушный оклад наравне с крестьянами. Пользуясь этим смешением, рассчитанным на усиление, а не на порабощение народного труда, после Петра правительство и дворянство стали превращать крепостное крестьянство в податное холопство. Образовался худший вид крепостной

Деревня в жаркий день.
Художник Я. Полонский. XIX в.

неволи, какой знала Европа, — прикрепление не к земле, как было на Западе, даже не к состоянию, как было у нас в эпоху Уложения, а к лицу владельца, т. е. к чистому произволу.

Так, в то время, когда наше крепостное право лишилось исторического оправдания, — в это именно время у нас началось усиленное его укрепление. Оно шло с обеих сторон — правительственной и дворянской. Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов, командированных в их же деревни для поддержания порядка. Одно сопоставление вскрывает перелом в дворянских понятиях, совершившийся на протяжении 70—80 лет.

В правление царевны Софьи князь В. В. Голицын находил возможным освободить крестьян законным путем с уступкой им обрабатываемых ими земель. Родич его князь Д. А. Голицын, приятель Вольтера, задумал подать первый пример к освобождению крестьян с дарованием им собственности. Свободомыслящего князя поняли так, будто он настаивал на уступке крестьянам земель, которые они обрабатывали. В 1770 г. князь обидчиво писал в свое оправдание, что подобная

Крестины.
Художник И. Тупылев. 1800 г.

нелепость никогда не приходила ему в голову: «Земли принадлежат нам; было бы вопиющей несправедливостью отнять их у нас». Под дарованием собственности крестьянам он разумел только личное их освобождение, т. е. «собственность их на свою личность», право на движимость и дозволение приобретать землю тем, кто может.

Очевидно, указ 1731 г., пожаловавший бывшие поместья в вотчины, изменил взгляд помещиков на свои земли, а манифест 18 февраля 1762 г. укрепил этот измененный взгляд.

Прежде из своего полкового или канцелярского далека помещик знал, что его земля — ограниченное, стесненное, условное владение. Обязательная служба, сходя с дворянских плеч, уносила с собой и память о происхождении и значении крепостного права. Гнездясь в своей усадьбе со своими судебно-полицейскими полномочиями, среди бесконтрольной практики власти, он привыкал видеть во владеемом поместье свою государственную территорию, а в его населении своих «подданных», как и учили его называть своих крепостных правительственные акты.

Правительство могло рассчитывать, что собственный интерес заставит помещика заботиться о своих крестьянах, об их хозяйстве, чтобы поддержать их платежную способность, ослабление которой больно било бы самого помещика, как ответственного податного плательщика за своих крепостных.

Подготовлен ли он службой к сельскому хозяйству — этот вопрос, по-видимому, мало тревожил правительство, хотя в 1730 г. среди самих дворян высказывалось опасение, что «подлое шляхетство», низшее дворянство, которого считалось больше 50 тысяч, распущенное из армии по домам, все равно трудами своими от земли питать себя не привыкнет, а в большинстве разбоями и грабежами промышлять станет да воровские пристани у себя в домах держать будет.

Практика права. Крепостное право третьей формации было скорее неузаконенным фактом, чем правом. Указы давали только общие законченные очертания, в пределах которых практика по-своему восполняла пробелы законодательства. Но была попытка закрепить эту практику юридическими нормами. Известная уже нам кодификационная комиссия 1754 г. кроме упомянутого уголовного кодекса составила еще проекты устава о судоустройстве и судопроизводстве и положения о состояниях. В этой третьей части изготовлявшегося нового Уложения и сквозит взгляд правящих сфер на крепостное право, служивший основой практики.

Здесь нет даже особых глав о сельских податных классах: они рассматриваются в главах о землевладельческих сословиях не как общественные состояния, а только как статьи владения и податного обложения. Дворовые

люди и крепостные крестьяне являются состояниями, ничем юридически не различающимися между собою; точнее, крепостной крестьянин — тот же холоп, только не дворовый. «Дворянство, — читаем в проекте, — имеет над людьми и крестьяны своими и над имением их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток». Дворянин волен отчуждать своих крепостных, распоряжаться их трудом и личностью вплоть до разрешения женитьбы и замужества и «всякие кроме вышеписанных наказания чинить».

В 1742 г. Сенат признавал необходимость второй ревизии, между прочим, для пресечения «своевольных переводов» крепостных. Проект предоставляет владельцам право перевода без всякого ограничения или «удержания» от правительственных мест, единственно «для лучших своих выгод», но без всякого внимания к интересам переведенцев. Мысли о законном определении повинностей крепостного совсем незаметно. Дворянам предоставлялось право отпускать своих крепостных «на волю вечно», с детьми или без детей,

Поздравление молодых в доме помещика. Художник Г. Мясоедов 1861 г.

значит, с раздроблением семейств; но это право обставлено такими затруднениями, при которых оно не могло получить значительного применения.

Проект проникнут недоверием и пренебрежением к личности крепостного. Крепостной опутан надзором, как раб, ежеминутно готовый бежать или совершить преступление, и только с этой стороны он — предмет особого внимания кодификаторов: главы о беглых в проекте принадлежат к числу наиболее тщательно разработанных. Таково же отношение и к другим крестьянам, дворцовым и даже государственным.

Такая школа гражданственности могла воспитать только пугачевца или работника-автомата. Россия по проекту — строго рабовладельческое царство античного или восточного типа. Такой вид приняла она к тому времени, когда в Дании и Австрии приступали к разрешению крепостного вопроса и даже в юнкерской Пруссии правительство озабочено было мерами обороны крепостных крестьян от помещичьего произвола.

Русское государство в половине XVIII в. Шесть царствований на протяжении 37 лет достаточно выяснили судьбу преобразовательного дела Петра по смерти преобразователя. Он едва ли узнал бы свое дело в этом посмертном его продолжении. Он действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах.

Петр I. Мозаичная мастерская Петербургской академии художеств. Середина XIX в.

Самодержавнейшая в мире империя, очутившаяся без установленной династии, лишь с кое-какими безместными остатками вымирающего царского дома; наследственный престол без законного престолонаследия; государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами; сбродный по составу, родовитый или высокочиновный правящий класс, но сам совершенно бесправный и ежеминутно тасуемый; придворная интрига, гвардейское выступление и полицейский сыск — все содержание политической жизни страны; общий страх произвола, подавлявший всякое чувство права: таковы явления, бросавшиеся в глаза иностранным дипломатам при русском дворе, которые писали, что здесь все меняется каждую минуту, всякий пугается собственной тени при малейшем слове о правительстве, никто ни в чем не уверен и не знает, какому святому молиться.

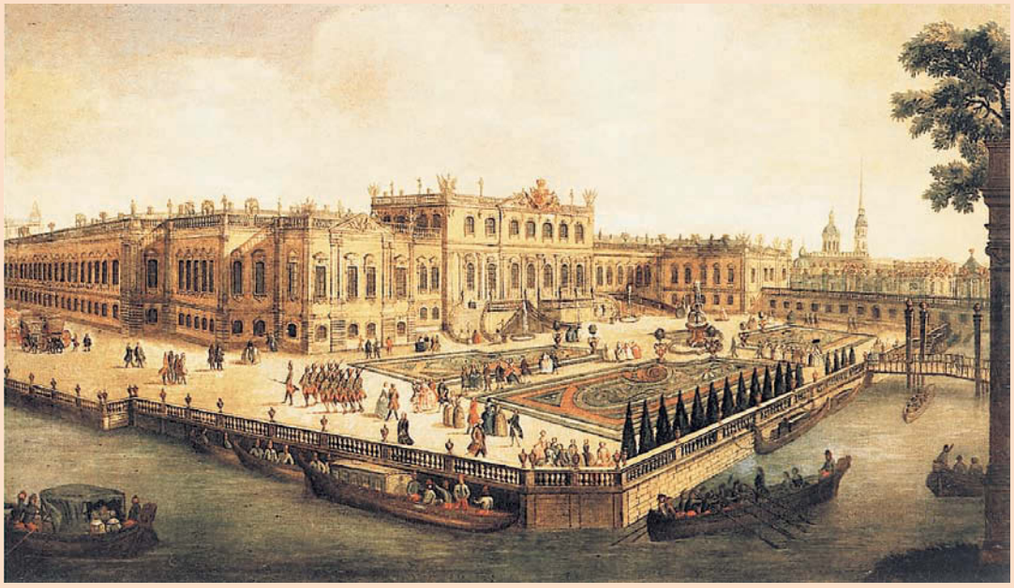
Мыслящие люди, каких было крайне мало в тогдашнем правящем кругу, понимали опасное положение государства, которое держится не правом, а попутным фактом и механическим сцеплением до первого удара изнутри или извне. Чувствовалась потребность в прочных законных основах порядка и в сближении правительства с управляемым обществом.

Императрица Елизавета. Императрица Елизавета царствовала двадцать лет, с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г. Царствование ее было не без славы, даже не без пользы. Молодость ее прошла не назидательно. Ни строгих правил, ни приятных воспоминаний не могла царевна вынести из беспризорной второй семьи Петра, где первые слова, какие выучивался произносить ребенок, были *тятя, мама, солдат,* а мать спешила как можно скорее сбыть дочерей замуж, чтобы в случае смерти их отца не иметь в них соперниц по престолонаследию.

Подрастая, Елизавета казалась барышней, получившей воспитание в девичьей. Всю жизнь она не хотела знать, когда нужно вставать, одеваться, обедать, ложиться спать.

Религиозное настроение согревалось в ней эстетическим чувством. Невеста всевозможных женихов на свете, от французского короля до собственного племянника, при императрице Анне спасенная Бироном от монастыря и герцогской саксен-кобургмейнингенской трущобы, она отдала свое сердце придворному певчему из черниговских казаков, и дворец превратился в музыкальный дом: выписывали и малороссийских певчих, и итальянских певцов, а чтобы не нарушить цельности художественного

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна.
Художник Г. Гроот. 1755 г.



Летний дворец Елизаветы Петровны со стороны Летнего сада. Неизвестный художник. 1750–1760-е гг.

впечатления, те и другие совместно пели и обедню и оперу.

Мирная и беззаботная, она была вынуждена воевать чуть не половину своего царствования, побеждала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин, уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа; но с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 г. не оставляло по себе такого приятного воспоминания.

При двух больших коалиционных войнах, изнурявших Западную Европу, казалось, Елизавета со своей 300-тысячной армией могла стать вершительницей европейских судеб; карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она так редко на нее заглядывала, что до конца жизни была уверена в возможности проехать в Англию сухим путем, — и она же основала первый настоящий университет в России — Московский.

Эти кабинетные занятия чередовались с празднествами. Смолоду Елизавета была мечтательна и, еще будучи великой княжной, раз в очарованном забытье подписала деловую хозяйственную бумагу вместо своего имени словами *Пламень огн...* Вступив на престол, она хотела осуществить свои девические мечты в волшебную действительность; нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные поездки, куртаги, балы, маскарады, поражавшие ослепительным блеском и роскошью до тошноты.

Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете; она оставила после себя в гардеробе с лишком 15 тысяч платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец, уже поглотивший с 1755 по 1761 г. более

10 миллионов рублей на наши деньги. Незадолго до смерти ей очень хотелось пожить в этом дворце; но она напрасно хлопотала, чтобы строитель Растрелли поспешил отделать хотя бы только ее собственные жилые комнаты. Французские галантерейные магазины иногда отказывались отпускать во дворец новомодные товары в кредит.

Елизавета была умная, добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти.

Император Петр III. Не оплакало ее только одно лицо, потому что было не русское и не умело плакать: это — назначенный ею самой наследник престола — самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Этот наследник, сын старшей Елизаветиной сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский, известен в нашей истории под именем Петра III. По странной игре случая в лице этого принца совершилось загробное примирение двух величайших соперников начала XVIII в. Петр III был сын дочери Петра I и внук сестры Карла XII.

Вследствие этого владельцу маленького герцогства Голштинского грозила серьезная опасность стать наследником двух крупных престолов, шведского и русского.

Развитие его остановилось раньше его роста; в лета мужества он оставался тем же, чем был в детстве, вырос, не созрев.

Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого

Великий князь Петр Федорович. Художник И. Штенглин. 1748 г.

мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком. Уже будучи женат, в России, он не мог расстаться со своими любимыми куклами, за которыми его не раз заставали придворные посетители.

Елизавета приходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огорчения, гнева и даже отвращения.

В нем с особенной силой заговорило качество, которым скупая для него природа наделила его с беспощадной щедростью: это была трусость, соединявшаяся с легкомысленной беспечностью. Он боялся всего в России, называл ее проклятой страной и сам выражал убеждение, что в ней ему непременно придется погибнуть, но

Портрет великого князя Петра Федоровича.
Художник Г. Гроот

нисколько не старался освоиться и сблизиться с ней, ничего не узнал в ней и всего чуждался; она пугала его, как пугаются дети, оставшиеся одни в обширной пустой комнате. Руководимый своими вкусами и страхами, он окружил себя обществом, какого не видали даже при Петре I, столь неразборчивым в этом отношении, создал себе собственный мирок, в котором и старался укрыться от страшной ему России.

Он завел особую голштинскую гвардию из всякого международного сброда, но только не из русских своих подданных: то были большею частию сержанты и капралы прусской армии, «сволочь, — по выражению княгини Дашковой, — состоявшая из сыновей немецких сапожников». Считая для себя образцом армию Фридриха II, Петр старался усвоить себе манеры и привычки прусского солдата, начал выкуривать непомерное количество табаку и выпивать непосильное множество бутылок пива, думая, что без этого нельзя стать «настоящим бравым офицером».

Вступив на престол, Петр редко доживал до вечера трезвым и садился за стол обыкновенно навеселе.

В его царствование было издано несколько важных и дельных указов, каковы были, например, указы об упразднении Тайной канцелярии, о позволении бежавшим за границу раскольникам воротиться в Россию с запрещением преследовать за раскол. Эти указы внушены были не отвлеченными началами веротерпимости или ограждения личности от доносов, а практическими расчетами людей, близких к Петру, — Воронцовых, Шуваловых и других, которые, спасая свое положение, хотели царскими милостями упрочить популярность императора. Из таких же соображений вышел и указ о вольности дворянства.

Но сам Петр мало заботился о своем положении и скоро успел вызвать своим образом действий единодушный ропот в обществе.

Петр III старался ввести строжайшую дисциплину и в немного распущенных русских войсках. Каждый день происходили экзерциции. Ни ранг, ни возраст не освобождали от маршировки. Сановные люди, давно не видавшие плаца да к тому же успевшие запастись подагрой, должны были подвергнуться военно-балетной муштровке прусских офицеров и проделывать все военные артикулы.

А в русской внешней политике хозяйничал прусский посланник, всем распоряжавшийся при дворе Петра. Прусский вестовщик до воцарения, пересылавший Фридриху II в Семилетнюю войну сведения о русской армии, Петр на русском престоле стал верноподданным прусским министром.

Перед возмущенным чувством оскорбленного национального достоинства опять восстал ненавистный призрак второй бироновщины, и это чувство подогревалось еще боязнью, что русская гвардия будет раскассирована по армейским полкам, чем ей грозил уже Бирон. К тому же все общество чувствовало в действиях правительства шатость и каприз, отсутствие единства мысли и определенного направления. Всем было очевидно расстройство правительственного механизма. Все это вызвало дружный ропот, который из высших сфер переливался вниз и становился всенародным. Языки развязались, как бы не чувствуя страха полицейского; на улицах открыто и громко выражали недовольство, без всякого опасения порицая государя. Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту.

Переворот 28 июня 1762 года. Лицом, во имя которого было предпринято движение, стала императрица, успевшая приобрести широкую популярность, особенно в гвардейских полках. Император дурно жил с женой, грозил развестись с ней и даже заточить в монастырь, а на ее место поставить близкую ему особу, племянницу канцлера графа Воронцова.

Но сам Петр вызвал ее к действию. Чтобы переполнить чашу русского огорчения и довести всенародный ропот до открытого взрыва, император заключил мир (24 апреля 1762 г.) с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами.

За парадным обедом 9 июня по случаю подтверждения этого мирного договора император провозгласил тост за императорскую фамилию. Екатерина выпила свой бокал сидя. На вопрос Петра, почему она не встала, она отвечала, что не считала этого нужным, так как императорская фамилия вся состоит из императора, из нее самой и их сына, наследника престола. «А мои дяди, принцы голштинские?» — возразил Петр и приказал стоявшему у него за креслом генерал-адъютанту Гудовичу подойти к Екатерине и сказать ей бранное слово. Но, опасаясь, как бы Гудович при передаче не смягчил этого неучтивого слова, Петр сам выкрикнул его через стол во всеуслышание. Императрица расплакалась. В тот же вечер приказано было арестовать ее, что, впрочем, не было исполнено по ходатайству одного из дядей Петра, невольных виновников этой сцены.

С этого времени Екатерина стала внимательнее прислушиваться к предложениям своих друзей, какие делались ей, начиная с самой смерти Елизаветы. Предприятию сочувствовало множество лиц высшего петербургского общества, большею частью лично обиженных Петром. Таков был граф Никита Панин, елизаветинский дипломат и воспитатель великого князя наследника Павла; такова была 19-летняя дама княгиня Дашкова, сестра фаворитки, имевшая через мужа большие связи в гвардии. Сочувствовал делу и архиепископ новгородский Димитрий Сеченов, который по своему сану, разумеется, не мог принять прямого участия в заговоре. Но всего больше помогал делу втихомолку малороссийский гетман и президент Академии наук граф Кирилл Разумов-

Рукопожатие монархов Пруссии, России и Швеции. Изображение на табакерке 1762 г.

ский, богач, за щедрость чрезвычайно любимый в своем гвардейском Измайловском полку. Настоящими дельцами предприятия была гвардейская офицерская молодежь, преображенцы Пассек и Бредихин, измайловцы Ласунский и братья Рославлевы, конногвардейцы Хитрово и унтер-офицер Потемкин.

Центром, около которого соединялись эти офицеры, служило целое гнездо братьев Орловых, из которых особенно выдавались двое, Григорий и Алексей: силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам попойки и кулачные бои насмерть, они были известны во всех полках как идолы тогдашней гвардейской молодежи. Старший из них, Григорий, артиллерийский офицер, давно был в сношениях с императрицей, которые искусно скрывались.

Сумасбродные распоряжения Петра побуждали верить самым невероятным слухам. Так, рассказывали, что он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и перевенчать с другими по своему выбору, а для примера развестись с собственной женой и жениться на Елизавете Воронцовой, что, впрочем, могло случиться.

Становится понятным общее молчаливое соглашение во что бы ни стало избавиться от такого самодержца. Выжидали только благоприятного случая, и его подготовлял сам Петр своей датской войной. Гвардия с огорчением ожидала приказа выступать в поход за границу, и приезд государя в Петербург на проводы Панин считал удобным моментом для переворота. Но взрыв был ускорен случайным обстоятельством. К Пассеку вбежал встревоженный преображенский капрал с вопросом, скоро ли свергнут императора, и с известием, что импе-

Портрет графа Г. Г. Орлова. Художник В. Эриксен

ратрица погибла; тревога солдат вызвана была слухами, какие распускали про Екатерину сами заговорщики. Пассек выпроводил солдата, уверив его, что ничего подобного не случилось, а тот бросился к другому офицеру, не принадлежавшему к заговору, и сказал ему то же самое, прибавив, что был уже у Пассека. Этот офицер донес о слышанном по начальству, и 27 июня Пассек был арестован.

Арест его поднял на ноги всех заговорщиков, испугавшихся, что арестованный может выдать их под пыткой. Ночью решено было послать Алексея Орлова за Екатериной, которая жила в Петергофе в ожидании дня именин императора (29 июня). Рано утром 28 июня А. Орлов вбежал в спальню к Екатерине и сказал, что Пассек арестован. Кое-как одевшись, императрица села с фрейлиной в карету Орлова, поместившегося на козлах, и была привезена прямо в Измайловский полк. Давно подготовленные солдаты по

Портрет графа К. Разумовского. Художник А. Токке

барабанному бою выбежали на площадь и тотчас присягнули, целуя руки, ноги, платье императрицы. Явился и сам полковник граф К. Разумовский. Затем в предшествии приводившего к присяге священника с крестом в руке двинулись в Семеновский полк, где повторилось то же самое.

Во главе обоих полков, сопровождаемая толпой народа, Екатерина поехала в Казанский собор, где на молебне ее возгласили самодержавной императрицей. Отсюда она отправилась в новоотстроенный Зимний дворец и застала там уже в сборе Сенат и Синод, которые беспрекословно присоединились к ней и присягнули.

Вечером 28 июня Екатерина во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире старого петровского покроя и в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой, с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой, тоже верхом и в гвардейском мундире, двинулась в Петергоф, куда в тот день должен был приехать из Ораниенбаума император со свитой, чтобы обедать в Монплезире, петергофском павильоне, где помещалась Екатерина. С большим придворным обществом Петр подъехал к Монплезиру — он оказался пустым. Обшарили весь сад — нигде ее нет! Узнали, что императрица рано утром тайком уехала в Петербург. Все растерялись в недоумении. Три сановника, в том числе канцлер Воронцов, догадываясь, в чем дело, вызвались ехать в Петербург разузнать, что там делается, и усовестить императрицу. Екатерина всенародно уверяла после, что им велено было даже убить ее в случае надобности. Разведчики, приехав в Петербург, присягнули императрице и не воротились. Получив кое-какие известия из Петербурга, в Петергофе принялись рассылать адъютантов и гусар по всем дорогам к столице, писать приказы, давать советы, как поступить. Решено было захватить Кронштадт, чтобы оттуда действовать на столицу, пользуясь морскими силами. Но когда император со свитой приблизился к крепости, оттуда было объявлено, что по нему будут стрелять, если он не удалится. У Петра не хватало духа, чтобы по совету Миниха спрыгнуть на берег или плыть к Ревелю, а оттуда в Померанию и стать во главе русской армии, находившейся за границей. Петр забился в самый низ галеры и среди рыданий, сопровождавших экспедицию придворных дам, поплыл назад в Ораниенбаум.

Попытка вступить в переговоры с императрицей не удалась; предложение помириться и разделить власть осталось без ответа. Тогда Петр принужден был собственноручно пере-

писать и подписать присланный ему Екатериной акт якобы «самопроизвольного» клятвенного отречения от престола. Когда Екатерина со своими полками утром 29 июня заняла Петергоф, а Петр дал увезти себя туда из Ораниенбаума, его с трудом защитили от раздраженных солдат.

В петергофском дворце от непосильных потрясений с ним сделался обморок. Несколько времени спустя, когда пришел Панин, Петр бросился к нему, ловил его руки, прося его ходатайства, чтобы ему было позволено удержать при себе четыре особенно дорогие ему вещи: скрипку, любимую собаку, арапа и Елизавету Воронцову. Ему позволили удержать три первые вещи, а четвертую отослали в Москву и выдали замуж за Полянского.

Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появлялся. Бывшего императора удалили в Ропшу, загородную мызу, подаренную ему императрицей Елизаветой, а Екатерина на другой день торжественно вступила в Петербург. Так кончилась эта революция, самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция.

Лицевая и оборотная стороны медали «В память коронования императрицы Екатерины II»

Портрет Н. И. Панина. Художник К. Хойер. Конец 1770 – начало 1780-х гг.

Дело 28 июня, завершая собою ряд дворцовых переворотов XVIII в., не во всем было на них похоже. И оно было исполнено посредством гвардии; но его поддержало открыто выразившееся сочувствие столичного населения, придавшее ему народную окраску. Притом оно носило совсем иной политический характер. В 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия установляла или восстановляла привычную верховную власть в том или другом лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной, низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала.

Но и у этого переворота, так весело и дружно разыгравшегося, был свой печальный и ненужный эпилог. В Ропше Петра поместили в одной комнате, воспретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дворец окружен

был гвардейским караулом. Приставники обращались с узником грубо; но главный наблюдатель Алексей Орлов был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал его деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось.

Вечером того же 6 июля, когда был подписан манифест, Екатерина получила от А. Орлова записку, писанную испуганной и едва ли трезвой рукой. Можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым.

Императрица Екатерина II. Июньский переворот 1762 г. сделал Екатерину II самодержавной русской императрицей. С самого начала XVIII в. носителями верховной власти у нас были люди, либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные, каковы были его преемники и преемницы, даже те из них, кого назначала на престол в силу закона Петра I предыдущая случайность, как было с ребенком Иваном VI и с Петром III. Екатерина II замыкает собою ряд этих исключительных явлений нашего во всем не упорядоченного XVIII в.: она была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории. Далее пойдут уже царствования по законному порядку и в духе установившегося обычая.

Ее происхождение. Екатерина по матери принадлежала к голштейнготторпскому княжескому роду, одному из многочисленных княжеских родов Северной Германии, а по отцу — к другому тамошнему же и еще более мелкому владетельному роду — ангальтцербстскому.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Неизвестный художник. Середина XVIII в.

Екатерина родилась в скромной обстановке прусского генерала из мелких немецких князей и росла резвой, шаловливой, даже бедовой девочкой, любившей попроказить над старшими, особенно надзирательницами, щегольнуть отвагой перед мальчиками и умевшей не смигнуть, когда трусила. Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами.

В то время петербургский двор искал невест для наследника русского престола и дальновидные петербургские политики советовали Елизавете направить поиски к какому-нибудь скромному владетельному дому, потому что невестка крупного династического происхождения, пожалуй, не будет оказывать должного послушания и почтения императрице и своему мужу.

Наконец, в числе сватов, старавшихся пристроить Екатерину в Петербурге, было одно довольно значительное лицо в тогдашней Европе — сам король прусский Фридрих II.

Помыслы 14-летней Екатерины шли навстречу тонким расчетам великого короля. В ней рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр голштинский стал наследником русского престола, она «во глубине души предназначала себя ему», потому что считала эту партию самой значительной из всех возможных; позднее она откровенно признается в своих записках, что по приезде в Россию русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха. Когда (в январе 1744 г.) из Петербурга пришло к матери в Цербст приглашение немедленно ехать с дочерью в Россию, Екатерина уговорила родителей решиться на эту поездку.

Тотчас по приезде к Екатерине приставили учителей Закона Божия, русского языка и танцев — это были три основных предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы. Еще не освоившись с русским языком, заучив всего несколько расхожих фраз, Екатерина затвердила, «как попугай», составленное для нее исповедание веры и месяцев через пять по приезде в Россию при обряде присоединения к православию произнесла это исповедание в дворцовой церкви внятно и громко, нигде не запнувшись; ей дано было православное имя Екатерины Алексеевны в честь матери-императрицы. Это было первое торжественное ее выступление на придворной сцене, вызвавшее общее одобрение и даже слезы умиления у зрителей, но сама она, по замечанию иноземного посла, не проронила слезинки и держалась настоящей героиней. Императрица пожаловала новообращенной аграф и складень бриллиантовый в несколько сот тысяч рублей. На другой день, 29 июня 1744 г., чету обручили, а в августе 1745 г. обвенчали, отпраздновав свадьбу 10-дневными торжествами, перед которыми померкли сказки Востока.

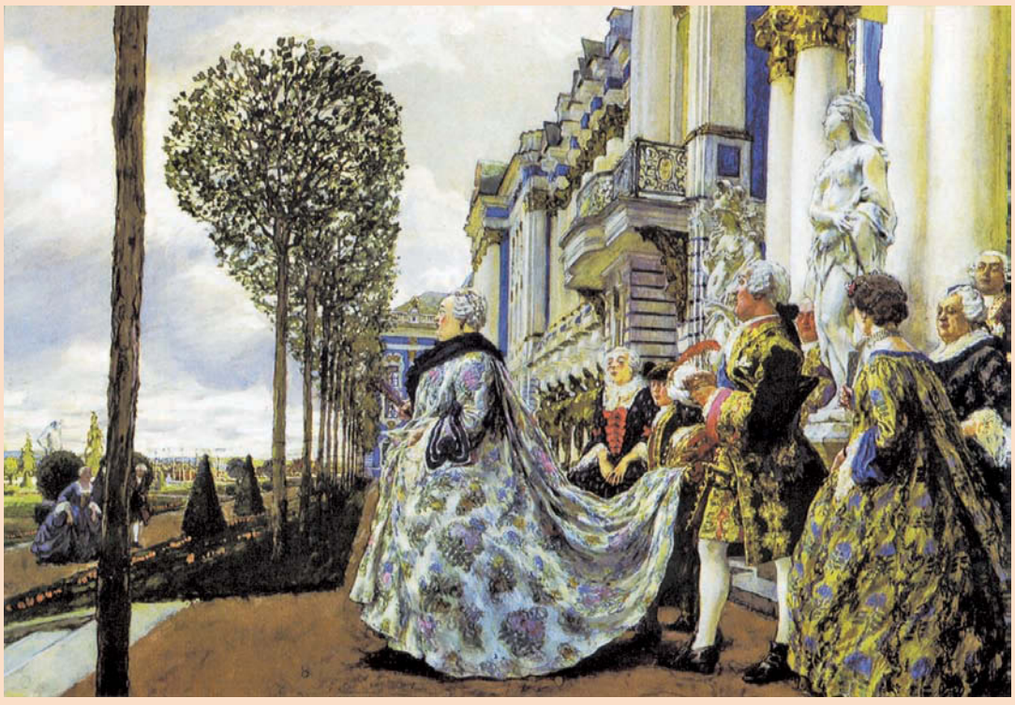
Фридрих II

Двор Елизаветы. Дворец представлял не то маскарад с переодеванием, не то игорный дом. Дамы меняли костюмы по два, по три раза в день, императрица — даже до пяти раз, почти никогда не надевая два раза одного и того же платья. С утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца.

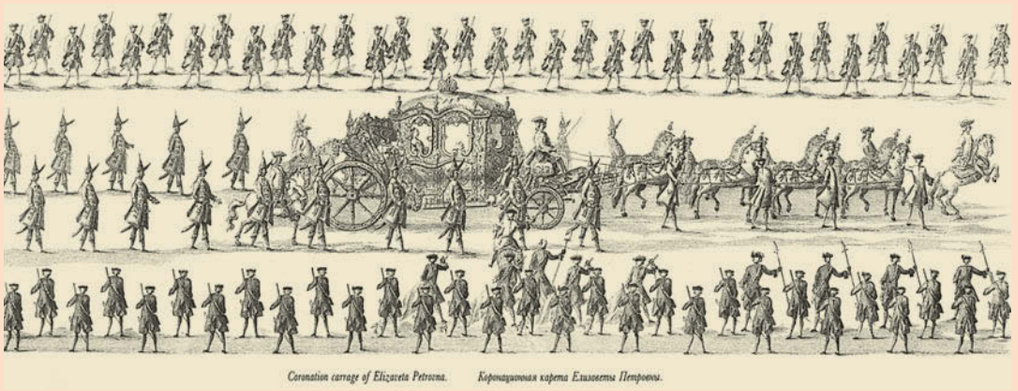
По вечерам сама императрица принимала деятельное участие в игре. Карты спасали придворное общежитие: другого общего примиряющего интереса не было у этих людей, которые, ежедневно встречаясь во дворце, сердечно ненавидели друг друга. Говорить прилично между собою им было не о чем; показать свой ум они умели только во взаимном злословии; заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать.

Тон придворной жизни давала сама императрица. Символизируя размеры и богатство своей империи, она являлась на публичных выходах в огромных фижмах и усыпанная брильянтами, ездила к Троице молиться во всех русских орденах, тогда существовавших. В будничном обиходе дворца царили неряшество и каприз; ни порядок придворной жизни, ни комнаты, ни выходы дворца не были устроены толково и уютно; случалось, навстречу иноземному послу, являвшемуся во дворец на аудиенцию, выносили всякий сор из внутренних покоев. Придворные дамы во всем должны были подражать императрице, но ни в чем не превосходить ее; осмелившиеся родиться красивее ее и одеться изящнее неминуемо шли на ее гнев...

После свадьбы 16-летняя вещая мечтательница вступила в продолжительную школу испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь



Елизавета Петровна в Царском Селе. Художник Е. Лансере



Коронационная карета Елизаветы Петровны

с 17-летним вечным недорослем. Впрочем, самые тяжкие уроки шли не со стороны мужа. С ним она еще кое-как, с грехом пополам уживалась. Он играл в свои куклы и солдаты, наделав глупостей, обращался за советом к жене, и та выручала его, выдавал ее с головой в ее затруднениях, то принимался обучать ее ружейным приемам и ставить на караул, то ругал ее, когда проигрывал ей в карты, поверял ей свои амурные делишки с ее фрейлинами и горничными, нисколько не интересовался ее мыслями и чувствами и предоставлял ей заниматься вдоволь своими слезами и книгами.

Настоящей тиранкой Екатерины была «дорогая тетушка». Елизавета держала ее, как дикую птицу в клетке, не позволяла ей выходить без спросу на улицу, даже сходить в баню и переставить мебель в своих комнатах, иметь чернила и перья. Окружающие не смели говорить с ней вполголоса; к родителям она могла посылать только письма, составленные в Коллегии иностранных дел; следили за каждым ее шагом, каждое слово подслушивалось и переносилось императрице с

Тронное кресло императрицы Елизаветы Петровны

Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны. Художник Луи Каравак. 1745 г.

наговорами и вымыслами; сквозь замочные скважины подсматривали, что она делает одна в своих комнатах. Люди из прислуги, которым она оказывала доверие или внимание, тотчас изгонялись из дворца.

Образ действий Екатерины. Екатерина явилась в Россию со значительной подготовкой ко всяким житейским невзгодам. В ранней молодости она многое видела. Родившись в Штеттине, она подолгу живала на попечении бабушки в Гамбурге, бывала в Брауншвейге, в Киле и в самом Берлине, где видела двор прусского короля. Все это помогло ей собрать обильный запас наблюдений и опытов, развило в ней житейскую сноровку, привычку распознавать людей, будило размышление. Может быть, эта житейская наблюдательность и вдумчивость при ее природной живости была причиной и ее ранней зрелости: в 14 лет она казалась уже взрослой девушкой, поражала всех высоким ростом и развитостью не по летам.

Екатерина получила воспитание, которое рано освободило ее от излишних предрассудков, мешающих житейским успехам.

В детстве ей твердили, и она сама знала с семи лет, что она очень некрасива, даже совсем дурнушка, но знала и то, что она очень умна. Поэтому недочеты наружности предстояло восполнять усиленной разработкой духовных качеств. Цель, с какой она ехала в Россию, дала своеобразное направление этой работе. Она решила, что для осуществления честолюбивой мечты, глубоко запавшей в ее душу, ей необходимо всем нравиться, прежде всего мужу, императрице и народу. Эта задача сложилась уже в ее 15-летней голове в целый план, о котором она говорит приподнятым тоном, не без религиозного одушевления, как об одном из важнейших дел своей жизни, совершавшемся не без воли провидения.

План составлялся, по ее признанию, без чьего-либо участия, был плодом ее ума и души и никогда не выходил у нее из виду: «Все, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть». Для этого она не щадила ни своего ума, ни сердца, пуская в оборот все средства от искренней привязанности до простой угодливости. Задача облегчалась тем, что она хотела нравиться надобным людям независимо как от их достоинств, так и от своего внутреннего к ним отношения; умные и добрые были благодарны ей за то, что она их понимает и ценит, а злые и глупые с удовольствием заме-

чали, что она считает их добрыми и умными; тех и других она заставляла думать о ней лучше, чем она думала о них.

Руководясь такой тактикой, она обращалась со всеми как можно лучше, старалась снискать себе расположение всех вообще, больших и малых, или, по крайней мере, смягчить неприязнь людей, к ней не расположенных, поставила себе за правило думать, что она во всех нуждается, не держалась никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми, никому не давая предпочтения, оказывала великую почтительность матушке, которой не любила, беспредельную покорность императрице, над которой смеялась, отличное внимание к мужу, которого презирала, — «одним словом, всеми средствами старалась снискать расположение публики», к которой одинаково причисляла и матушку, и императрицу, и мужа.

Поставив себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить, она усваивала их образ действий, манеры, нравы и ничем не пренебрегала, чтобы хорошенько освоиться с обществом, в которое втолкнула ее судьба.

Ее занятия. Как ни была она гибка, как ни гнулась под русские придворные нравы и вкусы, окружающие чувствовали и давали ей понять, что она им не ко двору, не их поля ягода.

Настоящую, надежную союзницу в борьбе со скукой Екатерина встретила в книге.

И она изощрила свое внимание, расширила емкость своей мысли, без труда прочитала даже «Дух законов» Монтескье, вышедший в том же 1748 г., не

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Художник И. Я. Вишняков. XVIII в.

швырнула его, зевая, со словами, что это хорошая книга, как прежде поступила она с другой книгой того же писателя, а «Анналы» Тацита своей глубокой политической печалью произвели даже необыкновенный переворот в ее голове, заставив ее видеть многие вещи в черном свете и углубляться в интересы, которыми движутся явления, проносящиеся перед глазами.

Книги из библиотеки Екатерины II

Великий князь Павел Петрович. Неизвестный художник. XVIII в.

Испытания и успехи. Но Екатерина не могла корпеть над своими учеными книгами спокойной академической отшельницей: придворная политика, от которой ее ревниво и грубо отталкивали, задевала ее за живое, била прямо по чувству личной безопасности. Ее выписали из Германии с единственной целью добыть для русского престола запасного наследника на всякий случай при физической и духовной неблагонадежности штатного. Долго, целых 5 лет, не могла она исполнить этого поручения и за такое замедление потерпела немало горестей. Впрочем, и рождение великого князя Павла (20 сентября 1754 г.) не заслужило ей приличного с ней обращения. Напротив, с ней стали поступать, как с человеком, исполнившим заказанное дело и ни на что более не нужным.

Новорожденного как государственную собственность тотчас отобрали от матери и впервые показали ей только спустя 40 дней. Больную, заливавшуюся слезами и стонавшую, бросили одну без призора в дурном помещении между дверьми и плохо затворявшимися окнами, не переменяли ей белья, не давали пить.

В это время великий князь на радостях пил со своей компанией, едва повернувшись у жены, чтобы сказать ей, что ему некогда с ней оставаться. Императрица подарила Екатерине 100 тыс. руб. за рождение сына. «А мне зачем ничего не дали?» — сказал страшно рассерженный Петр. Елизавета велела и ему дать столько же. Но в кабинете не оказалось ни копейки, и секретарь кабинета ради Бога выпросил у Екатерины взаймы пожалованные ей деньги, чтобы передать их великому князю.

Она старалась укрепить свое шаткое положение всеми мерами и с заслуженным успехом приобретая сочувствие в обществе. Она хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски; господствовавшая при дворе безграмотность извиняла ее промахи в синтаксисе и особенно в орфографии, где она в слове из трех букв делала четыре ошибки (исчо — еще). В ней замечали большие познания о русском государстве, какие редко встречались тогда среди придворного и правительственного невежества. По словам Екатерины, она наконец добилась того, что на нее стали смотреть, как на интересную и очень неглупую молодую особу, а иноземные послы незадолго до Семилетней войны писали про Екатерину, что теперь ее не только любят, но и боятся, и многие, даже те, кто находится в лучших отношениях к императрице, все-таки ищут случая под рукой угодить и великой княгине.

Великий князь Петр Федорович.
Художник Ф. С. Рокотов. 1758 г.

Екатерина при императоре Петре III. Так Екатерина с бою взяла свое положение и к концу царствования Елизаветы настолько его упрочила, что благополучно прошла сквозь все придворные превратности. Умея уступить печальным обстоятельствам, она примирилась с незавидным положением молодой брошенной жены, даже извлекла из этого положения свои выгоды. Супружеский раздор помог разъединению политической судьбы супругов: жена пошла своей дорогой.

Под конец жизни Елизавета совсем опустилась; ежедневные занятия ее, по словам Екатерины, сделались сплошною цепью капризов, ханжества и распущенности; нервы ее, развинченные мелкими раздражениями зависти и тщеславия, не давали ей покоя; ее мучила боязнь, как бы и ее не постигла участь, какую она сама устроила Анне Леопольдовне. Женщина без твердых правил и без всякого серьезного дела, но настолько умная, чтобы понимать нелепость своего положения, она впала в безысходную скуку, от которой спасалась только тем, что спала, сколько было возможно. В таком состоянии она могла уступить настойчивому представлению приближенных о необходимости изменить престолонаследие. При дворе одни думали о шестилетнем цесаревиче Павле с удалением из России обоих его родителей, другие хотели выслать только отца, видя в матери опору порядка; те и другие с тревогой ждали смерти Елизаветы, ничего не чая от ее племянника для России, кроме бедствий. В самой Елизавете эта тревога доходила минутами до ужаса, но, отвыкнув думать о чем-либо серьезно, она колебалась, а фавориты не внушили ей решимости.

Воцарился Петр III. С первых же дней его царствования с Екатериной стали обращаться презрительно. Но роль жертвы была уже ей знакома; французский посол Бретейль в своих депешах вел дневник ее исполнения. В начале апреля 1762 г. он писал: «Императрица старается вооружиться философией, хотя это и противно ее характеру». В другой депеше он сообщает: «Люди, видающие императрицу, говорят, что она неузнаваема, чахнет и, вероятно, скоро сойдет в могилу». Но она не сошла в могилу, но все время твердым, хотя и неслышным шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу.

Весь Петербург, приходя во дворец поклониться праху Елизаветы, видел Екатерину в глубоком трауре благоговейно стоящей у гроба покойной. При погребении она усерднее всех исполняла похоронные обряды русской Церкви; и духовенство, и народ были

Императрица Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы. Художник Н. Ге. 1874 г.

этим очень тронуты, и тем больше крепло их доверие к ней среди усиливавшегося ропота на безумства императора. По словам того же посла, она строго соблюдала все праздники и посты, все, к чему император относился так легкомысленно и к чему русские так неравнодушны.

Характер. Екатерина выросла с мыслью, что ей самой надобно прокладывать себе дорогу, делать карьеру, вырабатывать качества, необходимые для этого, а замужество доставило ей отличную практику такой работы, не только указало цель ее честолюбию, но и сделало достижение этой цели вопросом личной безопасности. И она умело повела свою работу.

С детства ей толковали, что она некрасива, и это рано заставило ее учиться искусству нравиться, искать в душе того, чего недоставало наружности. Чтобы быть чем-нибудь на свете, писала она, припоминая свои детские думы, надобно иметь нужные для того качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их. И она открывала или развивала в себе свойства высокой житейской ценности, отчетливое знание своего духовного инвентаря, самообладание без сухости, живость без возбуждения,

гибкость без вертлявости, решительность без опрометчивости. Ее трудно было застать врасплох; она всегда была в полном сборе; частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации, и в житейских столкновениях она легко направляла их против людей и обстоятельств.

Для Екатерины жить смолоду значило работать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств. По самому свойству этой работы она в других нуждалась гораздо больше, чем другие нуждались в ней. Притом судьба заставила ее долго вращаться среди людей, более сильных, но менее дальновидных, которые вспоминали об ней только тогда, когда она им надобилась. Потому она рано усвоила себе мысль, что лучшее средство пользоваться обстоятельствами и людьми — это плыть до времени по течению первых и служить не слепым, но послушным орудием в руках вторых. Она не раз отдавалась в чужие руки, но только для того, чтобы ее донесли до желаемого ею места, до которого она не могла сама добраться. В этом житейском правиле источник сильных и слабых свойств ее характера и деятельности. Применяясь к людям, чтобы приручить их, она и с их стороны ждала взаимности, расположения стать ручными.

В сочинениях Екатерины отразились и разнообразные интересы, и увлечения ее возбужденной мысли. Немка по рождению, француженка по любимому языку и воспитанию, она занимает видное место в ряду русских писателей XVIII в. У нее были две страсти, с летами превратившиеся в привычки или ежедневные потребности, — читать и писать. В свою жизнь

Портрет Екатерины II. Художник С. Торелли

она прочитала необъятное количество книг. Уже в преклонные лета она признавалась своему секретарю Храповицкому, что читала книг по шести вдруг. Начитанность возбуждала ее литературную производительность. Она много писала по-французски и даже по-русски, хотя с ошибками, над которыми подшучивала. Обойтись без книги и пера ей было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка. Она признавалась, что не понимает, как можно провести день, не измарав хотя одного листа бумаги.

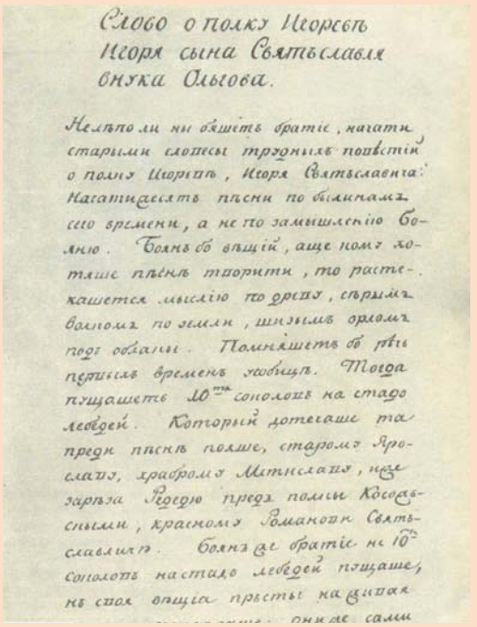
Она писала в самых разнообразных родах: детские нравоучительные сказки, педагогические инструкции, политические памфлеты, драматические пьесы, автобиографические записки, сотрудничала в журналах, переводила из Плутарха жизнь Алкивиада и даже составила житие преп. Сергия Радонежского.

Выезд императрицы Екатерины II в селе Коломенском верхом. Художник Л. О. Пастернак. XIX в.

Когда у нее появились внуки, она принялась для них за русские летописи, заказывала выписки и справки профессору Чеботареву, графу Мусину-Пушкину и другим лицам и составила удобочитаемые записки по русской истории в частях с синхронистическими и генеалогическими таблицами.

Очень большое место в своей писательской деятельности Екатерина отводила драматургии. Она была главной поставщицей репертуара на театр в своем Эрмитаже, где она собирала избранное общество. Она писала пословицы или водевили, комедии, комические оперы, даже «исторические представления из жизни Рюрика и Олега, подражание Шекспиру».

От природы веселая, она не могла обойтись без общества и сама признавалась, что любила быть на людях. В своем интимном кругу она была проста, любезна, шутлива, и все чувствовали себя около нее весело и непринужденно. Но она преображалась, выходя в приемную залу, принимала сдержанно-величественный вид, выступала медленно, некрупными шагами, встречала представлявшихся стереотипной улыбкой и несколько лукавым взглядом светло-серых глаз. Манера держаться отражалась и на всей деятельности, образуя вместе с ней цельный состав характера. В каком бы обществе ни вращалась Екатерина, что бы она ни делала, она всегда чувствовала себя как бы на сцене и потому слишком много делала напоказ. Задумав дело, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее



Слово о полку Игореве
Игоря сына Святославля
внука Ольгова.

Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе, начати
старыми словесы трудныхъ повѣстій
о полку Игоревѣ, Игоря Святославича!
Начатися пѣсни по былинамъ
сего времени, а не по замышленію
Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще комъ хотяше
пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ
вълкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облаки. Помняшетъ бо рѣчь
первыхъ временъ усобицѣ. Тогда
пущашетъ 10 соколовъ на стадо
лебедей. Который дотечаше тѣхъ
предъ пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже
зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святославличю. Боянъ бо братіе, не 10
соколовъ на стадо лебедей пущаше,
но свои вѣщіа пръсты на живая

Писарская копия с мусин-пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве», подаренная императрице Екатерине II

важнее самого дела и его последствий. Отсюда ее слабость к рекламе, шуму, лести, туманившей ее ясный ум и соблазнявшей ее холодное сердце. Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества. Казалось, она желала, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния.

Положение Екатерины на престоле. Вступая на престол, Екатерина поверхностно знала положение дел в империи, свои правительственные средства и ожидавшие ее затруднения, а между тем она должна была сгладить впечатление переворота, путем которого вступила на престол, оправдать незаконное присвоение власти.

Немало хлопот и огорчений причиняли Екатерине и ее пособники, подготовившие и совершившие июньский переворот. Они чувствовали, как много обязана им Екатерина, и, разумеется, хотели пользоваться своим положением. Король Фридрих II был прав, когда много лет спустя говорил ехавшему в Петербург французскому послу Сегюру, что Екатерина была не столько виновницей, сколько орудием переворота: слабая, молодая, одинокая в чужой земле, накануне развода и заточения она отдалась в руки людей, хотевших ее спасти, и после переворота не могла еще ничем управлять.

Эти люди, теперь окружившие Екатерину, с пятерней пожалованных в графы братьев Орловых во главе, и спешили пожинать плоды «великого происшествия», как они называли июньское дело.

Коронационная карета Екатерины Великой

Екатерине нужно было немного времени и терпения, чтобы ее сторонники успели образумиться и стали к ней в подобающие отношения. Гораздо труднее было оправдать новое правительство в глазах народа. Екатерина плохо знала положение этого народа до воцарения и имела очень мало средств узнать его: русский двор при Елизавете стоял слишком далеко от России не только географически, но еще более нравственно.

Ее программа. Чтобы сгладить впечатление захвата, Екатерине надобно было стать популярной в широких кругах народа, действуя наперекор предшественнику, поправляя, что было им испорчено. Предшественник ее оскорбил национальное чувство, презирая все русское, выдав Россию головой ее врагу; Екатерина обязана была действовать усиленно в национальном духе, восстановить попранную честь народа.

Национальные интересы и чувства получили широкий размах во внешней политике, которой был дан ход.

Тройственная задача развилась в такую практическую программу: строго национальная, смело патриотическая внешняя политика, благодушно-либе-

ральные, возможно гуманные приемы управления, сложные и стройные областные учреждения с участием трех сословий, салонная, литературная и педагогическая пропаганда просветительных идей времени и осторожно, но последовательно консервативное законодательство с особенным вниманием к интересам одного сословия. Основную мысль программы можно выразить так: попустительное распространение *идей века* и законодательное закрепление *фактов места*.

Очередные задачи. Внешняя политика — самая блестящая сторона государственной деятельности Екатерины, произведшая наиболее сильное впечатление на современников и ближайшее потомство. Когда хотят сказать самое лучшее, что можно сказать об этом царствовании, говорят о победоносных войнах с Турцией, о польских разделах, о повелительном голосе Екатерины в международных отношениях Европы.

После Ништадтского мира, когда Россия твердой ногой стала на Бал-

Фейерверк в честь победы русского флота при Гренгаме, открывшей путь к заключению Ништадтского мирного договора. Гравюра неизвестного художника. 1720 г.

тийском море, на очереди оставались два вопроса внешней политики, один территориальный, другой национальный. Первый состоял в том, чтобы продвинуть южную границу государства до его естественных пределов, до северной береговой линии Черного моря с Крымом и Азовским морем и до Кавказского хребта. Это восточный вопрос в тогдашней исторической своей постановке. Потом предстояло довершить политическое объединение русской народности, воссоединив с Россией оторванную от нее западную часть. Это вопрос *западнорусский*.

Миролюбие Екатерины. Семилетняя война была на исходе; все участники ее крайне утомились и жестоко истратились. Екатерина не отступилась от мира с Пруссией, заключенного Петром III, отозвала свои войска из завоеванных ими прусских областей, прекратила приготовления к войне с Данией. Первое ознакомление с положением дел в империи также располагало Екатерину вести себя смирно.

При вступлении ее на престол русская армия в Пруссии восьмой месяц не получала жалованья. На штатс-конторе числилось 17 млн долгу, не исполненных казной уплат, на один миллион больше годовой суммы государственных доходов, какую знал Сенат.

Война с Турцией. Турецкая война была проверочным испытанием для Екатерины. В шесть лет императрица успела широко взмахнуть крыльями, показать свой полет Европе делами в Польше, дома — созывом представительной комиссии 1767 г. Ее имя уже обволакивалось светлой дымкой величия.

На одном из первых заседаний совета, собиравшегося по делам войны под председательством императрицы, Григорий Орлов, которого Екатерина называла Фридриху II героем, подобным древним римлянам лучших времен республики, предложил отправить экспедицию в Средиземное море. Немного спустя брат его Алексей, долечивавшийся в Италии, указал и прямую цель экспедиции: если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных от ига тяжкого, а их неверных магометан, по слову Петра Великого, согнать в поле и в степи пустые и песчаные, на прежние их жилища. Он сам напросился быть и руководителем восстания турецких христиан. Нужно было иметь много веры в провидение, чтобы послать на такое дело в обход чуть не всей Европы флот, который сама Екатерина четыре года назад признала никуда не годным.

Портрет графа А. Г. Орлова-Чесменского. Художник А. Христинек. 1779 г.

Из 15 больших и малых судов эскадры до Средиземного моря добралось только восемь. Когда А. Орлов

осмотрел их в Ливорно, у него волосы поднялись дыбом, а сердце облилось кровью: ни провианта, ни денег, ни врачей, ни сведущих офицеров, и «если бы все службы, — доносил он императрице, — были в таком порядке и незнании, как эта морская, то беднейшее было бы наше отечество». С незначительным русским отрядом Орлов быстро поднял Морею, но не мог дать повстанцам прочного боевого устройства и, потерпев неудачу от подошедшего турецкого войска, бросил греков на произвол судьбы, раздраженный тем, что не нашел в них Фемистоклов.

Чесменский бой 25–26 июня 1770 г. Художник И. Айвазовский. 1848 г.

Екатерина одобрила все его действия. Соединившись с подошедшей между тем другой эскадрой Эльфингстона, Орлов погнался за турецким флотом и в Хиосском проливе близ крепостцы Чесмы настиг армаду по числу кораблей больше чем вдвое сильнее русского флота. После четырехчасового боя, когда вслед за русским «Евстафием» взлетел на воздух и подожженный им турецкий адмиральский корабль, турки укрылись в Чесменскую бухту (24 июня 1770 г.). Через день в лунную ночь русские пустили брандеры и к утру скученный в бухте турецкий флот был сожжен (26 июня).

За удивительными морскими победами на Архипелаге следовали такие же сухопутные в Бессарабии на Ларге и Кагуле (июль 1770 г.). Заняты Молдавия и Валахия, взяты Бендеры; в 1771 г. овладели нижним Дунаем от Журжи и завоевали весь Крым. Казалось, территориальная задача русской политики на юге была разрешена; сам Фридрих II находил присоединение Крыма к России умеренным условием мира.

Крым и был завоеван в 1771 г. именно для того, чтобы навязать ему русскую свободу. В число русских условий мира поставлено было и освобождение завоеванных Россией Молдавии и Валахии от Турции, и Фридрих II считал это дело возможным.

Вторая война с Турцией и была вызвана недосмотрами, подготовившими или сопровождавшими первую. Мнимонезависимый Крым под покровительством России причинял ей хлопот еще больше прежнего ожесточенной усобицей партий русской и турецкой, насильственной сменой ханов. Наконец, решились присоединить его к России, что и повело ко второй войне с Турцией.

Сражение у мыса Калиакрия 31 июня 1791 г. Акварель гардемарина А. Депальдо

Вторая война (1787–1791), победоносная и страшно дорого стоившая людьми и деньгами, кончилась тем, чем должна была кончиться первая: удержанием Крыма и завоеванием Очакова со степью до Днестра, за Россией укреплялся северный берег Черного моря, без Дакии и без второго внука на константинопольском престоле.

Турецкий султан Абдул-Меджит. С народной картинки. 1-я пол. XIX в.

Делят пирог. Аллегорический сюжет на первый раздел Польши в 1772 г.

Раздел Польши. В продолжение шести-семи лет сумятицы, поднявшейся в Польше со смерти короля Августа III (1763 г.), в русской политике незаметно мысли о воссоединении Западной Руси.

Русский кабинет сначала довольствовался (думал только) исправлением границы с польской стороны и каким-нибудь территориальным вознаграждением Фридриха за содействие в Польше. Но русско-турецкая война дала делам более широкое течение. Фридрих сперва испугался этой войны, опасаясь, что Австрия, злобясь на русско-прусский союз, вмешается в нее, станет за Турцию, впутает и Пруссию. С целью отклонить эту опасность из Берлина с самого начала войны и была пущена в ход мысль о разделе Польши. Эта идея ничья; она сложилась сама собой из всего строя, быта и соседского окружения Речи Посполитой и носилась в дипломатических кругах давно, уже с XVII в.

Наконец, в 1772 г. (26 июля) последовало соглашение трех держав-дольщиц, по которому Австрия получала всю Галицию с округами, захваченными еще до раздела, Пруссия — Западную Пруссию с некоторыми другими землями, а Россия — Белоруссию (ныне губернии Витебская и Могилевская). Доля России, понесшей на себе всю тяжесть турецкой войны и борьбы с польской сумятицей, была не самая крупная: по вычислениям, какие представил Панин, она по населенности занимала среднее место, а по доходности — последнее; самая населенная доля была австрийская, самая доходная — прусская.

По вине Фридриха победы 1770 г. принесли России больше славы, чем пользы. Екатерина выходила из первой турецкой войны и из первого раздела Польши с независимыми татарами, с Белоруссией и с большим нравственным поражением, возбудив и не оправдав столько надежд в Польше, в Западной России, в Молдавии и Валахии, в Черногории, в Морее.

Значение разделов. Сведем в польском вопросе конец с началом. Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты — первого требовал жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия.

Решение не отвечало задаче. Правда, в раздел вошла с русской стороны и Западная Русь, но, так сказать, под другим политическим титулом — не как результат борьбы России с Польшей один на один во имя политического объединения русского народа,

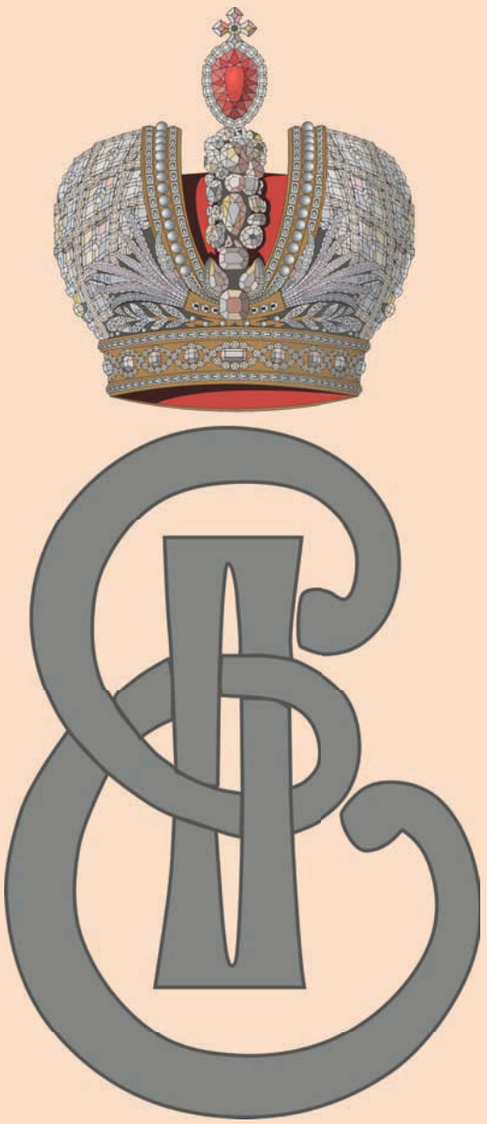
а как доля в захватной сделке трех соседних держав во имя права силы. Россия присоединила не только Западную Русь, но и Литву с Курляндией, зато Западную Русь не всю, уступив Галицию в немецкие руки. Рассказывали, что при первом разделе Екатерина плакала об этой уступке; 21 год спустя, при втором разделе, она спокойно говорила, что «со временем надобно выменять у императора Галицию, она ему некстати»; однако Галиция осталась за Австрией и после третьего раздела.

Польша не была лишним членом в семье государств Северо-Восточной Европы, служа слабой посредницей между тремя сильными соседками. Но освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовав свой государственный строй, как силились сделать это ее лучшие люди эпохи разделов, она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся изо всех сил на восток Пруссии.

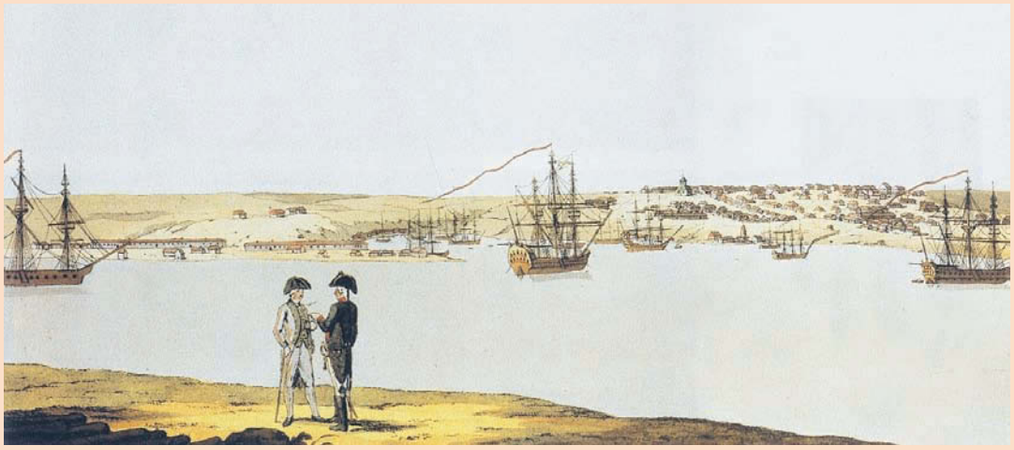
С падением Польши столкновения между названными тремя державами не ослаблялись никаким международным буфером и должны были больнее отзываться именно на России, граница которой на Немане не стала безопаснее от соседства с прусскими форпостами. Екатерина напрасно рассказывала шутя, как преемник Фридриха, святоша Фридрих Вильгельм II, «недели две в рубахе ходил со шпагой для видения духов и, имев свиданье с Христом, не объявил нам войны по его запрещению». Духовидец бредил помыслами здравомыслящих. Притом «нашего полку убыло» — одним славянским государством стало меньше; оно вошло в состав двух немецких государств; это крупная потеря для славянства.

Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли да часть Литвы, некогда прицепившей их к Польше.

Но с русским участием раздвинулось новой обширной могилой сла-



Монограмма Екатерины II



Вид на Севастополь и русскую эскадру.
Раскрашенная гравюра по оригиналу Г. Гейслера. 1794 г.

вянское кладбище, на котором и без того похоронено было столько наших соплеменников, западных славян. История указывала [Екатерине] возвратить от Польши то, что было за ней русского, но не внушала ей делиться Польшей с немцами.

Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой. Разум народной жизни требовал спасти Западную Русь от ополячения, и только кабинетская политика могла выдать Польшу на онемечение. Без русских областей, в своих национальных пределах, даже с исправленным государственным строем самостоятельная Польша была бы для нас несравненно менее опасной, чем та же Польша в виде австрийских и прусских провинций.

Наконец, уничтожение польского государства не избавило нас от борьбы с польским народом: не прошло 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками (1812, 1831 и 1863 гг.). Призрак Речи Посполитой, вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избегнуть вражды с народом, следовало сохранить его государство.

Итоги и характер внешней политики. Закреплен был северный берег Черного моря от Днестра до Кубани. Южнорусские степи, исконный приют хищных кочевников, вошли в русский народно-хозяйственный оборот, открылись для оседлой колонизации и культуры. Возник ряд новых городов (Екатеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь и др.).

До первой турецкой войны, по выражению Екатерины, ни одной русской лодки не было на Черном море; договор 1774 г. открыл русским купеческим кораблям свободное плавание по тому морю, и оборот русской черноморской торговли, в 1776 г. не достигавший 400 р., к 1796 г. возрос почти до 2 млн.

К экономическим выгодам прибавилась новая политическая сила:

возникший с присоединением Крыма военный флот в Севастополе обеспечивал приморские владения и служил опорой русского протектората над восточными христианами. В 1791 г. вице-адмирал Ушаков успешно дрался с турецким флотом в виду Босфора, и в голове Екатерины опять засветилась мысль о возможности идти прямо на Константинополь.

С другой стороны, была воссоединена почти вся Западная Русь, и титулярная формула *всея Руси* получила значение, соприкасавшееся с действительным. В земельных приобретениях на западе тогда считалось до 6770 тыс. большею частью коренного русского населения, на юге — с небольшим 200 тыс. магометан и христиан. Западные присоединения ныне образуют десять губерний, южные — три. Приемы международной политики Екатерины значительно понижали цену успехов, достигнутых в разрешении обоих вопросов. В начале царствования Екатерина ставила себе целью жить в дружбе со всеми державами, чтобы иметь возможность всегда становиться на сторону наиболее угнетенного и через то быть третейским судьей Европы (l'arbitre de l'Europe).

Трудно было разыграть такую роль в тогдашней политической Европе. Тогда в международной европейской политике крупных и большей части мелких континентальных государств действовали не народы, а дворы или кабинеты. Народные интересы подчинялись расчетам и вкусам дипломатии или проникали в политику через призму дипломатического мышления, которая их преломляла, а зачастую и ломала. Все эти кабинетские мастера — Шуазели, Кауницы, Герцберги — доигрывали свои последние игры, пока революция не выкинула их карт за окно, где они валялись до Венского конгресса, вновь превратившего Европу в игорный дом кабинетской дипломатии. Слишком хорошо зная цену своего ремесла, эти игроки искали простаков, а не каких-либо судей.

Екатерина знакома была с этим политическим миром по его представителям в Петербурге и понимала, что здесь успех создается эффектом, а не создает его и скромность силы принимается за признак слабости. Притом эффект ей нужен был и для внутреннего впечатления. В этот мир она и вошла смелой поступью, взяв гордый и высокомерный тон, на который жаловались иноземные послы. В ближайшей сфере своих внешних отношений, в Курляндии, Польше, Швеции, она являлась не мировой посредницей, а задорной стороной, заводила свои партии, интриговала, подкупала,

Рядовой и обер-офицер пехотного полка (1786–1796 гг.)

Триумф Екатерины.
Художник А. Менгс

создавала себе врагов и, наконец, так запутала свою международную политику, что сама сравнивала ее с вязким местом: едва вытащишь одну лапу из грязи, как завязнет другая.

Вместо дружбы со всеми державами она в 34 года своего правления перессорила Россию почти со всеми крупными государствами Западной Европы и внесла в нашу историю одно из самых кровопролитных царствований, вела в Европе шесть войн и перед смертью готовилась к седьмой — с революционной Францией.

Став на практике прямым вмешательством в чужие дела, европейский арбитраж Екатерины при ее средствах и власти, не сдерживаемой чувством ответственности, мог бы наделать много хлопот, если бы политика Екатерины не страдала ослаблявшим опасность недостатком глазомера, умения ставить дело прямо в исполнимых размерах и неуклонно вести его до конца. Признавая доброе начало половиной дела, Екатерина обыкновенно начинала шумными выступлениями с широкой программой, а потом, осмотревшись, наткнувшись на препятствия, шла на сделки, уступки, сокращала свои виды, порой прикрикивала министру: «Держитесь крепко — и ни шагу назад», — и все-таки отступала. А то построит план с задней мыслью, прикрыв ее благовидным принципом.

Когда вспыхнула французская революция, Екатерина поняла ее серьезное значение, негодовала на малодушие Людовика XVI, еще в 1789 г. предсказав ему участь Карла I английского, призывала к единодушию и геройству принцев, братьев короля, говорила, что надобно вложить им душу в брюхо, билась головой об стену, по ее выражению, чтобы двинуть Австрию и Пруссию на революционную Францию во имя монархического начала, но втихомолку своим признавалась, что ей хочется впутать австрийцев и пруссаков во французские дела, чтобы самой иметь свободные руки: «У меня много предприятий неконченных, и надобно, чтобы они были и заняты и мне не мешали».

Екатерине хотелось устроиться с Польшей по-своему. Но австрийцы и пруссаки хорошо разглядели шитую белыми нитками хитрость, вяло двигались на Францию, равнодушные к принципам, без огорчения несли потери на Рейне в чаянии добычи на Висле и отлично доделили Польшу при содействии и участии России. Сравнительно Россия на западе не стала сильнее, насколько усилилась сама ценою больших жертв, настолько же дала усилиться противникам

Императрица Екатерина II.
Художник П. Ротари. XVIII в.

без всяких жертв. Но это не считалось важным, как подробность: Екатерина признавалась, что, привыкнув к большим делам, не любит мелочей. А большие дела налицо: 7 млн новых подданных и сильное впечатление за границей и дома. Политический мир признавал за Екатериной «великое имя в Европе и силу, принадлежащую ей исключительно».

В России по отдаленным захолустьям долго помнили и говорили, что в это царствование соседи нас не обижали и наши солдаты побеждали всех и прославились. Это простейшее общее впечатление Безбородко, самый видный дипломат после Панина, выражал в изысканной форме, говоря в конце своей карьеры молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

Положение дел. Изучение хода дел в империи, начатое еще до воцарения, Екатерина усиленно продолжала теперь, когда ей открылись к тому новые, более широкие пути. Она часто присутствовала в Сенате, вслушивалась в доклады и суждения сенаторов, сама прочитывала некоторые дела, наводила справки, расспрашивала всех и каждого. Так у нее составилась картина положения империи в минуту ее воцарения — и картина, донельзя мрачная, которую она рисует в своих ранних и поздних записках и заметках. Мы уже видели, в каком состоянии застала она военные силы и финансы. Елизавета и Петр III забирали себе казенные доходы и, когда у них просили денег на нужды государства, с гневом отвечали: «Ищите денег, где хотите, а отложенные — наши». Потому казна почти никому не платила. Хлеб в Петербурге вздорожал вдвое.

Почти все отрасли торговли были превращены в разорительные частные монополии. Жестокие пытки и наказания за безделицу так ожесточили умы, что другого, более человечного правосудия и представить себе не могли: тюрьмы были переполнены; императрица Елизавета перед смертью освободила до 17 тыс., и все-таки при коронации Екатерины в 1762 г. их оставалось до 8 тыс. При жестокости правосудие продавалось платившему дороже. Законов было неисчислимое множество, их то и дело изменяли, но суды совсем не заботились об их охранении; ими пользовались, только где они были полезны сильнейшему. Все судебные учреждения вышли из своих границ; одни прекратили свою деятельность; другие были подавлены. Всюду народ жаловался на лихоимство, взятки, а воеводы и их канцелярии кормились взятками, потому что не получали жалованья. Распоря-

жения Сената исполнялись только по третьему указу. Сам Сенат, столько лелеянный Петром I, высший блюститель законного порядка, превратился в совершенно бездельническое учреждение со своим генерал-прокурором Глебовым, «плутом и мошенником», как называла его Екатерина. Апелляционные дела сенаторы слушали целиком, не в экстрактах, и шесть недель длилось только чтение дела о выгоне гор. Масальска.

Сенат назначал воевод во все города, но не имел списка городов и не знал, сколько их, при суждениях никогда не заглядывал в карту империи, так что иногда сам не знал, о чем судил. Да и карты у него не было с самого его основания; раз Екатерина, присутствуя в Сенате, вынула 5 руб., послала в Академию наук купить печатный атлас и подарила его Сенату. Высший контролер государственного хозяйства — Сенат не мог установить точной бюджетной росписи.

По воцарении Екатерины он подал ей реестр доходов, по которому их значилось 16 млн. Екатерина велела пересчитать доходы, и счетная комиссия насчитала их 28 млн; 12 млн Сенату были неведомы. Зато в расточении государственных имуществ и доходов он показал большую энергию. Все таможни он отдал на откуп за 2 млн, а когда они взяты были Екатериной в казенное управление, одна петербургская таможня давала более 3 млн дохода. Казенные заводы в конце царство-

Заброшенная мельница. Худ. Ю. Клевер. XIX в.

Александр Иванович Глебов

Герб графов Шуваловых

вания Елизаветы самовольно были переданы Сенатом в частное владение первейшим царедворцам: Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым и т. п., да им же роздано на ведение дела до 3 млн руб. Ссуду заводчики промотали в столице, заводским крестьянам платили за работу плохо или вовсе не платили, и они взбунтовались в числе 49 тыс.; пришлось посылать усмирительные команды с пушками, а заводы возвратить за долги в казну.

Всего в виде займов и другими способами расхватали до 4 млн деньгами и более 7 млн землями и рудниками и приходили в негодование на несправедливость казны, когда она требовала возврата денег, давно растраченных. Доверия к правительству не было никакого, но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него и исходить не могло, кроме вредного к общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа, от которого, по замечанию Екатерины, скрывали ошибки судей и других чиновников. Если прибавить к этому отсутствие основных законов, кроме разве анархического устава о престолонаследии, то изображение, начертанное Екатериной, даст полную картину азиатской деспотии, где действует произвол лиц вместо законов и учреждений.

Петр I оставил Россию «недостроенной храминой» в виде большого сруба без кровли, без окон и дверей, а только с отверстиями для них. После него при господстве его сотрудников, потом наезжих иноземцев и затем доморощенных елизаветинских дельцов ровно ничего не было сделано для отстройки здания, а только испорчен заготовленный материал в виде учреждений, регламентов, уставов и т. п.

Путевые впечатления. Вступив на престол, Екатерина хотела видеть народ, страну, столь дурно управляемую, взглянуть на ее жизнь вблизи, прямо, не из дворцовой дали и не по придворным россказням. С этой целью она предприняла в первые годы царствования ряд поездок: в 1763 г. ездила

Путешествие Екатерины II по югу Российской империи. Аллегория. Конец XVIII – начало XIX в.

в Ростов и Ярославль, в 1764 г. посетила прибалтийские губернии, в 1765 г. проехала по Ладожскому каналу, который нашла прекрасным, но заброшенным, и, наконец, весной 1767 г. решилась посетить Азию, как она выражалась, т. е. проехать по Волге. В сопровождении большой свиты (до 2 тыс. человек) и всего дипломатического корпуса она села в Твери на барку и спустилась до Симбирска, откуда сухим путем вернулась в Москву.

В эту поездку она собрала много поучительных наблюдений. Во-первых, она увидела, какой удобный материал для управления имеет она в своих подданных, как мало нужно сделать для этого народа, чтобы привлечь к себе его расположение: императрицу всюду встречали с неописуемым восторгом. Екатерина писала с дороги, что даже иноплеменников, т. е. иноземных послов, не раз прошибали слезы при виде народной радости, а в Костроме распоряжавшийся экспедицией граф Чернышев весь парадный обед проплакал, растроганный «благочинным и ласковым» обхождением местного дворянства. В Казани готовы были постелить себя вместо ковра под ноги императрицы, «а в одном месте по дороге, — писала Екатерина, — мужики свечи подавали, чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали». Это был простонародный волжский ответ парижским философам, величавшим Екатерину царскосельской Минервой.

Беглые путевые наблюдения могли внушить Екатерине немало правительственных соображений. Она встречала по пути города, «ситуацией прекрасные, а строением мерзкие». Народ по своей культуре был ниже окружающей его природы. «Вот я и в Азии», — писала Екатерина Вольтеру из Казани. Этот город особенно поразил ее пестротой населения. «Это — особое царство, — писала она, — столько разных объектов, достойных внимания, а идей на 10 лет здесь набрать можно». Симбирск — город самый жалкий, и все дома конфискованы за недоимки.

Народ по Волге показался ей богатым и весьма сытым: все хлеб едят, и никто не жалуется; по городам цены высокие, а в деревнях прошлогодние немолоченые запасы в избытке; крестьяне крепятся продавать хлеб из боязни неурожая.

Преобразовательные начинания. Пока накоплявшиеся наблюдения еще не успели сложиться в цельный преобразовательный план, а внешняя политика не развлекала внимания, Екатерина спешила заштопать наиболее резкие прорехи управления, отмеченные в ее картине.

Екатерина настойчиво ограничивала применение пытки и конфискации имений у преступников, но не решалась отменить оба института законом. Издан был строгий манифест против взяточничества; петербургскому населению дано было назидательное зрелище сенатского обер-секретаря, поставленного у позорного столба на площади перед Сенатом с надписью на груди: «преступник указов и мздоимец».

Наконец, в 1765 г. составлена была комиссия о государственном межевании, капитальном деле, не удавшемся при императрице Елизавете. Эти меры первых трех лет должны были произвести благоприятное впечатление и даже практическое действие, облегчить несколько налоговую тяжесть, содействовать общему успокоению, внести некоторое оживление в застоявшееся

Портрет Екатерины II на монете достоинством в 10 рублей. 1766 г.

правящее болото, дать острастку чиновнику, а что было всего важнее для Екатерины — внушить некоторое доверие к ее правительству. Сама она по своей привычке была очень довольна успехом принятых мер. В одной ранней заметке она пишет, что торговля оживляется, монополии уничтожены, бунтовщики усмирены, работают и платят, правосудие более не продается, законы уважаются и исполняются, все судебные места вернулись к своим обязанностям и т. д.

Проект императорского совета. Но все эти меры были только подробности, большею частью почти мелочи. В манифесте 6 июля обещана была общая реформа управления, возвещены государственные установления, которые неуклонно действовали бы в пределах закона. Между тем в центральном управлении оставался очень заметный пробел: законодательная власть, сосредоточиваясь в одном лице государя, не имела никакого закономерного устроения; не было учреждения, которое воспособляло бы эту работу. Генерал-прокурору Сената принадлежала законодательная инициатива, но только казуальная, когда в пределах распорядительной и судебной компетенции Сената встречалось дело, требовавшее нового закона. Н. И. Панину, редактору июльского манифеста, Екатерина вскоре по воцарении поручила составить план недостающего учреждения.

Панин представил доклад и проект манифеста об Императорском

Подпись Екатерины II

совете и о преобразовании Сената с разделением его на департаменты. Из этих двух учреждений устроялось новое верховное управление. Панин подвергает жестокой критике елизаветинское правление, в котором «действовала более сила персон, нежели власть мест государственных», и, пользуясь домашним кабинетом императрицы, «безгласным и никакого образа государственного не имеющим местом», всеми делами безответственно вертели фавориты, временщики, случайные и шальные люди, что напоминает Панину «те варварские времена», когда еще не было ни установленного правительства, ни письменных законов.

Сколько можно понять тягучее, дипломатически неясное изложение Панина, его Императорский совет, разделенный на четыре департамента со статским секретарем во главе каждого, — чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти. В него поступают все дела, требующие новых законов, кроме восходящих на высочайшее усмотрение через Сенат, и подлежащими статс-секретарями разрабатываются в законопроекты, которые обсуждаются императорскими советниками и представляются на высочайшее утверждение. Совет — закономерное, гласным законом установленное учреждение с оформленным порядком делопроизводства; всякий новый закон исходит из него за монаршей подписью и контрассигнованный подлежащим статс-секретарем.

Однако, это не был прежний Верховный тайный совет, который, сливаясь с лицом монарха, становился участником законодательной власти. Сенат оставался независимым от нового Совета верховным учреждением. Совет по проекту манифеста — «то

самое место, в котором мы об империи трудимся». Это законодательная мастерская, исполняющая подготовительную работу законодательства по надлежащей форме и порядку, чем бы «добрый государь при его великих трудах ограничивал себя в ошибках, свойственных человечеству». Верховная власть не ограничивалась, а только сдерживалась практически, самой организацией законодательного дела. В проекте Панина неясно и неумело предначертан будущий Государственный совет Сперанского, оказавшийся вполне безопасным политически.

Екатерина подписала манифест (28 декабря 1762 г.) и назначила членов Совета, но потом впала в раздумье, кой с кем посоветовалась и похоронила дело. Угадывая ли тайную мысль Екатерины, или по искреннему холопьему усердию придворного особенно дальновидно высказался фельдцейгмейстер Вильбуа, заявив, что законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть, что разум императрицы не нуждается ни в каком Совете, а только для облегчения тяжести восходящих к ней дел нужно разделить ее частный кабинет на департаменты, говоря проще, заменить государственных советников домашними секретарями. Осуществлена была только мысль Панина о разделении Сената на департаменты, но уже по другому проекту (15 декабря 1763 г.).

Этим и ограничилась реформа центрального управления; законодательная функция, оставшись неупорядоченной, пользовалась случайными или временными средствами; по отдельным вопросам Сенату предоставлялись законодательные полномочия или составлялись комиссии, а комиссии о правах дворянства с 1763 г. вместе со многими другими делами поручено было составить новый проект о разделении Сената на департаменты. С начала первой турецкой войны Екатерина стала созывать преимущественно по военным делам Совет, который скоро превратился в постоянный, оставаясь негласным.

Политические идеи Екатерины. Еще до воцарения, видели мы, она сосредоточила свое прилежное чтение на историко-политической литературе и особенно на литературе просветительного направления.

Портрет Екатерины II в виде законодательницы в храме богини Правосудия. Художник Д. Левицкий

Портрет Екатерины.
Художник Ф. С. Рокотов. 1763 год

Под влиянием Монтескье она писала, что законы — самое большое добро, какое люди могут дать и получить; а следуя свободному непленному движению своей мысли, она думала, что «снисхождение, примирительный дух государя сделают более, чем миллионы законов, а политическая свобода даст душу всему».

Но, признавая в себе «отменно республиканскую душу», она считала наиболее пригодным для России образом правления самодержавие или деспотию, которых основательно не различала; разграничить эти виды одного и того же образа правления затрудняются и ученые публицисты.

Происхождение, составление и источники «Наказа». Скоро Екатерина нашла для своих идей широкое применение. По ее словам в одной поздней записке, в первые годы царствования из подаваемых ей прошений, сенатских и коллежских дел, из сенаторских рассуждений и толков многих других людей она усмотрела, что ни о чем не установлено однообразных правил, а законы, изданные в разное время при различном расположении умов, многим казались противоречивыми, а потому все требовали и желали, чтобы законодательство было приведено в лучший порядок.

Из этого она вывела заключение, что *«образ мыслей* вообще и самый гражданский закон» не могут быть исправлены иначе, как установлением ею писанных и утвержденных правил для всего населения империи и по всем предметам законодательства. Для того она начала читать и потом писать *«Наказ»* Комиссии уложения. Два года она читала и писала. В письме (28 марта 1765 г.) к своей парижской приятельнице m-me Жоффрен, очень известной в то время своим литературным салоном, Екатерина писала, что уже два месяца она каждое утро часа по три занимается обработкой законов своей империи: это намек на составление «Наказа».

Значит, работа начата была в январе 1765 г., а к началу 1767 г. «Наказ» был уже готов. В критическом издании текста «Наказа», исполненном нашей Академией наук (1907 г.), тщательно разобран обильный материал, из которого вырабатывался этот памятник, и указаны его источники.

«Наказ» — компиляция, составленная по нескольким произведениям тогдашней литературы просветительного направления. Главные из них — знаменитая книга Монтескье *Дух законов* и вышедшее в 1764 г. сочинение итальянского криминалиста Беккариа *О преступлениях и наказаниях,* быстро приобретшее громкую известность в Европе.

Содержание «Наказа». В 20 главах «Наказ» говорит о самодержавной власти в России, о подчиненных органах управления, о *хранилище законов* (Сенате), о *состоянии всех в государстве живущих* (о равенстве и свободе граждан), *о законах вообще, о законах подробно,* именно о согласовании наказаний с преступлениями, *о наказаниях,* особенно об их умеренности, *о производстве суда вообще, об обряде криминального суда* (уголовное право и судопроизводство), *о крепостном состоянии, о размножении народа в государстве, о рукоделии* (ремеслах) *и торговле, о воспитании, о дворянстве, о среднем роде людей* (третьем сословии), *о городах, о наследствах, о составлении* (кодификации) *и слоге законов;* последняя, XX глава, излагает *разные статьи, требующие изъяснения,* именно говорит о суде за оскорбление величества, о чрезвычайных судах, о веротерпимости, о признаках падения и разрушения государства. В двух дополнительных главах идет речь о благочинии, или полиции, и о государственной экономии, т. е. о доходах и расходах.

Видим, что, несмотря на урезки, «Наказ» довольно широко захватывал область законодательства, касался всех основных частей государственного устройства, верховной власти и ее отношения к подданным, управления, прав и обязанностей граждан, сословий, более всего законодательства и суда. При этом он давал русским людям ряд разносторонних откровений.

Он возвещал, что равенство граждан состоит в том, чтобы все подчинены были одинаковым законам, что есть государственная вольность, т. е. политическая свобода, и состоит она

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ: ВОНМИ МИ, И ВРАЗУМИ МЯ, ДА СОТВОРЮ СУДЬ ЛЮДЕМЪ ТВОИМЪ ПО ЗАКОНУ СВЯТОМУ ТВОЕМУ СУДИТИ ВЪ ПРАВДУ.

Dominе Deus mi! exaudi me, et da mihi intelligentiam, vt conſtituam iudicium genti tuae, quo ſecundum legem tuam ſanctam dicatur ei ius.

НАКАЗЪ

КОММИССІИ О СОСТАВЛЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

INSTRVCTIO

Coetui ad condendam ideam noui legum Codicis conuocato, plenaque ad id donato poteſtate.

Herr mein Gott! vernimm mich, gieb mir Verſtand, dein Volk zu richten, nach deinem heiligen Geſetze und nach der Wahrheit!

Seigneur mon Dieu! ſois attentif à ma voix, & donne moi de l'intelligence pour juger ton peuple ſelon ta ſainte Loi & ſelon la juſtice.

Inſtruction

für die zu Verfertigung des Entwurfs zu dem neuen Geſetz-Buche verordnete Commiſſion.

INSTRUCTION

Pour la Commiſſion chargée de dreſſer le Projet d'un nouveau Code des Loix.

«Наказ ея императорского величества Екатерины II»

не только в праве делать все, что законы дозволяют, но и в том, чтобы не быть принуждену делать, чего не должно хотеть, а также в спокойствии духа, происходящем от уверенности в своей безопасности; для такой свободы нужно такое правительство, при котором один гражданин не боялся бы другого, а все боялись бы одних законов. Ничего подобного русский гражданин у себя не видел.

«Наказ» учил, что удерживать от преступления должен природный стыд, а не бич власти и что если не стыдятся наказаний и только жестокими карами удерживаются от пороков, то виновато в этом жестокое управление, ожесточившее людей, приучившее их к насилию.

Наконец, в «Наказе» не раз затрагивается вопрос, исполняет ли государство, т. е. правительство, свои обязанности перед гражданами. Он указывает на ужасающую смертность детей у русских крестьян, уносящую до трех четвертей «сей надежды государства». «Какое цветущее состояние было бы сея державы, — горько восклицает «Наказ», — если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу!»

Рядом со смертностью детей и заносной заразительной болезнью в числе язв, опустошающих Россию, «Наказ» ставит и бестолковые поборы, какими помещики обременяют своих крепостных, вынуждая их на долгие годы бросать для заработков свои дома и семьи и «бродить по всему почти государству». Не то с иронией, не то с жалобой на беспечность власти «Наказ» замечает, что «весьма бы нужно предписать помещикам законом» более обдуманный способ обложения крепостных.

Трудно объяснить, как эти статьи ускользнули от цензуры дворянских депутатов и пробрались в печатный «Наказ». Глава о размножении народа в государстве рисует по Монтескье страшную картину запустения страны от хронической болезни и худого правления, где люди, рождаясь в унынии и бедности, среди насилия, под гнетом ошибочных соображений правитель-

Виньетка со снимком с лицевой стороны Большой медали с изображением Екатерины II в образе Минервы

ства, видят свое истребление, не замечая сами его причин, теряют бодрость, энергию труда, так что поля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокормление одному семейству.

Эта картина живо напоминает массовые побеги народа за границу, ставшие в XVIII в. настоящей бедой государства. В перечне средств для предупреждения преступлений «Наказ» как бы перечисляет словами Беккариа недоимки русского правительства. «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы меньше благоприятствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину; сделайте, чтоб люди боялись законов и никого бы, кроме них, не боялись. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб просвещение распространилось между людьми. Наконец, самое надежное, но и самое трудное средство сделать людей лучшими есть усовершенствование воспитания». Всякий знал, что русское правительство не заботилось об этих средствах. «Книга добрых законов» также сдерживала бы наклонность причинять зло ближним. Эта книга должна быть так распространена, чтобы ее можно было купить за малую цену, как букварь, и надлежит предписать учить грамоте в школах по такой книге вперемежку с церковными.

Но такой книги в России еще не было; для ее составления писан и самый «Наказ». Таким образом, акт, высочайше подписанный, извещал русских граждан, что они лишены основных благ гражданского общежития, что законы, ими управляющие, не согласны с разумом и правдой, что господствующий класс вреден государству и что правительство не исполняло своих существенных обязанностей перед народом.

Екатерина Великая с текстом «Наказа» в руках

Мысль «Наказа». Во-первых, Россия по положению своему есть европейская держава. Доказательство этого — реформа Петра I, введя европейские нравы и обычаи в европейском народе, имела тем более успеха, что прежние нравы в России совсем не сходствовали с ее климатом и занесены были к нам от чуждых народов. Положим, все это так, вопреки всякому вероятию.

Другой вывод, извлеченный из естественного положения России, — тот, что она по своему обширному протяжению должна быть управляема самодержавным государем: «Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, возмещала медленность, отдаленностью мест причиняемую». Если, говоря языком того времени, весь «разум» самодержавия в расстоянии Читы от Петербурга, то на втором выводе также можно построить силлогизм, гораздо более неожиданный. Книга Монтескье — главный источник «Наказа» есть идеальное изображение конституционной монархии. Первая посылка силлогизма та же: законы государства должны соответствовать его естественному положению. Вторая

посылка: Россия по своему естественному, т. е. географическому, протяжению должна иметь самодержавный образ правления.

Неудачные кодификационные попытки. Еще в 1700 г. была составлена из высших чинов с несколькими дьяками комиссия, которой поручено было пополнить Уложение 1649 г. узаконениями, состоявшимися после его издания. С тех пор над этим делом безуспешно работал ряд комиссий. Перепробовали разные способы работы, то клали в основу ее свое старое Уложение, пополняя его новыми указами, то сводили его со шведским кодексом, заменяя неподходящие пункты последнего статьями первого или новыми постановлениями: к импровизированным кодификаторам из военных и статских чинов присоединяли назначенных или выборных экспертов, «добрых и знающих людей», иногда только из офицеров и дворян, чаще и из других сословий, духовенства и купечества. В таком составе кодификационных комиссий сказалось смутное воспоминание об участии земских соборов в составлении важнейших законодательных сводов Древней Руси, Судебника 1550 г. и Уложения 1649 г.

Екатерининская комиссия 1767 года. Художник М. Зайцев

Комиссия 1754 г., составленная также из должностных лиц центрального управления с участием «Десьянс-академии профессора» Штрубе де Пирмонта, изготовила две части нового уложения, и в 1761 г. по предложению Комиссии для совместного с ней вторичного рассмотрения ее труда Сенат указал вызвать из каждой провинции по два выборных от дворянства и по одному из купечества, и Синоду — предложить выбрать депутатов от духовенства.

Дело и на этот раз не было закончено; выборных в 1763 г. распустили, но Комиссия просуществовала вплоть до созыва новых депутатов в 1767 г.

Состав комиссии 1767 г. Екатерине предстояло кончить давнее дело, устранив по указаниям опыта причины неудачи прежних попыток. Теперь оно во многих отношениях поставлено было иначе, чем ставилось прежде. Начали прямо манифестом 14 декабря 1766 г. о созыве депутатов в предположенную Комиссию для сочинения проекта нового уложения, как она официально называлась. Представительство было значительно расширено. Комиссия составлялась из представителей правительственных учреждений и из депутатов от различных разрядов или классов населения. Сенат, Синод, все коллегии и главные канцелярии центрального управления послали по одному представителю.

Чтобы понять порядок выбора депутатов от населения, надобно припомнить, что тогда империя делилась на 20 губерний, которые подразделялись на провинции, а провинции — на уезды. По одному депутату назначено было на каждый город от домовладельцев, на каждый уезд от дворян — землевладельцев и на каждую провинцию по депутату от однодворцев, от пахотных

Императрица Екатерина II.
Худ. Р. Бромптo. 1782 г.

солдат, от государственных черносошных крестьян и из оседлых инородцев от каждого народа, крещеного или некрещеного, итого четыре депутата от провинции, где были налицо эти четыре разряда населения. Число депутатов от казаков предоставлено было определить их высшим командирам. Выборы уездные и городские были прямые, по провинциям — трехстепенные. Дворяне — землевладельцы уезда под председательством выбранного на два года дворянского предводителя, а горожане-домохозяева под председательством тоже на два года выбранного городского головы прямо избирали депутата в Комиссию; только очень большие города могли сперва избирать выборщиков по городским частям. Однодворцы и другие свободные сельские обыватели упомянутых разрядов, «дом и землю в погосте (сельском приходе) имеющие», выбирали погостных поверенных, которые избирали поверенных уездных, а из их среды выбирался провинциальный депутат. Таким образом, в Комиссии представлены были центральные правительственные учреждения, некоторые сословия, инородческие племена и места жительства. По букве «обряда» городских выборов в них участвовали все домохозяева, каковыми могли быть лица всякого звания.

Это наводит на мысль о всесословном характере городских выборов, противоречащем всему строю тогдашнего русского общества. Но припомним, что тогда Екатерина мечтала о создании в России «среднего рода людей», подобного среднему сословию на Западе. В этот класс, называвшийся еще мещанами, «Наказ» относит людей, [которые], не будучи ни дворянами, ни хлебопашцами, занимаются художествами, науками, мореплаванием, торговлею и ремеслами, [а] также всех недворян, кои будут выходить из воспитательных домов и русских училищ, и, наконец, детей приказных людей. Главные признаки мещанина — обладание «домом и имением» в городе и платеж городских налогов.

Но такого класса еще не было в России, а были налицо лишь некоторые разобщенные его элементы; для выборов оставался один уловимый признак мещанина — домовладение. По мысли Екатерины, и город — сословие, но фиктивное, потому на деле городские выборы вышли не сословными и не всесословными, а просто бессословными. Из сохранившихся дел видим, что в городских выборах участвовало и духовенство с приказными людьми. Сенат не утверждал депутатов, выбранных одними купцами, где были домовладельцы других званий.

В малороссийских городах рядом с мещанством выступало на выборах и шляхетство. В Петербурге, застро-

Санкт-Петербург. Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости. 1794 г. Художник Ф. Алексеев

енном по указам Петра дворянскими домами, домовладельцы из чиновно-дворянской знати совсем заслонили собой купечество; городским головой был избран обер-комендант, а депутатом от столицы граф А. Г. Орлов. По примеру Петербурга тот же характер получили выборы и в старой столице, где городским головой был избран князь Вяземский, а депутатом — князь Голицын.

При расширенном представительстве Комиссия, однако, далеко не захватывала своим составом всех слоев тогдашнего населения империи, не говоря уже о крепостных крестьянах, не видим депутатов от приходского духовенства, хотя и участвовавших в городских выборах от крестьян дворцовых и даже бывших церковных или экономических, как они назывались, по имени управлявшей ими Коллегии экономии, хотя со времени секуляризации (1764 г.) они примкнули к свободным сельским обывателям.

Всех депутатов было избрано 564. Количественное распределение представительства не соответствовало ни численности представленных групп населения, ни их значению в государстве. Всего больше депутатов досталось городам, потому что всякий город, большой и малый, и столица Москва, и уездный город Буй, в котором считалось всего несколько сот обывателей, послал по одному депутату. В составе Комиссии городских депутатов было 39 %; между тем городские жители не составляли и 5 % всего населения империи. Пропорциональ-

ное отношение представительства по классам является в таком виде:

Правительственные учреждения	ок. 5 %
Дворянство	30 %
Города	39 %
Сельские обыватели	14 %
Казаки, инородцы, остальные классы	12 %

Выборы в комиссию. Екатерине предстояло побороть закоренелое равнодушие и недоверие, с каким население привыкло встречать правительственный призыв к общественному содействию, зная по опыту, что ничего из этого, кроме новых тягостей и бестолковых распоряжений, не выйдет. Так отнеслось оно и к сенатскому указу 1761 г., призывавшему «общество», дворянство и купечество споспешествовать правительству советами и делом в сочинении нового уложения, напоминая «сынам отечества» их долг и возможность «незабвенную в будущие роды о себе оставить память». Такие слова в сенатском указе звучали для обывателя смешной выходкой, особенно рядом с угрозой кодификационной комиссии отписывать у дворян деревни за неявку.

Теперь высокий знак доверия власти к подданным старались поставить более благопристойным образом. Манифест о созыве депутатов был читан по всем церквам три воскресенья сряду, и он возвещал, что со стороны престола милосердие полагается в основание законов, а со стороны подданных ожидается благодарность и послушание. Депутаты призывались к «великому делу». Выборы их должны были происходить «с тихостью, учтивостью и молчаливо».

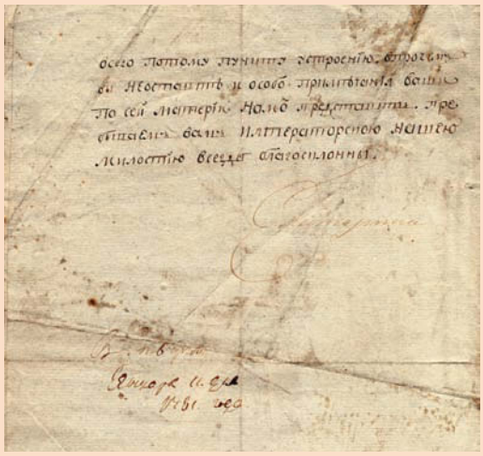
Портрет купца Ф. Ф. Гундорева. Неизвестный художник. Вторая половина XVII в.

Портрет купчихи А. М. Гундоревой. Неизвестный художник. Вторая половина XVII в.

Депутатам назначено было жалованье; звание их возведено было на небывалую высоту и стало самым привилегированным в России. Они находились под «собственным охранением» императрицы, на всю жизнь, «в какое бы прегрешение» ни впали, освобождались от смертной казни, пытки и телесного наказания; имущество их подвергалось конфискации только за долги, личная безопасность охранялась удвоенной карой, им даны были для ношения особые значки, которые дворянским депутатам по окончании дела дозволялось вносить в их гербы, «дабы потомки знать могли, какому великому делу они участниками были». Никто из русских подданных не пользовался тогда такими преимуществами. В Великороссии выборы вообще прошли благополучно; случаи вроде борьбы гор. Гороховца с воеводой за своего депутата или отказа шального новгородского дворянина участвовать в выборах, так как дворянство освобождено от обязательной службы, — такие случаи были редки.

Депутатские наказы. Самой важной новизной Комиссии 1767 г. были наказы, какими избиратели обязаны были снабдить своих депутатов, изложив в них свои «общественные нужды и отягощения», не внося частных дел, решаемых судом.

Избиратели охотно отзывались на это требование, почуяв в нем если не право, то позволение, открывавшее их мирским челобитьям прямой путь к престолу. Вместе с тем депутатский наказ сообщал и самому депутату привычное, всем понятное значение ходока о нуждах своего мира: дальше этого не шло тогдашнее понимание народного представительства. Депутаты привезли наказов с лишком вдвое больше,



Письмо и автограф Екатерины Великой

чем было их самих, почти полторы тысячи. Особенно много, свыше тысячи, навезли сельские депутаты.

Такое обилие объясняется порядком составления наказов этим депутатам. При выборах прямых, городских и дворянских избиратели, выбрав депутата, составляли из своей среды пятичленную комиссию, которая три дня выслушивала от избирателей заявления об их нуждах, а потом в другие три дня сводила эти заявления в наказ, который прочитывала избирателям и с их подписями вручала депутату.

В трехстепенных выборах провинциальных депутатов от сельских состояний погостовые или приходские избиратели составляли «всенижайшее челобитье» о своих нуждах, которые их поверенный передавал уездному поверенному, а тот — своему провинциальному депутату.

Значит, провинциальный депутат, однодворческий или черносошный, вез с собой в Комиссию столько челобитий или наказов, сколько было погостов с обывателями его разряда в представляемой им провинции;

На миру. Художник С. Коровин. 1893 г.

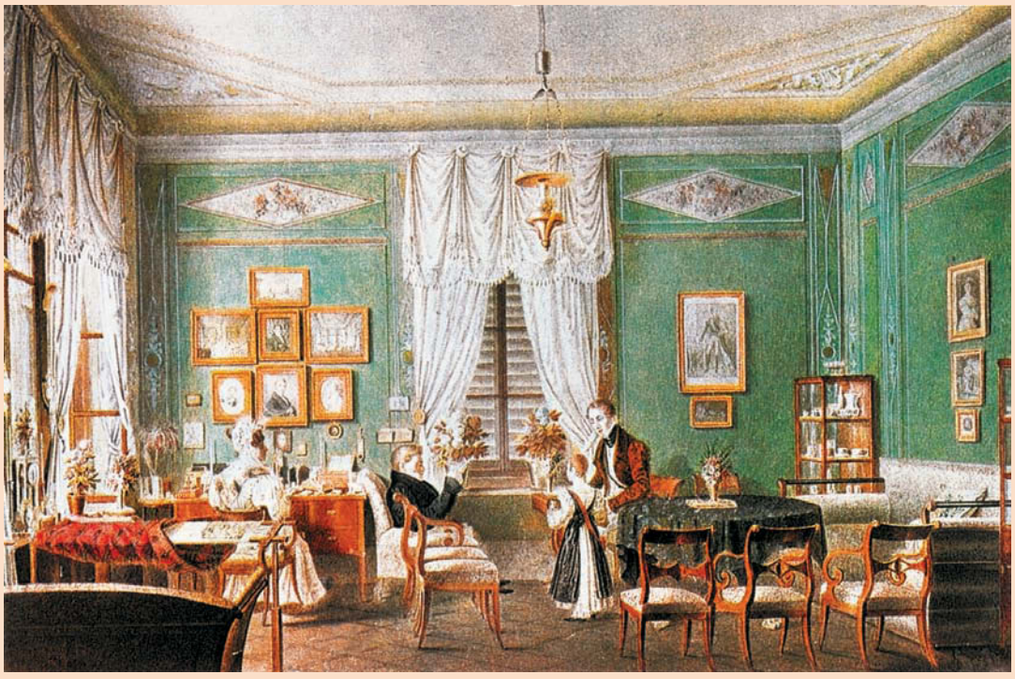
крестьянский депутат Архангельской провинции привез 195 погостовых наказов. Впрочем, чаще из погостовых челобитий составлялся сводный уездный и даже провинциальный наказ. Первый наказ, заслушанный Комиссией 1767 г., был от черносошных крестьян Каргопольского уезда, Белозерской провинции, Новгородской губернии.

Размножению наказов содействовали также общественные несо-

гласия, когда избиратели не могли столковаться о своих нуждах и составление наказа становилось невозможным. Особенно часто случалось это в городах, которые Екатерина вообразила сплоченными обществами с дружным пониманием своих нужд и интересов.

Разошедшиеся во мнениях городские классы различными способами выходили из своего разлада или давали депутату несколько наказов, несогласованных и даже враждебных один другому, или составляли общий городской наказ из статей, продиктованных представителями разных классов городского населения, не смущаясь внутренней нескладицей такого наказа, наконец, еще проще: сшивали вместе разные наказы с надписями: «от белаго духовенства», «от купечества», «от содержателей фабрик» и т. д. (Все эти способы обстоятельно выяснены г-ном Кизеветтером в статье о городских наказах.) Астрахань вопреки положению о выборах выбрала даже пять депутатов и каждого снабдила особым наказом. Наконец, и в депутатских наказах 1767 г., городских и дворянских, встречаем заимствования друг у друга, как это бывало в «сказках» выборных людей на земских соборах XVII в.

Депутат отвечал перед обществом своих избирателей за своевременное представление их ходатайств куда следовало. Но ему предоставлялось право ходатайствовать и сверх наказа, о чем он заблагорассудит, не мог только противоречить своему наказу и в случае несогласия с ним должен был сложить с себя полученные полномочия.



Интерьер помещичьего дома. XIX в.

Устройство комиссии. Прежние кодификационные комиссии из высших чинов не смешивались с сословными депутатами, которых призывали содействовать им в их работе: они, собственно, и составляли проекты нового уложения, пользуясь депутатами как вспомогательным средством. Теперь представители правительственных учреждений входили в состав Комиссии наравне с сословными депутатами и не были ее руководителями, даже равнодеятельными участниками: ввиду их должностных занятий им разрешено было сидеть в Комиссии только два дня в неделю вместо пяти.

Манифест 14 декабря указывал Комиссии двоякую задачу: депутаты созывались не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они быть имеют в Комиссию для заготовления проекта нового уложения. Согласно с такой задачей Комиссия получила очень сложное устройство.

Из Большой комиссии, как называлось ее полное собрание, выделялись по ее выбору три малые, из пяти депутатов каждая. Дирекционная комиссия, распорядительная, предлагала полному собранию образовать по мере надобности частные кодификационные комиссии, не более как из 5 членов каждую, для выработки отдельных частей Уложения и потом наблюдала за их работами, сличала составленные ими проекты с «Большим Наказом», как назывался «Наказ» императрицы в отличие от депутатских, исправляла их и вносила в полное собрание, всегда объясняя свои поправки. Экспедиционная комиссия, редакционная, излагала или направляла проекты частных комиссий и постановления самой Большой комиссии «по правилам языка и слога», устраняя из них слова и речи двусмысленные, темные и невразумительные; без нее все прочие комиссии и сама Большая «вне действия» по господствовавшей даже в правящих кругах безграмотности и неумению выражать сколько-нибудь отвлеченные понятия. Третья комиссия, подготовительная, разбирала депутатские наказы, делала из них выписки «по материям» и вносила в полное собрание. Эти три малые комиссии составляли как бы бюро Большой.

Портрет Григория Григорьевича Орлова, фаворита императрицы Екатерины II

Председателя полного собрания, маршала или депутатского предводителя, как он назывался, назначала императрица из числа кандидатов, предложенных Комиссией и генерал-прокурором. Маршал действовал об руку с этим представителем верховной власти при Комиссии, по соглашению с ним устанавливал порядок

занятий полного собрания и вместе с ним заседал во всех частных комиссиях. Главным делом генерал-прокурора было не допускать в постановлениях Комиссии ничего противного разуму «Наказа».

Особенно важное значение придавала Екатерина журналу заседаний комиссии: его надобно вести так, чтобы будущие времена в производстве «великого дела» Комиссии могли найти указания, как устроиться прочнее; и наше нынешнее здание, читаем в Обряде управления Комиссии, «менее бы нас обременяло», если бы мы имели подобные записки от прошедших веков.

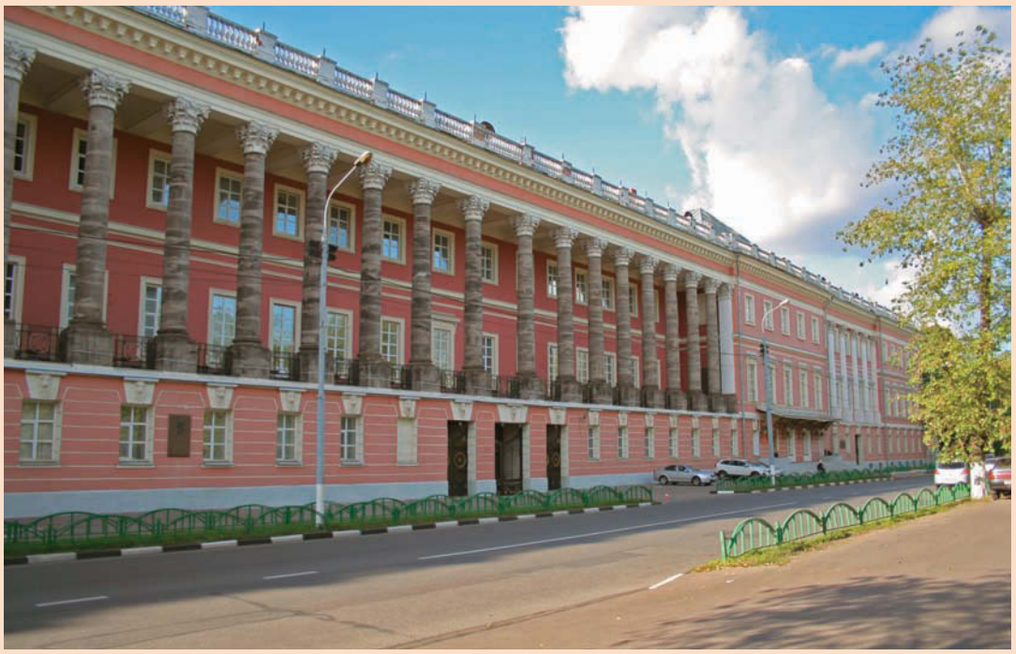
Для дневных записок в полном собрании и во всех частных комиссиях предписано было определить способных людей из дворян и одному быть «директором дневной записки», который был подчинен самой императрице; вместе с маршалом и генералпрокурором они втроем составляли как бы президиум Комиссии и сидели в зале полного собрания за особым столом, директор — посредине, маршал и генерал-прокурор — по концам стола.

Сложному устройству Комиссии отвечало и ее делопроизводство. Законодательное дело, возбужденное в полном собрании, с его предварительными суждениями переходило в дирекционную комиссию, которая направляла его по принадлежности в ту или другую частную кодификационную. Последняя, составив проект, знакомила с ним ту центральную коллегию, или канцелярию, ведомства которой он касался, и с ее мнением и со своим заключением пересылала в дирекционную, а та, сличив проект с «Наказом», или возвращала его назад для исправления, или передавала в экспедиционную комиссию для грамматической и литературной выправки, и только тогда через ту же дирекционную комиссию проект поступал в полное собрание на окончательное обсуждение. Видим, что только разве общая идея Московского земского собора участвовала в построении Комиссии 1767 г., но в подробностях устройства, в порядке ведения дела следовали парламентским обычаям конституционных стран Западной Европы.

Открытие комиссии и обзор ее работ. Вместе с приятными наблюдениями Екатерина привезла из волжской поездки больше 600 челобитий, большая часть которых наполнена была жалобами крепостных крестьян на тяжесть господских поборов. Челобитья были возвращены с наказом впредь таких не подавать.

Но крестьяне не унимались. Пошли слухи, что господских крестьян отберут в казну, как недавно отобрали церковных. Крепостные крестьяне начали целыми селами подавать императрице просьбы уже прямо об освобождении от помещиков и на увещания властей упрямо отвечали, что оставаться у помещиков своих в послушании не хотят. Это показалось тревожным признаком, и Сенату предписано было придумать против этого благопристойные средства. Сенат придумал только два: указом воспретил крепостным жаловаться на своих господ, а челобитчиков о свободе велел публично наказать плетьми. Были случаи и кровавой расправы крестьян с помещиками. Вновь поднимались только что усмиренные заводские крестьяне.

В то же время на юге среди однодворцев быстро распространялась секта, отвергавшая обрядовую государственную церковь. Сектантов отдали в солдаты, вдов и незамужних раздали по однодворцам и крестьянам в работницы. В селе становилось душно



Екатерининский (Головинский) дворец

и жутко. В это время, 30 июля 1767 г., Екатерина открыла Комиссию нового уложения торжественным приемом в Кремле, куда она прибыла из Головинского дворца церемониальным поездом с гофмаршальскими жезлами, скороходами, арапами, статс-дамами и прочими величавыми украшениями, какие придумал век формулярных чувств и символического мышления.

Комиссия заседала в Кремле в Грановитой палате. В первые заседания Комиссия устроялась, выбирала маршала, которым был утвержден депутат костромского дворянства А. И. Бибиков, слушала «Наказ» и другие касающиеся ее положения, выбирала членов в три малые комиссии.

«Наказ», по замечанию дневной записки, выслушан был с восхищением, даже с жадностью. Особенно поразили статьи о том, что гонение человеческие умы раздражает, что лучше, чтоб государь ободрял, а законы угрожали, что вопреки ласкателям, которые ежедневно говорят государям, будто народы для них сотворены, «Мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что Мы сотворены для нашего народа».

Многие плакали. Восторг достиг высшей степени от заключительных слов той же статьи: «Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле — несчастие, до которого я дожить не желаю». Избыток восторженности вызвал излишество усердия: Комиссия просила императрицу принять титул: Великой, Премудрой, Матери отечества. Екатерина в красивом личном ответе депутатам и не приняла и не отклонила поднесенного титула, а в записочке маршалу

как будто даже выразила свою досаду на депутатов: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам». Несмотря на это, Сенат, присоединившись в этом деле к Комиссии, предоставил себе изыскать удобный случай осуществить ее желание.

Кодификационные работы Большой комиссии начались только с восьмого заседания чтением и обсуждением наказов от черносошных крестьян и пахотных солдат. Первым из них был прочитан наказ от черносошных крестьян Каргопольского уезда; он вызвал 26 речей и письменных мнений. В 14 заседаниях было прочитано и обсуждено всего 12 сельских наказов; потом уже ни одного депутатского наказа не было прочитано в полном собрании. Покинув депутатские наказы, Комиссия перешла к чтению и обсуждению законов о правах дворянства, вызвавших горячие прения. Посвятив этому предмету 11 заседаний и переслав прочитанные законы с выслушанными мнениями в частную комиссию «о разборе государственных родов» (сословий), Большая комиссия обратилась к чтению и обсуждению законов о купечестве, занявших 46 заседаний. Вперемежку с суждениями о купечестве и других случайно возбуждавшихся вопросах читали и обсуждали на 10 заседаниях лифляндские и эстляндские привилегии.

В декабре 1767 г. заседания Комиссии в Москве прекратились и она была переведена в Петербург, где 18 февраля 1768 г. в Зимнем дворце возобновила свои работы чтением и обсуждением законов о юстиции. Этому предмету в

Утро в деревне. Художник А. Попов

продолжение пяти месяцев было уделено до 70 заседаний, на которых выслушано было 200 депутатских мнений.

Между тем в полное собрание поступил изготовленный частной комиссией о государственных родах проект «прав благородных», т. е. дворянских. Этот предмет, уже обсуждавшийся депутатами, снова целых три месяца занимал их внимание. Положено было возвратить проект в частную комиссию, чтобы она пересмотрела и согласила его с многочисленными депутатскими мнениями.

После того депутаты занялись чтением и обсуждением законов о поместьях и вотчинах. На этом занятии захватил Большую комиссию в декабре 1768 г. указ о прекращении ее занятий. Слухи о Комиссии производили брожение в народе, вызывали толки о перемене законов, а тут, кстати, случилась война с Турцией, потребовавшая депутатов из военнослужащих в армию, и указ предписал общее собрание распустить впредь до нового созыва, оставив только частные комиссии, которые проработали еще много лет. Вторичного созыва полного собрания не последовало. В полтора года занятий Большая комиссия имела 203 заседания.

Прения. Из этого обзора видим, что плана занятий установлено не было, предметы назначались случайно, вопросы сменялись неисчерпанные. Почему-то начали с депутатских наказов, читая их целиком, хотя была уже частная комиссия для их предварительной разборки.

Заявления наказов подвергались мелочному разбору, вызывали недоверие, требование проверки на местах. Каргопольские крестьяне в своем наказе просили дозволить им вопреки указу ловить птиц и зверей круглый

Купчиха за чаем.
Художник Б. М. Кустодиев. 1918 г.

год. На это возражали; архангелогородский черносошный депутат Чупров покрыл спор замечанием, что «если ловлю дозволить во всякое время, то зверей и птиц не убавится, а если запретить, то не прибавится — уменьшение и умножение состоит во власти Божией».

Но благодушие не было господствующим тоном прений. Те же крестьяне просили устроить у них казенные запасные магазины, откуда бедные крестьяне весной брали бы хлеб с возвратом ссуды из нового урожая. Новгородский дворянский депутат возражал, что таких магазинов совсем не нужно, что крестьяне в надежде на казенный хлеб бросят хлебопашество, а верейский депутат от дворянства Степанов обозвал каргопольских крестьян ленивыми и упорными. Эта резкость вызвала деликатное возражение копорского дворянского депутата графа Г. Г. Орлова, что, вероятно, верейский депутат этого не говорил, а писец ошибочно записал его слова. Степанов был превзойден другим дворянским депу-

Вид Московского Кремля. Художник Ф. Кампорези. 1796–1797 гг.

татом — Глазовым, который внес в Комиссию столь непристойное мнение, в котором так неприлично поносил всех черносошных крестьян и их депутатов, что маршал остановил чтение его записки; возник вопрос об исключении его из Комиссии, и только по снисхождению оштрафовали его пятью рублями и заставили при всем собрании просить у обиженных прощения.

Постепенно, с расширением поля обсуждения, Комиссия поднималась от местных подробностей к общим вопросам государственного порядка. Здесь, особенно при обсуждении законов о дворянстве и купечестве, ее прения затягивались в запутанный узел встречных и поперечных интересов. До Петра I московское правительство вело усиленную законодательную и административную разработку сословных повинностей, для отбывания которых сословиям предоставлялись известные льготы или выгоды.

Теперь в противовес этой тягловой политике депутатские наказы и речи в Комиссии настойчиво твердили, чтобы эти выгоды признаны были их сословными правами независимо от их повинностей. Мало того, верхние сословия хотели каждое, чтобы его право стало монополией в ущерб интересам других сословий. Дворянство присвояло себе одному право владеть землей с крепостными людьми, купечество — право торговли и промышленности, оставляя свободному сельскому населению одно хлебопашество, даже без права вольной продажи сельских произведений.

Экономическая политика Петра I внесла новое преломление в сословные понятия, отражавшие в себе, как в водной среде, перевернутые сословные нормы Уложения 1649 г. Известно, как старался Петр приохотить своих сановников к фабрично-заводскому делу, а фабрикантов и заводчиков поощрял дарованием дворянского права приобретать земли с крепостным населением. Теперь дворяне, отстаивая свою монополию землевладения и душевладения, не хотели отказаться и от права иметь фабрики и заводы, а купцы заявляли притязание на право обладания крепостными душами.

Два дворянства. Предметы прений в Комиссии указывают на строй общества; в их аргументации ярко проявилось общественное настроение, уровень политического сознания. Инструкция Комиссии предоставляла всякому депутату высказывать свое мнение «с тою смелостью, которая потребна для пользы сего дела». И депутаты широко пользовались этим правом, не боясь не только власти, но и глупости. Дворянство выступало в Комиссии как «первое государственное сословие».

И борцом его прав явился наиболее выдающийся оратор собрания несколько позднее русский историк и публицист, а теперь начитанный и умный, но более пылкий, чем рассудительный, депутат ярославского дворянства князь М. М. Щербатов. Мы уже видели, как по мере нарастания дворянских прав после Петра I сословие старалось подчищаться, стряхивая с себя прилипавшие к нему сторонние элементы с общественного низа. Коренному дворянству кололи глаза указы Петра I о возведении в потомственные дворяне разночинцев, дослужившихся до офицерского чина.

М. М. Щербатов. Гравюра В. Матэ

Князь Щербатов ополчился против этих указов и выслуженного дворянства. При этом он развивал историческую и политическую теорию дворянского сословия, по которой выходило, что настоящие дворяне, которым по праву наследства принадлежит монополия чести и благородства, а также крепостного душевладения, — это дворяне природные, исстаринные, позади которых стоят ряды знатных славными делами предков. Этим он, разумеется, вооружал против себя многочисленных дворян выслуги, которые обвиняли старое дворянство в сословном высокомерии и исключительности, в пренебрежении к личной заслуге и достоинству.

Один из их депутатов заявил, что дворянство, как это видно из прочитанных в Комиссии законов об нем, получило начало от самых незнатных фамилий путем заслуг по службе. Среди 23 депутатов, согласившихся с этим мнением, не было ни одного дворянина, а князя Щербатова оно вывело из душевного равновесия: в крайне возбужденной речи, дрожащим голосом он произвел всех дворян либо от Рюрика и заграничных коронованных

глав, либо от весьма знатных иноземцев, выехавших на службу к русским великим князьям, и, сделав такой смелый вызов истории, даже призвал в свидетели кремлевские святыни, будто бы избавленные от ига иноверцев дворянами древних фамилий.

Другой защитник выслуженного дворянства спросил, могут ли господа российские дворяне сказать о своих предках, что все они родились от дворян, и, таким образом, придвинул князя Щербатова к вопросу: а от кого родился первый дворянин? На это не отвечал никто из природного дворянства, и вопрос о первом дворянине не был решен так удачно, как проблема госпожи Простаковой о первом портном. Но и князь Щербатов был превзойден депутатом от михайловского дворянства Нарышкиным, который, исчерпывая предмет до дна, прямо заявил, что «достоинство дворянское считается у нас чем-то священным, отличающим одного человека от прочих: оно дает ему и его потомкам право владеть себе подобным». После этого оставалось говорить только о церковной канонизации дворянства.

С не меньшим трудом защищалось дворянство и от купечества, обессиливаемое собственной непоследовательностью. Князь Щербатов и другие дворянские депутаты стояли за строгую раздельность сословий, дабы каждый класс, по выражению одного дворянского наказа, «имел свои преимущества и один в другого прерогативы не вступал».

Но, не довольствуясь своей землевладельческой монополией, дворянство хотело пользоваться и фабрично-

Московский трактир. Худ. Б. Кустодиев

заводским правом. Князь Щербатов и здесь исходил из высших начал и очень своеобразно выводил это притязание из «самой сущности заводов и фабрик». Государство прочно, когда утверждается на знатных и достаточных фамилиях, как на непоколебимых столпах. Величие испанского и французского государств основано на знатных родах. Подразумевается заключение, что знатные роды должны чем-нибудь богатеть. Владение землею — право одних дворян; руды родятся в земле, следовательно, минеральные заводы должны составлять одно из дворянских прав.

Депутаты от купечества с насмешливой укоризной возражали, что фабричные и всякие торговые промыслы не к лицу благородному русскому дворянству, что его дело стараться об усовершенствовании земледелия своих крестьян. Один городской депутат указал на резкую разницу между купцом и помещиком в фабричном деле: купец, построив фабрику, целой сельской округе дает заработок, помогая ей исправно платить подати и господские оброки, а помещик-фабрикант только отягощает своих крепостных новыми бесплатными работами, да и дело ведет плохо, не зная его секрета.

Комиссия и новое уложение. Ни устройство, ни делопроизводство Комиссии не были приспособлены к заданному ей делу, а вскрывшееся настроение депутатов прямо мешало его успешному выполнению. Перед правительством явились представители самых разнородных общественных состояний, верований, понятий, степеней развития. Рядом с петербургскими генералами и сенаторами сидели выборные от казанских черемис и оренбургских тептерей; над одним и тем же и очень сложным делом

Часы производства казенной фабрики Марка Фази в Москве. Конец XVIII в.

призваны были работать и член Святейшего синода высокообразованный митрополит новгородский, и великолуцкий Димитрий Сеченов, и депутат служилых мещеряков Исетской провинции на Урале Абдулла-Мурза Тавышев, и даже представитель некрещеных казанских чувашей Анюк Ишелин. Депутаты от самоедов заявили в Комиссии, что они люди простые, не нуждаются в уложении, только бы запретили их русским соседям и начальникам притеснять их, больше им ничего не нужно. Послали даже двух диких сибирских зверков, имевших дипломы на княжество от царя Бориса Годунова: это были принцы Обдорский и Куновацкий из кочевников в устьях Оби. Трудно составить всероссийскую этнографическую выставку полнее Комиссии 1767 г.

Эти носители столь далеких друг от друга миросозерцаний только замыкали собой с противоположных концов длинную цепь умственных и нравственных разновидностей, из которых состояло русское общество. Естественна разноголосица нужд, мнений, зазвучавшая в депутатских речах, вся нескладица интересов в наказах разных сословий. Но как было

законодателю привести все голоса в гармонию, уловить господствующие мотивы, извлечь из столкнувшихся интересов примиряющую законодательную норму, сшить, по выражению Екатерины, платье впору всем народам, которых в одной Казани она насчитала до двадцати. Притом столь несогласимые депутатские наказы и речи — только один из источников, откуда приходилось черпать нормы нового уложения.

Перед русскими кодификаторами были еще два источника: с одной стороны, «Наказ», открывавший им глубокие политические идеи западных мыслителей, с другой — неразобранная куча разновременных русских законов, лишенных общей мысли, часто противоречивых. Так депутаты становились между тремя совсем несродными порядками идей и интересов. Либо эти законы не ладили со статьями «Наказа», либо нужды населения расходились с законами, а в иных случаях те и другие и третьи говорили разное. Один случай показал, какие недоразумения мог вызывать этот разлад. «Наказ», как мы видели, отнес к «среднему роду» людей или к городскому сословию, между прочим, художников и ученых не из дворян. Частная комиссия о разборе государственных жителей причислила к среднему роду духовенство. Синод возражал, утверждая, что духовенство — особое сословие и должно быть сравнено в правах с благородными. Частная комиссия объяснила, что она причислила духовенство, как народных учителей, к разряду ученых. Но тогда запротестовали ученые из Академии наук, обидевшись, что их ставят наравне с купцами в разряд людей, подлежащих подушной подати и рекрутскому набору.

Крестьянская девушка с теленком. Художник А. Венецианов. 1829 г.

Наконец, прежде, в 1648 и 1761 гг., выборных призывали, чтобы выслушать и пересмотреть уже готовый проект уложения или его частей, составленный особой правительственной комиссией. Теперь депутаты составили самую Комиссию и приняли прямое участие в составлении проекта, требовавшего многих специальных знаний и обширного предварительного изучения русского законодательства, а таких знатоков было слишком мало в Комиссии. Разделив части уложения между частными комиссиями, составленными из тех же депутатов, полное собрание в ожидании их проектов обсуждало общие вопросы и целиком читало законы и депутатские наказы.

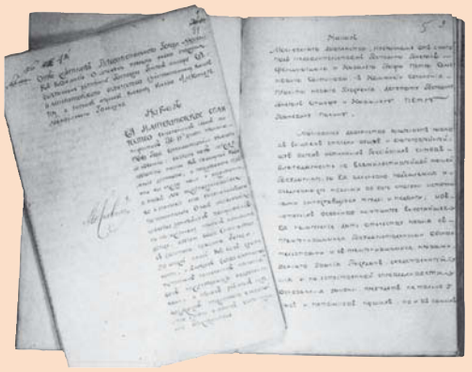
Такой порядок крайне замедлял ход дела: в полтора года была изготовлена всего одна глава уложения — о правах дворянства.

Судьба «Наказа». Про свой «Наказ» Екатерина после писала, что он ввел единство в правила и в рассуждения не в пример более прежнего и «стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах; по крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать».

«Наказ» роздали депутатам, читали в полном собрании и в частных комиссиях в начале каждого месяца; на него ссылались в прениях; генерал-прокурор вместе с маршалом должен был не допускать в постановлениях Комиссии ничего противного разуму «Наказа». Екатерина думала даже установить чтение его в годовщину его обнародования по всем судебным местам империи.

Но Сенат, конечно, с ведома императрицы дал ему специальное назначение, разослал его только по высшим центральным учреждениям, отказав в том областным присутственным местам. Да и в центральных учреждениях он был доступен только властным членам; ни рядовым канцеляристам, ни посторонним его не дозволено было не только списывать, но и читать.

«Наказ» всегда покоился на судейском столе, и только по субботам, когда не докладывались текущие дела, эти члены в тесном кругу читали его, как читают в кабинете, запершись, запретную книжку избранным гостям. «Наказ» не предназначался для публики, служил руководством для одних правящих сфер, и только по их манерам и действиям подчиненным и управляемым предоставлялось чувствовать на себе свойство тех аксиом, какие верховная власть нашла нужным преподать для блага своих подданных. «Наказ» должен был озарять сцену и зрительную залу, оставаясь сам незримым светочем. Сенат придумал такой театральный фокус для



Экземпляр «Наказа Екатерины II Уложенной комиссии». 1767 г.

предупреждения превратных толков в народе, но самая таинственность «Наказа» могла только содействовать распространению слухов о каких-то новых законах. Депутаты и правители, читавшие или слушавшие «Наказ», выносили из него несколько новых идей, цветы мысли, но их действие на управление и образ мыслей общества уловить трудно. Только сама Екатерина в последующих указах, особенно по делам о пытке, напоминала подлежащим властям о статьях «Наказа», как обязательные постановления, и, к чести ее надобно прибавить, строго настаивала, «чтоб ни под каким видом при допросах никаких телесных истязаний никому делано не было».

Несмотря на слабое практическое действие, «Наказ» остается характерным явлением царствования в духе всей внутренней политики Екатерины. Она писала Фридриху II в объяснение своего творения, что должна была приспособляться к настоящему, не закрывая, однако ж, пути к более благоприятному будущему. Своим «Наказом» Екатерина бросила в русский оборот, хотя и очень стесненный, много идей, не только новых для России, но не вполне усвоенных

Санкт-Петербург. Вид Аничкова дворца и Невского проспекта от Фонтанки к Адмиралтейству. Неизвестный художник. 2-я половина XVIII века

политической жизнью и на Западе, и не спешила воплотить их в факты, перестроить по ним русский государственный порядок, рассуждая: были бы идеи, а они рано или поздно приведут свои факты, как причины приводят свои следствия.

Судьба центрального управления по смерти Петра I. Комиссия не выработала проекта нового уложения, но депутатские наказы и прения обнаружили нужды и стремления различных классов населения. С этой точки зрения ценила Комиссию и сама Екатерина; она писала, что «Комиссия дала ей свет и сведения о том, с кем дело имеем и о ком пещись надлежит». Новые губернские учреждения, введенные Екатериной, и были первым практическим приложением этих попечений.

Надобно припомнить, какую перемену внес в устройство центрального и областного управления Петр I. Старая администрация Московского государства имела двойственный характер — была сословно-бюрократическая. При Петре этот двойственный характер не был устранен; только прежде слитые свойства его теперь разделились между различными сферами управления. Администрация центральная получила чисто бюрократический состав и характер, а в управлении местном поддержан был элемент сословный — участие двух классов общества. Мы видели, как устроено было областное управление при Петре Великом. Преемники Петра существенно изменили это управление; они находили правительственный механизм Петра слишком сложным и начали закрывать многочисленные конторы и канцелярии, которые находили лишними, и сливать ведомства, по их взглядам слишком разделенные.

Петр много хлопотал об отделении суда от администрации в областном управлении и в главных губернских городах учредил надворные суды, действовавшие независимо от губернаторов. При Екатерине I эти надворные суды были упразднены; суд и расправа поручены были административным органам центральной власти — губернаторам и воеводам. Точно так же Петр заботился о развитии городского самоуправления, создавши сначала городовые ратуши, а потом городовые магистраты, действовавшие также независимо от губернаторов, под руководством главного петербургского магистрата.

В 1727 г., в царствование Екатерины I, городовые магистраты были подчинены губернаторам, и в том же году, в царствование Петра II, главный магистрат был совсем упразднен, а городовые получили более простой состав — обращены были в прежние ратуши с одной гражданской юрисдикцией. Таким образом, в областном управлении по смерти Петра ослаблен был сословный элемент, стеснено участие классов местного общества. В таком виде областное управление оставалось до Екатерины II.

Совсем в ином направлении стала преобразовываться центральная администрация. Старый и привычный руководитель этого управления — боярство разрушилось; его место заняла новая чиновная знать, состоявшая из выслужившихся административных дельцов. Частью по привычкам и преданиям, унаследованным от старинного боярства, частью под влиянием знакомства с политическими порядками Западной Европы это чиновничество усвоило себе некоторые политические замашки аристократии и стремилось из простого правительственного орудия превратиться в правительственный класс, в самобытную политическую силу, поэтому его и можно назвать чиновной аристократией.

Под влиянием вкусов и стремлений этой аристократии и вводились перемены в центральном управлении по смерти Петра. Чтобы дать привилегированное место представителям этой знати, которая не хотела мешаться в толпе сенаторов, над Сенатом, высшим руководителем и контролером управления и суда, преемственно становится ряд новых высших учреждений с законодательным авторитетом. Таковы были Верховный совет при Екатерине I и Петре II, Кабинет министров при Анне, Конференция при Елизавете и девятичленный Совет при Петре III.

Эти стремления чиновной аристократии своеобразно проявились и в другой среде; самым бюрократическим элементом в правительственных коллегиальных учреждениях была прокуратура с генерал-прокурором при Сенате во главе; прокуратура была «оком государя», блюстительницей законов. Понятно, что она стесняла чиновную аристократию.

Вследствие этого вскоре по смерти Петра случилось нечто неожиданное: в 1730 г. вдруг не оказалось ни генерал-прокурора, ни прокурора при Сенате, ни простых прокуроров при коллегиях, и никто не знал, куда они девались, хотя еще живы были люди, занимавшие эти должности; тогда, например, еще жив был бывший генерал-прокурор Ягужинский. В манифесте 2 октября 1730 г. императрица Анна, восстановляя прокуратуру, признавалась, что «каким указом оный чин по кончине дяди нашего отставлен и кем отрешен, того нам неизвестно».

Боярин с кубком.
Художник К. Маковский

Восстановленная при Анне прокуратура была вторично отменена в регентство Анны Леопольдовны, и любопытно, что виновником этого был не кто другой, как один из видных представителей чиновной аристократии — граф Остерман, носивший звание генерал-адмирала и заведовавший иностранными делами России.

Князь Вяземский Александр Алексеевич

Таким образом, в центральном управлении начал усиливаться чиновный элемент, в то самое время как в управлении областном все более падало участие земства — элемент сословности.

Благодаря всем этим переменам в центре одному классу дан был перевес над законом, а в провинции лицам дан был перевес над классами общества. Освободившись от давления знати в центре и от надзора общества в провинции, новая чиновная аристократия внесла в управление несдержанный личный произвол, который расстраивал административный порядок, устроенный Петром.

Екатерина хорошо сознавала эти недостатки управления; в тайном наказе генерал-прокурору князю Вяземскому она писала, что «все правительственные места и самый Сенат вышли из своих оснований, частью благодаря неприлежанию к делам ее предшественников, частью от пристрастий случайных при них людей». Екатерина ясно сознавала предстоявшую ей задачу: надобно было дать правительственным местам прочные основания и указать точные законы и границы их деятельности. Эти два обещания и были торжественно высказаны в июльском манифесте 1762 г.

Взгляд на крепостного крестьянина как на полную собственность владельца. В том же «Наказе» Екатерина высказывает мысль, что земледелие не может там процветать, где «никто не имеет ничего собственного»; речь, очевидно, идет о крепостных крестьянах. Но разве закон объявил имущество крестьянина полной собственностью владельца? Такого закона не существовало; напротив, известно, что при Петре казна вступала в сделки с крепостными крестьянами, которые брали казенные подряды и сами отвечали на суде за принятые обязательства. Таким образом, сами правительственные люди во второй половине XVIII в. признавали уже известные последствия взгляда на крепостных, незаметно установившегося в первой половине века.

Екатерина II и крестьянский вопрос. Екатерине предстояло провозгласить общие начала, которые должны были лечь в основание их поземельных отношений, и согласно с этими началами указать точные границы, до которых простирается власть землевладельца над крестьянами и с которых начинается власть государства.

Закон Петра III, изданный 18 февраля 1762 г., прибавил еще одно существенное побуждение так или иначе разрешить вопрос. Крепостное право имело одной из своих опор обязатель-

ную службу дворянства; теперь, когда эта служба была снята с сословия и крепостное право в прежнем виде потеряло прежний смысл, свое главное политическое оправдание, [оно стало] средством без цели. Теперь, при такой разнице в побуждениях, любопытно видеть, как Екатерина отнеслась к тяжелому вопросу, доставшемуся ей от предшественников.

Крепостное законодательство Екатерины II. В 1771 г. для прекращения неприличной публичной торговли крестьянами издан был закон, запрещавший продажу крестьян без земли за долги помещиков с публичного торга, «с молотка». Закон оставался без действия, и Сенат не настаивал на его исполнении. В 1792 г. новый указ восстановил право безземельной продажи крестьян за помещичьи долги с публичного торга только без употребления молотка. В «Наказе» Екатерина припомнила, что еще при Петре был издан указ, по которому безумных или жестоких помещиков отдавали «под смотрение опекунов». Екатерина говорит, что этот указ исполнялся, насколько он касался безумных, но его постановление о жестоких помещиках не приводилось в исполнение, и она выражает недоумение, почему было стеснено действие указа.

Ящик для голосования в виде павильона, завершенного шаром с вензелем Екатерины II и короной; колонки — основания ящика служат урнами для голосования. 1780 г.

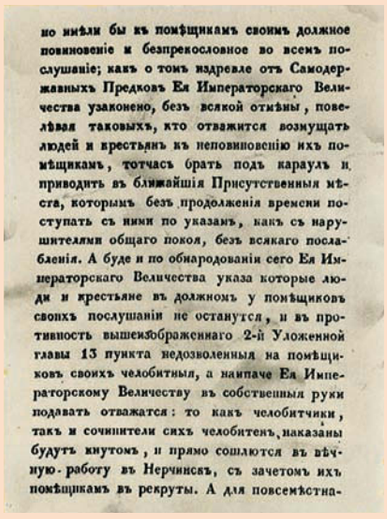
Однако она не восстановила его в прежней полной силе. Наконец, в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., перечисляя личные и имущественные права сословия, она также не выделила крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества, т. е. молчаливо признала их составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря. Так помещичья власть, лишившись прежнего политического оправдания, приобрела при Екатерине более широкие юридические границы.

Последствия крепостного права. Царствование Екатерины началось многочисленными местными восстаниями крестьян, которые скоро слились в один громадный пугачевский мятеж. Напуганное этими мятежами, дворянство долго после все жалось по городам к своей властной братии — губернаторам и исправникам. Вот одна причина землевладельческого абсентеизма дворянства; другая была чисто хозяйственной. Она указана в «Наказе» Екатерины. Здесь мы читаем, что «хозяева (т. е. помещики), не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, каким способом их крестьяне достают сии деньги». Значит, оброчное хозяйство предпочиталось как наиболее удобное, доходное: оно, во-

первых, освобождало землевладельцев от мелочных хозяйственных забот; во-вторых, давало помещику при неограниченном праве возвышать оброк возможность получать такой доход, которого он не получил бы никогда, сам хозяйничая в селе.

Таким образом, вопреки ожиданию, помещичье хозяйство в XVIII в., когда сословие стало более досужным, еще более стало оброчным, чем было прежде, землевладелец стал еще дальше от своей земли и «крепостных душ», чем стоял прежде. Благодаря этому в сельском помещичьем хозяйстве и установились своеобразные хозяйственные и юридические отношения...

Влияние крепостного права на умственную и нравственную жизнь русского общества. ...Крепостное *право* простирало свое действие гораздо далее материальных отношений русского общества, оно глубоко *подействовало на умственную и нравственную жизнь его*.



но имѣли бы къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное во всемъ послушаніе; какъ о томъ издревле отъ Самодержавныхъ Предковъ Ея Императорскаго Величества узаконено, безъ всякой отмѣны, повелѣвая таковыхъ, кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ, тотчасъ брать подъ караулъ и приводить въ ближайшія Присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступать съ ними по указамъ, какъ съ нарушителями общаго покоя, безъ всякаго послабленія. А буде и по обнародованіи сего Ея Императорскаго Величества указа которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и въ противность вышеизображеннаго 2-й Уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ, наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты. А для повсемѣстна-

Указ 1767 г. с запрещением крестьянам жаловаться на помещиков. Фрагмент

С половины XVIII в. это равновесие прав и обязанностей, на котором держался политический строй в России, нарушается: одно сословие продолжает пользоваться всеми прежними преимуществами и получает некоторые новые, в то время как с него спадали одна за другой его прежние обязанности. Это нарушение равновесия и почувствовали живо низшие классы, и почувствовали тем живее, что осязательным выражением этого нарушения было крепостное право, всего ближе их касавшееся.

С половины XVIII в. в низших слоях нашего общества заметно пробивается смутная мысль, что политический порядок в России покоится на несправедливости; это смутное чувство выразилось в своеобразной форме. Народная масса часто восставала, бунтовала и в XVII, и в XVIII столетиях, но мятежи XVIII в. вызывались совсем иными побуждениями — не такими, какими вызывались мятежи предшествующего века. В XVII в. народные восстания обыкновенно направлялись против органов администрации — воевод и приказных людей; чрезвычайно трудно уловить в этих восстаниях социальную струю, то были восстания управляемых против управителей.

Царствование Екатерины II, преимущественно его первая половина, было также обильно крестьянскими восстаниями, но они получили в то время иной характер: они окрасились социальным цветом, то были восстания не управляемых против администрации, а низших классов — против высшего, правящего, против дворянства. Таким образом, крепостное право в том фазисе развития, какого оно достигло во второй половине XVIII в., прежде всего изменило настроение низших классов, их отношение к существующему порядку.

Далее, крепостное право сообщило своеобразное направление умственной и нравственной жизни самого высшего общества. Направление это было прямым и естественным последствием того же странного положения, в какое поставлено было дворянство крепостным правом. Сословие это было самым привилегированным: оно руководило всем местным управлением, в его руках сосредоточивалось огромное количество основного капитала страны и народного труда. Но эти привилегии, поставив сословие неизмеримо высоко над остальным обществом, тем самым еще более оторвали его от остального общества, уединили его, сделали его более чуждым не только сельской крепостной среде, но и остальным свободным общественным классам.

Влияние французской литературы. Екатерина, как мы знаем, еще в молодости увлекалась французской литературой; вступив на престол, она

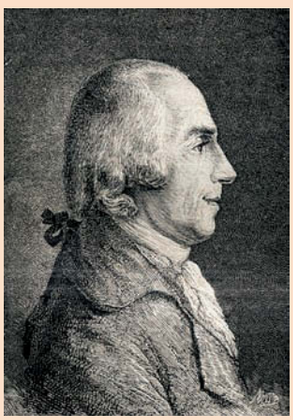
Портрет Е. И. Пугачева, написанный поверх портрета Екатерины II. Неизвестный художник. Конец XVIII в.

Рабочие привозят Пугачеву пушки. Художник М. Авилов. 1924 г.

спешила завести прямые сношения с вождями литературного движения. Увлеченная частью общим течением, Екатерина при этом руководилась и некоторыми дипломатическими соображениями; она старалась заискивать у французских литераторов, придавая большую цену парижским мнениям о себе и своих делах. До нас дошла любопытная переписка ее с Вольтером, начавшаяся в 1763 г. и продолжавшаяся до 1778 г. до смерти Вольтера.

Проводники французской литературы. Эти связи с французским литературным миром отразились и на образовательных стремлениях высшего образованного дворянства. В знатных домах французский гувернер и при Екатерине сохранил педагогическую монополию, но это был новый гувернер, непохожий на прежнего, — гувернер второго привоза. Некоторые из них, стоя на высоте своего призвания, знакомы были с последним словом тогдашней французской литературы и даже принадлежали к крайнему течению тогдашнего политического движения.

Сам двор поддерживал в дворянстве смелым примером это движение: мы видели, что Даламбер едва не сделался воспитателем наследника русского престола. Екатерина не остановилась перед первой неудачей и хотела по крайней мере внука воспитать в духе времени; с этой целью она пригласила для воспитания великого князя Александра швейцарца Лагарпа, который открыто проповедовал свои республиканские убеждения.



Жан-Франсуа Лагарп

Под влиянием новых литературных потребностей и путешествия русской дворянской молодежи за границу получили иную цель; при Петре дворянин ездил учиться за границу артиллерии и навигации; после он ездил туда усваивать великосветские манеры. Теперь, при Екатерине, он поехал туда на поклон философам. «На постоялом дворе Европы», как называл Вольтер свой дом в Фернее, от времени до времени появлялись и русские путешественники. Екатерина в одном из писем к Вольтеру говорит: многие наши офицеры, которые были приняты Вами так снисходительно в Фернее, воротились без ума от Вас и от Вашего приема. Наши молодые люди жаждут Вас видеть и разговоры слышать.

Результаты влияния просветительной литературы. Французские путешественники, приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины, свидетельствовали, что «здешняя образованная молодежь самая просвещенная и философская в Европе» и что она знает более, чем оканчивающие курс в немецких университетах.

Это влияние французской просветительной литературы было последним моментом того процесса, который со смерти Петра совершался в умственной и нравственной жизни русского общества. Какой осадок остался от этого влияния? Вопрос этот имеет некоторую цену в истории нашего общежития. Характер этого

Московский университет. Литография с акварели конца XVIII в.

осадка объясняется знанием самого влияния. Я прошу вас припомнить значение французской просветительной литературы XVIII в.

Как известно, это было первое довольно неосторожное и безрасчетливое восстание против порядка, основанного на предании, и против привычного нравственного миросозерцания, господствовавшего в Европе. Общественный порядок держался на феодализме, нравственное миросозерцание было воспитано католицизмом.

Французская просветительная литература и была восстанием, с одной стороны, против феодализма, с другой — против католицизма.

Усиление социальной розни. Напротив, средства нравственные стали слабее. Нравственные средства, которыми располагает государство, сводятся к двум порядкам отношений: во-первых, они состоят в единстве интересов, связывающих различные племенные и социальные составные части государства друг с другом; во-вторых, в способности руководящего класса руководить обществом. В свою очередь, эта способность зависит от юридической постановки руководящего класса в обществе, от степени понимания им положения общества и от степени политической подготовки руководить им. Эти нравственные средства государства в царствование Екатерины значительно пали.

Прежде всего усилилась рознь интересов племенных, составных частей государства; в пестрый состав населения этого государства польскими разделами введен был новый, чрезвычайно враждебный элемент, который не только не усилил, не поднял, но значительно затруднил наличные силы государства. Прежде на западной окраине существовал один элемент, на который русское общество должно было тратить значительные усилия; этот элемент состоял в немецком населении завоеванных Петром остзейских провинций. Теперь к этому элементу, который с трудом растворялся химически в составе русского населения,

присоединился другой, может быть, столь же неподатливый, — польское население завоеванных провинций Речи Посполитой.

Польский элемент в старинных русских областях не составил бы ни малейшего затруднения для Русского государства, он исчез бы под влиянием первого благоприятного ветра с востока, но этот элемент стал силой благодаря тому, что в состав территории Русского государства, кроме юго-западных областей, введены были и некоторые части настоящей Польши. Зато одна из важных областей Юго-Западной Руси, связанная органически с остальными, — Галиция очутилась за пределами Русского государства, усиливая разлад, внесенный в наши западные международные отношения.

Далее, усилилась рознь между социальными составными элементами коренного русского общества; это усиление было следствием тех отношений, в какие поставлены были законодательством Екатерины два основных класса русского общества — дворянство и крепостное крестьянство. Чтобы объяснить происхождение и значение этой розни, необходимо припомнить ход нашей внутренней государственной жизни со времени Петра.

Петр разрешил один ряд вопросов внутренней политики, которые все сводятся к одному — к вопросу об устройстве государственного хозяйства в связи с поднятием производительности народного труда. Вся внутренняя деятельность Петра имела характер экономический; коренные основы юридического порядка при нем остались нетронутыми.

Но законодательство Петра, устроив народную и государственную жизнь, оставило один важный политический пробел; этот пробел состоял в уничтожении установленного обычаем старого порядка престолонаследия. По закону 1722 г. назначение наследника предоставлено было личному усмотрению царствующего государя. Так как после Петра не осталось обычного наследника, то этот закон отдал престол на волю случая.

С тех пор, благодаря указанному пробелу, на несколько десятилетий в государственном управлении водворился произвол лиц, господство случая, лучше сказать, водворилась воля случайных лиц. Среди этой борьбы случайностей разрушался и государственный порядок, завершенный Петром. Как мы знаем, этот порядок состоял в принудительной разверстке государственных повинностей между всеми классами общества, в государственном прикреплении сословий.

Благодаря действию случая одно сословие получило возможность несколько раз распорядиться престолом и начало превращаться из простого правительственного орудия в правящий класс, сбрасывая с себя одну за другой прежние свои государственные обязанности, но не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Так, одно сословие достигло государственного раскрепления, получило возможность жить для себя, руководилось сословными или личными интересами.

Вслед за этим сословием раскрепилось и другое — торгово-промышленное. Оба класса составляли незначительную часть всего населения, но теперь они стали в исключительное положение. Логическим последствием раскрепления обоих сословий должно было быть облегчение государственных повинностей, лежавших и на остальных классах, т. е. более уравнительное распределение этих повинностей. Но это раскрепление остальных

классов должно было совершиться иным путем, не таким, каким раскрепилось дворянство.

Новое положение дворянина было признано законом, но оно подготовлено было не вполне законным порядком, революционными средствами. Освобождение дворянства от обязательной службы не совершилось бы так легко и скоро, если бы сословию не пришлось принять деятельное участие в создании высших правительств, т. е. в дворцовых переворотах по смерти Петра. Эти дворцовые перевороты и подготовили законодательное освобождение дворянства от обязательной службы.

Точно таким же путем думало раскрепиться и крепостное крестьянское население: вслед за дворянством и оно хотело достигнуть свободы рядом незаконных восстаний. Таков смысл многочисленных крестьянских мятежей, которые начались в царствование Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились в громадный пугачевский бунт.

Во имя общественного порядка не следовало допускать этих сословий до такого насильственного раскрепления: их положение следовало устроить законным путем, посредством правомерного определения отношений к земле. Этого правомерного определения не сделало правительство Екатерины. Таким образом, отношения двух основных классов русского общества к концу царствования Екатерины представляли еще менее гармонии, чем прежде; общественное разъединение стало еще резче. Таким образом, в царствование Екатерины усилилась рознь как в племенном, так и социальном составе государства.

Суд Пугачева. Художник В. Г. Перов

Дворянство и общество. С другой стороны, понизилась способность руководящего класса руководить обществом. Этим руководящим классом и во второй половине XVIII в. оставалось дворянство. Его нравственные и политические средства постепенно создавались обязательной службой, которая была политической и общественной школой для сословия. Припомним, как шла эта служба в продолжение XVIII в.

При Петре дворянин подвергался обязательной военно-технической выучке; эта выучка при его преемницах сменилась светской муштровкой, которая отличалась от прежней гвардейской или навигацкой выучки тем, что не нужна была для самой службы, зато требовалась для успеха на службе.

При Екатерине II не требовалась ни та, ни другая выучка — ни навигацкая наука, ни светская муштровка, потому что не требовалась и сама обязательная служба; но дворянство вынесло из двух пройденных школ, несмотря на их внутреннее различие, если не сознание необходимости получать образование, то, по крайней мере, некоторый навык к учению, некоторый инстинктивный порыв к образованию (или воспитанию), воспоминание о пройденном учении.

С этим навыком, или с этим воспоминанием, дворянство и вступило в положение, какое было создано сословию законом 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства, губернскими учреждениями 1775 г. и жалованной грамотой сословию 1785 г. Вкусы, приобретенные на службе, поневоле теперь, развиваясь свободно, стали искать себе удобнейшей пищи. В царствование Екатерины под влиянием примеров, шедших от двора, к прежней светской муштровке присоединилось требование и некоторой литературной полировки.

Дворянский салон

Обширный досуг, открывшийся сословию с освобождением от обязательной службы, доставлял ему возможность приобретать эту полировку. Наклонность к чтению при Елизавете, бесцельная и беспорядочная, при Екатерине получила более определенное направление; чтобы оживлять дремлющий, вянущий от праздности ум, щекотать дремавшую мысль, высший слой дворянства стал жадно заимствовать смелые и пикантные идеи, распространявшиеся в чужой литературе.

Таким образом, можно обозначить главные моменты, пройденные дворянством на пути образования: петровский артиллерист и навигатор через несколько времени превратился в елизаветинского петиметра, а петиметр при Екатерине II превратился, в свою очередь, в образованного, который к концу века сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем; и тот высший слой дворянства, прошедший указанные моменты развития в течение XVIII в., и должен был после Екатерины руководить обществом. Легко заметить скудность политических и нравственных средств, какими этот класс располагал для руководства своим обществом.

Надобно представить себе положение этого слоя в конце века, не указывая на лица, ибо все лица, служившие представителями этого слоя, в основных чертах были похожи друг на друга. Положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французу-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо мы знаем, ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы.

Таким образом, живые, насущные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, [как] на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение межеумка, исторической ненужности; рассматривая его в этом положении, мы готовы жалеть о нем, думая, что ему иногда становилось невыразимо грустно от этого положения. Бывали случаи проявления такой грусти или отчаяния от мысли о невозможности примириться с окружающей действительностью.

Пример такого отчаяния представляет ярославский помещик Опочинин. Он воспитался в понятиях и чувствах, которые составляли верхний слой тогдашнего умственного и нравственного движения в Европе. Разумеется, усвоенные отсюда идеалы поставили Опочинина в непримиримую вражду с окружающей действительностью; не умея примириться с ней, Опочинин, более искренний, чем другие люди того же образа мыслей, в 1793 г. покончил с собой.

В предсмертном завещании он пишет, объясняя свой поступок: «Отвра-

щение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно свою судьбу». По завещанию Опочинин пустил на волю два семейства дворовых, а барский хлеб велел раздать крестьянам; он не освободил крестьян, ибо по тогдашнему законодательству еще был вопрос, имеет ли право помещик освобождать крестьян и отпускать их на волю.

Всего любопытнее в завещании строки о библиотеке помещика. «Книги, — пишет он, — мои любезные книги! Не знаю, кому завещать их: я уверен, в здешней стране они никому не надобны; прошу покорно моих наследников предать их огню. Они были первое мое сокровище, они только и питали меня в моей жизни; если бы не было их, то моя жизнь была бы в беспрерывном огорчении, и я давно бы с презрением оставил сей свет». За несколько минут до смерти Опочинин имел еще духу начать перевод стихотворения Вольтера «О Боже, которого мы не знаем».

Но Опочинин — исключительное явление; люди его образа мыслей не разделяли его космополитической скорби, не грустили и даже не скучали; грустить они начали несколько позже, в царствовании Александра I, а скучать еще позже, в царствование Николая.

Вольтерьянец времен Екатерины был весел и только; он праздновал свой выход в отставку после вековой обязательной службы и, подобно выпущенному из корпуса кадету, не мог налюбоваться на свой дворянский мундир, с которым его освободили от службы. По-видимому, идеи, которыми он увлекался, книжки, которые он читал, должны были ставить его, как и Опочинина, в непримиримую вражду с окружающей действительностью, но вольтерьянец конца XVIII в. ни с чем не враждовал, не чувствовал в своем положении никакого противоречия. Книжки украшали его ум, сообщали ему блеск, даже потрясали его нервы; известно, что образованный русский человек никогда так охотно не плакал от хороших слов, как в прошедшем столетии. Но далее не простиралось действие усвоенных идей; они, не отражаясь на воле, служили для носителей своих патологическим развлечением, нервным моционом; смягчая ощущения, не исправляли отношений, украшая голову, не улучшали существующего порядка.

Нельзя, однако, думать, чтобы поколение этих вольтерьянцев было совсем бесплодным явлением в нашей истории; само это поколение не сделало употребления из своих идей, но оно послужило важным передаточным пунктом; не применяя к делу своего умственного запаса, поколение это сберегло до поры до времени и передало его следующему поколению, которое сделало из него более серьезное употребление. Таким образом, руководящий класс, очутившись во главе русского общества в конце XVIII в., не мог стать деятельным руководителем этого общества; наибольшая польза, какую он мог сделать этому обществу, могла состоять только в решимости не делать ему вреда.

Теперь мы кончили обзор той эпохи нашей истории, которая начинается со смерти Петра и кончается царствованием Екатерины. Нам предстоит теперь сделать самый краткий обзор явлений, следовавших за царствованием Екатерины до вступления на престол императора Александра II.

Обзор явлений с конца XVIII в. До половины XIX в. (1796—1855). Главные факты. Теперь я перехожу к обзору последнего отдела изучаемого периода нашей истории. Эта последняя эпоха

Орден Св. Великомученицы Екатерины. Высшая награда для женщин. Орден учрежден в 1714 г.

простирается от начала царствования императора Павла до конца царствования Николая (1796—1855). Она отличается некоторыми особенностями от предшествующей. В ней мы не встречаем коренных перемен: государственный и общественный порядок остается на прежних основаниях, действуют прежние отношения, но из-под этих старых основ и отношений начинают пробиваться новые стремления или по крайней мере новые потребности, которые подготовляют переход государственного порядка на новые основания. Эти новые идеи, или стремления, обнаруживаются как во внешней политике государства, так и в его внутренней жизни. Во внешней политике в продолжение первой половины истекшего века продолжается и завершается старое дело территориального и национального объединения Русской земли.

Русская государственная территория в Европе достигает своих естественных географических границ — обнимает всю Восточно-Европейскую равнину и далее в некоторых местах переходит за ее пределы; точно так же русский народ в это время достигает политического объединения, лишь за одним исключением: одна частица русской земли, одна ветка русского народа продолжает оставаться за пределами Русского государства.

Но, в то время как европейская территория государства достигает своих естественных границ, во внешней политике России ставится новая задача: географически округленная и национально объединенная Россия начинает призывать к политическому бытию различные мелкие народности Балканского полуострова, имеющие с ней сродство племенное, либо религиозное, либо религиозно-племенное. Это призвание родственных народностей к политическому существованию и есть особенность внешней политики России, обнаруживающаяся в изучаемую эпоху.

И внутри политической жизни сказываются новые стремления, которые кладут основание для новых преобразований. С Петра I [обнаруживается] двойной факт — законодательству

Звезда, и знак ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Орден учрежден в 1769 г.

предстояло: 1) уравнять сословия общими правами [и] обязанностями; 2) призвать их к совместной дружной деятельности. Попытки правительств XVIII в. установить равенство и восстановить совместную деятельность сословий были или робки, или непоследовательны. Появление сословных заседателей в некоторых губернских учреждениях Екатерины, например в приказах общественного призрения, в совестных судах и прочих, было первой попыткой в этом направлении, слабой и непоследовательной: 1) Екатерина поддержала разобщение неравенством прав, как прежде — неравенством повинностей, 2) преобладающее значение дворянства парализовало и эти робкие уравнительные начинания.

С конца XVIII в. правительство с большой энергией, но не с большой последовательностью продолжает эту двойную перестройку; во-первых, ослабляя исключительное, привилегированное положение одного сословия — дворянства, оно начинает сближать между собою разные классы общества, уравнивая их перед законом, стесняя привилегии одних, точнее, определяя и расширяя права других; во-вторых, сближая между собою сословия, правительство продолжает подготовлять их к совокупной деятельности; эта подготовка завершается уже за пределами изучаемого периода земскими учреждениями императора Александра II.

Таковы главные явления, которые я изложу в своем коротком очерке.

Согласно с изменившимся направлением государственной жизни в изучаемую эпоху является и новое орудие правительства. До тех пор главным органом управления служило дворянство; теперь, по мере того как ослаблялось привилегированное положение этого сословия, главным, непосредственным орудием правительства является чиновничество, а при Николае I и местное дворянское управление вводится в общую систему чиновной иерархии (Положение 6 декабря 1831 г.) и дворянство [превращается] в простой канцелярский запас, из которого правительство преимущественно перед другими классами призывает делопроизводителей в свои непомерно размножающиеся учреждения. Время с 1796 по 1855 г. можно назвать эпохой господства, или усиленного развития бюрократии в нашей истории.

Наперед укажу и последовательность, с какой развивались указанные явления нашей внутренней жизни в изучаемую эпоху. Можно различить несколько моментов, так сказать, при-

Звезда, лента и знак ордена Св. Анны. Орден учрежден в 1735 г.

Звезда, лента и знак ордена Св. Александра Невского. Орден учрежден в 1725 г.

ступов к разрешению указанной мною двойной задачи внутренней политики. В каждый из этих моментов сходные явления шли почти в одинаковом порядке. В известное царствование раздавались робкие или громкие голоса против существующего порядка, заявляя новые потребности, новые стремления общества; следующее царствование усвояло себе заявленные стремления и начинало робко или решительно проводить их во внутренней преобразовательной деятельности. Но каждый раз случалось так, что какое-нибудь препятствие, внешнее или внутреннее, либо война, либо особенности личного характера верховного правителя, останавливали правительство на полдороге в его преобразовательной работе. Тогда начавшееся движение проникало в глубь общества и принимало различные формы, смотря по обстоятельствам времени и по характеру той общественной среды, которая усвояла себе покинутое наверху движение.

Уже в конце царствования Екатерины раздавались одинокие голоса против существующего порядка, особенно против тех отношений, какие установились между основными классами общества — дворянством и крепостным крестьянством. Правительства Павла и Александра I прислушались к этим заявлениям и как будто собирались пойти им навстречу, хотя с неодинаковой охотой и сознательностью, но начавшаяся война остановила Александра I на его пути, на который он вступил было так решительно. Тогда начавшееся движение ушло внутрь общества, усвоено было одной его частью, и это повело к известной катастрофе 14 декабря 1825 г.

Император Николай, подавивши это движение, однако, запомнил некоторые стремления, заявленные людьми 14 декабря, и попытался по-своему поставить и решить вопросы внутренней жизни, стоявшие на очереди. Неудача этой попытки усилила с конца 40-х годов брожение в обществе, вызвала глухой ропот, а исход Крымской войны превратил его в целое общественное настроение; стремления, заявленные в это время, легли в основу преобразовательной программыследующего царствования, но это царствование уже лежит за пределами этой эпохи.

Увеличение материальных средств. Во-первых, материальные средства увеличились в громадной пропорции. В царствование Екатерины государственная территория почти достигла своих естественных границ как на юге, так и на западе.

Из приобретений, сделанных на юге, было образовано три губернии — Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, не считая возникшей тогда же земли Войска Черноморского. Из приобретений, сделанных на западе, со стороны Польши, было образовано 8 губерний, которые перечисляю в порядке с севера на юг: Витебская, Курляндская, Могилевская, Виленская, Минская, Гродненская, Волынская и Брацлавская (нынешняя Подольская). Итак, из 50 губерний, на которые была разделена Россия, целых 11 были приобретены в царствование Екатерины.

Итак, население государства в продолжение царствования почти удвоилось; сумма государственных доходов с лишком учетверилась. Значит, не только увеличилось количество плательщиков, но возвысились и государственные платежи, возвышение которых обыкновенно принимается за знак усиления производительности народного труда. Итак, материальные средства в царствование Екатерины чрезвычайно усилились.

Апофеоз Екатерины II. Гравюра XIX в.

Царствование императора Павла I. Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи.

Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями — его главной задачей. Так как исключительное положение, приобретенное одним сословием, имело свой источник в отсутствии основных законов, то император Павел начал создание этих законов.

Главный пробел, какой оставался в основном законодательстве XVIII в., заключался в отсутствии закона о престолонаследии, достаточно обеспечивающего государственный порядок. 5 апреля 1797 г. Павел издал закон о престолонаследии и учреждение об императорской фамилии — акты, определившие порядок престолонаследия и взаимное отношение членов императорской фамилии. Это первый положительный основной закон в нашем законодательстве, ибо закон Петра 1722 г. имел отрицательный характер.

Павел был первый из государей изучаемой эпохи, который попытался определить эти (крепостные. — *Ред.*) отношения точным законом. По указу 5 апреля 1797 г. определена была нормальная мера крестьянского труда в пользу землевладельца; этой мерой назначены были три дня в неделю, больше чего помещик не мог требовать работы от крестьянина. Этим воспрещалось обезземеление крестьян.

Павел был не только удален от правительственных дел, но и от собственных детей, принужден был заключиться в Гатчине, создавши здесь себе тесный мирок, в котором он и вращался до конца царствования матери. Незримый, но постоянно чувствуемый обидный

Павел I. Художник С. Щукин. 1810-е гг.

надзор, недоверие и даже пренебрежение со стороны матери, грубость со стороны временщиков, устранение от правительственных дел — все это развило в великом князе озлобленность, а нетерпеливое ожидание власти, мысль о престоле, не дававшая покоя великому князю, усиливали это озлобление.

В конце царствования Екатерины носились слухи о намерении императрицы лишить престола нелюбимого и признанного неспособным сына, заменив его старшим внуком. Эти слухи, имевшие некоторое основание, усилили тревогу, в какой жил великий князь. Французский посол Сегюр, уезжая из Петербурга в начале революции, в 1789 г., заехал в Гатчину проститься с великим князем. Павел разговорился с ним и по обыкновению начал жестко порицать образ действий матери; посланник возражал ему; Павел, прервавши его, продолжал: «Объясните мне, наконец, отчего это в других евро-

Портрет великого князя Павла Петровича в юности. Неизвестный художник. 2-я половина XVIII в.

Коронация императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. Художник Э. Ж. О. Верне. XIX в.

пейских монархиях государи спокойно вступают на престол один за другим, а у нас иначе?» Сегюр сказал, что причина этого — недостаток закона о престолонаследии, право царствующего государя назначать себе преемника по своей воле, что служит источником замыслов честолюбия, интриг и заговоров. «Это так, — отвечал великий князь, — но таков обычай страны, который переменить небезопасно». Сегюр сказал, что для перемены можно было бы воспользоваться каким-нибудь торжественным случаем, когда общество настроено к доверию, например коронацией. «Да, надобно об этом подумать!» — отвечал Павел.

Следствием этой думы, вызванной личными отношениями, и был закон о престолонаследии, изданный 5 апреля 1797 г., в день коронации.

Благодаря несчастному отношению Павла к предшествующему царствованию его преобразовательная деятельность лишена была последовательности и твердости. Начав борьбу с установившимися порядками, Павел начал преследовать лица; желая исправить неправильные отношения, он стал гнать идеи, на которых эти отношения были основаны.

В короткое время деятельность Павла вся перешла в уничтожение того, что сделано было предшественницей; даже те полезные нововведения, которые были сделаны Екатериной, уничтожены были в царствование Павла. В этой борьбе с предшествующим царствованием и с революцией постепенно забылись первоначальные преобразовательные помыслы.

Расширение территории. Явления внешней политики чрезвычайно последовательно развиваются из международного положения России, какое сложилось в продолжение XVIII столетия со времени Петра Великого. Явления эти так тесно связаны друг с другом, что я сделаю их обзор до последней турецкой войны, 1877—1878 гг., не различая царствований. В продолжение XVIII в. Россия почти завершает давнее свое стремление стать в естественные этнографические и географические границы.

Это стремление было завершено в начале XIX в. приобретением всего восточного берега Балтийского моря, по присоединении Финляндии с Аландскими островами по договору со Швецией 1809 г., продвижением западной границы, по присоединении Царства Польского, по акту Венского конгресса, и границы юго-западной, по присоединении Бессарабии по Бухарестскому договору 1812 г.

Русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории. Вот почему скоро Россия здесь должна была перешагнуть за естественные границы и углубиться в степи Азии. Этот шаг сделан был ею частью против ее собственной воли. По Белградскому договору 1739 г. владения России на юго-востоке дошли до Кубани; на Тереке издавна существовали русские казацкие поселения. Таким образом, ставши на Кубани и на Тереке, Россия очутилась перед Кавказским хребтом. В конце XVIII столетия русское правительство совсем не думало переходить этот хребет, не имея ни средств к тому, ни охоты; но за Кавказом, среди магометанского населения, прозябало несколько христианских княжеств, [которые], почуяв близость русских, начали обращаться к ним за покровительством.

Еще в 1783 г. грузинский царь Ираклий, теснимый Персией, отдался под покровительство России; Екатерина принуждена была послать за Кавказский хребет, в Тифлис, русский полк. Со смертью ее русские ушли из Грузии, куда вторгнулись персиане, все опустошая, но император Павел принужден был поддержать грузин и в 1799 г. признал царем Грузии преемника Ираклия Георгия XII. Этот Георгий, умирая, завещал Грузию русскому императору, и в 1801 г. волей-неволей пришлось принять завещание.

Грузины усиленно хлопотали о том, чтобы русский император принял их под свою власть. Русские полки, воротившись в Тифлис, очутились в чрезвычайно затруднительном положении: сообщение с Россией возможно было

Георгий XII

только чрез Кавказский хребет, населенный дикими горными племенами; от Каспийского и Черного морей русские отряды были отрезаны туземными владениями, из которых одни магометанские ханства, на востоке, состояли под покровительством Персии, другие, маленькие княжества на западе, — под протекторатом Турции. Нужно было для безопасности пробиться и на восток, и на запад. Западные княжества были все христианские, то были: Имеретия, Мингрелия и Гурия по течению Риона. Следуя примеру Грузии, и они одно за другим признали, подобно ей, верховную власть России — Имеретия (Кутаис) при Соломоне [в] 1802 г.; Мингрелия (при Дадиане) в 1804 г.; Гурия (Озургеты) в 1810 г.

Эти присоединения привели Россию в столкновение с Персией, от которой пришлось отвоевывать многочисленные зависимые от нее ханства — Шемахинское, Нухинское, Бакинское, Эриван, Нахичеванское и другие. Это столкновение вызвало две войны с Персией, кончившиеся Гюлистанским договором 1813 г. и Туркманчайским 1828 г.

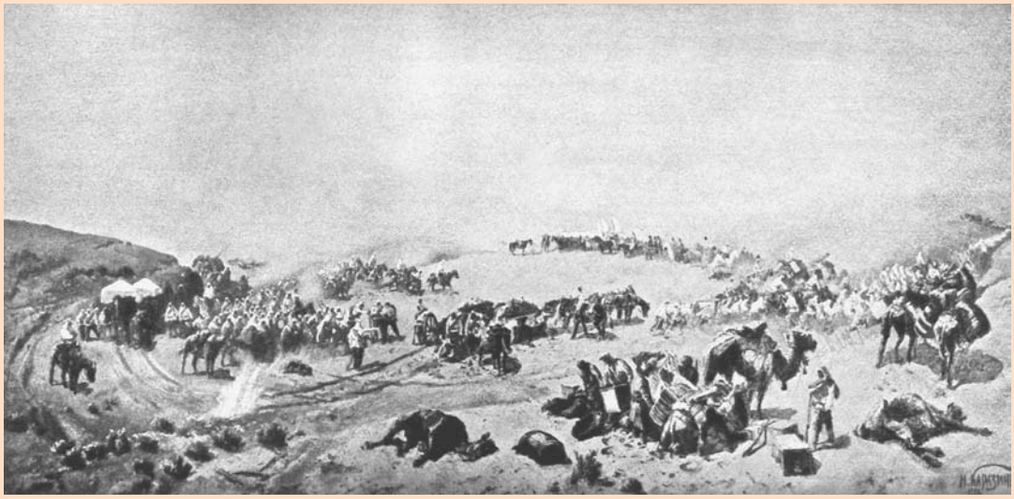
Но, как скоро русские стали на каспийском и черноморском берегах Закавказья, они должны были, естественно, обеспечить свой тыл завоеванием горских племен. С момента присвоения Грузии и начинается это продолжительное завоевание Кавказа, кончившееся на нашей памяти.

Лицевая сторона медали в память заключения Туркманчайского мирного договора. 1828 г.

Кавказский хребет по составу населения делится на две половины — западную и восточную. Западная, обращенная к Черному морю, населена черкесами; восточная, обращенная к Каспийскому морю, — чеченцами и лезгинами. С 1801 г. и начинается борьба с теми и другими. Раньше был покорен Восточный Кавказ завоеванием Дагестана в 1859 г.; в следующие годы докончено было завоевание Западного Кавказа. Концом этой борьбы можно признать 1864 г., когда покорились последние независимые черкесские аулы.

Такой сложный ряд явлений вызвало завещание Георгия XII грузинского. Ведя эту борьбу, русское правительство совершенно искренне и неоднократно признавалось, что не чувствует никакой потребности и никакой пользы от дальнейшего расширения своих юго-восточных границ. Совершенно так же расширялась территория и за Каспийским морем, в глубине Азии. Южные границы Западной Сибири издавна беспокоили кочевые киргизы, населявшие Северный Туркестан. В царствование Николая эти киргизы были усмирены, но усмирение это привело Россию в столкновение с различными ханствами Туркестана — Кокандом, Бухарой и Хивой. Поддерживаемое своими единоплеменниками, население этих ханств начало сильнее тревожить юго-восточные пределы Руси.

Рядом походов 1864–1865 гг. под командой Черняева и Веревкина были почти завоеваны сначала ханство Кокандское, потом Бухарское. Из за-



Хивинский поход в 1873 г. Переход Туркестанского отряда через пески Адам-Крыглан. Художник Н. Каразин

воеванных владений в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство на Сырдарье. Тогда разбойничью роль, от которой должны были отказаться оба ханства, приняли на себя хивинцы, отделенные от новых границ России песчаными степями. Рядом походов, начатых в 1873 г. под начальством генерал-губернатора ташкентского Кауфмана и законченных текинской экспедицией Скобелева 1880—1881 гг., завоевана была и Хива. Таким образом, юго-восточные границы России сами собою дошли либо до могущественных естественных преград, либо до преград политических.

Итоги внешней политики. Итак, на юго-западных границах внешняя политика России разрешала совсем не такую задачу, какая разрешалась ею на окраине юго-восточных. Эту задачу можно выразить такими словами — призвание к политическому бытию славянских и православных племен Балканского полуострова по мере их политического пробуждения. Это стремление вносит новое начало в международную жизнь Европы. В XIX в., как я сказал, с особенной силой пробивается национальный принцип в международной жизни Европы. Принцип этот повел европейские народности к стремлению смыкаться в крупные национальные тела, к соединению в одно целое прежде раздробленных частей одного народа. Западная Европа постепенно стягивалась, кристаллизовалась, образуя большие национальные державы. Программа внешней русской политики является противовесом этой национально-политической кристаллизации Европы: Россия постепенно вводит в семью европейских государств мелкие племена, давая им политическое существование. Трудно сказать, есть ли это стремление действительно новое международное начало или только является первым моментом того же процесса, какой совершался на Запа-

Портрет Павла I в одеянии гроссмейстера Мальтийского одна. Художник С. Тончи. 1798–1801 гг.

Портрет Александра I. Художник С. Щукин. 1804 г.

де. Едва ли эти мелкие православно-славянские государства положат начало политическому раздроблению Европы, или они сами со временем сольются в одну огромную православно-славянскую державу. Это вопрос, разрешение которого лежит за пределами нашего исторического кругозора.

Царствование императора Александра I. Александр, преемник императора Павла, вступил на престол с более широкой программой и осуществлял ее обдуманнее и последовательнее предшественника.

Я указывал на два основных стремления, которые составляли содержание внутренней политики России с начала XIX столетия: это уравнение сословий перед законом и введение их в совместную дружную государственную деятельность. Это были основные задачи эпохи, но они осложнялись другими стремлениями, которые были необходимой подготовкой к их разрешению либо неизбежно вытекали из их разрешения.

Воспитание Александра I. Александр стоял «на рубеже двух веков, резко между собой различавшихся. XVIII столетие было веком свободных идей, разрешившихся крупнейшею революцией. XIX век, по крайней мере в первой своей половине, был эпохой реакций, разрешавшихся торжеством свободных идей. Эти переливы настроений должны были создавать своеобразные типы.

Наблюдая Александра I, мы наблюдаем целую эпоху не русской только,

но и европейской истории, потому что трудно найти другое историческое лицо, на котором бы встретилось столько разнообразных культурных влияний тогдашней Европы.

Александр родился 12 декабря 1777 г. от второго брака великого князя Павла с Марией Федоровной, принцессой Вюртембергской.

Рано, слишком рано бабушка оторвала его от семьи, от матери, чтобы воспитать его в правилах тогдашней философской педагогии, т. е. по законам разума и природы, в принципах разумной и натуральной добродетели.

Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, хотя и осторожный поклонник отвлеченных идей французской просветительной философии, ходячая и очень говорливая либеральная книжка.

Учить великого князя русскому языку и истории, также нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьев, весьма образованный человек и очень недурной писатель в либерально-политическом и сантиментально-дидактическом направлении.

Наконец, общий надзор за поведением и за здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Н. И. Салтыкову, не блестящему, но типичному вельможе екатерининской школы, который твердо знал одно: как жить при дворе; делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь.

Преподавание Лагарпа было для Александра эстетическим наслаждением; но в записках одного из русских воспитателей великих князей — Протасова мы встречаем не раз горькие жалобы на «праздность, медленность и лень» Александра, на нелюбовь его к серьезным упражнениям, к тому, что воспитатель называет «прочным умствованием».

Когда великие князья начали подрастать настолько, чтобы понимать, а не чувствовать только идеи Лагарпа, они искренно привязались к идеалисту-республиканцу, с наслаждением слушали его уроки, с наслаждением и только; то были художественные сеансы, а не умственная работа.

Зная по опыту, как добродетель, даже подмороженная философией, легко тает под палящими лучами страстей, императрица Екатерина поспешила застраховать от них сердце своего внука и женила его в 1793 г., когда ему еще не было 16 лет.

Великая княгиня Мария Федоровна. Художник А. Рослин

Фредерик Сезар Лагарп

Каждую пятницу великий князь отправлялся в Гатчину, чтобы присутствовать на субботнем параде, на котором он изучал жесткие, бесцеремонные казарменные нравы вместе с казарменным непечатным лексиконом; здесь великий князь командовал одним из батальонов, а вечером возвращался в Петербург и являлся в ту залу Зимнего дворца, в которой Екатерина проводила свои вечера, окруженная избранным обществом: это был Эрмитаж. Здесь говорили только о самых важных политических делах, вели самые остроумные беседы, шутили самые изящные шутки, смотрели лучшие французские пьесы и грешные дела и чувства облекали в самые опрятные прикрытия.

Вращаясь между двумя столь различными дворами, Александр должен был жить на два ума, держать два парадных обличия, кроме третьего — будничного, домашнего, двойной прибор манер, чувств и мыслей. Как эта школа была непохожа на аудиторию Лагарпа! Принужденный говорить, что нравилось другим, он привык скрывать, что думал сам. Скрытность из необходимости превратилась в потребность. С воцарением отца эти затруднения сменились постоянными ежедневными тревогами: великий князь назначен был генерал-губернатором Петербурга и командиром гвардейского корпуса.

Ни в чем не виноватый, он рано поселил к себе недоверие со стороны отца, должен был вместе с другими дрожать перед вспыльчивым государем. Это время, хотя и короткое, положило на характер Александра оттенок грусти, который не сходил с него в самые солнечные минуты его жизни.

Из воспитания своего великий князь вынес скрытность, внушавшую недоверие к нему, наклонность казаться и не быть [самим собой], скрытое презрение к людям, круг политических идей и чувств, которые должны были наделать ему чрезвычайно много хлопот. Еще в царствование Екатерины он признавался князю Чарторыйскому, что принимает сердечное участие во французской революции, ненавидит деспотизм во всяком его проявлении, любит свободу, которая должна принадлежать всякому, что наследственность власти он признает [как] несправедливое и нелепое установление, что верховная власть должна быть вверяема не по случайности рождения, а по голосу нации, которая сумеет выбрать наиболее достойного управлять ею.

Что мог сделать великий князь с обильным запасом таких ненужных идей и чувств? Эти идеи и чувства, [а] всего более воспитание мешали развитию в нем чутья действительности, практического глазомера.

Известно, что во вторую половину царствования император очень мало

Император Павел I с великими князьями Александром Павловичем, Константином Павловичем и палатином венгерским Стефаном-Иосифом. Художник Е. И. Ботман. XIX в.

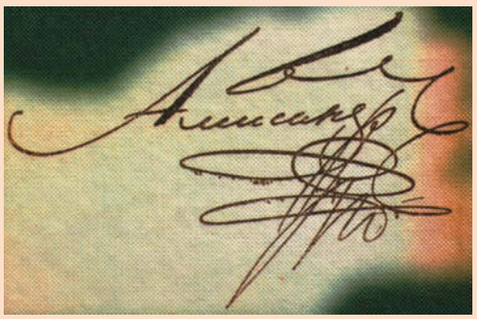
занимался внутренними делами России, все его внимание постепенно сосредоточилось на устройстве политического порядка в Польше, на поддержании устройством Священного союза политического порядка в Западной Европе.

Преобразовательные опыты первых лет. Сделаю обзор главных явлений внутренней преобразовательной деятельности императора Александра. Этот император вступил на престол 12 марта 1801 г. Его вступление на престол возбудило в русском, преимущественно дворянском, обществе самый шумный восторг; предшествующее царствование для этого общества было строгим великим постом.

Но скоро новый, 24-летний император стал предметом восторженного внимания и обожания. Самая наружность, обращение, появление на улице его, как и обстановка, производили обаятельное действие. В первый раз увидали государя гуляющим в столице пешком, без всякой свиты и без всяких украшений, даже без часов, и приветливо отвечающим на поклоны встречных.

Екатерина, как мы видели, оставила незавершенным здание центрального управления; создав сложный и стройный порядок местной администрации и суда, она не дала правильных центральных учреждений с точно распределенными ведомствами, с ясным обозначением «твердых пределов», что было обещано в июльском манифесте 1762 г. Внук продолжал работу бабки, но выведенная им вершина правительственного здания по духу и строю своему вышла непохожей на корпус, не соответствовала своему фундаменту.

Собиравшийся по личному усмотрению императрицы Екатерины Государственный совет 30 марта 1801 г. заменен был постоянным учреждением, получившим название «Непременного совета», для рассмотрения и обсуждения государственных дел и постановлений. Он был организован на скорую руку, состоял из 12 высших сановников без разделения на департаменты.



Подпись Александра I

Монограмма Александра I

Затем преобразованы были петровские коллегии, уже при Екатерине утратившие свой первоначальный характер. Манифестом 8 сентября 1802 г. они преобразованы были в восемь министерств. То были министерство иностранных дел, военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, финансов, юстиции, коммерции и народного просвещения с комитетом министров для обсуждения дел, требующих общих соображений. Это последнее является впервые в системе наших центральных учреждений.

С 1801 г. запрещена была раздача населенных имений в частную собственность. 12 декабря 1801 г., в день рождения императора, обнародован был еще более важный указ, предоставлявший лицам всех свободных состояний приобретать вне городов в собственность недвижимые имущества без крестьян; этим правом могли воспользоваться купцы, мещане, казенные крестьяне. Закон 12 декабря разрушил вековую землевладельческую монополию дворянства, которое одно дотоле пользовалось правом приобретать землю в личную собственность.

Сын екатерининского фельдмаршала граф Сергей Румянцев задумал отпустить на волю 199 душ своих крестьян с землей по добровольному соглашению с ними, но при этом он представил правительству проект общего закона о сделках помещиков с крепостными крестьянами. Правительство приняло этот проект, и 20 февраля 1803 г. издан был указ о свободных хлебопашцах: помещики могли вступать в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей целыми селениями или отдельными семьями. Эти освобожденные крестьяне, не записываясь в другие состояния, образовали особый класс «свободных хлебопашцев».

Закон 20 февраля был первым решительным выражением правительственного намерения отменить крепостное право.

Сперанский и его преобразовательный план. Сперанский принес в русскую неопрятную канцелярию XVIII в. необыкновенно выплавленный ум, способный бесконечно работать (48 часов в сутки), и отличное умение говорить и писать. По всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира. Этим подготовилась его необыкновенно быстрая служебная карьера.

Сперанский был лучшим, даровитейшим представителем старого, духовно-академического образования. По характеру этого образования он был идеолог, как тогда говорили, или теоретик, как назвали бы его в настоящее время.

Упорная работа над отвлеченностями сообщила необыкновенную энергию и гибкость мышлению Сперанского; ему легко давались самые трудные и причудливые комбинации идей. Благодаря такому мышлению, Сперанский стал воплощенной системой, но именно это усиленное развитие отвлеченного мышления составляло важный недостаток в его практической деятельности.

Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России.

Во главе этого здания стоят три учреждения: законодательное — Государственная дума, состоящая из депутатов всех сословий, исполнительное — министерства, ответственные перед Думой, и судебное — Сенат. Деятельность этих трех высших учреждений объединяется Государственным советом, состоящим из представителей аристократии, устроенной наподобие английской. Эта аристократия — блюстительница законов по всем отраслям управления и охранительница интересов народа. Вот этот изумительно смелый план, насколько он нам известен.

Виньетка лицевой стороны медали в честь коронации императора Александра I

Михаил Михайлович Сперанский

План составлялся с необычайной быстротой: он начат был в конце 1808 г. и начале октября 1809 г. уже лежал на столе императора вполне готовый. Едва ли нужно прибавлять, что этот план не мог быть осуществлен в полном объеме, ибо нисколько не был рассчитан на наличные политические средства страны. Это была политическая мечта, разом озарившая два лучших светлых ума в Рос-

Герб графа Сперанского

сии: один светлый, но презиравший действительность, другой теплый, но не понимающий ее. Впрочем, кое-что из этого плана было осуществлено, и я сейчас укажу на эти осуществленные его отрывки.

Устройство центрального управления по Сперанскому. Действительно, требовались новые дельцы, чтобы действовать в духе тех начал, какие старались провести в правительственных учреждениях, открытых с 1810 г. Эти учреждения назывались скромным именем «новых образований прежних учреждений», возникших в первые годы царствования. Однако начала и формы, внесенные в управление этими «новыми образованиями», были так новы для России, что преобразование сообщило правительственным местам характер новых учреждений.

1 января 1810 г. открыт был преобразованный Государственный совет; это учреждение в основаниях своих действует доселе по плану Сперанского, настолько своеобразному, что он заслуживает внимания даже в коротком обзоре царствования. Значение его в системе управления выражено в манифесте 1 января определением, что в нем «все части управления в их главном отношении к законодательству сообразуются и чрез него восходят к верховной власти».

Это значит, что Государственный совет обсуждает все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов, и свои соображения представляет на усмотрение верховной власти.

Такое начертание, сообщенное законодательству, тремя обозначенными в законе чертами характеризует новое учреждение: 1) Совет рассматривает новые законы по всем отраслям управления; 2) он один их рассматривает и 3) ни один закон, им рассмотренный, не передается к исполнению без утверждения верховной власти.

В Совете председательствует сам государь, назначающий и членов Совета, числом которых положено было 35. Совет состоял из общего собрания и четырех департаментов — законодательного, дел военных, дел гражданских и духовных и государственной экономии.

Государственным секретарем был назначен, разумеется, Сперанский, главный организатор учреждения, что при новости дела давало ему значение руководителя всего Совета.

Вслед за Государственным советом преобразованы были по плану Сперанского министерства, учрежденные манифестом 8 сентября 1802 г.

Предположено было преобразовать и Сенат. Проект преобразования приготовлен был к началу 1811 г. и в июне внесен в Государственный совет. Этот проект был основан на строгом разделении дел административных и судеб-

ных, которые смешивались в прежнем устройстве Сената.

Значит, из трех отраслей высшего управления — законодательной, исполнительной и судебной — были преобразованы только две первые; третьей не коснулась реформа.

К преобразованию губернского управления не было и приступлено.

1812-м начался новый перерыв во внутренней деятельности этого царствования. Внешние события надолго отвлекли внимание правительства и общества от внутренних дел. Когда бури военных лет пронеслись, правительство не возвратилось к деятельности в прежнем направлении.

Внешние события поставили Россию в борьбу с последствиями французской революции; русское правительство как-то самым ходом дел стало консерватором в международных отношениях, охранителем законности, следовательно, поборником восстановления старины. Такое направление из международных отношений невольно переносилось на внутреннюю политику. Нельзя же было в самом деле одной рукой поддерживать охранительные начала на Западе, а другой продолжать преобразовательные предприятия дома.

Мундир канцелярского чиновника Сената. 1804 г.

Таким образом, правительство во второй половине царствования стало постепенно отказываться от программы, которая так громко возвещена была в начале и к осуществлению которой были сделаны такие сильные приступы. Вследствие этого неодинакового действия одних и тех же событий на правительство и на общество они, правительство и общество, разошлись между собою, как никогда не расходились прежде.

Благодаря такому разладу в обществе стало развиваться уныние, которое, питаясь все новыми, подбавлявшимися условиями, постепенно превратилось в глубокое недовольство.

По привычкам, усвоенным еще в масонстве XVIII в., это недовольство, укоренившееся в высших, образованных кругах русского общества, повело к образованию тайных обществ, а тайные общества привели к катастрофе 14 декабря 1825 г.

Вторая половина царствования Александра I. Изменения в политике. Внешние дела 1812–1815 гг. оказали могущественное влияние на ход дел внутренних; можно даже сказать, что редко когда внешняя политика так изменяла направление внутренней жизни в России; может быть, это произошло оттого, что Россия редко переживала такие события, какие испытала в те годы.

Между тем правительство относилось уже не по-прежнему к преобразованиям; оно не расположено было проводить и прежней программы. На правительстве отразилось то настроение, с которым вышел из пережитых опасностей его глава. Император Александр очень утомился в эти годы; быстрая смена побед и поражений на-

Граф Аракчеев А. А.

рушила в нем прежнее нравственное равновесие; недаром он в 1814 г., возвращаясь из-за границы, привез домой седые волосы.

Реакция. По мере того как усиливались на Западе волнения, возникали опасения подобных явлений в России. С этого времени получает серьезное значение политика народного просвещения, полиция умов становится серьезным вопросом; она выразилась в целом ряде тревожных мер, принятых для того, чтобы дать надлежащее направление литературе и народному образованию, т. е. школам.

Новое направление еще тяжелее отозвалось на высшей школе, которая всегда платилась за грехи общества. В царствование Александра возникли три новых университета — Казанский, Харьковский и Петербургский, первоначально образованных в виде институтов для приготовления учителей в средние учебные заведения.

Средних учебных заведений в царствование Александра было много. При Екатерине еще был составлен проект средних и низших школ, оставленный неосуществленным; в начале царствования Александра этот проект был приведен в исполнение с изменениями, возник ряд гимназий и приходских школ.

Для приготовления учителей в новые учебные заведения и основан был в Петербурге главный Педагогический институт, который в 1819 г. преобразован был в университет. Впервые теперь было обращено внимание на университет, но внимание это было направлено не на то, чему учили, а на то, как мыслили и чувствовали.

Течение университетской жизни получило духовную, монашескую окраску; этой окраской отличались и некоторые лекции. На торжественных актах пелись духовные гимны, читались речи все о нравственном совершенстве, о согласовании образования с истинами веры; эти почтенные слова помыкались на каждом шагу.

Доносы сами собою входят в воспитательную программу как дополнительное средство надзора. Профанация святыни сопровождалась развитием лицемерия и легкомысленнейшего отношения к предметам, которыми вообще дорожат все.

То же направление проводилось и в других сферах государственной жизни. Знаменем этого нового направления был известный Аракчеев. С 1814 г. он становится близко к государю, облекается его полным дове-

рием и делается чем-то вроде первого министра. С 1823 г. он является единственным докладчиком при государе по всем делам, даже по ведомству Святейшего Синода; начальники отдельных частей управления являлись с докладом к Аракчееву, который уже сообщения их представлял государю. Чтобы не входить в подробности, достаточно обозначить деятельность Аракчеева словами одного современника, который сказал, что Аракчеев хотел из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям.

Следствием всего этого было тягостное настроение, которое все более овладевало обществом. Настроение это живо нам передают люди того времени без различия образа мыслей. Может быть, такое настроение не было новостью в истории нашего общества, но никогда оно не сопровождалось такими последствиями: оно повело к печальной катастрофе 14 декабря 1825 г.

Портрет А. А. Аракчеева. Художник И. Лампи-старший

Декабристы. У нас доселе господствуют не совсем ясные, не совсем согласные суждения насчет события 14 декабря; одни видят в нем политическую эпопею, другие считают его великим несчастием.

Для того чтобы установить правильный взгляд на это событие, нам надо рассмотреть ход, подготовивший общество к нему, это возвратит нас к истории общества, т. е. к истории чувств и мыслей, господствовавших в известное время.

Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того, которое доселе делало нашу историю, — из высшего образованного дворянства. Но не весь этот класс принимал в нем прямое участие; событие это было частью этого класса, в которой господствовал известный образ мыслей, известное настроение. Но эта часть была собственно известный возраст, известное поколение; катастрофа 14 декабря сделана была дворянской образованной молодежью. Это легко заметить, просматривая графу о возрасте в списке лиц, которые судились по делу 14 декабря. Всех лиц к ответственности было призвано 121; из них только 12 имели 34 года, значительное большинство остальных не имело и 30 лет.

...Поколение, которое вступило в деятельность к концу царствования Александра, я думаю, воспитывалось при ином настроении общества и воспитывалось лучше своих отцов; правда, и ему воспитание давало очень мало знакомства с действительностью; просматривая в списке привлеченных к ответственности по

Жетон Пажеского кадетского корпуса

делу 14 декабря графу о воспитании каждого, мы видим, что большинство декабристов училось в кадетских корпусах, сухопутных, морских, пажеских, а кадетские корпуса были тогда рассадниками общего либерального образования и всего менее были похожи на технические и военно-учебные заведения; некоторые воспитывались за границей, в Лейпциге, в Париже, другие — в многочисленных русских пансионах, содержимых иностранцами...

«Трутень». Сатирический журнал Н. И. Новикова. М., 1770

Воспитание декабристов. Мы знаем, какое настроение утвердилось в высшем образованном дворянстве благодаря умственным влияниям, какие проникли в наше общество с половины XVIII столетия. Сравнив последние поколения екатерининского времени с тем поколением, представители которого подверглись каре за дело 14 декабря, мы встречаем между ними сходство и различие. Родство между ними было и нравственное,и генеалогическое; образ мыслей, который усвоили себе отцы, разделяли люди 14 декабря, даже в буквальном смысле, — дети людей, принадлежавших к вольнодумцам при Екатерине. Но между ними есть одно существенное различие. Вольнодумство воспитало в вольтерьянцах холодный рационализм, сухую мысль, вместе с тем отчужденную от окружающей жизни; холодные идеи в голове остались бесплодными, не обнаруживались в стремлениях, даже в нравах вольнодумцев.

Совсем иной чертой отличалось поколение, из которого вышли люди 14 декабря. В них мы замечаем удивительное обилие чувства, перевес его над мыслью и вместе с тем обилие

Московский университетский благородный пансион. Художник Б. С. Земенков

Александр I

Портрет Александра I верхом на коне. Художник Франц Крюгер

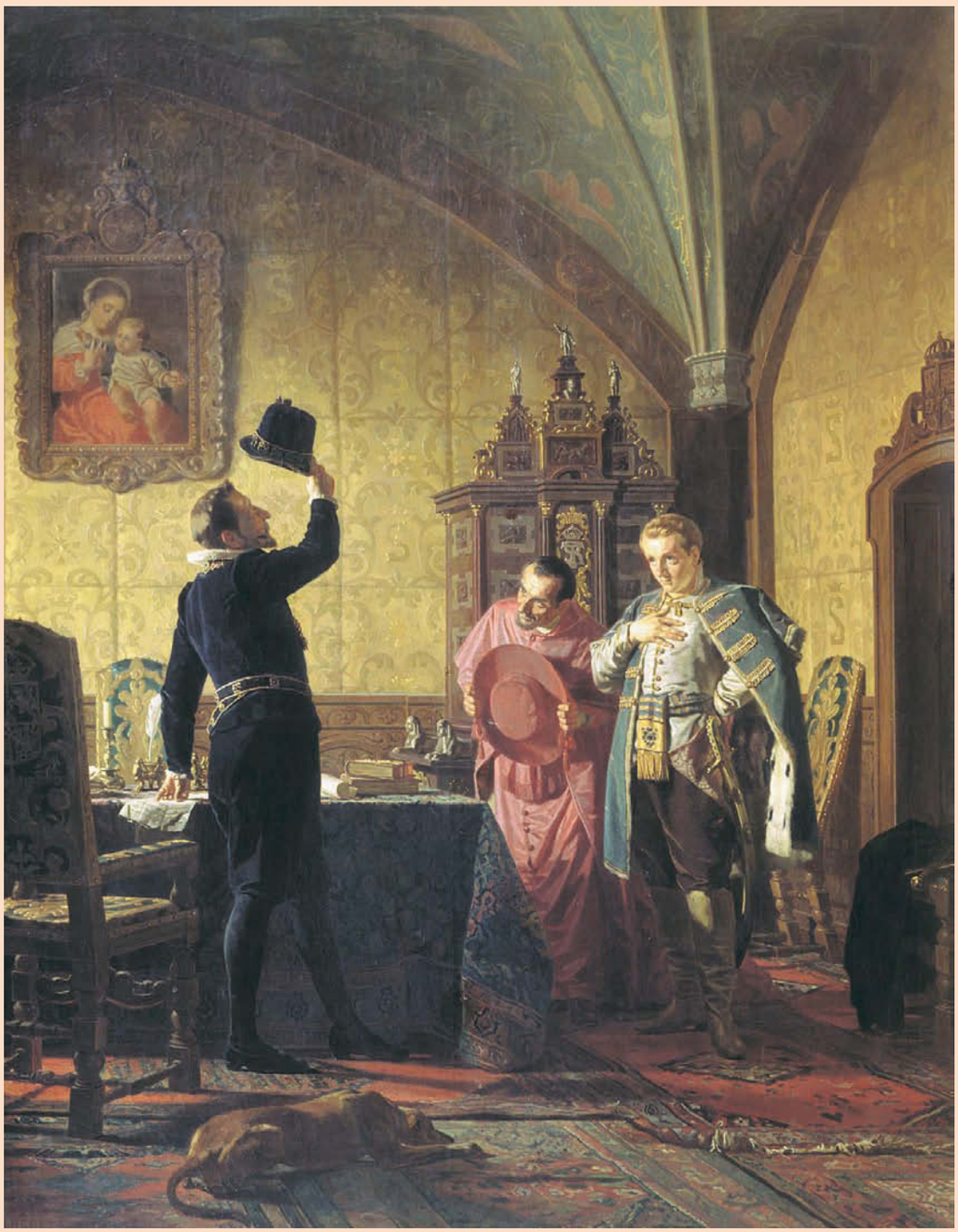
доброжелательных стремлений, даже с пожертвованием личных интересов. Отцы были вольнодумцами, дети были свободомыслящие дельцы. Откуда произошла эта разница? Вопрос этот имеет некоторый интерес в истории нашей общественной физиологии.

По высшему обществу в начале царствования Александра пробежала эта тень, которую часто забывают в истории общества того времени. Мы знаем, что в воспитании, которое получило высшее русское дворянство прошедшего столетия, сменилось два дельца; то были гувернеры двух разных привозов: первый — ни о чем не думавший гувернер, парикмахер, второй — вольнодумец.

В конце XVIII в. начинается прилив в Россию французских эмигрантов, которые должны были расстаться со своим революционным отечеством; то были все либо аббаты, либо представители французского дворянства; значительная часть дворян вышла из аббатов. В Россию они спасались от бедствий революции, приносили с ожесточением против новых политических идей чрезвычайное количество католических чувств, которое всплыло в них после философского рационализма, как известно, долго составлявшего салонную забаву французского дворянства. Эти эмигранты, приветливо принятые Россией, с ужасом увидели успех религиозного и политического рационализма в русском образованном обществе. Тогда начинается смена воспитателей русской дворянской молодежи.

На место гувернера-вольнодумца становится аббат — консерватор и ка-

Командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, учрежденный Павлом



Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма. Художник Н. В. Неврев. 1874 г.

А. Х. Бенкендорф

толик, это был гувернер третьего привоза. При Павле, как известно, Мальтийский орден, территория которого была завоевана Францией, выхлопотал себе покровительство русского императора. Ряд мальтийцев явился в Петербург с теми же католическими чувствами: это еще более усилило влияние пришельцев. В XVIII в. под влиянием либеральных идей папа Климент закрыл иезуитский орден, но они остались под разными предлогами и званиями и стали прокрадываться через Польшу в Россию. Много таких иезуитов явилось в Петербурге под именем мальтийцев. Католическое, именно иезуитское, влияние и становится теперь на смену вольтерьянства.

В числе родовитых эмигрантов, приехавших в Россию еще при Екатерине, был и граф Шуа-зель-Гуфье. Он приехал со всем своим семейством; воспитателем при его сыне состоял некто аббат Николь. Шуазель выставлял этого домашнего учителя великосветским барыням как превосходного педагога; барыни стали просить у графа позволения их сыновьям слушать Николя вместе с сыном.

Постепенно учебная комната Шуазеля-младше-го превратилась в великосветскую аудиторию, которая даже не могла вместить всех своих слушателей. Николь заставил основать учебное заведение для высшего дворянства; иезуиты пристроились к этому делу, разумеется, под чужой вывеской. Николь стал их орудием; он приобрел дом рядом с великолепным дворцом Юсупова, близ Фонтанки, и в этот пансион повалила русская дворянская молодежь.

Чтобы не пустить сюда разночинцев и мелкое дворянство, назначена была безбожная плата за воспитание — от 11 до 12 тыс. руб. в год, что равнялось нынешним 45 тыс. Список пансионеров блистал аристократическими именами; здесь видим Орловых, Меншиковых, Волконских, Бенкендорфов, Голицыных, Нарышкиных, Гагариных и т. д. Но и родители не оставались без влияния новых педагогов; католическая пропаганда растет с поразительным успехом.

Началось дело с одной печальной вдовы, княгини Голицыной, жены одного либерального и безбожного вельможи екатерининского времени, который запретил даже произносить имя Бога; овдовев в 70 лет, княгиня искала религиозного утешения; религиозным утешением к ней явился кавалер Догардт; это был очень ловкий иезуит. Утешение кончилось переходом княгини в католицизм, и вслед за нею потянулись ее сестры, и Протасова, и княгиня Вяземская и

А. Н. Голицын

Башенный кабинет Павла I. Художник Э. Гау

другие; целая толпа великосветских барынь стала прозелитками католицизма.

При Павле на это смотрели сквозь пальцы, потому что иезуиты успели при дворе утвердить мысль, что существенной разницы между католицизмом и православием не существует, а что католицизм есть исповедание, наиболее умеющее воспитывать народ в консервативных, монархических стремлениях и принципах. Случилось так, что в одной болезни императору помог некто Грубер; ему была предложена награда, от которой он отказался, объявив, что он пользуется своей медициной не для корысти, а для славы имени Бога. Этот Грубер и был направи-телем целого ряда иезуитов, ставши воспитателем и руководителем великосветской молодежи и руководителем пансиона Николя.

Храм Святой Екатерины Александрийской — католический храм в Санкт-Петербурге

Александр I дает обет о строительстве храма Христа Спасителя, 1812 г.

Значительная часть людей, которых мы видели в списке осужденных по делу 14 декабря, вышли из этого пансиона или воспитаны были такими гувернерами. Это очень любопытная черта, которой мы не ожидали бы в людях 14 декабря. Кажется, католическое иезуитское влияние, встретившись в этих молодых [людях] с вольтерьянскими преданиями отцов, смягчило в них и католическую нетерпимость и холодный философский рационализм; благодаря этому влиянию сделалось возможным слияние обоих влияний, а из этого слияния вышло теплое патриотическое чувство, т. е. нечто такое, чего не ожидали воспитатели.

Только при этом предположении становится возможным проследить нравственный рост того поколения, представители которого вышли на площадь 14 декабря.

Настроение общества. Я напомню связь, в какой мы рассматривали явления второй половины изучаемого царствования; по окончании войн общество было возбуждено более чем в начале царствования, и ждало от правительства продолжения начатой им внутренней деятельности, а правительство было утомлено и не хотело его продолжения. Так общество и правительство разошлись между собой больше, чем расходились когда-либо;

Портрет императора Александра I
в мундире генерала Королевства Польского

вследствие этого поднятое движение ушло внутрь общества и здесь получило революционное направление.

Чтобы объяснить такую перемену в общественном движении, мы начали изучать настроение общества, его характер в начале XIX столетия и отметили одну новую черту: влияние философской французской литературы XVIII столетия теперь стало сменяться в образованном русском обществе католической и иезуитской пропагандой. Эта пропаганда, соединенная с попытками иезуитов овладеть воспитанием русского великосветского общества, привела к результату, который не мог входить в цели пропагандистов, к пробуждению патриотического чувства.

Может показаться странным такой результат, столь не соответствующий источнику, из которого он выходил; но католическо-иезуитская пропаганда могла подготовить его прямо и косвенно. Прежде всего она должна была изменить, если можно так выразиться, температуру общественного настроения; она в образованных кругах прекратила и ослабила прежнюю великосветскую игру в либеральные идеи, заменив ее фальшиво или искренно настроенным религиозным чувством. Молодое поколение, подраставшее в то время, должно было выносить из детства иные впечатления сравнительно со своими отцами; на место бесцельно и бестолково вольнодумствующих отцов и матерей теперь явились отцы и матери, искавшие какого-то неопределенного, не то православного, не то католического бога. Далее, подрастая, это поколение вследствие успехов иезуитской пропаганды должно было спросить себя: долго ли русский ум будет жертвой чуждых влияний? Значит, успех иезуитской пропаганды должен был пробуждать смутную потребность попробовать, наконец, жить своим умом.

Многие молодые люди большого света получили воспитание под руководством иезуитов, сменивших прежних гувернеров, вольнодумцев. Я думаю, и эта перемена учителей могла быть полезной, так же как перемена идеалов; и иезуит, как известно, — хороший учитель во всем, что не касается религиозной пропаганды; он умеет отлично вызывать и эксплуатировать умственную силу ученика, тогда как прежний француз-гувернер только напитывал своего питомца высокими и ненужными идеями, не возбуждая работы мысли.

Я думаю, что люди, выходившие из пансиона Николя, могли быть исковерканные характеры, но более привычные

Памятная доска в Соборе Казанской иконы Божией Матери с надписью «Попеченіемъ Александра I-го кончана 1811»

к мысли сравнительно со своими отцами, питомцами Бодри или Лагарпов.

Таким образом, поколение, которое вступило в деятельность к концу царствования Александра, я думаю, воспитывалось при ином настроении общества и воспитывалось лучше своих отцов; правда, и ему воспитание давало очень мало знакомства с действительностью; просматривая в списке привлеченных к ответственности по делу 14 декабря графу о воспитании каждого, мы видим, что большинство декабристов училось в кадетских корпусах, сухопутных, морских, пажеских, а кадетские корпуса были тогда рассадниками общего либерального образования и всего менее были похожи на технические и военно-учебные заведения; некоторые воспитывались за границей, в Лейпциге, в Париже, другие — в многочисленных русских пансионах, содержимых иностранцами, и в том числе в пансионе Николя; из последнего вышли, например, декабрист князь Голицын и Давыдовы. Очень многие из 121 обвиненного учились дома, но тоже под руководством иностранцев.

Декабристы и русская действительность. Но это воспитание, так мало приближавшее воспитанников к окружающей действительности, встретилось с

Собрание тайного общества. Художник К. Гольштейн. 1936 г.

Смотр гвардейских частей на Дворцовой площади. Неизвестный художник. 1810-е гг.

сильно пробужденным национальным движением, какое продолжалось и после 1815 г. Страна недаром испытала нашествие французов: многие иллюзии, внушенные французским гувернером или французской литературой, должны были рассеяться.

...Порыв к изучению родной действительности сказывается тогда наверху и внизу общества. Притом надобно припомнить историческое впечатление, под действие которого попало молодое поколение, вступив в действительную жизнь.

Многие из этих людей помнили еще ту восторженную тревогу, какая овладела образованною молодежью при первых шагах нового царствования; потом этим людям пришлось пережить много испытаний; почти все это были военные, преимущественно гвардейцы. Они сделали поход 1812–1815 гг.; многие из них вернулись ранеными. Они прошли Европу от Москвы и почти до западной ее окраины, участвовали в шумных событиях, которые решали судьбу западноевропейских народов, чувствовали себя освободителями европейских национальностей от чужеземного ига; все это приподнимало их, возбуждало мысль; при этом заграничный поход дал им обильный материал для наблюдений.

С возбужденной мыслью, с сознанием только что испытанных сил они увидели за границей иные порядки; никогда такая масса молодого поколения не имела возможности непосредственно наблюдать иноземные политические порядки; но все, что они увидели и наблюдали, имело для них значение не само по себе, как для их отцов, а только по отношению к России. Все, что они видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отече-

Капитуляция Парижа 31 марта 1814 г.

ству, сравнивали его порядки и предания с заграничными. Таким образом, даже непосредственное знакомство с чужим миром только поддерживало интерес к родному.

Один из немногих невоенных участников движения 14 декабря — Кюхельбекер на допросе верховной следственной комиссии откровенно

Заседание следственной комиссии. Художник А. А. Ивановский. 1826 г.

признавался, что главной причиной, заставившей его принять участие в тайном обществе, была скорбь его об обнаружившейся в народе порче нравов как следствии угнетения. «Взирая, — говорит он, — на блистательные качества, которыми Бог одарил русский народ, единственный на свете по славе и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердечию, я скорбел душой, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принесши никакого плода в мире».

Это важная перемена, совершившаяся в том поколении, которое сменило екатерининских вольнодумцев; веселая космополитическая сантиментальность отцов превратилась теперь в детях в патриотическую скорбь.

Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами;

сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между отцами и детьми. Настроением того поколения, которое сделало 14 декабря, и объясняется весь ход дела.

Тайные общества. Историю тайного общества и возбужденного им мятежа можно передать в немногих словах. Масонские ложи, терпимые правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития.

В 1816 г. в Петербурге образовалось тайное общество из нескольких офицеров, преимущественно из гвардейских офицеров Генерального штаба под руководством Никиты Муравьева, сына известного нам учителя Александра, и князя Трубецкого. Общество это было названо «Союз спасения» или «истинных и верных сынов отечества»; оно поставило себе довольно неопределенную цель — «содействовать в благих начинаниях правительству в искоренении всякого зла в управлении и в обществе».

Это общество, расширяясь, выработало в 1818 г. устав, образцом которого послужил статут известного патриотического немецкого общества Тугенбунд, который подготовил национальное восстание против французов. Общество тогда приняло другое имя — «Союз благоденствия»; задача его определена была несколько точнее. Поставив себе ту же цель — «содействовать благим начинаниям правительства», оно вместе с тем решило добиваться конституционного порядка как удобнейшей для этой цели формы правления.

Оно, однако же, не считало себя революционным; в обществе долго обдумывалась мысль обратиться с просьбой о разрешении к самому государю в уверенности, что он будет сочувствовать их целям. Расширяясь в составе, общество разнообразилось во мнениях; появились в нем бешеные головы, которые предлагали безумные насильственные проекты, но над

Портрет С. П. Трубецкого

Портрет Н. М. Муравьева. Художник О. Кипренский. 1815 г.

К. Ф. Рылеев.
Художник А. Корин. 1949 г.

этими проектами или улыбались, или отступали в ужасе. Это разнообразие мнений повело в 1821 г. к распадению Союза благоденствия.

Когда распался Союз благоденствия, тогда из развалин его возникли два новых союза — Северный и Южный. Северный союз в первое время имел руководителем известного нам Никиту Муравьева, офицера Генерального штаба, и статского советника Николая Тургенева. Он был в то время известен как автор превосходной книжки теории налогов; он много занимался политико-экономическими вопросами; его задушевной мечтой было работать над освобождением крестьян.

В 1823 г. в Северное общество вступил Кондратий Рылеев, отставной артиллерист, служивший по выборам петербургского дворянства и вместе управлявший делами Североамериканской торговой компании. Он стал вождем Северного общества; здесь господствовали конституционно-монархические стремления.

Гораздо решительнее было Южное общество; оно составилось из офицеров второй армии, расположенной в Киевской и Подольской губерниях. Главная квартира этой армии находилась в Тульчине (Подольской губернии). Вождем Южного общества стал командир пехотного Вятского полка Пестель, сын бывшего сибирского генерал-губернатора, человек образованный, умный и с очень решительным характером; благодаря этому вождю в Южном обществе получили преобладание республиканские стремления.

Смерть Александра I. Довольно трудно сказать, вышли ли бы общества, Северное и Южное, на улицу под революционным знаменем, если бы не одна несчастная случайность. Император Александр был бездетен; престол после него по закону 5 апреля 1797 г. должен был перейти к следующему брату, Константину, а Константин был также несчастен в семейной жизни, развелся с первой женой и женился на польке; так как дети этого брака не могли иметь права на престол, то Константин стал равнодушен к этому праву и в 1822 г. в письме к старшему брату отказался от престола.

Старший брат принял отказ и манифестом 1823 г. назначил наследником престола следующего за Константином брата — Николая. Все это было довольно просто, потому что было необходимо.

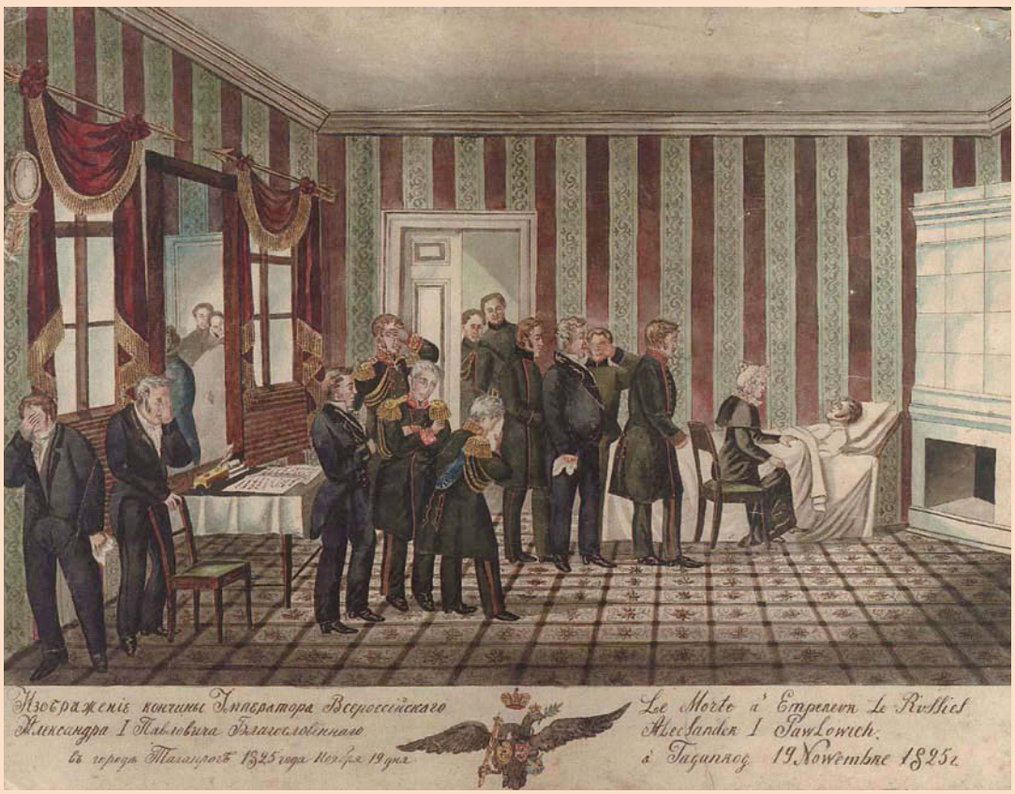
Но странно, что этот манифест не был обнародован и даже доведен до сведения самого нового наследника. В трех экземплярах этот манифест

за печатью был положен в Москве в Успенском соборе, в Петербурге — в Сенате и в Государственном совете с собственноручной надписью государя: «Вскрыть после моей смерти». Таким образом, Николай, говорят, не имел точных сведений об ожидавшей его судьбе. Кроме государя и Константина, знали об этом только императрица-вдова, императрица-мать да князь А. Н. Голицын, да еще Филарет, митрополит московский, который редактировал текст манифеста.

Ничем разумным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии; надо прибавить к тому, что действовавшее тогда общество никогда не было тайной для Александра. Рассказы о доносчиках, которые будто бы выдали секрет, ничего не значат. Александр все знал: главных членов обоих союзов, их цели, читал даже некоторые их проекты.

В 1825 г. Александр поехал на юг России провожать свою больную императрицу и 19 ноября умер в Таганроге от тифозной горячки.

Благодаря таинственности, которой облечен был вопрос о престолонаследии, смерть эта сопровождалась важным замешательством: великий князь Николай принес присягу Кон-



Смерть Александра I в Таганроге. Литография, XIX в.

стантину, а в Варшаве старший брат, Константин, принес присягу младшему, Николаю. Начались сношения, при тогдашних дорогах занявшие много времени.

Этим временем междуцарствия и воспользовалось Северное тайное общество. Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры или манифест о престолонаследии был заявлен заранее. Генерал-губернатор Милорадович старался уверить себя, что частные собрания Северного союза имели только литературную цель; он хорошо знал цель этого общества.

Выступление 14 декабря 1825 г. Николай согласился принять престол, и 14 декабря была назначена присяга войск и общества. Члены Северного общества распространяли в некоторых казармах, где популярно было имя Константина, слух, что Константин вовсе не хочет отказаться от престола, что приготовляется насильственный захват власти и даже что великий князь арестован. Этими слухами и увлечены были некоторые гвардейские солдаты; значительная часть Московского гвардейского полка 14 декабря отказалась дать присягу. С распущенными знаменами, в одних сюртуках солдаты бросились на Сенатскую площадь и построились здесь в каре; к ним при-

Портрет великого князя Константина Павловича. Художник Т. Райт

Страница рукописи А. С. Пушкин с нарисованной виселицей и силуэтами пяти казненных декабристов

Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Художник К. Кольман. 1830-е гг.

соединилась часть гвардейского гренадерского полка и весь гвардейский морской экипаж; всего собралось на Сенатской площади тысячи две.

Николая уговорили в необходимости кончить дело до наступления ночи, в противном случае другая декабрьская ночь даст мятежникам возможность действовать.

Приехавший только что из Варшавы Толь подступил к Николаю: «Государь, прикажите площадь очистить картечью или откажитесь от престола». Дали холостой залп, он не подействовал; выстрелили картечью — каре рассеялось; второй залп увеличил число трупов. Этим кончилось движение 14 декабря.

Вожди были арестованы; на юге Муравьев-Апостол увлек за собой кучку солдат, но был взят с оружием в руках. Верховная следственная комиссия расследовала дело, а чрезвычайный суд произнес приговор, который был смягчен новым государем.

По этому приговору пять участников дела были наказаны смертью через повешение, а остальные сосланы были в Сибирь. Всех привлеченных к следствию — 121 человек. Повешены были вожди обоих союзов: Пестель, Рылеев, Каховский (у которого хватило духу застрелить Милорадовича, когда тот после неудачной попытки уговорить мятежников возвращался к Николаю), Бестужев-Рюмин (один из деятельнейших распорядителей на площади 14 декабря) и С. Муравьев-Апостол, взятый на юге, в Киевской губернии, с оружием в руках. Так кончилось это движение, которое, как мы видели, стало возможным только благодаря стечению неожиданных обстоятельств.

Значение выступления 14 декабря. Выходя на улицу, они не несли за собою определенного плана государственного устройства; они просто хотели воспользоваться замешательством при дворе, для того чтобы вызвать общество к деятельности. Их план таков: в случае удачи обратиться к Государственному совету и Сенату с предложением образовать временное правительство из пяти членов; были даже намечены эти члены; между ними рядом с Пестелем, самой дельной головой в тайном обществе, должен был сесть и знакомый нам М. М. Сперанский.

Земская дума как учредительное собрание и должна была разработать новое государственное устройство. Таким образом, вожди движения поставили себе целью новый порядок, предоставив выработку этого порядка представителям земли, значит, движение было вызвано не определенным планом государственного устройства, а более накипевшими чувствами, которые побуждали как бы то ни было направить дело по другой колее. Тем не менее нет надобности приписывать

С. Г. Волконский с женой в камере в Петровской тюрьме. Рисунок Н. А. Бестужева. 1830 г.

Силуэты пяти казненных декабристов. Медальон с титульного листа альманаха А. Герцена и Н. Огарева «Полярная звезда»

этому движению особенно важные последствия. Один высокопоставленный сановник, встретив одного из арестованных декабристов, своего доброго знакомого князя Евгения Оболенского, с ужасом воскликнул: «Что вы наделали, князь. Вы отодвинули Россию по крайней мере на 50 лет назад».

Это мнение утвердилось впоследствии; событие 14 декабря считали великим несчастьем, которое определило характер следующего царствования, как известно, очень нелиберального. Это — совершенно ложное представление; характер следующего царствования определился не 14 декабря; это царствование имело бы тот же характер и без 14 декабря; оно было прямым продолжением последнего десятилетия царствования Александра. Еще ранее 14 декабря предшественник Николая уже решительно вступил на ту дорогу, по которой шел его преемник.

Неудача преобразований Александра I. Нам известны начинания Александра I; все они были безуспешны. Лучшие из них те, которые остались бесплодны-

ми, другие имели худший результат, т. е. ухудшили положение дел.

В чем заключалась причина этой безуспешности этих преобразовательных начинаний? Она заключалась в их внутренней непоследовательности, на которую я имел уже случай указать. В этой непоследовательности историческая оценка деятельности Александра.

Как сотрудники Александра, так и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка. Эта односторонность тех и других, и воспитателей, и воспитанников (ибо декабристы были воспитанниками Александра и Сперанского), особенно резко выразилась в вопросе о крепостном праве; как правительство Александра, так и декабристы были в большой уверенности, что стоит дать крестьянам личную свободу, чтобы обеспечить их благоденствие; о материальном их положении, об отношении их к земле, об обеспечении их труда они и не думали или думали очень мало.

Итак, я не приписываю движению 14 декабря ни того значения, ни тех последствий, которые ему приписывают. Но было последствие одно очень важное в истории одного сословия, именно дворянства: до тех пор дворянство было классом, правящим в русском обществе; как мы знаем, такое политическое положение его создано было главным образом участием дворянской гвардии в дворцовых переворотах XVIII в.

Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом; им кончается политическая роль русского дворянства. Оно еще останется некоторое время при делах как сословие, будет принимать деятельное участие в областных учреждениях, но оно уже перестанет быть правящим классом, а превратится в такое же орудие правительства, в такое же вспомогательное средство бюрократических учреждений, каким оно было в старые времена, в XVII столетии. В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря. Не только по закону, но и по нравственным средствам дворянство должно было потерять после того прежнее значение. После 14 декабря пошли за Урал лучшие люди сословия, после которых осталось много мест, не занятых в продолжение следующего царствования.

Декабристы на мельнице в Чите. Художник Н. П. Репин. 1830 г.

Это была потеря, которую было трудно вознаградить и при более обильном запасе нравственных сил сословия. Из него выбыло столько дельцов, которые могли восстановить и усилить политический авторитет сословия, если бы остались в рядах. В следующее царствование дворянство не могло иметь прежнего значения уже потому, что оскудело силами после катастрофы 14 декабря.

Царствование Николая I. Задачи. Начало царствования Николая I. Император Николай I родился в июне 1796 года, следовательно, за несколько месяцев до смерти своей бабушки...

Вступление Николая I на престол, как мы знаем, было чистою случайностью. Но, не имея серьезных занятий, великий князь каждое утро проводил по нескольку часов во дворцовых передних, теряясь в толпе ждавших аудиенции или доклада. При нем, как при третьем брате, не стеснялись; великий князь мог наблюдать людей в том виде, как они держались в передней, т. е. в удобнейшем для их наблюдения виде.

Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в прежнее царствование, и, кажется, понимал их жгучесть еще сильнее, чем его предшественник. Итак, консервативный и бюрократический образ действия — вот характеристика нового царствования; поддержать существующее помощью чиновников — еще так можно обозначить этот характер.

Николай I в детстве. Художник А. Рокштуль

Народное празднество на Девичьем поле во время коронации Николая I в 1826 г.

Кодификация. Для того чтобы существующий порядок действовал правильно, надо было дать учреждениям строгий кодекс. Над созданием такого кодекса работали с 1700 г., и дело не удавалось. Такой кодекс мог быть выработан при указанной программе: если решено поддерживать существующий порядок, то в свод законов должны быть взяты существующие узаконения; новый свод законов должен быть сводом законов действующих, а не кодексом, созданным отвлеченной мыслью. Эту задачу прежде всего и взялся разрешить Николай. Для этого он учредил при себе особое отделение Собственной канцелярии (II отделение) и в руководители дела призвал лицо, давно искусившееся в этой работе, знакомого нам М. М. Сперанского.

Прежде всего из разных канцелярий и архивов он стянул к себе все

Николай I. Художник А. Швабе. 1843 г.

Николай I награждает Сперанского за составление «Свода законов».
Художник А. Кившенко

указы, начиная с Уложения 1649 г. и кончая последним указом императора Александра I. Все эти указы, уставы и регламенты он расположил в хронологическом порядке и напечатал их, дав сборнику заглавие «Полное собрание законов Российской империи». Это сборник 45 громадных томов, каждый из которых не всякий осилит поднять. В этот сборник вошло 30 920 номеров. Сборник, за составление которого Сперанский принялся в 1826 г., издан был в 1830-м с приложением рисунков, табели и различных указаний. До сих пор это полное собрание материалов остается основным для истории русского законодательства. Это полное собрание законов он и положил в основание действующих законов; из различных указаний он брал годные к действию узаконения, облекал их в краткие статьи, применяясь к тексту подлинника, и со ссылками на источник эти статьи расположил в систематическом порядке, сводя их в особые уставы.

Так составился «Свод законов Российской империи», изданный в 1833 г. в 15 томах. В большей части своего состава этот памятник доселе остается действующим у нас кодексом.

Сперанский смотрел на свод законов только как на подготовительную, черновую работу для выработки

удобоприменимого кодекса. Трудно представить себе памятник, более выражающий основную мысль царствования: ничего не вводить нового и только чинить и приводить в порядок старое.

Собственная канцелярия. Легко предвидеть, в каком направлении должен был измениться правительственный порядок. Основания правительственного строя остались прежние, но, взявшись руководить громадной империей без всякого участия общества, Николай должен был усложнять механизм центрального управления. Вот почему в его царствование создалось громадное количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий, комиссий и т. д. Все это время было эпохой необозримого количества комитетов и комиссий, которые создавались для каждого нового государственного вопроса. Всего лучше выразилась мысль этих правительственных перемен в создании целого сложного управления.

Сам руководя важнейшими делами, входя в их рассмотрение, император должен был иметь собственную канцелярию; такая канцелярия и создана была четырьмя отделениями под таким названием — Собственная его величества канцелярия, существующая и доселе, только не в полном комплекте

Кабинет императора Николая I. Художник Э. П. Гау

отделений. Вот перечень этих отделений, который, может быть, понадобится, чтобы увидеть, каким кругом дел хотел непосредственно руководить носитель государственной власти.

Первое отделение подготовляло бумаги для доклада императору и следило за исполнением высочайших повелений; второе отделение образовалось из бывшей комиссии составления законов, занималось кодификацией законов и состояло под управлением Сперанского до смерти его в 1839 г.; третьему отделению поручены были дела высшей полиции под управлением начальника, который был вместе и шефом жандармов (теперь это отделение упразднено); четвертое отделение управляло благотворительными воспитательными заведениями, начало которым положено было императрицей вдовой Марией Федоровной; это — ведомство императрицы Марии. При Николае существовало даже пятое отделение Собственной е. в. канцелярии — для подготовки нового порядка управления и государственных имуществ, о чем мы скажем после.

Крестьянский вопрос. В начале царствования, под влиянием движения 14 декабря, в крестьянском населении распространились слухи о скором освобождении. Чтобы прекратить их, новый император издал манифест, в котором прямо заявил, что в поло-

Медаль «За усердную службу» с портретом Императора Александра I

жении крепостных крестьян не будет сделано никакой перемены, но при этом секретно было внушено через губернаторов помещикам, чтобы они соблюдали «законное и христианское обращение» с крестьянами. Мысль об освобождении крестьян занимала императора в первые годы царствования, и он внимательно высматривал людей, которые бы могли совершить это важное дело.

Для разработки этого вопроса в продолжение царствования составлялось несколько секретных или весьма секретных комитетов; они обсуждали тяжелое дело; просматривая положение не только крепостных, но и всех крестьян, вырабатывали проекты, большая часть которых оставалась неосуществленной.

Устройство государственных крестьян. Важнейший результат деятельности комитетов, составленных для устройства крестьянского населения, состоял в учреждении особого управления для государственных крестьян. Чтобы приготовить развязку крепостного вопроса, правительство Николая задумало облегчить ее косвенным средством, дать казенным крестьянам такое устройство, которое, подняв их благосостояние, вместе с тем служило бы и образцом для будущего устройства крепостных крестьян.

Итак, казенных крестьян решено было устроить так, чтобы они имели своих защитников и блюстителей их интересов.

Удача устройства крестьян казенных должна была подготовить успех освобождения и крепостных крестьян.

Очерк важнейших реформ Александра II. На 18 февраля 1855 г., т. е. дне смерти императора Николая, можно положить конечный рубеж целого периода нашей истории, который начался с воцарением новой династии после Смутного времени.

Портрет императора Александра II. Художник Н. Сверчков. 1876 г.

С половины или с конца XVIII столетия ходом дел поставлены были два коренных вопроса, от разрешения которых зависело правильное устройство политического и хозяйственного быта России: 1) вопрос об освобождении от обязательного крепостного труда крестьянского населения и 2) вопрос о восстановлении прерванной прежде совместной деятельности сословий в делах политических и хозяйственных.

Эти два коренных вопроса и были разрешены известным образом в царствование Александра II. Первый был разрешен освобождением крестьян с землею; второй — введением земских учреждений.

Настроение крестьян. Настроение крестьян к концу царствования Николая не оставляло для всякого трезвого взгляда никакого сомнения в близкой необходимости развязать узел крепостных отношений, если не хотели подвергать государство страшной опасности, катастрофе. Один случай ярко вскрывает это настроение.

Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя». Франц Рубо. 1904 г.

В 1853 г. началась Восточная война; в начале 1854 г. был обнародован манифест об образовании государственного ополчения, о призыве ратников

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 15

ФЕВРАЛЯ 22 ДНЯ, 1800 ГОДА, ВЪ СРЕДУ.

Продаются за излішествомъ дворовые люди: сапожникъ 22 лѣтъ женажъ его прачка, цѣна оному 500 руб., другой рѣщикъ 20 лѣтъ с женою, а жена его хорошая прачка, также и бѣлье шьетъ хорошо, и цѣна оному 400 руб., и все оные люди хорошего поведенія и трезвого состоянія. Видѣть ихъ могутъ на Остоженкѣ, подъ №309.

Продаются 3 девушки видные 14 и 15 лѣтъ и всякому рукодѣлію знающие, кошелъки с вензелями вяжутъ и одна изъ нихъ на гусляхъ играетъ. Видѣть и о цѣне узнать Арбатской части 1 кв. №117.

Продаются шесть сѣрыхъ молодыхъ лошадей легкихъ породъ, хорошо выѣзжанныхъ в хомутахъ, которымъ последняя цѣна 1200 руб. Видѣть ихъ можно на Малой Никишской в приходѣ Старого Вознесенія в домѣ князя Бориса Михайловича Черкасского.

Объявления о продаже крепостных в газете «Московские ведомости». Начало XIX в.

на помощь регулярным войскам; это обычный манифест во время тяжелых войн, и прежде такие манифесты не приводили ни к каким особенным последствиям. Но теперь время было не то; между крепостными распространился тотчас слух, что, кто из них добровольно запишется в ополчение, тот получает волю со всею землею. Крестьяне (сначала в Рязанской губернии) стали обращаться к начальству с заявлением желания записаться в ратники. Напрасно местные власти уверяли, что никакого такого закона нет; крестьяне решили, что закон есть, но помещики положили его под сукно.

Волнение, обнаружившееся в Рязанской губернии, отозвалось на соседних: Тамбовской, Воронежской, Пензенской, распространилось и далее, до Казанской губернии. Всюду крестьяне приходили в губернские города и требовали у начальства государева закона о воле для тех, кто запишется в ополчение; пришлось прибегать к вооруженной силе, чтобы усмирить это волнение.

Вступление на престол Александра II. Таково было положение дел, когда 19 февраля 1855 г. вступил на престол новый император. Он был известен за представителя дворянских привилегий, и первые акты его царствования поддерживали в дворянском обществе это убеждение. Актами этими было выражено и подчеркнуто намерение нового правительства нерушимо охранять дворянские права. Вот почему желавшие развязки тяжелого вопроса мало ждали от нового царствования. Пока правительство было отвлечено внешней борьбой, доставшейся по наследству от прежнего царствования. Наконец, 18 марта 1856 г. был заключен Парижский мир.

Торжественный въезд императора Александра II в Москву. 1856 г.

Секретный комитет по крестьянским делам. Между тем по старому обычаю составлен был секретный комитет по крестьянским делам подобно тем, которые составлялись в царствование Николая. Этот комитет открыт был 3 января 1857 г. под личным председательством императора из лиц, особо доверенных. Комитету поручено было выработать общий план устройства и улучшения положения крепостных крестьян.

Губернские комитеты. В феврале 1859 г., когда открывались первые губернские комитеты, тогда и секретный комитет по крестьянским делам получил гласное официальное существование как главный руководитель предпринятого дела. При нем, по мере того как начали поступать выработанные губернскими комитетами проекты, образованы были две редакционные комиссии, которые должны были дать окончательную выработку губернским проектам. Одна из них должна была выработать общие положения об «освобождении» крестьян, как, наконец, решили говорить о деле; другая должна была выработать местные положения для разных частей России, которые по своим условиям требовали изменения в общих положениях.

Первая комиссия общих положений составилась из чиновников, прикосновенных к делу освобождения ведомств (это были министерство внутренних дел, финансов, государственных имуществ и второе отделение Собственной е. в. канцелярии, как учреждение кодификационное); вторую редакционную комиссию составили из представителей дворянств, но не выборных, а из экспертов по назначению председателя комиссии из состава губернских комитетов или вообще из среды дворянства.

Эти две редакционные комиссии должны были, выработав общие и местные положения, внести их на рассмотрение общей комиссии, состоявшей при главном комитете, которая должна была подвергнуть положение окончательному рассмотрению. Эти работы и шли в продолжение 1859–1860 гг., постоянно развивая и выясняя

Проводы новобранца. Художник И. Е. Репин. 1878–1879 гг. Фрагмент

Я. И. Ростовцев — председатель редакционных комиссий в 1859–1860 гг.

основания нового закона. Губернские комитеты закончили свои занятия к половине 1859 г.

Основные черты положения 19 февраля 1861 г. В продолжение столетий, предшествовавших 19 февраля 1861 г., у нас не было более важного акта; пройдут века, и не будет акта, столь важного, который бы до такой степени определил собою направление самых разнообразных сфер нашей жизни. Вот эти основные черты. Общие положения начинаются объявлением крепостных крестьян лично свободными без выкупа; это практическое развитие мысли, скрытой, как мы видели, в законе об обязанных крестьянах 1842 г. Но крестьяне, получая личную свободу, вместе с тем в интересах исправного платежа государственных и других повинностей наделяются землей в постоянное пользование.

Крестьяне, освободившись от крепостной зависимости и получив от землевладельца известный земельный надел в постоянное пользование, платят землевладельцу деньгами или трудом, т. е. платят оброк или несут барщину. Пользуясь на таком условии помещичьей землей, крестьяне эти составляют класс временнообязанных. По желанию своему они выкупают у землевладельца свои усадьбы; они могут покупать и полевые угодья, но по взаимному соглашению с помещиком. Выкупая усадьбу или землю, они пользуются известной казенной ссудой; как скоро крестьяне выкупят землю, они выходят из временнообязанных. До выкупа помещик сохраняет вотчинно-помещичий надзор над крестьянами; с выкупом прекращаются все обязательные отношения крестьян к землевладельцу, и они вступают в положение крестьян-собственников. Вот общее основание, на котором совершалось освобождение крестьян.

Выходя из крепостной зависимости, крестьяне устраиваются в сельские общества, получают известное самоуправление. Таким образом, весь акт освобождения слагался из трех моментов: 1) из устройства сельского общества, 2) из наделения крестьян землею в постоянное пользование и 3) из выкупа этой земли, отведенной в постоянное пользование.

Поземельное устройство крестьян. Разумеется, главные трудности заключались в устройстве поземельного положения крестьян; разрешение этого вопроса затруднялось разнообразным положением главных условий, созданных историей. Вот основания этого

устройства. Крестьяне, выходившие из крепостной зависимости, обязательно наделялись землею в количестве, необходимом для обеспечения их быта и исправной уплаты казенных и земских повинностей.

В два первых года со времени обнародования Положения 19 февраля по всем имениям должны были определиться действительные наделы с точным указанием повинностей, какие будут нести временнообязанные крестьяне в пользу землевладельца. Количество земли, отведенной в надел, как и размер повинностей в пользу землевладельца, определялось в особенном договоре крестьян с помещиками, называющемся уставной грамотой...

Крестьянские повинности и выкуп земли. Последним моментом освобождения был выкуп крестьянской земли, отведенной в их постоянное и неотъемлемое пользование. Выкуп этот представляет сложный процесс. Выкуп земель, отведенных в постоянное пользование крестьян, совершился на основании оброка, определенного уставной грамотой.

Выкупные платежи. Ссуда, выданная правительством помещику за землю, ложилась на крестьян как казенный их долг. За этот долг они обязывались выкупным платежом, который определялся как процент со взятой из казны ссуды. Выкупной платеж — 6 % ссуды; в эти 6 %

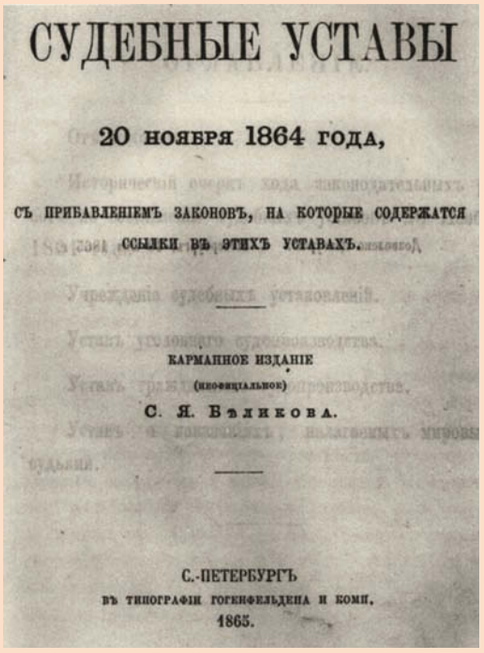
Освобожденные крестьяне подносят хлеб-соль Александру II

Освобождение крестьян. Художник К. Лебедев

входит и рост с капитала, и процент погашения. Выкупной платеж погашает падающий на крестьян казенный долг в продолжение 49 лет со времени выкупа. Выкупные платежи большей части местностей равняются или даже превышают сумму всех остальных платежей, падающих на крестьян.

Освобождение крестьян совершалось при сильном участии дворянства. Это участие основано на доверии, которое оказывало правительство или государство сословию, столь сильно заинтересованному в реформе, и дворянство в большинстве случаев с большим самопожертвованием оказывало правительству участие в деле.

Земская реформа. Если одно высшее сословие было призвано содействовать правительству в столь важном предприятии, то нельзя было отказать другим классам общества, теперь столь же свободным в ведении текущих дел управления. Если реформа 19 февраля совершалась не исключительно бюрократическими средствами, то и в дальнейшем устроении общества тем более надо было обратиться к содействию последнего; вот почему прямым и ближайшим последствием реформы 19 февраля было призвание всех теперь уравненных классов общества к участию в управлении. На этом основании построены земские учреждения 1 января 1864 г. Вот главные черты этого закона. Все классы местного общества призывались совокупно содействовать правительству в ведении местных хозяйственных дел. Эта задача возложена была на земские учреждения. Ведомства этих учреждений: хозяйство губерний либо уезда с делами, которые имели тесное соприкосновение с хозяйством, например учреждения благотворительные, учебные; гигиенические и т. п. Земские учреждения состоят из двух слоев: из уездных и губернских. Уездные земские учреждения — это уезд-


СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 ноября 1864 года,

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ЗАКОНОВЪ, НА КОТОРЫЕ СОДЕРЖАТСЯ ССЫЛКИ ВЪ ЭТИХЪ УСТАВАХЪ.

КАРМАННОЕ ИЗДАНІЕ
(неофиціальное)
С. Я. Великова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И КОМП.
1865.

Титульный лист карманного издания Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Портрет Александра II. Художник К. Е. Маковский

Земское собрание в провинции. Художник К. Трутовский. 1868 г.

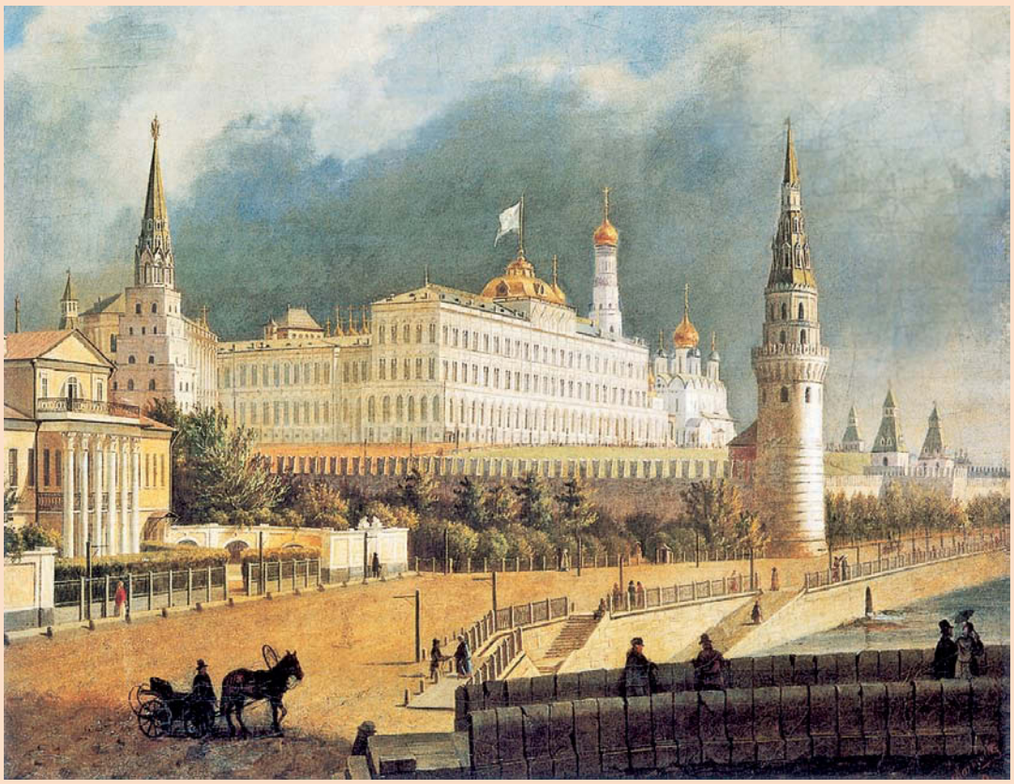
ное земское собрание и уездная земская управа.

Деятельность уездных и губернских земских собраний подчинена известному надзору, надзору местной губернской власти и через нее министру внутренних дел. Дворянству, которое прежде руководило местным управлением, предоставлено еще некоторое почетное участие в земских учреждениях, сверх того, которое оно имеет наравне с другими классами, именно: председателями земских уездных собраний обыкновенно являются уездные предводители дворянства, представителями губернских земских собраний — губернские предводители; те и другие несут свою обязанность безвозмездно. В такой форме осуществлена была мысль, которая развивалась в продолжение XVIII и первой половины XIX столетия, — мысль о восстановлении разрушенной известными государственными потребностями совместной деятельности классов русского общества.

Заключение. С половины прошедшего столетия ум образованного русского человека напитался значительным запасом политических и нравственных идей; эти идеи не были им выработаны, а были заимствованы со стороны. Эти идеи, развиваясь, составили политический и нравственный запас, которым доселе живет европейское общество; каждая западноевропейская национальность сделала свой вклад в этот запас. Он был целиком заимствован русскими умами, как заимствуется и теперь; но он нам чужд, потому что мы в него не делаем никакого вклада,

Дворцовая набережная в Санкт-Петербурге

Портрет Александра II. Художник А. Рокштуль. 1859 г.



Большой Кремлевский дворец. Архитектор К. Тон. 1838–1849 гг.

он достался нам по хронологической случайности: когда он вырабатывался, мы подвернулись со стороны со своею любознательностью.

Этот политический и нравственный запас со второй половины прошлого века и ставил русский ум в чрезвычайно затруднительное отношение к русской действительности. До реформ Александра II он не имел ничего общего с последней. Идеи политические и нравственные составляли один порядок; жизнь, отношения, которые установились в русском обществе, составляли другой порядок, и не было никакой связи между тем и другим. Как выходил из этого затруднения русский ум? Он пробовал различные пути для выхода. В прошедшем столетии этот ум решил, что идеи сами по себе, а действительность сама по себе; можно увлекаться и равенством, и свободою, и (что же делать?) надо увлекаться ими среди общества, держащегося на рабстве. Образованный русский человек прошедшего столетия решил, что таково фаталистическое отношение мысли к действительности. В начале нынешнего столетия поколение, воспитанное известным образом, поставило свои мысли в иное отношение к действительности; оно решило, что нельзя жить между двумя противоположны-

ми порядками, порядком идей и порядком отношений, что надо первый привести к согласию со вторым. Но как примирить свободу и рабство? И вот поколение плохо обдумало и еще хуже подготовило попытку во имя идей разрушить русскую действительность. Мы знаем, чем окончилась эта попытка: после нее настал довольно продолжительный промежуток, когда русский ум разошелся в решении вопроса о своем отношении к действительности. Одни решили, что так как в современном порядке нет ничего, соответствующего усвоенным идеям, то надобно осуществление этих идей отложить в далекое будущее и медленно подготовить это будущее. Такова основная точка зрения людей, которые в 40-х годах назывались западниками. Другие решили, что так как в современном порядке нет ничего, соответствующего западным идеям, то надо поискать, нет ли зародышей таких идей или им подобных в русском прошедшем; это повело к усиленному изучению прошедшего. Такова была точка зрения людей, которые в 40-х годах назывались славянофилами.

Со времени этих великих реформ русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности, в то, в каком мы стоим теперь. Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на каких держится жизнь западноевропейских обществ, следовательно, давно усвоенные идеи, составлявшие весь запас европейской культуры, теперь нашли себе родственную почву. Но как скоро явилась эта почва, то начался двойной процесс в русском уме. С одной стороны, он заметил, что не весь запас усвоенных им идей так, целиком, и может быть приложен к русской действительности, что некоторые из этих идей имеют местную окраску, что они должны не пропасть, но измениться при их приложении к русской действительности. Мы начали критически относиться и к идеям западноевропейской цивилизации.

С другой стороны, мыслящий человек заметил, что на новорасчищенной почве нельзя прямо сеять эти идеи, что можно продолжить работу, посредством которой русские нравственные обычаи и понятия были бы приспособлены к тем идеям, на которые должен стать созидаемый порядок русской жизни. Этот процесс повел к мысли о необходимости внимательного изучения русской действительности, как и ее источника, т. е. ее прошедшего. Вот момент, на котором мы стоим, лучше сказать, вот двойной вопрос, который предстоит нам разрешить. Вы должны прежде всего приняться работать своим умом вместо пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна прежде всего направиться на проверку усвоенных нами чужих идей и на внимательное изучение действительности. Поколение, которое воспитывалось под влиянием реформ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрешения той и другой задачи.

Памятник Александру II. Автор — А. Рукавишников. 2005 г.

Научно-популярное издание

Василий Осипович Ключевский

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Ведущий редактор *В. Кузнецов*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Оформление переплета *А. Щавелев*

Подписано в печать 13.11.2012.
Формат 70x100 1/8. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Усл. печ. л. 72, 24. Доп. тираж 4 000 экз.
Изд. № 12-10666. Заказ № к-1526

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, дом 21, стр. 3, помещение I, комната 5.
143421, Московская область, Красногорский район,
26-й км автодороги «Балтия», Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3.
www.olmamedia.ru

Отпечатано в Китае